Валентин Иванов

Повести древних лет

Иванов В. Д.

И20 Повести древних лет: Хроники IX века в четырех книгах одиннадцати частях.— Л.: Лениздат, 1985.— 448 с., ил.

Переиздание произведения известного советского писателя, повествующего о начальном периоде истории Древней Руси, о борьбе Новгородской земли против норманнского нашествия.

М $\frac{4702010200-107}{М 171(03)-85}$ 326—85

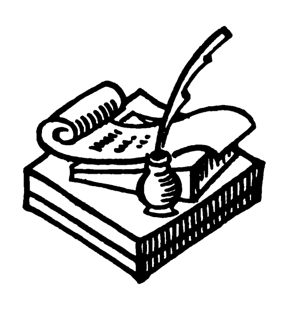
84.3(2)7

ЗА ЧЕРНЫМ ЛЕСОМ

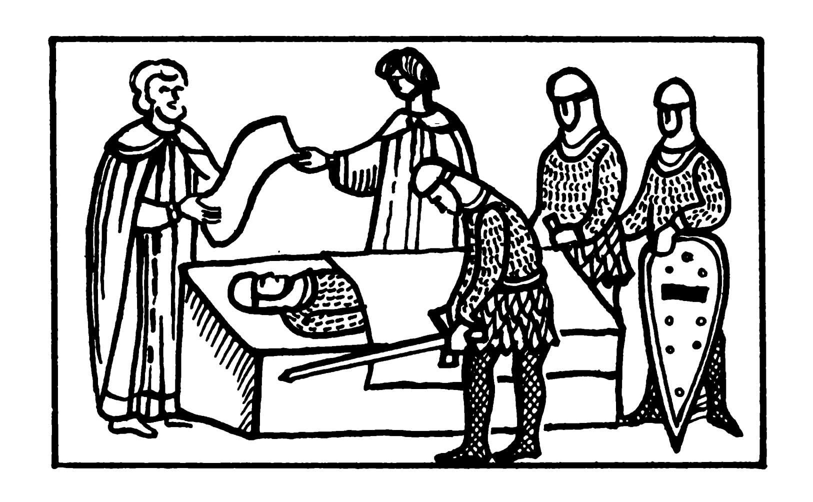
Валентин Иванов

ПОВЕСТИ ДРЕВНИХ ЛЕТ

ХРОНИКИ IX ВЕКА
В ЧЕТЫРЕХ КНИГАХ
ОДИННАДЦАТИ ЧАСТЯХ



ЛЕНИЗДАТ · 1985



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕГЛЕЦ

Глава первая

1

Весной разливы неудержимо овладевают низменностями и щедро питают новгородские болота. Оставленные рекой стоячие воды летом ощетиниваются осокой-резуном, подергиваются мелкой ряской, одеваются пушистым вейником. Кругом, на пойменной почве берегов, жирно удобренной волховским илом, щедро растут сочные травы, в которых прячутся хрящевато-ломкие стебли конского щавеля — лакомство мальчат-пастушонков. Осенью болотные воды прозрачно светлы, вяло пухнут бугры лохматых кочек, и жизнь цепенеет...

...Одинец с размаху бросился в болото. Сильный и ловкий парень легко кидал с кочки на кочку тяжелое, но послушное тело. Грузные сапоги конской кожи не мешали ему скакать легко, как длинноногому лосю.

Вдруг он почувствовал, что нога ушла в пустоту — на бегу не отличишь рыхлого, одетого мхом пня от матерой кочки! Он не успел выправиться, рухнул во весь рост и, невольно хлебнув воды, вскочил. Ему вода пришлась лишь по пояс, хотя другому хватило бы и по грудь.

Он рванулся, выскочил наконец-то на твердую землю и только тут посмотрел назад.

Трое вершников, нахлестывая коней, спешили к болоту. На краю они остановились. Переговариваются. О чем — отсюда Одинцу не слыхать. Да нечего и слушать: не полезут они через болотину — кони завязнут. Круговой же объезд куда как далек! А солнышко уж западает, и светлого времени остается чуть. Иль захотят спешиться и пойдут, как он, через воду? Пусть покидают коней, он и от конных почти что ушел. Ночь ложится, лес — рядом, иди-ка, лови!

Утягиваясь за землю, солнце посылало светлые стрелы прямо в глаза Одинцу. Он закрылся ладонью и рассматривал вершников. Двое были свои, городские ротники, посланные, как видно, старшинами для поимки парня. Третий — чужак, в котором Одинец узнал молодого нурманна.

Да, не зря говорят старые люди, что с утра не хвались преклонить голову вечером на то же место. Нынче Одинец встретил на улице трех нурманнских гостей-купцов. Пожилой нурманн столкнул Одинца с дороги. Улица широка, иди, куда тебе надо, а позабавиться хочешь — давай. Еще кто кого покрепче пнет! Нурманн больно рванул Одинца за бороду. Тут схватились уж не для удали, не в шутку. Нурманн вцепился Одинцу в горло как клещами, и оба повалились на мостовую. Одинец вырвался и со всей силой разгоревшейся злости хватил обидчика кулаком по лбу. Затылок нурманна пришелся на мостовой клади, и его голова, как глиняный горшок, треснула между жесткой древесиной и тяжелым, как молот, кулаком могучего парня.

Душой Одинец вины не чувствовал, но знал, что дело его худое и не зря за ним погнались ротники. По Новгородской Правде-закону за жизнь заморского гостя полагается платить большое бремя серебра.

Неимущего головника-убийцу ждет горчайшая из всех бед. Кому нечем оправдать виру, того, как скотину, навечно продают под ярмо. Рабом будешь жить, рабом отдашь последний вздох. Этот-то страх и гнал Одинца, как кровожадно-неотвязная гончая гонит робкого зайца. И была у него только одна мысль — уйти. А что под этой мыслью было неуклонное решенье не даться живым, того он не знал.

2

Не отрываясь, Одинец глядел на молодого нурманна, который один спрыгнул с коня. На нурманне был натянут кафтан черного сукна с бронзовыми застежками на груди, широкие кожаные штаны и узкие короткие сапоги. Не вытяжные, как на Одинце, а зашнурованные спереди. У нурманна росла такая же короткая молодая борода, как у Одинца, только еще светлее, совсем как льняная кудель. На его голове сидела низкая и круглая валяная шапка, черная, как кафтан, с красной каймой. Такие шапки нурманны выменивали в Городе и для себя и на вывоз. Их так и называли — нурманнки. На них удобно надевать шлем.

Одинец узнал нурманна: то был один из тех трех, которые ему так несчастливо перешли дорогу в Новгороде. К его седлу длинным ремнем был привязан громадный, с хорошего барана, лохматый пес. Эту породу нурманны с другими товарами привозили в Город на мену, а сами брали, как говорят люди, у фризонов, которые живут на закате за варягами. Такой пес пригоден и на медведя и на тура, а волков душит, как щенят. И чутье у него тонкое.

«Без пса они бы меня не нашли,— думал Одинец.— А ныне что? Травить, что ли, хотят?»

Если молодой нурманн был родович убитого, то он по Правде мог взять, как местьник, жизнь Одинца. Нурманн разрезал ножом затянувшийся узел ремня на шее пса, ухватил его за высокий загривок и принялся свободной рукой наглаживать против шерсти. Потом он показал на Одинца и заревел, как леший:

— Ы-а! У-гу!

Пес рванулся. Не разбирая, он взбивал брызги и на глубоких местах скрывался за вейником. Злобный и страшный, он несся прямо на Одинца.

С тоской оглянулся затравленный парень. Ни камня, ни дубины! Но он тут же опомнился и сунул руку за голенище полного водой сапога. Не отрывая глаз от пса, он нащупал резную костяную рукоятку и выпрямился, зажав нож в кулаке. В обухе клинок был толщиной в полпальца, а к лезвию гладко спущен. Одинец сам его отковывал и калил.

А пес уж вот он! Мокрый, со вставшей по хребту жесткой кабаньей щетиной, он выскочил из болота и как немой бросился на человека. Из ощеренной пасти

сочилась пена и торчали длинные свиные клыки. За болотом молодой нурманн опять завыл и засвистал.

Одинец не слышал. Он выгнул спину и широко расставил напряженные ноги. Если пес сшибет, тут и конец! Парень прыгнул в сторону, извернулся, как в кулачном бою, левой рукой на лету подхватил пса снизу за челюсть, а правой ударил ножом со всей силой. Так один на один берут волка.

Одинцу показалось, что он ощутил короткое сопротивление ножу, но железо ушло легко, как в воду, до самого кулака. Вцепившись в челюсть, Одинец бросил пса и одновременно вырвал нож. Пес рухнул, будто побитый громом. Парень придавил ногой тушу в бурой медвежьей шерсти и торжествующе поднял руку. Разгоряченный схваткой и своей победой, он успел все позабыть. Он наклонился, вытер клинок о шерсть пса и сунул нож за сапог, на место.

Ошибка! Не следовало бы спускать глаз с того берега болота. Он услышал знакомый звук спущенной тетивы. Но поздно: в левое бедро впилась стрела. Одинец рванул за толстое древко, и стрела оказалась в руке. Дерево было окрашено красным, а оперенье — черным. Нурманны любят черное с красным... Наука! Не зевай! От берега до берега далеко, тут только глупый не сумеет уклониться от стрелы.

3

Нурманн опять гнул лук. Одинец ловил, когда правая рука стрелка дернется назад, а нурманн, желая обмануть, медлил. Новгородские мальчишки и подростки любили играть в такую игру малыми луками и тупыми стрелами. А парни не брезгали позабавиться и из боевых луков.

Одинец скакнул влево и сам обманул нурманна, вызвав стрелу в пустое место. Но и нурманн был не так прост. Он держал запасную стрелу в зубах, и она скользнула над плечом парня.

Хоть нурманн и был, как видно, настоящий лучник, Одинец ничуть не боялся его. Через болото было побольше двух сотен шагов. Если бы, сговорившись между собой, метали двое — тогда несдобровать. Но лук был у одного нурманна. Своих послали взять Одинца, а не бить. А нурманн может бить, он местьник за своего родича.

После шестого раза нурманн пожалел зря бросать стрелы и залез на коня. А один из ротников заехал, сколько мог, в болото и закричал, наставив ладони перед ртом:

— Остаешься без огня! Без угла!

Это — изгнание. По Новгородской Правде тот, кто не подчинялся ей, ставился вне закона и никто не смел давать ему пристанища.

«Лучше мне пропасть в лесах, как собаке, чем продадут в рабы»,— подумал Одинец.

Солнце уже запало за Землю. На краю, за оврагами, из Города поднимались дымки. Всадники повернули коней. По болоту зарождался туман.

Ветер уснул. Одинец слышал, как в Городе стучали в била. Скоро запахну́т ворота в городском тыне. Об этом-то воротные сторожа и предупреждали гулкими ударами колотушек по звонким дубовым доскам, которые висели на толстых плетеных ремнях.

Из Детинца им отвечали редкие, густые звуки. Там били по выделанной бычьей коже, натянутой на громадную бадью. Нет больше Одинцу ходу в Город...

Сердце парня сжалось горькой тоской. Пока его гнали, он не думал. Теперь же остался один, как выгнанная, худая собака...

Он все держал в руке стрелу и только сейчас заметил, что на ней нет наконечника. Железо, слабо прикрепленное к дереву, осталось в теле.

Одинец собрал воткнутые в землю нурманнские стрелы и повернулся спиной к Городу.

За болотом кустились черная ольха и тальники, спутанные малиновой лозой. Дальше расставился можжевельник, и в нем, в сумерках, мерещились то бык, то медведь, то человек. Сгоряча Одинец забыл о ране.

Парень глянул на небо и нашел Матку. Она хоть и малая, но главная среди звезд. Другие кругом нее всю ночь ходят, а она, как пастух, стоит на месте до света. Когда Солнышко, выспавшись, с другого края на небо полезет, Матка все звезды угонит на покой. Чтобы уйти от Города подальше, нужно Матку-звезду держать на левой руке.

Бедро начало мозжить. Парень нащупал рану. Наконечник засел глубоко, и его не удавалось захватить ногтями. Чтоб выковырять железо, придется дождаться света.

За можжевельником пошел редкий кряжистый дубняк со ступенями крепких грибов на стволах. Совсем

стемнело. Потянул ветерок, тревожно зашуршали уже подсушенные первыми заморозками жесткие дубовые листья. Железо в бедре мешало беглецу крепко наступать на левую ногу.

Одинец прошел дубы и уходил все глубже и глубже в сосновый бор, пока не выбрался на поляну. В середине чернели две высокие, матерые сосны, росшие от одного корня. Одинец нащупал глубокую дуплистую щель между стволами и выгреб набившиеся шишки.

Здесь будешь сзади укрыт от нечаянной беды. Хорошо бы развести огонь. В подвешенной к ременному поясу кафтана суме́-зепи нашлось огниво — тяжелый брусок каленого железа, но сам огненный камень — кремень — запропастился. В темноте нового не найдешь. Одинец уселся и вжался спиной в щель. Вверху ночными голосами разговаривали сосны.

4

Изгнанник проснулся с первым светом. Ночной заморозок подернул поляну зябким инеем-куржаком. Ноги в мокрых сапогах так окоченели, что Одинец не чувствовал пальцев. Он шевельнулся, и боль в бедре напомнила о нурманнской стреле. С трудом встал на колени и одеревеневшими пальцами расстегнул пряжку пояса, стягивавшего кожаный кафтан. Шитые из льняной пестряди штаны поддерживались узким ремешком. В том месте, куда ударила стрела, пестрядь одубела от крови и прилипла к телу.

Сама ранка была маленькая, но за ночь мясо вспухло и затвердело. Опухоль вздула бедро, а самую дырку совсем затянуло. Железо спряталось глубоко, а знать о себе давало, стучалось в кость. Если что в теле застряло, нужно сразу тащить или уж ждать, когда само мясо его не начнет выталкивать...

Со вчерашнего полудня Одинец ничего не ел. Лето оставило на поляне много грибов. Сморщенные, заморенные холодом, они еще стояли, на вид как живые. Около широких бурых лепешек дедушек-боровиков семьями теснились младшие в коричневых шапках на толстеньких пеньках. Сухие сыроежки дразнились брусничным цветом. Сама же брусника выбрала малый холмик и щетинилась на мху под редкой высокой гоноболью. Приготовлено лесное угощенье, да не по Одинцу оно.

Небо высокое и лысое, без облачка. Туманом дышит

проснувшийся лес — быть и сегодня погожему, теплому дню. Куда ж теперь деваться? Лес добрый: накормит, напоит, спать положит. Только без припаса, без нужной снасти не возьмешь лесное богатство. Нож есть, и то добро.

Одинец снял сапоги, размотал длинные мокрые полотнища портянок, стащил кафтан и рубаху. От холода на парне вся кожа пошла пупырышками, как у щипаного гуся. Накрыл кафтаном голое тело.

Рубаха была длинная, по колено, и шитая из целого куска толстой льняной ткани одним передним швом, с оставленнои наверху дырой для головы. Было нетрудно зацепить крепкую льняную нить и вытянуть во всю длину. Одинец натаскал из подола пучок ниток.

Тем временем портянки подсохли. Одинец нарвал травы, заложил в сапоги свежей подстилки, обулся и оделся. Эх, не будь раны! В бедре сильно возилось нурманнское железо, дергалось, стукало. Зла на нурманна у парня не было совсем: брать кровь за кровь можно по Правде.

Он, сирота, жил с раннего детства в учениках-работниках у знатного в Городе мастера Изяслава и учился всему железному делу: и как железо из руды варить, и как ножи ковать, копейные, рогатинные и стрелочные насадки-наконечники, гвозди гнуть, делать топоры, долотья, шилья, иглы, тесла, заступы, сошники и всю прочую воинскую, домашнюю и ловецкую снасть. Во всем железном деле Одинец уже хорошо мастерил. Не давалось одно, последнее и хитрое умельство: не мог он собрать по ровным кольцам, одно к одному, малыми молотами железную боевую рубаху — кольчугу.

Терпенья ли не хватало, или мешала ярая охотницкая страсть лазать по лесам и болотам?.. Не бегал от работы Одинец. Изяслав же говорил, что парню вредит медвежья сила, от которой в руке Одинца лучше играл большой молот, чем малый, да еще — дурь в голове. Изяслав учил ремеслу сурово, не давая потачки, не скупясь и на обидное слово, которое хуже самого крепкого тычка.

Дурь дурью, зато калить железо парень умел до настоящего дела. Изяслав своего умельства не держал в тайне, а у Одинца хватало ума, чтоб все и понять и запомнить.

По-разному калили поковки. В воде стоячей и в пробежной, в топленом свином жиру, в льняном масле — в

черном вареном и в свежем зеленом, в говяжьих и в свиных тушах... Главная сила закалки крылась в наговорных словах. Пока железо понуждаешь горновым пламенем — одни слова говори, на волю вынешь — другие. В воде или в чем другом томишь — молви третьи. Для всéго есть свои слова. И их нужно не просто сыпать, а со знанием. Чуть поторопишь речь или чуть промедлишь, и выйдет железо не такое могучее, не так оно будет рубить и резать. Наука!

Изяслав строг, у него всякая вина виновата. И укорял он ученика, и за волосы трепал, и по спине чем придется попадало. Учил: «Старайся, дурень, сдай кольчугу на пробу, выйдешь полным мастером».

Одинец без обиды терпел трепки и колотушки. И правду, плохо ли быть мастером и выпросить у Изяслава в жены дочку За́ренку. Отдаст... А не отдаст — убежим...

Решил Одинец сделать кольчугу за зиму, до первой воды. А теперь вот остался ни при чем. Из Города его выгнала нежданная беда. Не видать ему теперь ни Изяслава, ни его дочки.

5

Размышляя, Одинец сучил в ладонях нитки и свивал одну с другой. Навил несколько прядок, отскоблил от ствола сосны кусочек смолы, размягчил ее теплом руки и скатал со смолой заготовленные прядки. Получилась веревочка, плотная и крепкая, как оленья жилка. На концах Одинец сделал по петле.

Цепляясь за сосну, он поднялся. Трудно ходить. Ступишь, и боль бьет в колено и ступню, поднимается до пояса. Кое-как добрел до холмика, лег грудью, набрал вялых брусничных ягод и набил себе рот. Мшистый холмик оказался вблизи диким камнем, выросшим из земли. Таких камней повсюду много в Новгородской земле. За камнем открылась глубокая яма, налитая свежей водой.

Одинца ломала горячка, он пил жадно и много. За камнем толпился густой орешник. Одинец вырезал несколько толстых стволиков, нарвал охапку тонких веток и потащился обратно к двойной сосне, как домой. Там он уселся на обжитом месте, ошкурил самый толстый стволик, остругал и к концам стесал заболонь. Он работал через силу, а все же лук скоро поспел. Дерево сырое и слабое, ни вдаль, ни крупного зверя не годится

стрелять, вблизи лишь... Одинец натыкал кругом себя орешниковых веток и затаился за ними. Не то спал; не то грезил наяву.

Солнышко лезло и лезло на небо, уже встало над головой. Томно Одинцу. По телу бегут мураши, ползут от пяток и собираются на спине, хоть по времени уже уснули на зиму лесные муравейники. Ребра мерзнут, а голова горит. Во рту сухо, рану зло дергает. В ней, как живое, тукает и тукает новгородское железо с нурманнской стрелы.

А все же он сидел смирно и терпеливо держал на коленях готовый лук с наложенной на тетиву тяжелой стрелой.

Вниз, за полдень, повалилось Солнышко. Не раз слышались Одинцу живые звуки, хрусты веточек под чьим-то осторожным шагом, шорохи, будто дальний зов. В чащах пырхали рябчики, перепархивали добрые птицы дятлы, пестря черно-белым пером. Веверица-белочка взбежала по сосне, завозилась в сучьях и сронила-бросила в человека старую шишку. Глупая синица-щебетуха слетела на воткнутую человеком ветку, закачалась и завертела носатой головкой — не понимает, кто это сидит под соснами...

Пришлось Одинцу увидеть и крутой рыжий бок лесной коровы, безрогой лосихи, которая беззвучно прошла, как проплыла, краем поляны. Так и толкнуло в сердце! Эх, будь настоящий лук! А из этого лишь напрасно попятнаешь, на смех.

Грубо и громко захлопали крылья черного лесного петуха, глухого борового тетерева, который где-то сорвался с дерева. Сюда иль нет? С утра Одинец заприметил на поляне глухариный помет.

Здоровенная птица свалилась на брусничный холмик, огляделась и принялась жировать. Одинец выждал, пока глухарь показал хвост, и выпустил тяжелую полутороаршинную стрелу.

Глава вторая

1

В Детинце били по воловьей коже, созывая людство на вече.

Затянутая желтой выделанной кожей широченная бадья из дубовых клепок, стянутых железными обручами,

стояла на верху высокой башни Детинца. Двое бирючей раз за разом взмахивали деревянными молотами на длинных рукоятках.

Погода стояла ясная и тихая. В такое время голос вечевого кожаного била слышится не только что на выходе реки Волхова из Мойска — озера Ильменя, но и на самом озере-море.

Дочерна осмоленные лодьи и мелкие лодочки-плоскодоночки причаливали к берегам, подходили к пристаням. Между рекой и городским тыном много мостков-причалов и пристаней на сваях. С помостов устроены съезды и дороги к воротам, чтобы было удобно везти в Город все, что прибывает Волховом.

А прибывает немало. И хлеб, и руда, и лен, и кожи, и скот, и рыба, и лес. Иноземные гости-купцы привозят многие товары и много купленных увозят. Волхов-река — большая дорога. А Новгород — этой дороги сердце.

На берегу на свободных местах торчат шесты с развешанными для просушки ловецкими сетями. Земля припорошена рыбьей чешуей, как инеем, и крепко припахивает тухлым. Ловцы бросают мелочь где придется. Над рекой взад-вперед тянутся чайки.

И по съездам с пристаней, и берегом, меж сетями, пробирались люди. Минуя низкие баньки, что стоят у реки, новгородцы через городские ворота втягивались в улицы.

Хозяева выходили из домов, низко кланяясь дверям, чтобы не разбить лба о притолоку. Гремели калитными кованого железа кольцами и из своих дворов, мощенных сосновыми пластинами, плахами и тесаными бревнами, выбирались на общие улицы. На улицах чисто и твердо — улицы, как и дворы, мощены деревянными кладями. По ним всегда удобно и ходить и ездить.

Кожаное вечевое било для разных дел зовет по-разному. По нынешнему голосу понимали: зовут народ для свершения судного веча — одрины.

На улицах люди останавливались и перекликались с соседями. На вече собираются по своему ряду и стоят не зряшной толпой, а по улицам. Между собой улиц нельзя путать, а самим улицам следует расставляться по городским концам. Каждой улице стоять за своим уличанским старшиной под общим старшиной каждого городского конца.

Каждый, услыхав зов, тянулся на вече в чем был. Одежду люди носят по достатку и по работе. На вече

же у всех хозяев равное место. Так навечно положено по коренной Правде-закону, на том стоит Город, как на скале. У кого есть свой двор — дом в Городе или в пригородах или своя обжа — изба в Новгородских землях, кто принял Новгородскую Правду, тот и свой.

Так пошло еще со старого города Сла́венска. Один за всех обязан стоять всей своей силой и достоянием, и за него все так же стоят. Нет и не будет различия между людьми, будь они рода славяно-русского, кривичи, дреговичи, радимичи, или меряне, или чудины, или весяне, или печерины, югрины и другие.

Нет голоса закупу, который продался за долг, пока он не отработается. Нет голоса тому, кто нарушил Правду, и купленным рабам, которых нурманнские гости-купцы привозят на торг. А вольные люди все равны.

Боярин Ставр, старшина Сла́венского конца, чинно шел, будто плыл со своего двора. С ним приказчики и наемные работники — захребетники и подсуседники. Боярин был одет в дорогой, привезенный от Греков кафтан. По красному сукну золотыми нитями расшиты невиданные птицы и цветы, а на спине олень с одним рогом, витым как береста. На голове боярина высокая шапка из красного же сукна с тульей из лучшего черного соболя. В руке он держал резной полированный дубец — палку. Был обут в сапоги из зеленого сафьяна.

Боярин Ставр красив и строг лицом, борода и усы короткие, подстриженные, а щеки бритые. Его догнал железокузнец Изяслав, староста Щитной улицы Сла́венского конца.

На груди Изяслава лежит лопатой густая черная борода. Он в усменном, кожаном кафтане, без шапки. Длинные, по плечи, волосы, чтобы не мешали в работе, стянуты узким ремешком-кольцом. Изяслав, как видно, оторвался прямо от работы. Время теплое, а на кузнеце надеты валяные из овечьей шерсти сапоги, чтобы не попалить ноги при огненной работе.

За Изяславом шло народу куда больше, чем за Ставром. Чуть ли не весь его двор. Пятеро сыновей, трое младших Изяславовых братьев, племянников больше десятка, ученики, подмастерья, работники. Народ почти все крупный и дюжий если не ростом, то плечами и грудью. С мужчинами шли и женщины. Средь них младшая Изяславовна — дочь кузнеца За́ренка. Обликом она в отца: черные косы, огневые глаза. Нынче де-

вушка провожает свою пятнадцатую осень, а минет зима, и Заренка будет встречать шестнадцатую весну.

2

Внутренняя городская крепость Детинец сидела на высоком месте. Детинцевский тын высился аршин в двенадцать — в четыре человеческих роста. Снаружи был ров с переброшенными через него мостиками к воротам.

Тын строился из отборных, ровных сосновых и еловых лесин, которые зарывались в землю почти на треть всей своей длины. Бревна так плотно пригонялись, что между ними не было прозора. А был бы прозор — все равно ничего не увидишь. За первым рядом, отступя шага на два, забивался второй, за ним — третий и четвертый. Междурядья были доверху заполнены землей. Поверху легла широкая сторожевая дорога, прикрытая зубцами и щитами, чтобы снизу было нельзя сбить ротников ни стрелой, ни камнем. Такой тын трудно сломать, а зажечь почти невозможно, разве только греческим огнем.

Изнутри Детинца поднимается особый острог—башня. С башни видны улицы Города, который опоясан таким же тыном, и вся округа видна — дальний ход Волхова на север к Нево-озеру, на полудень — Ильмень-озеро, а на восход солнца, за Волховом,— новые концы, которые свободно расползлись, без тына, не как старые.

Город живет крепко. На своем языке нурманнские гости-купцы называют Новгород Хольмгардом, что значит Высокий, попросту сказать — неприступный город.

Под Детинцем оставлена свободная от застройки широкая площадь — торговище. Здесь все новгородцы встречаются друг с другом и с иноземными купцами для купли, продажи, обмена. В торговище улицы вливаются, как весной ручьи талых вод в Ильмень. Оно мощено, как улицы, деревянными кладями. В любое время года не только что проедешь,— пройдешь, ног не запачкая.

Иноземные купцы держали в Новгороде собственные гостиные дворы. Там гости и жили, там и хранили свои купленные товары. Бóльшая часть иноземных дворов выходила на торговище. Строены они сходно. За забором из заостренных лесин в одно или в два бревна поставлены теплые избы для жилья и клети для склада товаров, все под тесовыми или щепяными крышами. Таковы дво-

ры Греческий, Готьский, Свейский, Варяжский, Нурманнский, Бóлгарский и другие.

Если глядеть сверху, с башни Детинца, строения кажутся приземистыми. Вблизи же — не то. Тесно во дворах становится от богатства, а рядом места нет, чтобы расшириться. В два и в три яруса ставят и дома и клети, живут в верхних ярусах — нижние для товаров назначены.

Впрочем же, и во многих городских дворах так начали строиться. Зажимает городской тын, а людство все множится и множится. Многие городские хозяева ставят дома в два яруса, хоть оно и непривычно. От тесноты новые концы перебросились через Волхов, а на этом берегу остались старые — Слáвенский с Плотническим.

...Собрался народ, и смолкло било. По известным заранее местам люди расставились по торговищу за своими уличанскими старшинами. Кончанские старшины вышли на середину. Из них старший Слáвенского конца старшина Ставр-боярин.

Ставр поднял дубец, и говор утих. Старшина объявил людству, что сильно жалуются нурманнские гости, а в чем, то скажут сами. Нурманны готовы. Они отвалили ворота своего двора и полились на торговище.

Их было десятка три, в длинных, почти до пят, плащах черного и зеленого сукна с горностаевыми оторочками. Иные в железных шлемах. Видно, что плащи оттопыриваются мечами. Нурманнские мечи не слишком длинные, но толстые и крепкие. Таким мечом умелая рука может и кольчугу пробить. Нурманны любят ходить с оружием. Но ныне не в бой они шли, щитов и копий не взяли.

Они подошли рядами к Ставру и подняли руки в знак приветствия. А из ворот за ними двое рабов вытащили длинные носилки под холстиной. Поднесли их к Ставру и откинули полотно с покойника, чтобы все могли увидеть — не праздно жáлуются нурманны.

Убитый был мужчина большого роста, а лежа казался еще бóльшим. Длинная борода и длинные волосы отливали огненно-рыжим цветом и были склеены запекшейся кровью.

Старший нурманн заговорил громко и по-русски. Он рассказал, что убитый звался Гóльдульфом Могучим, имел много земель и рабов, владел двумя большими морскими лодьями-драккарами, был ярлом — князем, и все его почитали. Не простой был человек Гóльдульф,

не безродный простолюдин, безвестный, как рожденный под забором щенок. Был он знаменитого рода Юнглингов. Те Юнглинги ведут начало своей крови от бога Во́тана, владыки небесного царства Асгарда. Кровь потомков Вотана превыше крови всех других людей, которые есть и которые будут!..

Новгородцы слушали терпеливо. Нурманны любят и умеют красно поговорить. Слыхали новгородцы и про Вотана и про Юнглингов. Всяк кулик свое болото хвалит. Однако у вотанских детей голова не крепче, чем у других. Пусть толкует нурманн, он в своем праве. Плохое дело — вот он, покойник-то. Правильно жалуется нурманн, не уйти от Правды, да и нечего от нее уходить.

Потихоньку вышли к вечу и свеи, которые рядом с нурманнами живут и почти ничем от них не отличаются. Из свейских товаров хорошо железо. Варяги — это ближайшие соседи, их земли по морю лежат на закат от новгородских. Речь варягов со славянской схожая. И готьские гости, которые живут за варягами, и длиннолицые греки, и черные болгары, и желтые хазары...

Иноземные гости хотят знать, как вече решит жалобу нурманнов. Их ведь самих может завтра же коснуться какое-либо судное дело.

Староста нурманнов от имени всех нурманнов требовал, чтобы убийцу поймали и выдали. Чтобы все людство его искало и нашло! По своему обычаю, нурманны сожгут убийцу на погребальном костре ярла Гольдульфа. Так убийца примет за кровь Юнглинга Гольдульфа на земле заслуженную кару, а Гольдульфа проводит до двери Асгарда, от чего убитому будет удовольствие и благо!

Ишь, чего захотел! Зароптал народ. Нет в Новгороде такого закона, чтобы людей живьем жечь. Пошумели и стихли. Ставр позвал:

— Изяславе! Голо́вник Одинец с твоей улицы и у тебя живет в захребетниках. Первая речь в ответ обиженным нурманнским гостям твоя будет.

— Вышло худое дело,— начал слово Изяслав.— Велики и обильны Новгородские земли, новгородские люди славны, Новгородская Правда крепка честным и строгим судом. Коль не будет порядка, коль вина пройдет без кары, земли стоять не будут. Судить же мы будем по нашей Правде, а не иноземным обычаем. О чем нурманны жалуются, мы по чести обсудим.

Вызвали видоков. Видоки рассказали, как Гольдульф шел по Кончанской улице и, встретив Одинца, того сильно толкнул. Был Гольдульф будто бы пьян, но на ногах стоял крепко. Они оба задрались, но без оружия. Одинец сбитого наземь Гольдульфа хватил кулаком по лбу. А держал ли что в кулаке парень или не держал, этого видоки не заметили.

Другие видоки показали, что парень Одинец был быстрого, непокорного и смелого нрава. Из юношей он недавно вышел, однако уже считался по городу из хороших кулачных бойцов.

А с умыслом ли убил Гольдульфа или без умысла, того не знают.

Ротники, которых посылали за беглым головником, рассказали, как они его ловили и как он ушел в лес.

3

Боярин Ставр происходил из числа самых богатых новгородских купцов. Он получил большое имение от отца и сумел богатство еще умножить. Ставру приходилось сплывать по Волхову в Нево-озеро, по Нево-реке — в Варяжское море, и морем — в знаменитый город Скирингссал. В Скирингссале собирались купцы со всего мира. Как и другие новгородцы, Ставр без опаски пускался в далекие, но прибыльные путешествия. В Новгороде и в пригородах постоянно гостили нурманнские и другие купцы. Они были как бы заложниками за новгородцев, которые забирались в чужие земли.

Ставр знал, что нурманны правильно, по своему закону, требуют выдачи головника. Чего бы с ними спорить? Гольдульф был человеком видным, знатным. Одинец же хоть и вольный, но простой людин, без роду, без имения. Мало ли таких молодых парней?! Однако же нет в Новгородской Правде такого закона, чтобы можно было выполнить желание нурманнов. Ставр дорожил дружбой нурманнов, знал, что они злопамятны и мстительны, могут и на него затаить злобу. Если бы можно было решить суд без народа... И где его возьмешь, Одинца?..

Боярин задумался, оперся на дубец и пошатнулся. Свои подхватили Ставра под руки, и он сказал тихим голосом:

— Мне неможется. Не то горячка, не то лихоманка напала. Домой ведите.

Боярина бережно увели, а он голову опустил, будто сама не держится.

Старшим после Ставра остался на вече Гюрята, старшина Плотнического конца. У Гюряты в Городе хороший двор, и людство его уважает. Гюрята не купец, а знатный огнищанин. У него за Городом на день пути заложены огнища, расчищенные палом от леса и удобные для пашен и пастбищ. Обширные земли Гюряты закреплены за владельцем по Новгородской Правде: «где твой топор, соха, коса и серп ходили, то — твое».

Гюрята имел большие достатки и держал много работников. А видом и жизнью был прост, не то что Ставр. И на вече Гюрята пришел в простом кожаном — усменном кафтане, валяной шляпе и в сапогах конской кожи. Он не стал тянуть дело:

— Признаете ли, что молодой парень Одинец, и никто другой, лишил жизни этого нурманнского гостя Гольдульфа?

— Признаем! — ответило людство.

Если люди признали, то старшина обязан тут же объявить приговор. Знает закон Гюрята, ему думать нечего.

— Нурманны у себя по-своему судят, нам к ним не вступать, и им к нам не мешаться. По нашей Правде судить будем. Нурманнам взять с Одинца пятнадцать фунтов серебра. А как он сам сбежал и как нет у него ни двора, ни прочего владения, то нурманнам не быть в накладе. Головник из Славенского конца, Славенскому же концу из своей казны за него и платить нурманнам, чтобы им не было обидно. Сам Одинец навечно из Города изгоняется, пока долг не отдаст. И никому бы его у себя не держать. Кто его сыщет, пусть в Город ведет, чтобы он за свой долг собой ответил. Правильный ли суд? Принимаете ли?

— Принимаем! — закричали люди. За криком не было слышно, как в голос зарыдала Изяславова дочка Заренка.

Гюрята продолжал:

— Коли нурманны захотят убитого в свою землю везти, им от Славенского конца будет дана дубовая колода и цеженого меда сколько нужно, чтобы тело залить и довезти в целости. Коли захотят здесь захоронить, им место отводится, и Славенский конец для костра дров подвезет, сколько нужно. А цена всего — опять на Одинце.

И это народ одобрил дружным криком. Однако не кончил Гюрята. Когда перестали кричать, он велел несогласным выйти вперед. Дружки не выдали своего, смело вышли кучкой и говорили, что виру следует сбавить, ведь Гольдульф сам первым задрался.

Что парни — малость! Говорят пустое, у них нет ума. Не простое дело убийство иноземного гостя, то Гюрята хоть и не купец, а понимает не хуже других старшин. Погрозился он на парней:

— И вам всем наука! Полегче кулаки в ход пускайте!

С тем людство и разошлось с судного веча — одрины. Общее дело решили, пора и к своему, зря времени не теряя.

Глава третья

1

Знатный железокузнец Изяслав живет на Щитной улице, ближе к речному берегу, чем к Детинцу. Изяслав давно правит старшинство своей улицы.

Двор у него большой. Хозяин не выделил женатых сыновей, держал их при себе, как и двух старших дочерей с мужьями. Только одну на сторону отдал.

Владение Изяслава обнесено высоким забором из получетвертного горбыля по дубовым столбам. Войдя во двор, сразу и не поймешь, где и что находится: двери, крытые переходы, крыльца. Оконца малые, затянутые бычьим пузырем, но в иных частые переплеты заполнены кусочками тонкой слюды. В холодных клетях для света прорублены узкие щели, а где и все стены глухие. Нужен свет,— можно и двери распахнуть. Оконные наличники в красивой разной резьбе: уголки, крестики, дырочки, полумесяцы — деревянное кружево.

Земли под ногами нет: дворы сплошь выстланы гладко тесанными бревнами. Начнет какое крошиться, его рачительный хозяин заменит. В глубине первого от улицы двора строение расступается, давая проход во второй, крытый двор. За вторым двором прячется третий. Большое хозяйство, и каждому нужно место. Без малого семь десятков народа живет в Изяславовой руке. Одним он отец, другим деверь и тесть, третьим старший брат или родной дядя, меньшим дед, и всем — хозяин.

По возвращении с судного веча Заренка так спряталась, что мать ее насилу нашла. Хозяйка Изяслава ро-

дом чудинка. Она высокого роста, под стать мужу. Лицом белая, сероглазая, волосы льняные. Изяслав черноволосый, его лицо и руки навек темны от угля и железа. Муж и жена рядом как ночь и день, а живут ладно, душа в душу.

Заренка забилась в теплой избе за родительскую кровать и натащила на себя меховую рухлядь. Раскопала мать. Лежит девушка, дышит часто, слез нет, а плакать хочется.

— Ой, матынька,— шепчет она,— горько мне, навечно его из Города выгнали, навечно нас разлучили...

Мать легла на постель, притянула дочку, баюкает ее, как дитя, утешает:

— Ты моя малая, ты моя неразумная, не один есть на свете такой парень, как Одинец, мы еще лучшего тебе найдем.

Самой же до слез жаль дочь, жаль пылкого и быстрого девичьего сердца, которое сразу не вылечишь никаким словом, никаким убеждением. А дочь жмется к матери, просит:

— Помоли тятю, он все может, чего ни захочет...

Легко сказать, а как сделать? Заренка последнее дитя, самое любимое отцом. Ох, худо... А о чем отца молить? Сделанного назад не вернешь, нурманна не поднимешь, чтоб ему на свет не родиться было, окаянному!..

Изяславова хозяйка Свéтланка не любит нурманнов. У них что купец, то и боец-разбойник. Кто же не знает, чтó повсюду творят дикие нурманны во всех землях?! Они если и с товарами придут для торга, то сами только и разглядывают, не сподручнее ли невзначай напасть и силой барыш взять, а не торгом. В Городе и в новгородских пригородах нурманны тихие: знают новгородскую силу. А дальше, во всех землях, по варяжскому берегу и другим, всюду, куда можно приплыть на лодьях и в земли подняться по рекам, нурманны хуже черной чумы. Они, ничем не брезгуя, грабят имения, бьют старых, а молодых ловят в рабство.

Свéтланка была малой девочкой, когда на их село напали нурманны. Мало кто уцелел. После того отец Свéтланки бросил пепелище и ушел в Новгород. И этот ярл-князь Гольдульф был такой же разбойный купец. Две морские лодьи имел, как про него сказал нурманнский торговый староста. Немало зла наделал людям Гольдульф. Мать не может признаться дочери, что ей

самой Одинец милее сделался после того, как разбил нурманнскую голову. Но как и парню и дочери помочь?

За думами и утешениями хозяйка чуть было не пропустила свой час. Хорошо, что меньшая сноха спохватилась. Вбежала и зовет:

— Маменька, не время ли мужиков к столу кричать?

Свéтланка выскочила во двор и видит по Солнышку — уже пора.

2

Столы, длинные и узкие, поставлены в два ряда. С одной стороны к ним вплотную приставлен малый стол, для хозяина и его старшего сына. Остальные домочадцы садятся на скамьи как кому вздумается. Женщины с мужиками вместе не едят, им не до того. Пока одни по дворам скликают мужиков, другие расставляют миски, по одной на четверых, раскладывают горками хлеб, резанный на ломти, и бросают ложки. В мисках дымится горячее варево из мяса, капусты и разных кореньев.

Голодные мужики собираются быстро, чуть не бегом, садятся, разбирают ложки и ждут, краем глаза следя за хозяином, когда он к своей миске протянет ложку. Тут же все разом берутся. Едят без спешки, однако и отставать от других тоже не приличествует.

А хозяйки от печи целятся коршунами, следят, все ли на столах имеется. Заметят, что хлебушко убыл, подкладывают. Которые успели и миску опорожнить, тем предлагают: не добавить ли?

За первым блюдом хозяйки, без перерыва, подают второе: крошенную ножами вареную говядину, или баранину, или свинину, или дичину. За вторым блюдом подают третье — кашу.

Как всегда, утоляя первый голод, мужики ели горячее молча. За вторым блюдом заговорили и мужики и женщины. Об одном речь, об Одинце, который еще вчера здесь сидел, за общим столом. Никто его не хулит, все жалеют. Такой шум поднялся, что Изяслав не утерпел — прикрикнул. Заренка стояла, прижавшись к теплой печи, и не сводила глаз с отца.

За третьим блюдом хозяйки начали поторапливать тех мужиков, которые отстали от других, но не могут от миски оторваться, хотя уж чуть дышат. Пусть едят, не жалко. Но женщинам самим хочется скорее сесть за стол. Они тоже с утра голодны. От душистого запаха горячего, от каши с только что давленным зеленым ко-

нопляным маслом у них слюнки текут. Пора мужикам от стола — да из избы, чтобы дать свободу хозяйкам с малыми детьми.

Таков порядок и у Изяслава и во всех новгородских домах. Что в доме, то все принадлежит хозяйкам. И к погребным запасам и к съестному в клетях прикасается лишь женская рука.

Мужик в женские дела не входит. Без хозяйки муж голодный насидится, но не прикоснется к печной заслонке, не поднимет творила в погребе, не сунется в хлебный ларь. Таков обычай. Не зря говорится, что без хозяйки нет хозяину ни ковша, ни куска. Хозяйка в почете.

Изяслав почитал Свéтланку за умелое и рачительное домоправство. Но одного почета мало. Любил муж жену поначалу за женскую красоту, а с годами еще больше полюбил за разумный, добрый нрав, за совет, за удачных, ладных детей. Изяслав не противился, когда после стола Свéтланка его удержала, чтобы поговорить с глазу на глаз.

Заренка к отцу молча приласкалась, как полевая повилика. А Свéтланка прямо спросила:

— Как же мы теперь будем с Одинцом-то?

Изяславу не понравилось, нахмурился. Ему и самому Одинец был хорош, но теперь ничего не поделаешь. Добро еще, что парень живым и на свободе остался, а в Город ему ходу не будет. Он должен Городу пятнадцать фунтов серебра — где же ему их взять?

Заренка шепчет:

— А ты, тятенька, его выкупи, выкупи, родимый!

Изяслав рассердился и даже отвел от себя рукой дочь:

— Эк придумала! Где же я такое место серебра возьму?!

Горько заплакала Заренка. Отцовское сердце как свеча тает от дочерних слез.

— Опомнись, доченька,— сказал Изяслав.— Если бы было у меня так много серебра и я бы его Городу отдал, что Одинцу делать? Нурманны его кровники. Вернется Одинец, и придется ему во дворе сидеть без выхода. Если его нурманны зарежут, с них ответа не будет. А Одинец убьет или кого-нибудь из них ранит в защите, ему придется отвечать за вторую кровь. Наша Правда иноземных гостей строго охраняет.

Заренка вскипела, слезы пропали:

— Коли так, я за ним побегу, найду его и с ним еще дальше уйду!

Ох уж вы, детушки! Малы вы — и заботы малые, подросли — и заботы выросли. Не знает Изяслав, что делать с дочерью: не то сердиться, не то ласкать. Подумал он, что пора бы девушку отдать замуж, но ничего не сказал, только покачал головой и пошел из избы. Дня оставалось мало, а работы много. Ужо ночью с женой на одной подушке будет додумывать, как дочернему горю помогать. Одинец парень хороший, и мастер из него будет, но характером он непокорен, самоволен и упрям. И без наложенной на Одинца виры не раз и не два подумал бы Изяслав, брать его в зятья иль не брать.

3

Вечером пятеро нурманнов подошли к воротам двора старшины Славенского конца Ставра. Постучали калиточным кольцом, и за тыном глухо отозвались псы.

Ставр держал фризонских собак, которые хороши не только для медвежьей и кабаньей охоты, а и для двора. Они ворчат не громко, но такими голосами, что сразу отбивают охоту войти даже днем. А ну как псы спущены с привязки?

У боярина дом двухъярусный, и нурманнов провели в верхнюю светлицу.

Ставр владел и огнищами на близких к Городу землях и держал рыбные ловли на Волхове и Ильмене. Но главное его богатство шло от торговли. Он повсюду в Городе и в Новгородских землях старался скупать бобровые, собольи, куньи, выдровые, рысьи и беличьи меха. Меха давали Ставру иноземные товары, которыми он торговал в Городе. И еще Ставр торговал серебром, давая его в рост под большие прибыли малым купцам, которые вели дело на заемные деньги.

Кроме серебра и мехов боярин не брезговал и всеми другими грубыми товарами. Простые, тяжелогрузные товары Ставр уступал на месте иноземным купцам: мед, воск, сало, кожи, товары валяные, щепные, гончарные, железные. А дорогие меха мог бы тоже сбывать в Новгороде, но их он предпочитал отправлять к Грекам. Так барыши бóльшие.

К Грекам путь дальний. От Ильменя поднимаются по Ловати и волоками тащатся в Днепр. Уходят по большой воде после вскрытия рек, чтобы вернуться в Город до зимы. Сверху до Киева везде по рекам и по Днепру живут люди рода славяно-русского. В самом Киеве сидит

князь и правит делами согласно с лучшими людьми избранного веча по Правде, сходной с Новгородской. Потому-то от Новгорода и до Киева мирно, и торговые лодьи ходят без опаски, среди своих.

Пониже Киева лесам конец. Там степи, заросшие травами, которые скроют коня со всадником. И плыть надобно не вразбивку, а стаями, держать крепкую стражу: только и смотри, чтобы не налетели неведомые разбойничьи люди.

Внизу Днепра живут первые по пути Греки, то будет уже на берегу моря-Понта. Кто не хочет плыть дальше через море, может этим Грекам продавать товары с хорошими барышами. Смелый же пускается на полудень прямо через Понт.

Ставр плавал через Понт, где двадцать дней не видно берега, до великого города Восточного Рима — Византии. Выручил большие прибыли и за одно лето сильно разбогател.

Светлица в доме Ставра с ясными окнами. В оконницы вставлены не пузырь и не слюда, а стекло, которое ничуть не затемняет дневного света. Лавки покрыты мягкими коврами. В углу поставец с зеркалом, в котором человек может увидеть свое живое отражение. Почетных гостей Ставр угощает не из ковшей, а из высоких стеклянных кубков, оправленных золотыми веточками и проволоками. Все это привезено из Восточного Рима самим хозяином. Умеют и новгородские мастера делать красивые кубки и ясные зеркала, но боярину Ставру не нравится своя работа. Он не любит жить простым укладом, как Изяслав или Гюрята.

Ставр усадил нурманнов на скамьи. К ним вышла дочь боярина, девушка со строгим, красивым лицом, и поднесла по обычаю, с поклоном и поцелуем, дорогое иноземное вино. Последнему поклонилась отцу и покинула покой.

Вбежали босые слуги в длинных белых рубахах и расставили блюда с дичиной, со сладкими медовыми закусками, жбаны пива, вина, крепкого меда. Притащили жареную и вареную кобылятину, до которой нурманны большие охотники.

Ставр хорошо понимал по-нурманнски, а нурманнские гости разумели по-русски. Никто из нурманнов не напомнил боярину нынешний суд и его, боярина, нежданную болезнь.

Они беседовали о Восточном Риме. Ставр присталь-

но приглядывался к римским порядкам. Там не так, как в Новгороде. Там простые людины послушны. Всем правит самовластный кесарь, слушая советов тамошних больших людей. А чтобы держать народ в послушании, кесарям служат хорошие дружины из иноземцев. Иноземные дружинники живут в Риме в отдельных крепостях, кроме кесаря и больших людей никого не знают и не общаются с простыми людинами. Обычай разумный — дружинникам не жалко бить людей при усмирении непокорных.

Нурманны не удивлялись рассказам Ставра. Они слыхали о римской жизни. В иноземных кесарских дружинах служат не одни варяги со славянами. С ними вперемежку и нурманны держат римский народ в подчинении кесарям. Кесари платят хорошо, а все же служба — подневольное дело. Нурманны не любят послушания, им бы самим устроиться господами.

Не в первый раз ведет Ставр с нурманнами кривые речи, пряча в словах недомолвки и намеки.

Глава четвертая

1

Под могилу убитого нурманнского ярла Гольдульфа Город отвел место часах в двух хода от городского тына. Хорошее место, видное, на ильменском берегу, чтобы покойнику было свободно.

День выпал ясный и теплый, со светлым, добрым Солнышком. На небо глядя, скажешь, что Лето обратно вернулось на Землю. Но на ракитнике вялы битые заморозками, по-осеннему печально опущенные редкие листья, березы уже сбрасывают желтую листву, побурела огрубевшая трава — отава.

Нет, не скоро Лето вернется. Уже запирает близкая Морена — Зима Небо железным ключом. Уже более нет с Неба выхода веселому грому с золотыми молниями, от которых бежит вся нечистая злая сила.

С сивера на полудень тянут косяки пролетной водяной птицы. Курлычат длинноносые журки, глаголят гусиные стаи. Все стронулись со своих выводных гнездовий. Вон и лебеди. Они, в отличие от других крылатых, плывут в небесном море семьями, в стаи не сбираются. У кого острый глаз, тот отличит по серому перу молодых от стариков.

Откуда же тянет несметная птичья сила? Отовсюду.

Одни с Новгородских земель, другие от нурманнов, от лопарей — карелов, из-за веси. Иные же совсем неизвестно откуда. Как бы далеко ни забредали вольные новгородские охотники, всегда весной и осенью над их головами проходили пролетные птицы. Как видно, есть на далеком сивере неведомые земли.

Мир велик. Одно Солнышко его знает, ему одному сверху все видно. Нурманны рассказывают, что на сивере за их землей лежит предел всему миру. Там океан-море льется вниз в бездонную черную ямину, в которой гибель человеку и всему живому. Там сидит злой бог Утгарда — Локи и ждет неминуемого конца белого света.

Новгородцы не верят россказням нурманнов. Нет ни черной ямины, ни злого Локи. Есть доброе Солнышко — Дажьбог, оно сильнее всех, и ему не будет конца.

А нурманны верят. Они молча шли с телом ярла Гольдульфа к месту, отведенному для погребения. Были они в кольчугах и бронях, со щитами, копьями, мечами, с луками и колчанами, полными стрел.

Носилки с Гольдульфом везли четверо коротко остриженных рабов с железными ошейниками, одетых в грязные льняные кафтаны. И еще пятерых рабов, связанных сыромятными ремнями, нурманны гнали с собой.

Они двигались воинским строем, кабаньей головой. В первом ряду двое, за ними трое, потом четверо. В каждом ряду прибавлялся один боец — до десятка. Потом строй убавлялся по одному человеку и заканчивался, как впереди, двумя бойцами.

Посторонних не было никого. Нурманны не любят, чтоб на их похоронные обряды смотрели чужие.

Новгородские старшины сдержали слово. Березовые, сосновые и еловые стволы, очищенные от сучьев, были сложены костром. Он возвышался как холм, на три человеческих роста и шагов на сорок по окружности. Для подтопки были готовы колотая щепа и береста.

Все нурманны, кто находился в то время в Новгороде, пришли на похороны ярла Гольдульфа. Собралось до полутора сотен. Они встали перед костром полукругом.

Друг и торговый товарищ Гольдульфа, ярл Агмунд, владетель фиорда Хуммербакен, сбросил с носилок покрывало и посадил мертвеца, чтобы он видел всех и его видели все.

Владетель фиорда Сноттегамн, ярл Свйбрагер, славившийся как скальд — певец-хранитель преданий, протянул руки к Гольдульфу и запел:

Дети Во́тана,
слушайте песнь,
слушайте слова,
Вотан с нами.

Нам сильные Норны
И воля Вотана
измерили меру
и дней и часов.

Избегнуть Судьбины
никто не старайся,
урочное время
нам только да́но.

Скальд умолчал о битвах, в которых участвовал Гольдульф, о добыче, которую он захватывал, о богатстве, скопленном мечом и торговлей. Что во всем этом, когда Вотан отказал Гольдульфу в достойной смерти, не дал ему лечь в сражении! Свибрагер не мог воспеть смерть Гольдульфа, и, напоминая холодному трупу о непреложности судьбы, которой боятся даже боги, он утешал ярла, убитого кулаком новгородского простолюдина:

Тайны не скрою
от храброго мужа,
что пользы не будет
бороться с Судьбою.

Перед носилками поставили на колени связанного раба, молодого, светловолосого, сильного. Свибрагер вцепился в короткие волосы раба, поднял его опущенную голову и закричал:

— Смотри, могущественный Гольдульф! Вот твой убийца! Вот русский, Одинец! Насладись его кровью!

Свибрагер проткнул острым толстым мечом шею нареченного Одинца. Кровь хлынула на труп.

Гольдульф бесстрастно смотрел тусклыми, мертвыми глазами на ярла-скальда, который зарезал с теми же словами и второго раба.

Но Агмунд, который поддерживал труп ярла, воскликнул:

— Гольдульф принял жертвы и узнал убийцу! Смотрите, рана на голове ярла сделалась влажной!

Кровью трех последних рабов окропили костер, чтобы она поднялась в Валгаллу с Гольдульфом. Великий Вотан любит запах человеческой крови.

2

Гольдульфа на черном суконном плаще подняли на костер. Рядом с ярлом положили его оружие, в ногах — тела зарезанных рабов. Господин и рабы. Вестфольдинги-нурманны, дети племени фиордов, уверены, что таким, из господ и рабов, Вотан создал мир и таким мир будет до своего конца. Сын племени фиордов — господин. И там, где он еще не правит, он будет править. Он — Сила. Сила правит и будет править миром до последнего часа.

Снизу побежали огоньки и завились вверху в черном и сером дыме. Солнышко заслонилось от нурманнов густым дымным облаком. Дерево шипело и трещало и вдруг разом вспыхнуло. Так ярко забушевал желто-красный огонь, так принялся палить, что нурманны прикрыли лица и отступили от костра.

Чтобы не видеть того, что делается на Земле, чтобы не слышать страшного запаха погребального костра ярла Гольдульфа, еще выше поднялись в небе стаи безгрешной доброй птицы.

Огонь допылал, костер рассыпался пеплом, смешался прах человека и дерева. Нурманны дружно взялись за работу и набросали высокий, крутой холм. В нем навечно, до конца мира, должен сохраняться пепел сожженных тел.

День пошел на вторую половину, небо опустело от птиц. В воздухе на легких паутинках плыли по своим невидимым дорожкам легонькие маленькие паучки. Нурманны двинулись в обратный путь. Они шли вразброд и глядели на Город.

Хороший город... У самих нурманнов, у свеев, у датчан, фризонов, валландцев, саксов, бриттов и англов нет таких городов. Между собой нурманны называют русскую страну богатой Гардарикой, страной городов.

Через этот Город идет торговая дорога к Грекам. Тот, кто завладеет им, будет господином дороги.

Хольмгард разрастается как лес. Ему мало одного берега реки, он и другой начал захватывать своими улицами. Он владеет хорошими землями. Из его земель год от году все больше идет драгоценных мехов. А простого товара — беличьих шкурок, овечьих, бычачьих и звериных кож, птичьего пуха, сала, меда, воска — не счесть...

Нурманны думают о богатстве Города, об отличных мастерах, которые все умеют, которые во всем сильны:

в кузнечных, литейных, ткацких, деревянных, костяных, гончарных и во всех прочих делах.

Нурманны смотрят на широкое, бескрайное озеро-море, на многоводную реку, на возделанные поля, на стада скота. Внимательно разглядывают городской тын. Сильный Город.

Нурманны неудержимо тянутся к богатым местам и смотрят на них взором господина и грабителя разом.

Глава пятая

1

Одинец уже третий день сидел на лесной поляне под двумя сросшимися соснами. Не хуже, чем цепь прикованного к столбу дворового медведя, держала парня рана в бедре. Он не мог ступить на ногу. Бедро раздулось, и там, где застряло железо от нурманнской стрелы, поднялась шишка величиной с кулак.

Он не был голоден. Ему удалось сбить еще одного борового петуха — глухаря, но он и первого не доел. Одинцу было трудно и больно шевелиться, но все же он ходил на край поляны и добыл в песке хороший огненный камень — кремень. С березы он содрал бересты, а с липы — луба, сплел туески и замочил в воде. Вот и ведерки. В них можно было бы и пищу сварить, но Одинец испек своих глухарей в золе, а в туесках припас под рукой воды. Его мучила жажда.

В Новгороде разные болезни и раны врачевали колдуны — арбуи. Они знали наговорные слова, а на шеи больным навешивали в ладанках-наузах тайные травы и косточки. Кроме арбуев, людям помогали знахари. Эти умели складывать сломанные кости в щепу и лубки, чтобы они срастались. Открытые раны знахари промывали настоями хороших трав и заливали чистым топленым жиром. Знахари не арбуи, они своего умельства не держали в тайне. И Одинец знал, что ему следует ждать, пока нарыв созреет.

Последнюю ночь рана не дала спать. Он истомился, пожелтел, ослабел. Зато шишка вздулась острием и на ощупь сделалась мягче.

Парень наточил нож об огниво, направил на полé кожаного кафтана. Попробовал ногтем — остер.

Он уселся поудобнее, нацелился и разрезал нарыв вдоль. Разрезал — и белого света не взвидел. В глазах

стало темно, и, не будь за спиной сосны, он повалился бы навзничь.

Опомнившись, он обеими руками надавил шишку, и из раны еще сильнее хлынуло. Боль стала еще злее. Он стиснул зубы. Не чувствуя, как по лбу течет пот, он залез пальцами в рану, достал до железа, впился ногтями и потянул.

Точно живую кость сам из себя тащил. От боли и от злости завыл, но тащил:

— Врешь! Я тебя дойду!

И железо — в руке. Сразу сделалось легко и боли почти нет. Промыл рану холодной водой. Как хорошо...

Ему так захотелось есть, будто бы он век ничего не ел. Доел остатки первого глухаря, прикончил второго. Сгрыз все кости, запивая водой из туеска.

Насытившись, подумал, не сходить ли еще за водой? Нет, лучше посидеть. Забирала усталость, сладкая и мягкая, как гагачья перина. Боли и тяготы в теле как не бывало.

Он рассматривал наконечник нурманнской стрелы. Такой же, как обычно... А тут что?! Одинец потер железо о землю. На трубочке ясно обозначился кружочек. Так это же собственная Одинца мета! Он сам ковал на продажу такие наконечники у Изяслава. Мета — буквица О, первая — имени молодого кузнеца.

И смешно и досадно Одинцу. Твоим добром тебе и челом! Чтоб пусто было нурманну! Он нарочно не закрепил наконечник. Одинец бросил железо, которое так чудно́ к нему вернулось, сполз пониже, вытянулся, закрыл глаза, и перед ним хлынули, как с расшитого полотенца, маленькие-маленькие человечки, смешались, закрутились и разбежались перед Изяславовыми воротами на Щитной улице. А он будто входит во двор, и Заренка перед ним:

«Где был, непутевый? Где шатался?» — так и жжет его в самое сердце огневыми глазами.

2

Когда Одинец очнулся, то не сразу понял, сколько времени спал — час, день или неделю. И не тотчас вспомнил, как попал в лес и почему.

Вдруг шилом кольнуло в сердце. Он встал. Нога чуть болит и не мешает. Другая боль пришла, настоящая.

Он не думал о том, что наступает зима, и что не

может человек лечь до весны в берлогу за медвежью спину и сосать лапу, и что нельзя по-волчьему спать в снегу, свернувшись кольцом. Пусть голыми руками или одним ножом не свалишь дерева, не наколешь дров и не выроешь себе землянку,— Одинец не боялся леса. Но он привык жить на людях. Волк и тот один не живет. Волк летом вместе с волчицей пестует малых волчат, а зимой прибивается к стае...

Одинец исхудал, будто постарел. Четырех дней не прошло, а уже его не сразу признал бы малознакомый человек. Строго судя сам себя, Одинец задумался над тем, что мальчишеской, никчемной горячностью по-глупому лишил жизни заморского гостя и навлек на себя напрасную беду. И придется ли теперь вновь увидеть Город, Заренку, товарищей и родной двор доброго Изяслава? Эх, худо, худо...

Стосковавшись по человеческому голосу, Одинец крикнул, чтобы хоть себя услыхать. По лесу пошел гул и назад вернулся. Еще сильнее заныло сердце.

Что же делать, приходится и с этой болью бороться. И жить нужно и искать пристанища. И оружие нужно, одного ножа мало. Одинец срезал прямую березку, очистил, подтесал, подровнял и заострил верхний конец. Обжег острие на огне и зачистил — копье. Настоящая рогатина имеет кованую насадку в три четверти и крепкий крест-перекладину, а по бедности и такая годится.

Одинец знал, что в этих лесах много медведей. Осенью самая дурная пора для встречи с медведем. Летом он добрый; если его не задирать, и он не трогает человека. А сейчас одни уже залегают, а другие еще бродят и пашут землю когтями, как сохой, ищут корень сон-травы. У этой травы липкий стебель, и ее зовут лепок.

Когда медведь нализался корня, от него не жди добра. Он ищет берлогу и думает о встречном человеке, что тот за ним подсматривает. А другой медведь поторопится лечь — ан в берлогу зашла осенняя вода. Промочит мех, холодит кожу. Медведь в полусне кряхтит, ворчит, бранится, не хочет вставать. Ведь и человек, которому не дали спать, со сна и обругает и ударит. А с медведя какой спрос? Ломит по лесу и одного ищет: с кем бы подраться, на ком сорвать злость. Иной злыдень-изъедуха бросается на птиц, гоняется за белками.

Одинец выбрал высокую сосну, разулся и полез вверх, пока ствол не сделался гибким. Огляделся — глубоко же он, однако, забрел в леса!

Его поляна пришлась на высокой, сухой релке. Одинец разглядел Город, который лежал на краю темной полосой, и за ним будто бы светился Ильмень. На сивере все закрывали леса. Где-то за ними пряталось озеро Нево. На полудень лесной кряж обрывался пахотными землями, а на восход стоял лес и лес. Туда идти, дальше от Города. Там должны сидеть большие и малые огнищане, на чищенных палом полях. Но нигде не видно дыма над лесами.

Шумит бор, и качается под Одинцом сосна... Он прижимал к груди гибкую вершину и качался вместе с ней. Пора решать. На восходе нужно искать место. Вблизи от поляны на восход видно болото, за ним опять лес. И там будто бы точится слабый дымок.

3

Тоскливо, грустно осенью на болотах. Чахлые березки сронили последний лист, стоят голые и корявые, будто бы кто нарочно их гнул и корчил. Нет листвы, и виден сизый мох и бурый лишай, которые так густо закрыли стволы, что не рассмотришь бересты. Как девки-перестарки, они ежатся и заживо трухлявеют.

Есть и сосенки, сдуру забравшиеся на болото. Они под пару березкам, такие же слепые и ветхие. На них, на живых, мрут-отсыхают вершинки, и они, седухи, стоят безголовыми чурками.

Одинец попробовал ногой — зыбун. Кто провалится, тот достанется водяному. Водяной ухватит и утащит в черную жижу. Парень не боялся водяного. И водяной и леший тому страшны, кто сам сробеет, у кого нет ухватки.

Можно любое болото одолеть на переносных кладях. Одинец нарезал жердей и пошел от деревца к деревцу. Он бросал жерди на слабые места, переходил по ним и опять бросал перед собой. Работа нудная, но нужная.

На болоте растет острая осока и длинный белоус. Тростник и редест стоят чащами. На окнах воды лежат круглые листья кувшинки-болотницы. На твердых местах торчат острые листья ночной прелестницы. Летом ее белый с прозеленью цвет томно и сладко пахнет по ночам. Заренка любила зарыться лицом в душистую охапку.

На лужах отдыхало много поздней пролетной птицы — кряквы и серой утки, широконосок, свистунов, шилохвости. Проносились стаи чирят. С унылым криком вспархивали кулики.

Что им до человека, который полз по болоту. Издавна зная меру полета стрелы из охотничьего лука, птицы спокойно давали Одинцу дорогу.

На мхах встречались ягоды. Будто бы кто шел и рассыпал полный туес. Нет, возьми и заметишь, что каждая ягодка держится на живой жилочке тоненькой. Ленивая ягода клюква: спеет лежа, с одного бока красна, с другого — бела. Эх, поел бы Одинец пирога с клюквой, запил бы клюквенным квасом!..

Не временем, а отлучкой из дому долги годы. Пешему легко, когда сердце свободно, а от беды и на коне трудно ехать. Одинец тешил себя мыслью, что сросся череп нурманна. Нет, не сросся. Как бы Изяславу весть подать?

А если поймают, если за виру продадут в рабы? Нет, не дамся живой.

Тут нашлась тропка. Такие следы пробивают бабы с ребятами, когда ходят по болотам за клюквой. Одинец отбросил надоевшие жерди. Тропка вышла на твердое место.

Осенью старые следы лучше видны, чем летом. Парень не терял тропу и выбрался на поляну, где брали грибы. Лежали кучки брошенных корней на бороздах от волокуши. Вкус грибов лучше, когда их солят свежими прямо в лесу. Жилье недалеко.

Тетерев с земли рванулся и упал. Прижался, глупый, и голову скрыл. Кто-то здесь пленку поставил. Сиди, пока хозяин не придет. Чужой силок тронуть — позор.

Жилье близко. С дерева на дерево по сучкам переброшены жерди. Это городьба, чтобы пущенная в лес скотина не забрела далеко в лес.

Одинец прислушался, не псы ли тявкают? И пошел на голос широким шагом. Солнышко уже опустилось в полдерева. Кого-то найдет бездомный бродяжка?..

4

Перед Одинцом открылся широкий поруб, на порубе палисад, а за ним соломенные крыши. В стороне стояла стайка стожков, прикрытых корьем и прижатых жердями. И поле, вспаханное под озимое, с зеленой порослью всходов.

Из подворотни выкатилась собака-лайка с пушистым хвостом, за ней — вторая. Одинец пошел потихоньку и, когда сторожа-собаки заскочили дорогу, остановился.

Он не отмахивался от наседавших псов. Плох гость, который начнет хозяйских собак бить.

В ворота просунулся невысокий человек с топором в руке. Завидя хозяина, собаки, зарабатывая кусок, еще злее бросались на Одинца, обходили со спины.

Хозяин цыкнул. Натасканные псы замолчали и отошли. Парень положил свою самодельную рогатину и поднял навстречу хозяину руки — в знак того, что дурного не хочет. Тот перебросил топор под руку и подошел к гостю. Собаки сели и напряглись струной. Чуть что — и вцепятся в чужака. Хозяин не торопился разговаривать. Он был на добрую четверть пониже Одинца, но с широченными плечами. Под длинной рубахой из домотканой крашенины бочкой выпячивалась грудь. На длинной жилистой шее сидела крупная голова в спутанных желтых волосах. Кожей лица был хозяин темноват, с редкой бородой.

«Мерянин»,— подумалось Одинцу.

Мерянин без стеснения разглядывал гостя. Он как бы щупал пришлеца внимательными глазами. Наконец сощурился и вымолвил:

— Здравствуй.

«Мерянин и есть»,— решил Одинец по выговору.

— И ты здоров будь,— ответил он.

— Чего же стоишь? — спросил мерянин.— Ночь валит, ступай в избу, будешь гость, будешь спать. Твое имя как?

Одинец назвал себя.

— Оди-нец. Одинец,— повторил мерянин запоминая.— А меня ты зови Тсарг.

Прислушиваясь к разговору, собаки ворчали. На лесном огнище гость был редок, и запах чужого тревожил сторожей.

Переступив порог, гость низко поклонился очагу. В сумерках лица различались плохо. В избе крепко пахло томлеными держаными щами. Мужчины уже кончили па́ужинать, за столом сидели женщины.

Одинца посадили перед миской теплых щей, щедро подболтанных мукой. Напротив сидела женщина. Она чинно запускала свою ложку в миску, следя за тем, чтобы не помешать гостю.

У печи на углях раздули огонь, и Одинец разглядел девичье лицо. Не Тсаргова ли дочь? Смуглокожая, со светлыми косами, девушка потупилась от света и заце-

пила ложкой о ложку парня. Вскинула глаза и засмеялась. Миловидное лицо ожило и заиграло.

«Хороша»,— невольно подумал Одинец. Девушка показалась ему свежей и крепкой, как спелая репка.

Накормив гостя, Тсарг принялся за врачевание. Он запалил восковую свечку, достал с потолка пучок трав и намочил их в берестяном ковше. Бормоча непонятные слова, Тсарг наложил травы на рану и притянул мочальной прядью:

— Три дня пройдет, и мясо зарастет.

Мерянин уложил гостя рядом с собой на полу. Одинец слышал, как невнятно шушукались женщины. Куда-то прыгнула и сладко замурлыкала кошка. На дворе густо хрюкала свинья. Гулко всхрапнули подравшиеся лошади.

В избе пахло сладковато-горькой сажей. Из приоткрытой двери тянула струйка прохлады. На постели из медвежьей шкуры было мягко и тепло. Рана в бедре немного чесалась под целебными травами.

Рядом ровно и глубоко дышал мерянин Тсарг, как человек, который улегся спать без забот и тревоги.

Глава шестая

1

В узком окне Тсарговой избы чуть брезжил свет, а женщины уже были на ногах, истопили печь, и обед ждал мужчин. Вместе с Одинцом за ложки взялись восьмеро. Из них трое безусых юношей-погодков. Как и везде, в доме Тсарга мальчиков рано сажали за мужской стол. А им любо, они торопились стать мужиками и взяться за мужское дело! Юноши чинно хлебали наваристое горячее из уток и тетеревов, сдобренное кореньями желтой моркови, степенно жевали сочное, разваренное птичье мясо, хрустя вкусной прикуской — горьким репчатым луком.

На гостя никто не глазел и никто не тянулся с вопросом, будто парень век жил в семье. Тсаргова дочь стояла у печи рядом с матерью. Она скромно, по-бабьи подхватила правой рукой локоть левой и положила щеку на ладонь. Нет-нет, а бросала на Одинца взгляд карих глаз.

Во дворе Тсарг махнул рукой и сказал гостю:

— Пришел в лес и сам делал...

Мерянин разбросал по двору строения: не в Городе, места не занимать стать. Все у него было срублено кривовато, но прочно. Хозяин надеялся на толщину бревен больше, чем на прямизну и отвес.

Одно бревно выпятилось, другое подалось внутрь, третье кое-как ошкурено. Углы торчат разнобоем — трудились не городские умельцы. Зато пазы крепко забиты седым болотным мхом, доски на дверях мало что не в четверть и завалинки широкие.

Под углы избы и клетей Тсарг положил дикие лесные камни и поднял на них нижние венцы. От этого и бревна не гниют и суше в избах.

В середине двора стоял столб со вздетым козьим черепом — для острастки шаловливому домовому. А над воротами была прибита, пастью к лесу, медвежья голова, чтобы и лешему не было ходу мимо жилья.

Вчера в сумерках Одинец не рассмотрел как следует, какое длинное огневище расчистил себе Тсарг под пашню. Не щадили спин мужики! Иной хозяин перед палом на некорчеванные пни валит побольше вершин и сучьев, чтобы выжечь. Огонь же хоть и ест не наестся, но в земле ему нет ходу. И нудно цепляется соха-матушка за корни. А Тсаргово поле было ровное.

Тсарг молча пошел через рамень. За лесной полосой нашлось второе огнище, которое готовили для пала. Лежали срубленные лесины. Как видно, Тсарговы валили лес прошлой зимой. В студеную пору лучше рубить сонное дерево. А весной и летом худо валить живое дерево: оно плачет под топором.

Тсарговы возились на порубе. Ровные деревья идут под бревна, их чистят и вытаскивают на волокушах. Из тех, что похуже, отбирают дровяник.

Не год и не два будет кормить очаг чищенное поле. Самое же дорогое то, что останется на месте. После пала прогретая огнем и сдобренная золой лесная землица щедро даст и крупную рожь, и усатый ячмень, и остистый овес.

Тсарг пролез через поваленный лес и вывел пришлеца к овражку. Из обложенного камнями бочажка выливался чистый, как слеза, ключ.

Тсарг сказал парню:

— Теперь все говори. Кто ты? Зачем по лесу не в пору ходишь? Зачем тебя стрелой били? — Мерянин поглядел парню в глаза и торжественно показал на небо

и на ключ: — Правду скажи. Тебя Небо видит. Земля слышит. Живая вода примет слово. Дай зарок!

Одинец поклялся костями и прахом родителей, дымом очага, Солнышком и, ничего не тая, открылся Тсаргу во всем.

Слушая гостя, мерянин качал тяжелой лохматой головой,— дурное дело у парня, худое, худое. Вздохнул:

— Как жить будешь?

— Дальше пойду.

— Куда пойдешь?

Одинец не ответил, с тоской слушая, как ноет лес под холодным ветром-листодером.

— Тебе в лесу будет плохо,— сказал Тсарг.— Живи у меня. Пока. Ты сильный. Не будешь зря есть хлеб. Потом я увижу.

До темноты парень трудился вместе с Тсарговыми мужиками на порубе. Мерянин, как видно, был знаток в травах,— Одинец забыл о ране. А вечером он сел спиной к очагу и прижался к теплому камню, давая немую клятву, что никогда не сделает зла дому и будет его беречь, как родной.

2

Вовремя беглец нашел кров. Трех дней не прожил он у Тсарга, как без устали и без срока полил дождь.

Недаром называется глухой пора поздней осени. В лесах и на полянах пусто, все живое попряталось. Ничто не порадует человека, и ему нет пристанища нигде. А в доме много дела, в доме все трудятся и никто не скучает.

Малые ребята пасут скотину вблизи от двора, на последней траве. Попасут малость — и к дому. Скотина сама просится под навес. Ребятишки рады забраться в тепло. Они в охотку стараются помогать старшим, втягиваясь с ранних лет в многотрудную жизнь рода.

Женщины чешут кудель и прядут нитки. Разбирают летнюю овечью шерсть. Из лучшей плетут на веретенах нити для теплого вязанья, а из той, что похуже, мужики будут валять теплые сапоги. Пора заправлять ткацкий стан, чтобы наготовить тканины на штаны, на рубахи, на платья.

Мужчинам тоже делать не переделать. Они сучат пленки из конского волоса и приспосабливают лучки на тетерева, на лесную курочку — белую куропаточку, на

рябка, на глухаря. На зайца нужны петли, которые настораживают на ходовых дорожках: ушкан, как человек, трудно ходит по глубокому снегу.

Ворчит Тсарг, что ныне кругом его огнища совсем не стало пушного зверя: соболя, горностая, выдры-порешни, кидуса и куницы. Но нужно и на редкую добычу запасти колечки, сторожки и силки с грузиками, которые ставят над ручьями.

На белку идут тупые стрелы, с вырезом на наконечнике, чтобы, не портя шкурки, сбить зверька целым. Стрела нужна прямая, и ее проверяют по натянутой лучной тетиве: она должна ложиться на тетиву без просвета. Для четырехстороннего оперения выбирают ровные перья. Плохо оперенная стрела негодна.

Кожи вымокают в кислом тесте-квасе. Их мнут, мездрят тупыми ножами, дубят дубовой корой и сушат на распялках. Пора кроить готовые кожи на сапоги, на усменные кафтаны и на сбрую.

Одинец умел не только ковать железо, но и работать по дереву. Из заготовленных с лета березовых и кленовых чурбаков он резал малым, остро заточенным топором и железной кривой ложкарней миски, солонки, плошки, зубья для борон, ложки, топорища. Они пойдут для дома и для продажи, когда откроется зимняя дорога.

От Тсарга в Город летняя дорога и далекая и трудная. Через болота не пройдешь. Есть кружная тропа. Идя по ней, приходится ночевать в лесу две ночи, а груз вьючить на спину лошадей — ни телегой, ни волокушей не пробраться. Поэтому Тсарговы летом бывают в Городе три, много четыре раза. Весной же и осенью совсем нет ходу. Зато зимняя дорога через болота прямая. Выехав с ночи, можно поспеть в тот же день.

Ждут не дождутся в доме Тсарга, когда же Зима-Морена засушит землю и закует воды. Своим обозом на трех, на четырех санях будут ездить. Весело! И Город хочется повидать, и послушать людей, узнать, что на свете делается.

Хозяйки ждут городских обновок, а больше всего соли. Нынче был сильный грибной год. Последний запас растягивает жена Тсарга, жалеет каждую крупицу. Горячее, мясо и кашу дает едва соленые.

— Кому пресно, грибок пожуй!..

Тсарг брал жену в Городе и из русского дома. Брал по любви. Тогда у него еще не было огнища. Богатая

семья было заартачилась, а мерянин не стал кланяться — выкрал девку.

Откроется зимняя дорога, и Тсарг повидается с Изяславом, об Одинце посоветуется. Что-то будет?..

Меньшая Тсаргова дочь поет песенку:

Ах ты, Солнышко — Солнце,
да ты Огонь — Огонечек,
уголечек, да Солнца кусочек.
Как ты жарко в печи разгораешься,
как ты ярко в печи распылаешься,
так бы да сердце молодецкое
да по мне да разгорелось бы.

Шутит веселая, живая девушка. То козой прыгнет, то загадку загадает, то Одинца невзначай толкнет или дернет за волосы:

— Надевай на голову горшок, я тебе волосы подравняю! — Играет, как котенок.

Что же тут худого, молодое к молодому тянется. Девушка и братьям не дает спуску, а парень уже прижился в семье. Но ему видится другое личико и слышится другой голос.

Девка его за ухо, больно.

— Брось!

А она ему уж за ворот запускает колкую соломинку.

Одинцу не любы девичьи шутки, будто он не молодой парень, а зрелый мужик, у которого на уме хозяйские труды-заботы, а не игры-забавы.

В крепких, как сосновые корни, пальцах мерянин Тсарг плетет гужи из сыромятных ремней, а в лохматой голове думается об Одинце незряшная отцовская думка.

3

Дождь утомился. С сивера веет холодом. Тучное, сизо-черно-серое небо плывет, томится, тужится тяжким бременем. Вот рваться оно начало, лопнуло, и посыпались белые хлопья. Поземный ветерок, играя, потянул небесный пух. Падают снежинки, падают. Нет им ни счета, ни конца...

Постылая грязь, которую размесили люди и скотина, сохнет и твердеет. Почерневшие от непогоды соломенные кровли накрылись чистыми мягкими шапками, оделись белыми рубашками стожки сена и соломы.

И любо же наследить дорожку по первому снегу!

Ребятишки скачут и оглядываются. Им радостно видеть, как ноги печатают.

Морозец чуть щиплет. Проясняется разродившееся снегом небо. Славный денек! Из-за лесу, гляди-ка, встало Солнышко! Зимой оно не греет Землю, зато радует человеческое сердце.

И Тсарг радуется. Он притопывает крепкими ногами, потягивается, распрямляет согнутую долгим избяным сиденьем спину, щурит глаза от снежного блеска, выпячивает богатырскую грудь:

— Ой, ладно!

Лайки как взбесились, прыгают на хозяина. Старая сука, словчившись лизнуть Тсарга в бороду, взвизгивает, по-своему говорит: «А ну, охотничек! Чего же ты? А ну!»

Эдак недельки через две болота уже поднимут и коней и сани. Тсарг велел старшим сыновьям идти в овин, намолотить из сухих кладей ржи и овса на продажу.

С собой в лес Тсарг взял Одинца и самого младшего сына. За воротами собаки поверили, что люди вправду идут на охоту, и с них горячка соскочила. Затрусили, часто оглядываясь, куда пойдет хозяин.

В сухих, плотного плетения лычницах цепко ступает нога охотника.

В лесу тихо, людских шагов по пороше не слышно, и нет никакого голоса, кроме синиц.

Глупая птица. Все остальные лесные пичуги и пташки на зиму улетают в Солнцеву страну, на полудень. А синица забыла дорогу. У других же птиц не спрашивает, гордится. За это она и мерзнет зимой без крова. Не-ет, если у тебя в чем-либо не хватает своего ума, ты не стыдись у соседа занять. Так-то!

Тсарг сынишке на ходу рассказал о синице. Сказка хоть складка, а и в ней есть наука для малых.

На свежем снегу много следов. Ворона звездочек напечатала. Глухарь пробил мохнатыми лапами рыхлый снежок до земли. А где махнул крыльями, чтобы взлететь, там как вениками провел. Видно, куда полетел. А здесь следок ниткой, частый, видны коготки.

— Кто шел? — допрашивает Тсарг сына.

След — великое дело. Колдуны-арбуи вынимают человеческий след, чтобы наводить порчу. А доброму человеку птичьи и звериные следы служат для честной добычи.

Еще следок, парный. За ним снег чем-то, не пушистым ли хвостом, поразметан. След привел к кряжистой сосне.

Парнишка отступил, наложил на тетиву стрелу с вырезанным наконечником и нацелился на сосну. У самого сердце екает, а глаза выпучил так, будто ими, а не стрелой хочет пустить из лука.

Тсарг достал из-за пояса кнут на короткой держалке с длинным ремнем и сильно щелкнул. Испуганная белка дрогнула, сунулась, не зная куда, и открыла себя. Парнишка ударил метко. Белка перевернулась и повисла на низком суку. На землю ее спустила вторая стрела.

Отец погладил сына по шапчонке. Парнишка опустил глаза, будто стыдится. Сам же счастлив. Первая добыча взята им.

Тсарг вел сыновей заботливо и строго. Мерянин считал, что хуже нет праздной болтовни, и не любил, чтобы сыновья много говорили. Был он скуп на ласку, щедр на науку. Сейчас он был доволен. Недаром он заставлял сыновей стрелять в метки и попадать в подброшенную шапку. И недаром требует, чтобы они учились левой рукой держать перед собой подолгу палку. В руке охотника лук должен сидеть, как топор на топорище.

Дорогá первая стрела, нет хуже приметы, как первый промах.

Что-то не слышно и не видно собак. Далеко ушли. Нет, тявкают... Охотники крались на голос и прислушивались. У лайки есть свой голос для каждой птицы и зверя. Тсарг шел передним, за ним след в след ступал сын, повторяя движения отца. Одинец отстал, чтобы не мешать.

Тсарг прятался, переходил от дерева к дереву, пока не подошел поближе. На суку топорщился тетерев-косач. Собаки прыгали на ствол, а птица дразнилась. Тетерев знал, что собакам его не достать, поднимал крылья, кивал клювом и ходил по суку. Идите-ка, мол, сюда. Не можете?

Вдруг тетерев насторожился, но не успел вспорхнуть — стрела опередила. Собаки бросились к упавшей птице. Старая сука встала ногами на крылья, но пастью не схватила — умница.

Охотники пошли дальше. Вскоре собаки вернулись, чуть повизгивают, оглядываются на лес: хотят рассказать, что нашлась настоящая охота, для которой хозяин вышел в лес.

Собаки привели людей в глухомань. Здесь проходил круговой вихрь, выворачивал и щепил на корню деревья.

Упавшая ель вывернула пласт земли высотой в три человеческих роста. Перед ним собаки уперлись. Припорошенный снегом и скрепленный корнями пласт навис, как крыша, прикрывая черный лаз.

Собаки ворчали чуть слышно, но злобно. С поставленной дыбом шерстью и с ощеренными зубами они рыли землю передними ногами, но вперед не шли, как привязанные.

Здесь он, бурый лесной зверь. За лето и осень он нагулялся, натешил несытое брюхо и набрал под кожу жира, как откормленный боров. Нализался корня сон-травы и залег до весны. Видит хорошие сны. Ему мнится непролазный для всех, кроме него, малинник с алыми сочными ягодами; снятся соты в разломанных могучими лапами дуплах. Злы черные пчелы, зато мед сладок. Вспоминаются и драка с соперником за медведицу, и сочное мясо невзначай задранной Тсарговой коровы.

Медведь крепко спит. А наверху хлопочет бессонный Тсарг. В начале зимы самое лучшее время брать на берлогах медведей, пока они не вытерли лежкой мех и не отощали от спячки.

Тсарг отогнал собак и приказал им молчать. Сынишку он подсадил на дерево, откуда видна дыра. Сын должен крикнуть, как только медведь сунется на свет. Одинец обошел место кругом — бывают берлоги с двумя ходами. Собаки с ним не бегали. Человек не понимает, что они уже все обнюхали и не нашли второго лаза.

Охотники срубили молодую елку, заострили вершинку и, примеряясь к берлоге, укоротили сучья. Перед берлогой место шагов на пятнадцать в длину и на десять в ширину свободно от деревьев и кустов. По сторонам бурелом. Медведю будет одна дорога — в лоб на людей. Но людям почти что некуда ступить.

Тсарг уступил первое место Одинцу. Ему начинать бой. Охотники вдвоем подняли заготовленную елочку, с размаху воткнули в лаз и отскочили.

Одной рукой Одинец подхватил рогатину, а другой проверил топор за поясом. А в земле уже взревело. Только миг торчал из лаза комель елки, и его сдернуло вглубь. Заорал Тсаргов парнишка: «Держи!» — а медведь уж вот он, тут! Первый медвежий сон легок.

Лесной хозяин не встал на дыбы, а пошел кабаном, на четырех лапах. Одинец не потерялся, хотя хуже нет, когда медведь так идет, кабаном. Тсарг не успел мигнуть, как парень обеими руками всадил в зверя рогати-

ну. И вот она торчит из медвежьего бока — ушла до самой перекладины.

Крепкий медведь взметнулся на дыбы, и хрустнуло полуторачетвертное древко. Одинец успел выпустить рогатину, удержался на ногах и встал перед медведем с топором. Парень на что уж был высок ростом, но медведь пришелся почти на голову выше. Зверь махнул когтистыми лапами, чтобы снять с человека вместе с шапкой череп, но топор Одинца уже засел по самый обух в медвежьей башке.

И уснул сильно-могучий лесной богатырь. Согнулся, и лег ничком на матушку-землю. Но не видеть ему снов.

Только сейчас услышали и Тсарг и Одинец звонкий голос парнишки. Он визжал без перерыва и из всех троих один все видел: как отец метил рогатиной, чтобы подать Одинцу помощь, как псы старались медведя осадить на задние ноги и как парень размахнулся.

А Одинец стоял с обломком топорища и говорил Тсаргу:

— Слабовато топорище-то. Без ума выбирали дерево. Я тебе лучше сделаю.

Тсарг ударил себя по бедрам и толкнул Одинца в грудь кулаком:

— Ты бьешь, парень, без ума. По-моему!

Одинец и парнишка остались на месте ободрать и освежевать медведя, пока туша не остыла. Тсарг пошел ко двору за лошадьми и волокушами. Он пробирался по лесу, запоминал дорогу, где удобнее вытащить добычу, и думал, как дальше повести дело с Одинцом. Мил ему Одинец. Хорошо бы доброго парня навек осадить во дворе. И для этого найдется верное средство. Дадут ему зять и дочка славных внучат. Эх, не висела бы над парнем напрасная смерть нурманнского гостя!.. Скорее бы съездить в Город, разузнать все самому и решить наверняка, как и чего держаться.

В Тсарговой избе лакомились свеженькой сочной медвежатиной, нежным мозгом, сладкой печенью, жирными почками. А медвежье сердце хозяйка на деревянном кружке-тарелке с особым поклоном поднесла Одинцу и вымолвила обычное присловье:

— Будешь сильный, будешь смелый, будешь, как он, разумный.

В медвежьем сердце лежит большая сила. Сам медведь и умен и хитер. Он, как человек, все мог бы сделать, только он ленив и не хочет работать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОВОЛЬНИКИ

Глава первая

1

Новгородцы считают злым делом разорять лесные муравейники. В муравьиных городах каждый трудится, себя не щадя. Там уж, верно, не любят лентяев. В лесу первый работник муравей, потому-то он никому не желает зла. В муравейник можно засунуть ноги. Потревоженные хозяева больно жалят, но помогают от ломоты в костях.

Муравьи замирают на зиму, а новгородцам зимой дела не меньше, чем летом. Из иноземных гостей для зимних торгов остаются немногие, а свои купцы и ремесленники начинают новые торга с теми, кто живет вдали от речек и рек, удобных для судоходства.

Вместо легких водных путей открываются санные. Не по корням волочить волокуши, не ломать в лесах покорные лошадиные спины — по первопутку в Город бегут груженые сани. Дальние жители собираются обозами, а ближние ездят в одиночку.

Мерянин Тсарг проехал через городские ворота на четырех санях. Легкая поземка заснежила и сани и седоков. Однако же мороз был не силен, и поезжане одеты

тепло, поэтому Тсарг не свернул на заезжий двор, который содержал родной по жене хозяин. Тсарг ехал прямо в Детинец, желая поскорее разделаться с податями. В прошлом году он задержался, и его навестили городские сборщики. Беды в этом нет, но Тсарг беспокоился об Одинце.

В широких и глубоких клетях Детинца собиралась подать со всех новгородских людей. В подати шла десятая часть всех доходов — хлеба, меда, льняной пряжи и кудели, рыбы соленой и сушеной, шкур, птичьего пуха, шерсти, драгоценной и мягкой пушнины, изделий из железа, полотна, дерева, кости и всех прочих. Город брал подати всем, чем давали. И серебром, и золотом, и самыми достатками. У Тсарга, как и у большинства людей, не бывало ни монет, ни слитков. Он привозил добычу своих рук.

Сбором податей ведали по очереди все старшины. Тсарг угодил в дни боярина Ставра, приказчики которого работали под надзором самого концовского старшины. Они взвесили на безменах привезенные огнищанином зерно, мед, воск, сосчитали ложки, миски, топорища, перемеряли горстями шерсть и деревянными ведрами птичий пух. Всему велся свой счет. Приказчики отметили подать на бирках, а Тсаргу выдали кожаный ярлык — свидетельство, что он от подати чист.

Сани сильно облегчились, и утомленные лошадки легко побежали из Детинца. Но Тсарг не жалел о подати. Кто скажет: конечно, лучше было бы никому не платить и оставлять все себе, да у кого же тогда найдешь защиту? По Новгородской Правде за Тсаргом и его родом навечно закреплены расчищенные трудом огнища с усадьбой. Никто не может захватить огнище и выгнать хозяина со двора. А если мало нынешних полей, можно чистить новые. Они будут твои, только плати подати. Город всех оберегает, содержит бойцов-ротников. Не будь того, нашлись бы сильные люди и обидели бы. Новгородская Правда хороша, по ней жить хорошо. Поэтому и прибавляется людство на Новгородских землях.

На заезжем дворе Тсарг передал родне-хозяину привезенные гостинцы. Приезжие попали ко столу и поели горячего. Без долгих споров Тсарг выменял у дворника соли, сушеной рыбы, железных изделий и сладких иноземных черных рожков. Для баб взял крашеного полотна тонкого ткачества и ярких лент-косоплеток.

У огнищанина остались медвежья шкура и бочонок дорогого целебного медвежьего жира. Дворник сулил за них три хороших ножа, железный котел и обещал дать еще рожков. Тсарг не согласился. Это, мол, заказное. А ножи, котел и лакомые рожки он еще возьмет, в усадьбе найдется довольно товара.

Дворник предлагал забирать в долг все, что захочется. Но крепкий мерянин отказался. Кто должен, тот лишен свободы. Начнешь отдавать, а дворник уценит и усчитает. Хоть он и родня, а охулки на руку не положит. Тсарг понял из разговоров дворника, что этой зимой будет хорошая мена. Только не зевай и не дешеви. Мерянин оставил на заезжем дворе сани и пешком пошел к Изяславу-кузнецу.

2

На торговище и на городских улицах тесно от многолюдства. Между возов бродят люди. Одни прицениваются, другие спорят, а иные просто ведут беседы, чтобы узнать, что и где делается и о чем идут в народе слухи.

Вот стоит кривич, заросший до самых глаз кудрявой рыжеватой бородой. Он выбрался из непроходимых в летнее время пущ, что лежат на закат и на полдень за Ильменем, и беседует с киевлянином. К их речам внимательно прислушиваются несколько беловолосых, рослых чудинов.

У киевлянина подбородок гол, как колено, зато под орлиным носом отращены длиннейшие усы, которые, как две косы, падают на грудь. Полушубок крыт синим сукном, шапка бобровая, перевязь и опояска с серебряным набором, меч в изукрашенных серебром же ножнах: видно сразу, что не простой людин. Стоит киевлянин, гордо подбоченившись, а речь ведет приветливую, искательную.

Он из старших дружинников киевского князя и с одним-двумя товарищами проживет в Новгороде зиму. Будет толкаться по торговищу, ходить по дворам, знакомиться с людом, рассказывать о славных делах киевлян, о битвах-набегах на степных кочевников: необходимых, но прибыльных возмездиях за нападения беспокойных соседей. Будет хвалиться конями, оружием, щедростью Киева к ротникам. И глядишь, по весне с первой водной дорогой он тронется к дому, к Киеву, с полусотней добрых молодцев.

Нищие пели жалобные песни. Убогим не отказывали, и они грузили щедрое подаяние на ручные санки.

Гудел и шумел Город. Звонко ржали кони, мычали коровы, лаяли собаки. За вдетое в нос кольцо поводырь тащил ручного медведя, и зверь ревел грубым жалобным голосом. Скоморохи играли на гудках и трубах. Слепые сказывали сказание:

Жил от древности древнейший Славен!
От того да от Славена,
да от жены его от Белой от Лебеди,
да от сына их, от Волха Всеславного,
повелось племя славное,
славное племя, славянское!
Слава, слава славная!

Замолкли слепые, головы подняли, смотрят в небо белыми бельмами. Желтые пальцы тревожат гусельные струны, гусли вторят голосу, рассказывают:

А внук их Микула,
а прозвищем Селянинович,
учил славян Черные леса валить на огнище,
чтоб было где расселяться,
чтоб было где разгуляться,
роду-племени нашему,
роду-племени славянскому.
Слава, слава славная!

Народ столпился, слушает. Каждое слово знакомое, а слушать хочется, не прискучивает. Верно сказывают слепые, сказывают правильно.

А и научил Микулушка,
а и научил Селянинович,
землю пахать,
да в борозде зерно-семя хоронить,
да растить добрый хлебушко
на потребу рода славного,
на потребу племени славянского.
Слава, слава славная!

Снежок сыплётся, сыплется, белит белые головы, а старым — ничего, поют-заливаются, рассказывают:

Нам от дедов сказано,
да от прадедов приказано,
да от пращуров завещано:
жить в роду-племени общинно,
дружить братьями-сестрами,
любить отцами-детями.
Слава, слава славная!
Славная слава славянская!

Над головами людей шныряли воробьи, сороки и вороны, норовя, что бы стащить. Под ногами, не боясь людей, ходили голуби, кормясь невзначай рассыпанными зернами.

От непривычного многолюдства у Тсарга шумело в голове. Он пробирался между возами. Чтобы было удобнее, мерянин надел на голову медвежью шкуру. Бочонок с салом он держал под мышкой. Почуяв близкий запах медведя, лошади настораживались и шумно втягивали воздух вдруг раздувшимися ноздрями.

Тсарг заслышал особый клич и откинул навалившуюся шкуру.

— Эй, молодцы! Эй, удальцы-смельчаки! Кому тесно дома? Кому свой двор надоел? Кому теснота опостылела? Кому тесна старая шуба?

Мерянин подошел к крикунам и слушал, о чем говорят. Сбивалась ватага повольников идти в дальние земли. Часто и охотно снимается новгородская вольница в поисках нового счастья и нового богатства и находит новые обильные угодья.

Тсаргу хорошо на его огнище и тепло в своей избе. А все же поманило его послушать людей. Даже расспрашивал, кто и куда идет, кто затеял, когда выходят. Да... для молодых парней это будет получше, чем наниматься в ротники киевского князя: пусть пытают счастье по своей, не по чужой воле!..

Легко ходить по мощеным городским улицам. Тсарг не заметил, как добрался до Щитной улицы.

Изяслав встретился Тсаргу во дворе:

— Здоров будь. За каким делом пришел?

— И ты здоров будь. Мне дай гвоздей.

Изяслав хотел послать за гвоздями племянника. Тсарг не согласился, пусть сам хозяин пойдет с ним в клеть отбирать нужное.

Кузнец, высокий, черный, в коротком нагольном тулупчике, а мерянин хоть ростом не велик, зато широк, как пень, и от медвежьей шкуры кажется еще шире. Изяслав хотел было сказать, что не годится в чужом доме распоряжаться, а гвозди хуже не будут, если их другой отберет, но мерянин указал на свой рот пальцем и высунул кончик языка. Понимай, дескать, что есть тайное слово.

В клети Тсарг поставил бочонок, сбросил медвежью шкуру и сказал:

— От парня, от Одинца, тебе память и поклон,— и дал Изяславу кусок бересты, на котором парень выда-

вил свое имя гвоздем и втер в буквицы сажу, чтобы было лучше видно.

Отцы сели на закром. Изяслав рассказал о судном вече и о народном приговоре. А Тсаргу не пришлось много говорить. Он от досады крякнул:

— Эк ты! Жаль парня...

Оба призадумались. Потом Изяслав еще добавил горечи:

— Бирючи кричали, чтоб никто не давал Одинцу угла. А коль кто знает, где он спрятался, пусть объявит. Одинец должен отдать городу виру.

Тсарг, как и Изяслав, понимал, что Город поступал правильно. Мерянин нашел один ответ:

— Не слыхал я тех бирючей.

— А если услышишь? — возразил Изяслав.

Одна за другой бежали быстрые мысли в Тсарговой голове. Одинец должен отдать пятнадцать фунтов серебра. Много. Будь бы Тсаргово огнище далеко от Города,— есть же людины, которые сидят в такой глухомани, что у них годами никто не бывает,— а у него летом глухо, а зимой — иное. Под лежачий камень и вода не течет, а новгородские купцы добычливы, зимами шарят по огнищам, не зная покоя. Уговаривают, бьют по рукам, суют полы тулупов, всучают задатки под зимнюю добычу. Да и соседние огнищане посещают Тсаргову заимку. Парень — не рубаха, его в укладку не спрячешь. Нет, не жить Одинцу на Тсарговом дворе!..

— Слушай,— сказал Изяслав,— ты добрый человек. И я не желаю зла парню. Не держи его. Уходить ему надобно. И подалее.

Изяслав будто столкнул в воду камень. Хотел бы Тсарг услышать другое, да нет, кузнец говорит дельно. Обозлившись, Тсарг хватил по закрому кулаком. Лучше бы не приходил на его двор полюбившийся парень! Мерянин злился на себя. Ведь знал же он, что в Новгороде убийство не просто сходит с рук, а сдуру прочил за головника дочь.

— Куда же ты посоветуешь Одинцу деваться? — спросил он кузнеца.— Не гнать же его со двора, что шелудивого пса!

— К повольникам бы ему пристать! — чуть не крикнул Изяслав. Он ходил по клети и, заглядывая в закрома, со злостью гремел железом.

Непутевый парень приворожил и смутил Заренку. После его бегства будто кто на девушку навел порчу.

Мать вынимала след дочери пресным тестом и ходила к арбуям. Они колдовали над следом, проносили над огнем, жгли пахучие травы. Свéтланка купила наговоренную наузу-ладанку. Заренка ее носила, но не делалась веселее.

Родители знают, что девичье сердце забывчиво, но от этого не легче смотреть на тоску дочери.

Изяслав с ворчаньем клял Одинца и рылся в железе. Он достал насадку для воинской рогатины, которая, в отличие от зверовой, куется без нижней крестовины, и подобрал кольца для древка. Отсчитал десятка три каленых стрелочных наконечников, отобрал широкий топор, пилу, трое долотьев и два тесла. Немного подумав, достал круглую бляху и полосы для щита.

— Чтоб ему!.. Хватит, что ли? Да что тут, щит дал, так дай и шлем с железной рубахой... Леший бы ему голову на спину отвернул!

Еще что понадобится клятому бродяжке? Изяслав старательно выбрал заготовку для лука. Твердое дерево было отпарено, в меру изогнуто и пропитано для сохранения вареным маслом. Такой лук не натянуть слабой руке.

Без устали честя Одинца, Изяслав бормотал:

— Непутевый, негодный, дубовая голова, пустошный парень, чтоб тебе петуха не услышать, чтоб ты пожелтел, как золото!

На отобранное оружие и бронь можно было бы наменять много товаров, но Изяслав не скупился: Одинец жил на его дворе и работал на его двор. Не уходить же ему, как неприютному нищему, как безродному сироте. По русскому обычаю, кузнец давал невольному беглецу выдел.

Изяслав сложил железо в лубяной короб:

— Отвезешь, что ли, парню? Чтоб ему, окаянному!

Кланяясь за Одинца щедрому хозяину, Тсарг достал рукой пола:

— Не много ли ему будет? Больно хорошо даешь!

— Хватит с дурня,— возразил Изяслав.— Насадки пусть сам насаживает, он парень умелый. Погоди. Я ему кое-чего прикину из лопотинки.

— Не надо,— сказал Тсарг и махнул рукой.— И у меня парень работал.

В избе Свéтланка поднесла гостю ставленого шипучего меда. Тсарг выпил ковш и в знак уважения к очагу

остаток плеснул к печи. Не отказался и от второй чаши. Хорош мед в доме кузнеца!

На прощанье Тсарг сказал Свéтланке:

— У тебя добрый хозяин, всем жить много лет,— и подхватил тяжелый короб.

На пороге он остановился и добавил:

— Я тоже добрый. Будем всегда друзьями.

Потихоньку, чтобы никто не услыхал, Изяслав обо всем рассказал жене.

Вскоре после посещения Тсарга все заметили, как Заренка повеселела. Родители успокоились за дочь. Как видно, и время и наговоры арбуев сделали свое. Девичьему горю помогли колдовские силы.

Глава вторая

1

Вьюжит. С мутного неба на озера, болота, реки и леса сыплется сухой снежок. Метелица не забывает и Новгород. Морена-Зима, не разбирая, посыпает своей щедрой крупкой и острые многоскатные тесовые кровли богатого двора именитого боярина и гнилую, поросшую мхом соломенную крышу поваленной набок избушки последнего людина.

По Волхову уже прошла мерзлая каша — шуга, уже натянулся с берега на берег ледяной мост. По нему ветер гоняет небесный пух и подбивает берега теплым одеялом. А кое-где и на середину льда выбрались длинные острые пересеки.

На все стоячие и на все текучие воды Морена-Зима наложила ледовые оковы. Во все стороны света готова ровная дорога.

У боярина Ставра людно. Он принимал гостей не в верхних светлицах, как нурманнов, а внизу, в молодцовской избе. Сам боярин сидел на лавке, а гости перед ним как придется. Кому не хватило места на лавках, те, недолго думая, устроились на полу.

Они толковали о своем деле не спеша, говорили в очередь. У них нашлось к боярину важное дело, и вот откуда оно завелось.

Известный в городе охотник Доброга вернулся летом после долгой отлучки. Доброга ходил с тремя товарищами на восход от озера Нево в Веськую землю. Ушли четверо, а вернулся один.

Тут ничего дивного нет. Бывает, что не только малые ватажки, а и большие ватаги пропадают без следа. Доброга хоть один, а все же прибрел. Охотник отдышался и принялся мутить людство. Стало быть, его не уходили дальние дороги, лесные дебри и злые речки. Доброга принес мало мехов, и то порченных водой.

Он рассказывал, как нашел вместе с товарищами реку на восходе от озера Онеги. Эта река течет на сивер и на полуночь. На ней несказанное богатство пушных зверей, и звери там непуганые, ручные. Охотники наловили и набили такое богатство зверей, что для хранения шкурок поставили особые острожки на приметных местах. А какой там соболь! Черный, чистый — «головка»! Охотники плавали вниз по той реке, но людей нигде не встречали. Реке тоже не нашли конца. Едва успели вернуться до ледостава к своим острожкам.

Зимовка получилась тяжелая. Начали болеть, чернели десны, опухали руки и ноги, шатались зубы. Охотники спасались отваром сосновой хвои и жевали смолку. К весне один помер.

На обратном пути другого, сонного, задрали медведи. Потом на безыменной речушке перевернулся берестяной челнок, и последний товарищ Доброги погиб под корягой.

Дальние дороги не прошли даром и самому Доброге. Исхудал, кашель привязался. Но он не унялся. По его рассказам, не было и нет лучших мест, где пропали его товарищи. А если попытаться по безыменной большой реке еще ниже сплыть, чем побывал Доброга?..

Доброга клялся и Городским тыном, и родным дымом, и Небом, и Солнышком, и Землей, что никто не видел таких богатых мест, какие он нашел.

А почему бы Доброге и не поверить? И до него уходили куда глаза глядят новгородские охотники. Так закладывались дальние пригороды.

Около бывалого охотника сбивалась ватага. Первые десятки ходили по домам, кричали на торговище, звали новых товарищей.

Иной чесал затылок по целой неделе. Хочется пойти, но как же бросить нажитой домок? А соблазн точит, как пилой. Можно вернуться с бременем дорогих шкурок и сразу поправить хозяйство.

А молодые ребята, не выделенные отцами и бессемейные, решались быстро. Такие хоть сейчас готовы в любую ватагу. Иные подговаривали девушек: «Пойдем, лю-

бушка, будешь ходить в соболях...» Новгородские девушки тоже вольница.

К найденной Доброгой реке нет водной дороги. Ватага сбивалась ко времени санного пути. Они уже согласились между собой, выбрали старост. А договариваться о снастях и припасе ватажные выборные пришли к боярину Ставру.

2

Они торговались с боярином. Ватаге нужны сани, кони, зерно, оружие, теплая и прочная лопотинка. У Ставра всего найдется не на одну ватагу. И он не отказывает. Какой будет расчет с боярином? Об этом-то и идет спор.

Ставр хотел иметь в добыче равную долю с ватагой. Каждая вторая шкурка из всех взятых должна быть боярская.

— Простой счет, верный расчет,— говорил Ставр.— Сколько времени там ни пробудете, между нами все пойдет в равных долях.

— Много хочешь,— в ответ усмехался Доброга.— Знаешь, сколько там зверя?

— Много, много хочешь, уступай, боярин,— поддерживали ватажного старосту другие.

Ставр поглаживал подстриженную холеную бороду и ласковым голосом убеждал мужиков:

— Где же много хочу? Вы, люди разумные и бывалые, подумайте. Вы же не малые дети, вы хозяева.

Боярин льстил ватажникам. Больше половины было молодых парней. Ставр уговаривал:

— Думайте, думайте. А мясо, добытое на мою снасть? А рыба, ловленная моими же снастями? А дома, которые вы поставите моими же топорами, теслами, долотьями и стругами? Ведь все ваше будет! В них не будет моей доли. А пашни, что засеете моим зерном? Что родится, то и ваше, я не прошу моей доли. Где же я хочу много получить?

Так и спорят час, другой. Ватажники — свое, а у боярина на каждое слово есть умный ответ.

Доброга начал сердиться:

— Ты дома в тепле и сытости будешь сидеть, боярин. А нам ломаться в лесах и болотинах, в нужде, труде, голоде. Чего же ты с нами равняешься!

Ставр качал головой и укоризненно смотрел в глаза ватажному старосте.

— Дак вы же думайте, люди,— вразумлял боярин,— без моей снасти-припаса ватага не дойдет до места, не наловит зверя. Знать, главное во всем — моя снасть. Или нет? Что ты, охотник, сработаешь голым?

Доброга махнул рукой, встал и пошел к двери. За ним тронулись и остальные выборные от ватаги.

— Стойте! — боярин повысил голос.— Куда метнулись, экие шуты-обломы. Стой, вам говорят!

Ватажники вернулись и вновь расселись. Ставр кивнул своим молодцам, чтобы поднесли ячменного пива и меда. Ребята намочили усы и слушают, что-то им еще боярин скажет.

Ставр улыбнулся и понизил голос, будто хочет втайне сказать самые важные слова:

— Вы смекните, разумные, что не всем бывает удача. В лесах ли, в реках и болотах вы сгибнете, побьют ли вас чужие люди — и все пропало. Мне не только что прибыли не будет, все мое добро пойдет прахом.

Доброга еще ласковей улыбнулся, чем боярин, и согласился:

— Тут-то мы с тобой, именитый боярин, и окажемся в равных долях. Наши кости и твои копья будут вместе лежать...

Боярин оспорил Доброгу:

— Не так ты судишь. Вам лежать в покое, а мне считать убытки.

Доброга так расхохотался, что закашлялся и еле отдышался:

— Мы, боярин, в нашу ватагу берем всех удалых людей. Нет отказа и тебе. Пойдем с нами! Ляжем вместе, и тебе не придется горевать от проторей!

Ставр потемнел и дернул себя за бороду:

— Меня ты не учи уму-разуму. Я ученый!

Опять Доброга встал, и все остальные за ним сгрудились к порогу. И опять Ставр их не отпустил. Боярин вскочил и закричал:

— Экие вы, сосновые головы, вязанные лыком, непонятливые! Ступайте все за мной.

Боярин повел ватажников по клетям. Под руками боярских молодцов загремели дорогие железные изделия, и у ватажников разгорелись глаза. Один берется за топоры, другой присмотрел рогатину, кто нацелился на меч, а кто напялил на голову кованый шлем.

За первой клетью всей толпой ввалились во вторую. В ней хранились охотничьи снасти, проволочные силки,

прочные зверовые капканы — и новгородского и иноземного дела. Шли дальше и осматривали котлы и котелки, окованные и кожаные ведра, оловянные и медные миски, конскую сбрую, кафтаны, штаны, сапоги, дубленые полушубки, тулупы, шубы, шапки, рукавицы.

Богатые товары у боярина. Ватажники мякнут. Чего еще, пора с боярином бить в руки, там разберемся. Сами пальцы, как крючки, цепляются за хорошие вещи и не хотят расставаться. Товарищи незаметно подталкивали Доброгу, шипели:

— Соглашайся.

Ставр приговаривал:

— Я не поскуплюсь, дам все, что нужно. И коней дам, и молодых коров, и двух бычков для приплода.

И все же Ставр не уговорил. Ватажный староста молча пошел со двора. Ватажники потащились за Доброгой. Повесили они носы: ведь иные первый в жизни раз вволю подержали в руках то, что до сего дня лишь глазами щупали.

Ставр налетел на Доброгу с поднятым дубцом:

— Эй! Чтоб тебя Перун рассек молнией, забил в землю громом! Ты упрям и неподатлив, как дубовый корень. Моя половина в мехе, а ты говори срок.

Уступил-таки боярин и согласился иметь половину в добыче не вечно, а на время. Но и на это Доброга не пошел. Староста грозился, что пойдет к Колту, к Пелгу или к Чагоду. В Новгороде найдутся и другие богачи, кроме Ставра. Торг закончили уже при свечах. Договорились, что ватага за все, что заберет, заплатит четверную цену против обычного торга. И пока ватага не выплатит долга, все добытые меха пойдут Ставру без всякой утайки. Когда же расчет закончится, то ватага свою добычу пять лет не будет никому продавать, кроме Ставра.

Боярин сам написал на коже договор. Под ним подписались Доброга и еще один ватажник, Отеня. А остальные закоптили на свече большие пальцы и поставили печати.

Ставр не сумел навечно закабалить ватагу, но все же остался доволен. Были довольны и ватажники. Боярин желал им удачи и счастья и поил медом досыта. А Доброге вдруг взгрустнулось. Он вспомнил товарищей, которые погибли в лесах, вспомнил, как достаются нехоженые места. Он пил пьяный мед, чтобы забыть прежние труды и думать только о новых.

У Доброги побаливали и грудь и бока. Осенью ему случилось кашлять кровью. Зима сразу принесла облегченье.

Кто привык искать новые места и топтать нехоженую лесную землю, тот дома не усидит, пока его носят ноги и дышит в груди душа. Доброга знал, что за зиму ватага уйдет далеко и ему полегчает в лесном раздолье.

3

Ставр отпустил повольников и в сопровождении старшего приказчика Василько прошел в обширный спальный покой своего дома.

Боярин был озабочен и как будто недоволен. Чем же? Не уступкой против запроса, на которую его вынудил упорный охотник Доброга. Ставр был не жаден. Торгуясь, он играл уменьем победить человека в трудном состязании ума и воли, напряженных желанием выгоды. Повольники не сердили боярина, и его раздражение было напускным. Ставру нравился умный и напористый Доброга.

Повольники и вправду могли погибнуть, безвестно исчезнуть в неведомом Черном лесу. Это не заботило боярина. Богатству не должно лежать под спудом, его доля — бегать по белу свету. Сегодня убыток, завтра — прибыль, в торговых делах они родные братья.

Ставру стало скучно. Не отобрать ли из своих приказчиков и захребетников сотни две с половиной лихих молодцов и не погулять ли с ними по нехоженым лесам да по безыменным рекам? А?

— Что скажешь, Василько? Пойду-ка и я с доброй дружиной то ли на полуночник, то ли на восход, покажу нашим мужикам, как берут новые земли. Что?

— Князь шутит, князь играет словами,— полувопросительно ответил старший приказчик и любимый наперсник боярина.

Родом из Фессалии, Василько лет шесть тому назад пристал ко двору Ставра. Грек был года на четыре старше своего тридцатипятилетнего хозяина, силен телом, ловок умом, грамотен по-гречески и по-русски. Забравшись в Новгород из Херсонеса Таврического, Василько начал дело на свои и на заемные деньги. Он вложил все серебро в хлеб и разбогател бы с одного удара, но перегруженные зерном лодьи в бурю затонули на Ильмене. Васильку за долги грозила вечная кабала. Ставр выкупил у заимо-

давцев ранее приглянувшегося неудачника-грека. Боярин ценил ум и способности Василько и не имел от него тайн.

— А ежели не шучу? — продолжал боярин.

Василько зажег последнюю свечу в пятигнездном шандале, и покой ярко осветился. Следуя правилам греческих софистов, которые советуют уклоняться от прямых ответов, пока собеседник не откроет полностью свою мысль, старший приказчик ответил вопросом на вопрос:

— К чему же князю искать счастья в далеких лесах? Разве мой князь отчаялся быть счастливым в своем Городе?

Ставр был не слабее грека в игре словами. Он сказал:

— Тебе так нравится Город? В нашем Городе слишком легко горят дворы и дома, когда их хозяин не умеет ладить с соседями.

Это был жестокий намек. Одновременно с гибелью хлебных лодей в Новгороде сгорел нанятый греком двор с последним имуществом. С основанием или без основания, но Василько обвинял соседей в поджоге.

— Князь, князь,— укоризненно молвил грек,— к чему так говорить, к чему? Ах, если бы мой князь захотел, тогда в этом Городе ему было бы не тесно, а широко-широко...

— Ты опять за свое!

— Да, да. Но я стою не за свое, я — за тебя, мой князь,— и Василько горячо продолжал: — Прошедший час не убыток в делах, его не воротишь и не покроешь никакой прибылью. Страшно терять время. А храбрость потерять — всего лишиться. Мой князь теряет время. Мой князь никогда не лишится храбрости, я знаю его львиное сердце. Увы, у моего князя великие мысли, но он не хочет решиться. Мой князь говорит с нурманнами и с другими людьми окольными словами, а сам...

Василько замолчал. Глядя на него, каждый сказал бы, что грек смущен собственной смелостью. Но он лишь испытывал своего господина.

— Продолжай,— разрешил Ставр.

— О, мой князь, к чему? Мудрые египтяне утверждают, что пояс богини Изиды, которая оплодотворяет страну Кеми, может развязать только рука мужчины. Ты мужчина, но ты не хочешь. Ты испытываешь себя и других. К чему?

— Чтоб знать.

— Что знать, что? В Новгороде есть один общий закон для всех людей, лучших и худших. Это бессмысленно. Должны быть два закона. Лучшие должны давать законы худшим.

— Продолжай.

— В Новгороде худые мужики-вечники своими голосами перевешивают волю и голоса лучших людей, как камень перевешивает золотые монеты. Это бессмысленно. Новгородские старшины зависят от прихоти темного веча. Это бессмысленно.

— Да,— подтвердил Ставр.— И в Новгороде не так будет. Будет один князь. Не Город им, а он будет править Городом.

Василько метнулся к боярину:

— Наконец-то мой князь захотел!

— Да. И не сегодня лишь.

Грек опустился на колени, и Ставр положил ему руку на плечо:

— Я буду с терпением ковать будущее, как те цезари и кесари, которые год за годом в безвестном молчании тянули лямку воина-наемника. Слушай, Василько, отныне день за днем, лето за летом я буду пропускать через мои пальцы новгородцев, я буду цедить мелкой сетью мутное людское море. Знай, я не поспешу. Я выберу день, который я сам подготовлю...

— Да, да, да...

— Я не желаю зла новгородским людям. Я отсеку лишние вольности Города, как для пользы больного у него отнимают часть тела. Я найму, я позову нурманнов. Да, я начну подниматься и на их спинах. Я буду в Новгороде как Марий и Сулла, я соединю их в одном моем лице. Я буду первым новгородским кесарем...

— Итак, мой князь...— подсказал Василько.

— Итак, я разделю старшин, я разделю бояр и купцов, я разделю мастеров и прикормлю простых худых людинов, я разобью мысли городских бойцов-ротников...

— Да, да...— кивал Василько,— да. Мой князь мудр, он прав. Годы труда — века власти.

4

После договора со Ставром ватага спешила кончить последние сборы. За всем наблюдали ватажные старшины. Внутреннее устройство каждой новгородской ватаги

следовало привычному образцу городского уклада. Избирали главного старосту и нескольких походных.

Ватажный староста получал большую власть, все были обязаны слушаться его приказов без споров и оговоров. Если спустить одному, другому дать потачку и третьего помиловать, то ватага может пропасть. Слабость ватажного старшины приводила к тому, что ватага рассыпалась, как разлетался по ветру стог, сложенный дуро́м. На Доброгу полагались и ему верили.

В ватаге разный народ. Прибились и несколько женатых мужиков. Есть опытные охотники, на которых возлагается общая надежда. А больше всего идет молодых парней — младших людей, как их зовут в Новгороде. Им наскучило слушаться старших в больших семьях, им хочется на волю, а отец не дает выдела: «Ты еще мало поработал на род». С отцом нельзя спорить и некому на отца жаловаться. В большой семье и сила большая. По старому новгородскому обычаю отцы не препятствуют сыновьям уходить повольничать.

Полагаясь на бывалого и честного Доброгу, даже строгий Изяслав без шума отпустил одного из младших сыновей и племянника. В Изяславовом хозяйстве хватало рук, пусть молодые повидают дальние земли.

Еще до света ватага спустилась на волховский лед. Старшины в последний раз оглядели обоз и сочли возы и людей. Забрезжил день. Ватажники начали класть земные поклоны Городу, родным и друзьям, которые вышли проводить. Кто смеялся, а кто и поплакал.

— Э-гой! Пошли! — зашумел Доброга.

Лошадушки влегли в хомуты и качнулись влево, вправо, чтобы оторвать примерзшие полозья. Обоз заскрипел, полозья заныли.

Вслед махали и кричали:

— Возвращайтеся!

— Родных углов не забывайте!

Ватажники откликались:

— А вы к нам!

— На хорошее житье!

— На богатые ловли!

Вот и голосов не стало слышно. Ватага большая. Уже не видно передних, а задние все оглядываются и оглядываются. Придется ли еще увидеть родных людей и Город?..

Всех ватажников набралось около двухсот, а возов — до пяти десятков. Впереди бегут лыжники, чтобы осмат-

ривать дорогу по запорошенному льду и прокладывать путь саням. В хвосте другие лыжники следят за обозом, который идет в середине ватаги.

Так и пойдут все время, каждый на своем месте, охраняя и сторожа себя и всех. Хотя сейчас ватага идет своей землей и никто ее не обидит, но где же и учиться походному ремеслу, как не дома. Малая ватажка может и спрятаться и убежать, а у большой ватаги вся сила в порядке.

С обозом ехали двое Ставровых приказчиков для наблюдения за отдачей долга. А рядом с родным и двоюродным братьями шла Заренка. Отец и мать отпустили девушку проводить братьев и погостить у родных, которые жили в новгородском пригороде Ладоге на Волхове, близ озера Нево.

Глава третья

1

От озера Ильменя до озера Нево волховские берега обжиты. На удобных местах лес сведен и землица пошла под посевы.

Богатые земельные владельцы крепко живут на больших огнищах. Жилые избы, клети, хлева и крытые дворы собраны в кулак и спрятаны за тыном. Издали видны толстые черные бревна, заостренные на концах. Над ними теснятся, как опята или овцы, присыпанные снегом крыши.

Большие рода́ или друзья сели починками. На починках хозяева стараются ставить избы вплотную. Задние глухие стены сходятся вместе, как одна. А впереди дворы закрываются тыном. Ворота прочные, и калитки так узки, что едва пройдешь. Внутри же починков хозяева сообщаются один с другим через дверцы в оградах. Можно весь починок пройти насквозь и подать соседу помощь. На починках живут крепко.

Однако новгородцы не боятся садиться и в одиночку, односемейно, заи́мкой. Они не любят заранее томить мыслью о том, что кто-то может их обидеть. На полюбившемся месте новгородец рубит избу двумя глухими стенами наружу, а окнами и дверью — во двор. От глухих стен хозяин отводит ограду и замыкает усадьбу. Этого достаточно для защиты от зверя, а от людей нужно полагаться на себя, а не на стены.

Весь Волхов течет под новгородским надзором. Летом береговой огнищанин любит причалить к каравану на челноке, чтобы послушать людей и сменять чего-нибудь для хозяйства. А зимой встречает обозы.

Доброга хотел дойти до озера Нево за четыре дня. Староста наблюдал, чтобы передние держали правильный шаг, а задние не оттягивали.

На ходу следовало присмотреться к людям. К ватагам всегда пристают и те, кто не знает своей силы. Таких нужно вовремя отбить. Чем дальше, тем больше они будут в тягость и товарищам и себе.

Поэтому-то Доброга с помощью походных старост с первого дня потянул ватагу во всю мочь. Поднимал людей затемно и вел до поздней ночи. Никому не позволялось присаживаться на тяжело груженные возы — он берег не людей, а лошадей.

В ватаге нашлось около двадцати девушек и молодых женщин. Им тоже не давали потачки: назвался груздем, так полезай в кузов! Все они бежали на лыжах, и по одежде их не отличить от мужчин.

Ватага ночевала прямо на льду. Сани ставили в круг, лошадей — в середину. По очереди сторожили, а спали на снегу, как выводок серых куропаток. В первые дни не варили горячего, довольствовались домашними подорожниками.

Ватажный уклад строже городского. За каждую малую провинность полагается строгое наказание. А за большую вину могут лишить и жизни. В Новгороде нет обычая казнить смертью. За каждую вину по Правде назначается вира. Но и в Городе бывает, что на вече обозленный народ забивает преступника насмерть.

Не думает молодежь о дурном, не ждет худого от жизни. Заренка не отставала от братьев. Все-то любо девушке, так бы она и бежала до самого края Земли! Ее радуют и морозный воздух, и скрип саней, и говор ватажников, и заснеженные берега, и черные леса, и избяные дымки починков и заимок.

Когда кто-нибудь бежал к ватаге навстречу, девушка прибавляла шаг:

— Что-то мне стало зябко.

А если прибрежный житель догонял ватагу, то Заренка останавливалась и оглядывалась.

2

У Доброги распрямилась спина, и он больше не кашлял. Ватажный староста совсем оправился от осеннего недуга. Он точно родился на лыжах. Доброга среднего роста, такого же, как Заренка. У него широкая шелковая борода, не черная, но и не светлая, чистое лицо, румяные щеки, глаза веселые и на языке всегда готово умное слово. Он не знает ни устали, ни покоя. То остановится и, щупая рысьими глазами, пропустит мимо себя всю ватагу, то пристанет к кому-либо и пробежится рядом, поговорит. Знакомится со всеми.

Доброга любит молодок и девушек, ему теплее около них. И они его любят. Он споет песню, сшутит шутку, расскажет небылицу. С веселым человеком хорошо, не хочешь, а рассмеешься. Доброга шутит не обидно. Его знают, как мастера играть на гудке.

— Гудок-то свой взял?

— Взял, да не про вас он,— ответил староста, а сам примечал: этот парень что-то слабоват. Не прошло и полдня, а он, как рыба на берегу, ловит ртом воздух.

— А для кого же гудок? — не отстают молодки. Знают, что староста припас, чем повеселить людей.

— Как придем на реку, буду играть в лесу. Там живут соболихи, они великие охотницы до гудка. Сейчас прискачет и с себя сама шкурку стянет. На, мол, тебе, охотничек, за то, что меня, забытую и печальную, хорошо потешил.

— Знаем, уж знаем мы, какие тебе соболихи снятся! — смеются женщины на старосту, а тот предлагает парню:

— А ну! Давай бежать наперегонки. Осилишь меня, гудок твой. А он у меня дорогой, заговоренный.

Парень не признавался в своей слабости и отшучивался:

— Ладно тебе, Доброга. Владей своим гудком, он мне не нужен, я и так соболих наловлю.

А волховские берега уходят и уходят. За ватагой ложится на лед широкая, наезженная дорога.

Слегка снежит. Небо затянуто, и большого холода нет. Люди греются на ходу, сбивают шапки на затылки, суют рукавички за пояса и развязывают завязки на тулупчиках. Тепло.

По-над берегом кто-то бежал наперерез ватаге, на круче пригнулся и прыгнул вниз. Аж завился белой

пылью и покатил по льду. Ловок! Он завернул и оказался в голове ватаги:

— Кто староста?

Доброга как услышал, побежал вперед. Не один. С ним вместо слабого парня погналась Заренка. Рядом бегут. Нет! Девушка вырвалась вперед, Доброга отстал. Всем развлечение. Народ шумит:

— Ай да девка! Ишь, шустрая! Наддай, наддай!

Шалит Доброга, дает девушке поблажку. Во весь рот ухмыляются старые дружки ватажного старосты: Доброга известный мастак! Заренка же бежит и бежит. Девичьи ноги легкие.

Староста нажал и пошел рядом. Сказал Заренке:

— Не спеши, задохнешься.

Нет, девушка дышала ровно. Она только сверкнула на охотника черными глазами и прибавила ходу. И Доброга прибавил. Так и добежали в голову ватаги, будто в смычке́. Поиграли и будет.

Незнакомый человек бежал к ватаге. Заренка остановилась, чтобы пропустить ватагу и встать на свое место.

— Ну, девка! Хороша! С такой не пропадешь,— одобряли Заренку ватажники. Она не отвечала, будто ей в привычку гоняться на лыжах с лучшим охотником.

Доброга на ходу беседовал с пришлым парнем, кто он, что умеет. Парень еще с осени слыхал о ватаге и хочет с людьми идти.

— Собирайся, догоняй ватагу,— разрешил староста. Не последний человек просится в ватагу, будут по пути и еще приставать. О новых будет решать ватажное вече, а старосте этот парень понравился.

3

Опять ватажный староста скользит лыжами рядом с Заренкой, рассказывает о далеких лесах, безыменных реках, о непуганых зверях и птицах. Бывалый охотник знает тайные озера в глухомани, где в лунные ночи удальцам случалось подсматривать белых водяниц. Водяницы играют, нежатся...

Смельчак крадется в челноке, веслом не плеснет. Только руку протянет, чтобы схватить, а уж их и нет. Они обернулись белыми кувшинками, озерными розами, а в воде, где они плескались, ходит одна рыба. Потянешь кувшинку за длинный стебель, а водяница его снизу тянет, играет с тобой.

А иной раз водяницы оборачиваются лебедями. Нужно знать слово. Это заветное слово на заре, после первой весенней грозы, раз, лишь один раз в своей жизни молвит лебедке лебедь. Это верное слово знает и дикий гусь. Услышав, лебедка повторяет слово и на всю жизнь слюбляется с лебедем. Вот почему так крепко брачатся и лебеди и гуси.

Если же человек подслушает это слово, запомнит и скажет водянице, его она будет. В ней сразу сердце заговорит, ей холодно сделается в воде, и она, больше ничего не боясь, сама вся потянется к человеку. Тут ее и бери. Она сделается верной женой, откроет любимому все водяные и лесные тайны и живет с ним, не стареется, такая же, как в первую ночь на озере.

Но с человеком водяница живет только летом. Когда вода начинает подергиваться первым льдом, любушка уходит вглубь и спит до весны.

Водяница берет от человека зарок, чтобы он хранил ей верность и в деле и в мыслях. Кто нарушит зарок, больше не увидит любушки. Зиму он проживет спокойно. А летом, проснувшись, водяница ему не даст покоя. Она будет рядом невидимо плакать горькими слезами. От них неверный человек чахнет, пока не сгибнет совсем.

Все, затаив дыхание, слушали Доброгу. Сам же бывалый охотник и вправду вспоминал лунные блики на озерах, белые руки и прозрачные тела дивных купальниц. Он скрадывал весенние лебединые тайны, слышал и слово, но не сумел ни запомнить его, ни повторить.

— Ан ты, Доброгушка, водяницу-то покинул, что летом чахнул, а зимой она тебя отпустила? — задела старосту бойкая молодка. Она шла с мужем и заранее приревновала его к водяницам.

— На что мне водяницы? Я и без них хорошо проживу! — засмеялся Доброга и побежал вперед.

Убежал староста, и Заренке сделалось скучно. Она не слыхала таких слов, какие знает ватажный староста, и не видала таких людей. Она задумывается, а о чем — сама не знает. Какая же девушка разберется в своем неопытном сердце?..

А Одинца все нет как нет.

Глава четвертая

1

Одинец шел лесом и тащил за собой санки. Широкий лубок был высоко и круто загнут, и на нем был закреплен лубяной кузов. Такие санки на сплошном и широком полозе легко тащить без дороги. В коробе лежало приданое молодца и запас еды на дорогу. Сверху привязаны лыжи.

Снега мало, земля припорошена едва на четверть и видны былки. Где бугорок — там гриб-дедовик, где холмик — там домик спящих муравьев.

Лычницы шоркали, и под снегом похрустывал сушняк. Близкий звук не уходил, он будто оставался на месте. В лесу тихо, как нет никого. Морена сковала и воздух.

Тсарг с меньшим парнишкой провожали гостя. Девка было метнулась, но отец на нее цыкнул.

Версты две они шли молча, каждый сам по себе. Тсарг с сыном то обгоняли Одинца, то отставали. До самой разлуки не сказали ни одного слова. Наконец Тсарг взял Одинца за плечо.

— Иди так,— и мерянин показал на сивер.— Будешь идти так два дня или три дня, все едино. Потом еще три дня пойдешь на полуночник. После опять ступай на сивер. Смело топчи землю и дни считай. Гляди, день на третий, на четвертый ли и выйдешь на большую реку Свирь-Глубокую. Она течет из Онеги-озера Звонкого в Нево-озеро. По ней ватага та пробежит. Ладно... Иди!

Одинец упал на колени и ударил доброму человеку лбом.

— Иди, иди,— тихо сказал мерянин,— ладно тебе.— Он сам низко кланялся Одинцу, а парнишка Тсаргов от сердца отбил земной поклон.

Встали и повернулись: Одинец — на сивер, Тсарг — на полуденник,— и расстались. Потом Тсарг оглянулся. Одинец шагал саженными шагами, и за ним прыгал лубок. Шибко идет!

— А-ой! — закричал Тсарг.— Много-много шкурок накопишь, приходи! Откупишь виру, у меня жить будешь!

Одинец запнулся, снял шапку и махнул: слышу, мол. Опять зашагал...

А Тсарг все глядел — большой парень, сильный работник... Эх, уходит!.. Над рысьей шапкой, которую Тсарг дал Одинцу, торчали, еще прибавляя роста, лук и наве-

шенная на спину рогатина. На другом краю поляны Одинец чуть обернулся, махнул рукой, и нет его больше, совсем ушел.

Пора и Гсаргу, у него много дел. Мерянин пустился вместе с сынишкой большим кругом проверять капканы и силки, вынимать добычу и наново настораживать стронутую снасть.

У старшего большие заботы. Семья держится его приказом. Семья — сила. Рассыплется семья — каждый обидит. Но приказ старшего без ума ничего не стоит. По присловью — кривую спину не выпрямишь кафтаном и глупую голову не украсишь шапкой. Тсарг шел и в уме отсчитывал все будущие денечки — кому, что, как и когда делать. От дум тяжелела голова.

2

А Одинцу нипочем. Одна не болит голова, а болит — так все одна. Оружие хорошее, силы достаточно, и ему сам леший был не брат. Он шагал и шагал в деревьях и поросли, выбирая дорожку для лубяных санок, поглядывая на мох и сучья, чтобы определить путь и не сбиться в серенький денек, когда по небу не поймешь, где полуночь, а где полдень.

В середине дня беглец присел на повалившееся дерево, съел кусок вяленого мяса и — дальше. Усталости нет, ну и ступай.

Встретилось широкое болото, куда шире того, через которое Одинец осенью пробирался к Тсаргу. Желтел тростник с черными бобышками, под снегом темнели кочки, и голый ракитник стоял, как обгорелый. Щедрая клюква до весны спряталась под снегом. Окон не видно, зыбун затвердел.

Не верь болоту и зимой. Болотная жижа густа и тепла. Там, где к кочкам, камышу и к кустам ветер подбил снег, в самые лютые морозы не замерзает вода.

Пора становиться на лыжи. Охотничьи лыжи короткие, шириной же в четверть. Передки распарены в бане, заострены и выгнуты. В них были высверлены дырочки для поводка, чтобы легче вертеться в лесу.

Теплый зыбун еще дышал. Иногда на лыжном следу снег сырел, прихватывая санки. В таком месте, эй, не стой, ступай вперед. Но и бежать не беги, не зевай и сильно не дави, лыжи вынесут.

Вот и конец болоту. Одинец поглядел назад. Широ-

кий малик от лубяного полоза петлял, но нигде не рвался. Веревочка к Тсаргову огнищу, ее еще долго будет видно. Засыплет новым снегом, отпустит оттепелью, малик постареет, но все зоркий глаз его найдет. А что впереди? Чего же зря терять время, иди да иди.

До этого места мысли Одинца летели назад. Все думалось о Тсарге и о его семье, как он жил с ними. Добрые люди. Думалось о возвращении Тсарга из Города, что он сказал и как, не медля часа, принялся собирать Одинца в путь. А девка, дочь Тсарга? Пустое дело. Вот если бы подменить ее на Заренку... Заренка!

Мысли Одинца оторвались от Тсарговой заимки и полетели вперед. Пятнадцать фунтов серебра — большое богатство, но ведь и оно собирается по золотникам. Тсарг сказал правду. Набрать побольше мехов и оправдать виру.

Небо густо посерело. Парень зашел в пихтач и выбрал дерево, подсохшее на корню. Чтобы не было жарко, он сбросил тулупчик и нарубил пихтовых лап на постель. Сухое дерево он свалил, сбил сучья и надколол бревно припасенными в поклаже клиньями. Потом он приподнял его на сучьях и развел костер под хлыстом.

Он расстелил пихтовые лапы вдоль готовой нодьи, чтобы не лежать на снегу. Костерок разгорелся, из хлыста закапала смола, и надколотое бревно приняло огонь. Теперь дерево будет само себя досушивать и кормить огонь без отказа. Пламя сгрызет бревно до самого комля.

За делом сгустилась ночь. Здравствуй, темная! У нодьи светло и тепло. Одинец растопил в котелке чистого снега, бросил горсть крупной муки и щепоть соли, опустил кусок вяленого мяса. Каша поспела быстро, и самодельная ложка дочиста выскребла котелок.

Свет от нодьи ходил по непроглядной стене, показывал и гнутые, щетинистые лапы, и сизые стволы, и волосатый мох на ветках. На огонь налетела сова, бесшумно порхнула туда и сюда, метнулась, и нет ее. Одинец смотрел вверх, как из колодца. Наверху плясала и мигала звездочка.

Ой, звездочка, все-то ты видишь, все-то знаешь, но не расскажешь. А близка ты... Опустилась, ясная, и повисла над самой лесной вершиной. Влезть и достать рукой. Нет, обманывает, не долезешь до нее. Чтобы дотянуться, нужно построить невиданную башню.

Одинцу мнилось, что он рубит лес и ладит башню до самого неба. Вот и звезды. Они литые из чистого серебра.

3

Телу стало холодно и дрожко. Одинец проснулся. Огонь по нодье отошел, пора перебираться за теплом.

За лесом небо видно плохо и нельзя рассмотреть, как звезды повернулись кругом своей Матки. А нодья говорила, что минула уже немалая часть ночи. Теплая нодья тлела, как свеча, оставляя за собой голую, посыпанную пеплом землю.

Одинец переполз по пихтовой постели против огня. Здесь хорошо, подставляй спину в одной рубашке, спереди прикройся тулупчиком и спи, как в избе.

Первый сон силен и быстро борет человека. Второй ленивее и туманит понемногу, подходит, отскакивает. Нодья шипела и потрескивала под зубами огня. Огонь доберется до конца бревна и опять куда-то скроется, будет ждать, пока огниво не выбьет малую искорку из кремня на варенный в печной золе древесный гриб — трут.

Кругом тихо. Кажется, что крикни, и голос пойдет до самого Тсаргова огнища, до Изяславова двора в Городе. Но попробуй крикнуть! Лес примет твой голос и спрячет. Лес быстро глушит человеческий голос, он любит другие голоса. Он подхватывает и несет весенние птичьи свисты, щелканье, гульканье, гоготанье, цыканье, гуканье, блеянье, бормотанье, тарахтенье и каждый вскрик жаркой и бурной птичьей любви.

Зимой сонному лесу тешиться нечем. И он затягивает в дремоте тоскливую песню: «Холодно, голодно, ах, а-ах, уу-ах, тошно, у-о...»

Зимняя песня начинается сверху и тянется поверху. Дрожкая и зыбкая, но вместе и острая, она режет сердце серпом. На втором колене дикая лесная песня расползается шире и опускается, уже не летит она, а лезет по чаще. А на третьем колене глохнет, будто втыкается в вязкое болото.

Эх вы, ночные зимние песни! Вас поет не счастье, не радость, не любовь. Вас поет нужда, но об этой нужде никто не запечалится и ничья рука не протянется помочь. Эта нужда злая, и утоляется не трудом и лаской, а живой кровью и теплым мясом. Ей никто не верит, никто не разжалобится.

Злую песнь тянет бездонное волчье брюхо, поет несытое волчье горло. Одинец слушал сквозь дремоту. Волчья ночь еще не пришла, волки еще боятся огня и человека. Пусть воют.

4

Нодья догорела одновременно с первым светом. Одинец поторопился сварить кашицу. Его сборы были недолги. Встал — и весь тут.

Он черкнул ножом по древку рогатины — поставил бирку за пройденный день. Он торопился. Лесные пути неровны. И быстро бежишь и зря теряешь время, когда, запутавшись в глухомани, петляешь зайцем. В красном сосновом раменье легко, в еловом труднее, а в чернолесье приходится тащить санки на себе и лезть медведем напролом. Наломаешь спину и ищи обхода.

Для нодьи пригодно не каждое дерево. На все нужно время и время, а зима шла к солнцевороту, и ночь борола день. Одинец старался не терять коротких дневных часов.

Дважды выходил он к чьим-то огнищам. Он ничего не боялся, сидя у Тсарга, а теперь думал, что его могут опознать, и делал большие обходы.

На шестой бирке Одинца застигла злая метель-поползуха. Он построил шалаш, ухитился ельником, чтобы не засыпало, и отсидел, как зверь в берлоге, два дня. Метель навалила по пояс рыхлого снега, а Одинцу приходилось тащить салазки.

Просветы открылись на четырнадцатый день, и беглец вынырнул из лесов, как сом из водяной глуби.

На пустошах торчали обгорелые пни после пала, издали поднимался живой дым.

Починок был поставлен на высоком речном берегу. Надо льдом вверх днищами лежали расшивы и челноки. На реке кое-где около прорубей копошились люди.

Одинец скинул рукавичку и посмотрел на руку: черная, закопченная дымом и сажей. Он подумал, что и лицом он весь почернел. Кто узнает такого?

Толкнулся в калитку. Хозяйка ответила, что мужа нет дома, а без него она не пустит в дом чужого. Ну и леший с ней... Постучался рядом, и его впустили, хотя и здесь не было мужиков: кто в лесу, кто пошел в Загубье, новгородский пригородок, кто возится на льду и достает сига, тайменя, ряпушку, хариуса, снетка, голавля-мирона, тарань, язя, плотву.

Словоохотливая и радушная хозяйка объяснила гостю, что не ошибся он, нет, как раз и угодил на реку Сверь, или Свирь, она же Сюверь, что значит Глубокая...

— А из Новгорода повольничья ватага проходила ли?

— Не было такой, не было. Мы бы увидели. А слух ходил. Новгородские сильно сбивались идти зимним путем на восход от Онеги-озера. Так это, точно. А не видали ватагу-то. Мимо ей идти, одна ей дороженька, по нашей Сювери-Глубокой. Где же тебе товарищей ждать тех, голубь, как не здесь-то? Живи.

Когда Одинец жил у Изяслава, на него нередко находило безделье, и он отлынивал от дела, меняя его на забавы. С первого дня жизни у Тсарга пришла перемена, руки все время просили работы. Парень соскучился по звонкой наковальне и по горновому пламени. Новый случайный хозяин оказался сереброкузнецом. В ожидании ватаги Одинец помогал ему лепить из воска серьги, застежки и наручные кольца, снимать формы и отливать красивые безделки.

Глава пятая

1

Старый новгородский пригород Ладога, что значит Приволновый город, стоял за тыном, на высоком берегу Волхова, недалеко от озера Нево. Ватага прибыла в Ладогу на четвертый день.

Старосты объявили дневку, отдых лошадям и людям. После Ладоги путь пойдет по невскому льду до Свирского устья. Нево летом бурное, а зимами вьюжное, его нужно одолеть за один день.

Повольники рассыпались по дворам Ладоги. Заренка с братьями пришла к родным. Там поднялся дым коромыслом. Хозяйки захлопотали, принялись топить печи. Мужики были рады бросить обычные дела ради гостей, почали новые липовые кадушки, потчевали дорогих гостей медом, пивом, не забывая и себя. Одна Заренка сидела смутная и грустная.

Хозяева не удивлялись на молодежь, которая оставляла семьи, меняла родное тепло, отцовскую заботу и материнскую ласку на широкую даль без мысли о том, что ждет впереди.

Отрастив крылья, птенцы улетают из гнезд, набравшись силы, медвежата оставляют медведицу. У всех одинаково. Разрастается семья и бросает от старого корня новые побеги. Так по разуму, но сердце чувствует иначе.

Заренка с тоской обнимала своего брата Сувора и, положив ему на плечо голову, говорила со слезами:

— Куда ты идешь, как будешь жить с одним Радоком?

Двоюродный брат Заренки Радок старше ее на два лета, а родной брат Сувор старше почти на три. Сувор такой же смуглый и черноволосый, как сестра. Эти две веточки Изяславова ствола вместе росли и всем делились, не имея тайн. Сувор крепко дружил с Одинцом, не препятствовал ему и сестре любиться и горевал, когда Одинца выгнали из Города. Не стало Одинца, еще больше Заренка прильнула к Сувору. Девушка шептала брату:

— Я не хочу возвращаться домой, хочу идти дальше с ватагой.

— А как же без спросу оставишь мать и отца?

— У них и без меня есть кого любить.

— Дорога будет тяжела, сил у тебя не хватит.

Заренка вспыхнула, у нее сразу высохли слезы:

— А сколько баб и девок идет с ватагой! Что я, хуже других?

Если ответить по совести, то Заренка не хуже, а лучше многих. Едва научившись ходить, она не отставала от Сувора. Он с топором, и она тут: «Дай, я потяпаю».

Сувор с луком, и она тянет за тетиву с той же ухваткой. Они вместе гребли на челноках и вместе переплывали саженками Волхов, не боясь быстрого течения и мутной глыби широкой реки. Сильная и упорная, Заренка следом за Сувором проходила мужскую науку.

Не мог Сувор ни отказать сестре, ни согласиться с нею и ждал, чтобы скорее минула короткая дневка.

2

Но дневка затянулась. К утру закурились застрехи, и дым погнало обратно в избы. С каждым часом вьюжило все сильнее. Небо замешалось, и наступил такой темный день, что стало впору зажигать свечи, лучину и носатые фитильные плошки, налитые маслом.

Доброга собрал своих походных старост судить о ватажных делах. Из кожаной сумки-зепи Доброга доставал берестовые листки. Каждый листок выбран из лучшей, чистой бересты, тонко расщепленной и расправленной под гнетом. На них бывалый охотник начертил шилом пути, которыми он возвращался в Новгород с неведомой реки.

Длинная дорога легла не на один и не на два листка. Доброга подбирал их на столе один к одному не зря.

На одном уголке каждого листка буковка показывала порядок, а на другом был выжат шилом крестик, обозначающий небесную Матку.

Доброга размыслил положение избы на Матку и раскладывал свои листки. На них были нарисованы речки, ручейки, болота, озера и озерки, леса, рощи, поляны. С листа на лист ползла змейка дорожки. Все видно, и все понятно. Кто с умом, тот не потеряется. А глупый, тот и в трех соснах заблудится. Доброгина речь не для глупых.

Слушая своего ватажного, походные старосты опасались пропустить нужное слово или проронить свое лишнее. Если чего сразу не понял, то лучше постарайся сам сообразить, а переспрашивать умей невзначай, чтобы не показать себя глупее других.

У новгородцев острые языки. За вздорный вопрос прозовут недомекой, тяжкодумом, дуботолком или выдумают обидное прозвище. Оно, того и гляди, так прилипнет, что не отделаешься.

Доброга это знает, поэтому не торопится, повторяет и возвращается назад. Он хочет все нужное как долотом забить в головы своих подручных. Много, много всего случается в лесных странствованиях. Ватага не может держаться на одном человеке. Должна быть готова замена.

Мужики сопят-посапывают, теребят бороды, слушают, думают. На берестяных листах Доброгиных расставлены метки и обозначены дни хода. До озера Онеги ровная дорога, по льду. Это известный путь. Доброга отметил удобные для ночлегов леса и починки. Ватажный староста положил в шестнадцать дней дойти до восходного берега озера Онеги. На дневки он добавляет четыре дня. Да еще может задержать случайная непогода. Всего будут идти по двадцати пяти дней.

После озера Онеги начнутся настоящие труды. В Черном лесу нет никого: ни русских-славян, ни веси, ни чуди, ни югоры. Одни бобры на ручьях поставили плотинки и затопили лес. На сухих релках растет красное раменье — сосна, ель, вековечная пихта. Начинаются соболиные гоны, много оленя, лося, бортевой пчелы, глухаря, рябка, тетерева, медведей и волков. На озера и болота веснами приходят несметные рати водяных птиц. В Черном лесу нет и нет человека и нет водных путей. Доброга с товарищами пробивались летом и расплачивались жизнями.

Сколько же времени придется идти Черным лесом? Если бы бежать, как по льду, то дней пятнадцать.

В летнюю пору будешь мучиться дней семьдесят или восемьдесят и все равно не пройдешь ни обозом, ни многолюдством. И зимой, хотя топи закованы, нет ни прямой, ни легкой дороги. Придется и прорубаться и делать обходы. Глухомань. Доброга клал на Черный лес не двадцать и не двадцать пять, а все тридцать дней. Это не беда. Там много зверя, и там ватага будет сама себя кормить охотой.

Добрались до двух последних берестяных листков. Вот и острожки, в которых хранятся шкурки, собранные Доброгой и его погибшими товарищами. Рядом пробежная вода, никем не виданная безыменная река. На ее берег ватаге следует прийти до дня весеннего солнцестояния, до поры злых предвесенних вьюг. На речном берегу ватага будет до лета валить лес, ставить срубы, долбить челноки, готовить расшивы и охотничать на зверя и птицу.

А ветер все выл и выл над Ладогой. Старосты разогнули спины, вышли на крытый двор и на улицу. Крепко напала поползуха. Дуро́м закрутила. Что же делать? Сидеть на месте, в Ладоге. На открытом невском льду вьюга так закружит, что навеки успокоишься в сугробах. Дневка продлится. А пока — обратно в избу. Думать о дороге и о новых местах. Чем больше думаешь, тем больше думается. Как на новом огнище: одну лесину свалил, за ней стоит другая.

На полатях лежали ребятишки. Слушая взрослых, они боялись пошевелиться. Долго еще будут ребятишки между собой обсуждать ватажные дела и завидовать старшим. А подрастут, и сами расправят крылья.

3

Третий день крутила непогода. Доброга зашел в дом, где Заренка коротала время с братьями. Староста, весь в снегу, весело выбирал сосульки из бороды. С ним в избе сразу стало тесно и шумно.

Хозяйка по обычаю поднесла гостю ковш с брусничным пирогом на заежку. Доброга пил без опаски. У него голова крепкая, держаный хмельной мед ему придавал силу. Он запрокинул голову и вылил в себя мед, как в кувшин.

Крякнул и пошутил с невеселой Заренкой:

— Что ты, девонька, завесила глазки ресницами? Не печалься. Братцы вернутся и тебя, как боярышню, оде-

нут соболями и бобрами. А осядут на новом месте, так ты приходи к ним. Они будут большими владельцами, поставят широкие дворы, а тебе приготовят доброго и богатого-пребогатого жениха!

Девушка не отозвалась, и Доброга не потребовал ответа. Он знал женское сердце. Не вышло сразу, и не приставай, не нуди, заводи другую речь. Девки, как жеребята: взбрыкнет, и ищи ветра в поле. Он расспрашивал Сувора и Радока, какое ремесло они знали, как умели владеть оружием, как охотничали кругом Новгорода, как ловили рыбу. Хорошие парни, о них ничего, кроме хорошего, не скажешь. Одно слово — Изяславовы. Беседа сошла на охотницкие были. Доброга говорил, не глядя на Заренку, но чувствовал, как девушка его слушала. Ватажный староста не ошибался. Заренка не встречала людей с таким ярким, будто дневной свет, словом, как Доброга. Он говорил, а она как видела все. Она невольно сравнивала Доброгу с молчаливым Одинцом, и тот отступал, казался мальчиком рядом со зрелым мужчиной.

Ватажный староста не красил повольницкую жизнь. Он не забывал сказать о мелкой мошке — гнусе, которая точит живую кожу, лезет в рот и в нос, не дает дышать. Воды не напиться: пока успеешь донести к губам ковшик, мошка уже плавает поверху, как отстой сливок в молочном горшке. Лесной комар летит тучей, застилает небо, и его рукой не отмахнешь. В начале лета от комариных укусов у человека отекают руки, шея, лицо. Но потом привыкаешь. Комары жалят по-прежнему, а опухоли нет. А лесные речки только и подкарауливают человека, чтобы утопить. Омуты, бочаги, колодник...

Сувор и Радок согласно кивали. Знаем, мол, не боимся.

— Слышишь, как? — спросил сестру Сувор.

— Не все же по ровному ходить,— коротко ответила Заренка.

Как будто ничего не слыхав, Доброга продолжал рассказывать о ловлях и охотах, о звериных повадках. Он передавал сказания о медведях, которые похищали баб и девушек и усыпляли их корнем сон-травы, чтобы они не могли зимой убежать из берлоги. Он рассказывал о схватках с коварной рысью-пардусом, о поединках с медведями и летом и зимой. Говорил о том, как он четыре дня ходил по следу медведя, кото-

рый погубил в Черном лесу его товарища, и как в отчаянной борьбе со злобным зверем отомстил за друга.

Он разгорелся, но соблюдал свою честь: не привирал и не придумывал. Мало ли он повидал! Если все вспомнить, ему одной чистой правды хватит на всю долгую зиму.

Он собрался уходить, и Заренка вышла за ним. За дверью, с глазу на глаз, девушка спросила ватажного старосту:

— Не прогонишь меня от ватаги, если я с вами пойду?

Доброга усмехнулся:

— Не боишься, что тебя медведь украдет?

Девушка вспыхнула и топнула на старосту ногой:

— Не смей, не пустоши! Другую украдет, а я не дамся! Дело говори!

У Доброги пропал смех. Он протянул к девушке руку, будто о чем попросил, и тихо сказал:

— Не в шутку говорю, а в правду, по чести. Трудно будет нам, трудно...

— Мне — не трудно,— отрезала Заренка.

Староста взглянул, точно ее увидел в первый раз:

— Что же, иди. Я не препятствую.

Он вышел на улицу. Пусто, темно, вьюжно. Все живое попряталось, собаки и те молчат. Вымер пригород. Снег сечет лицо, а Доброге радостно, ему непогода — ничто! Он потянулся, расправился. Он чувствовал свою силу, будто совсем молод, будто прожито не сорок лет, а двадцать, и по жизни еще не хожено, будто в его жизни все может быть наново, и все — в первый раз.

Эта девушка, Заренка, родилась на свет не для шутки и не для легкой забавы. Такая и сильного согнет и на вольного наденет путы. И — ладно!

Глава шестая

1

Ватага, пережидая непогоду, отсидела в Ладоге три дня. К вечеру третьего дня метель прекратилась, небо прояснилось, и по улицам прошли старосты с криком:

— Сбирайся! Выходи!

Навалило рыхлого, пухлого снегу. Под ним залегло озеро Нево с зелеными водами, с бездонными ямами, со скользкими скалами, с серыми и желтыми песками.

Ватага выползла на озеро, построились и тронулись. На ровном снегу не было следа, повольникам пришлось пробивать первую дорогу на Свирь-Глубокую.

Погляди на серых гусей в их высоком полете. Сильные птицы тянут дружным косяком и беспрестанно меняются. Кто летел в острие клина, отстает, уступая свое место другому. Видно, и в небе, как в снегу, приходится пробивать путь, и умные птицы делят труд.

Ватага полетела по озеру, как гусиный табун. Впереди трое повольников на широких лыжах пахали борозду. За ними трое других припахивали, а за теми остальные уминали и накатывали доплотна. И обоз катился, как по улице. Лошадкам было только и труда, что пятнать копытами твердую дорожку.

Новгородцы умели ходить зимой, и им не были страшны никакие снега. Чем больше бывало в ватаге людей, тем скорее она бежала.

Головные менялись в очередь. Соскакивая с ходу в снег, они пропускали лыжников и, став перед обозом на умятый след, отдыхали на легком ходу, пока вновь не оказывались в голове. Со стороны казалось, что ватага бежит бегом, а по сторонам все стоят и стоят столбиками люди.

После вьюги мороз крепчал. Пройдя ночь, утром ватага остановилась перевести дух. Шапки, бороды и длинная шерсть на лошадях заиндевели. Над ватагой стелился туман. Солнышко поднялось красноватое, как желток печеного яйца, и в дымке. Видно, и его морозец пощипывал за ясное личико.

На полудне легла темная полоса — лесистый берег озера. А впереди острый глаз мог различить сизое облако — губу глубокой реки Свири. На левой руке сплошь до самого неба стелился снег. Все белым-бело, засыпано серебряной пылью с синими искорками. Нет, не все.

— Глянь-ка! — показывал один из бывалых людей молодому парню.— Видишь?

Парень смотрел, сомневаясь, и спросил:

— Там? Чернеется. Не то рукавичку кто на снег бросил?

— Рукавичка!.. Такая рукавичка будет с тебя ростом. Это водяная свинья — нерпа вылезла подышать. До нее знаешь сколько ходу будет? То-то!

Повольники переговаривались, отдыхая, и Нево не молчало. Вздохнуло, и издали пошел гул. Ближе и ближе гудело, под ногами треснуло и смолкло.

Это во сне с боку на бок повернулся Невский Водяной, от него пошла волна и качнулся лед. Старому чудится Весна.

Придет тепло, разломает крышку, и озеро поцелуется с вольным ветром. Заиграет оно, забьется волной, поднимется пеной, а в пене и сам Пучеглазый запрыгает, распустит зеленые волосы, зашлепает щучьим хвостом и перепончатыми лапами. Ему буря люба. Хитрый. Играет, а сам зыркает белесым глазом на небо, как бы и его самого невзначай не зашибло громом. Он ловок: молния чуть сверкнет, а он уже спрятался, на дне отсиживается. Спи до своего срока, Озерский Хозяин. Тебе еще долго придется отлеживать бока.

Нагоняя ватагу, от Ладоги по проложенному следу бегут люди. Отсталые. С ними и новые могут быть. Решили до срока никому отказа не давать. Пусть идут, показывают себя и знакомятся с коренными ватажниками.

Заренка идет с братьями. Они в Ладоге сказались родным, что девушка еще немного проводит парней. А на самом деле она переволила братьев и обошлась без разрешения Изяслава.

Родительская власть велика, и родительской волей, как сноп жгутом, держится семья. В роду дети слушаются отца и матери до собственных белых волос. Но вдали от глаз старших семейная связь горит соломой, молодые стремятся уйти от родного дома, и их ничем не удержишь.

Так было исстари, и так будет всегда. Если бы не уходило из дому молодое племя, кто бы подводил под Новгород новые земли, пускал в Черных лесах новые палы и расчищал новые огнища?

Верно все, правильно... А все же прежде своего времени белеют отцовские головы и слепнут слезами материнские глаза. Молодое сердце — жестокое сердце. Ему жить, а всем другим — только стариться.

2

До ночи ватага успела достичь Свирской губы и пробилась через губу по узкой шейке. На ночевку встали в Загубском починке, на свирском берегу. В Новгородских землях все дороги считались от Города, поэтому так и называли починок.

Река Свирь у́же Волхова, берега пустынны и лесисты. От Загубья ватага ночевала в лесах.

Ватажный староста быстро сдружился с братьями Заренки. Сувор и Радок искренне гордились, что Доброга их отличал от других, и между собой говорили о нем и старались ему подражать. С Заренкой Доброга говорил редко, зато с братьями беседовал так, чтобы его слова девушка слышала. И поглядывал на нее. Иной взгляд говорит не хуже слов.

Девушка ушла из Новгорода ради Одинца. Она видела и ждала его в каждом новом человеке, который просился в ватагу. Кончился Волхов, Нево позади, ватага идет Сюверью, Одинца нет и нет... Но хотя и не поздно, Заренка не думает о том, чтобы вернуться домой.

— Утомилась, девушка? — ласково спросил Доброга, который незаметно очутился рядом.

— Нет.

— Добро.

Они взглянули друг на друга, вот и весь разговор. Заренка не думала о возвращении, ее не тяготила дорога. Она мужала с каждым днем. Быть может, теперь она пошла бы с ватагой и не для Одинца. Доброга сговорился с Сувором и Радоком: они на новых местах сядут вместе и будут вместе охотничать. Но почему он не советуется с ней? Глупой, что ли, считает?

Заренка досадовала, но не могла не глядеть на Доброгу и не прислушиваться к его словам. Ей нравились и голос, и лицо, и все ухватки Доброги. В нем было все такое складное, ловкое, смелое. Красивое лицо, гладкая золотистая борода, серые большие глаза, то суровые, то добрые. Нельзя было понять, куда он речь повернет. А когда он говорил, Заренке хотелось слушать и слушать. Одинец был другой: молчаливый и будто меньше Доброги. Большой сильный парень казался девушке каким-то недорослым, когда она по памяти сравнивала его с Доброгой.

Вдруг девушка услышала, как Доброга сказал Сувору:

— Пристал один парень, который осенью в Городе убил нурманна...

Ей стало жарко. Она догнала братьев и, едва не наступая на концы их лыж, слушала. Ватажный староста говорил:

— Он жил в доме вашего отца, зовется Одинцом. Что о нем скажете?

Сувор обернулся и обнял Заренку:

— Вот не ждали, не гадали, что по дороге найдем твоего любушку!

И уж сам Одинец бежал к ним по чистому снегу рядом с ватажным маликом, таща за собой лубяные санки. Он оттолкнул Сувора и облапил Заренку. Молчит, не знает, что сказать, задыхается.

Заренка вырвалась:

— Пусти! Какой ты скорый!

Тем временем Доброга убежал в голову ватаги, будто его не касается.

3

На восьмой день после Загубья ватага остановилась на дневку в прибрежном лесу. Повольники валили деревья, ладили шалаши из вершин и лап, разметали снег и устраивали постели. Вскоре закурились нодьи.

В лесу стало шумно и весело. С первого дня, как зародился этот лес, в нем не бывало такого.

Ватажники сушили и чинили одежду и обувь, варили горячее. Потом началось первое походное вече.

Повольники выбирают своих старшин без срока. Так уже повелось, что старшины служат, пока угодны людям, и в самом Новгороде, и в его пригородах, и в ватагах. Доброга спросил, довольно или недовольно людство им самим и другими походными старостами.

— Довольны, довольны.— Люди ответили дружно, и лес отозвался.

Все старосты скинули шапки, поклонились, и опять накрылись. Доброга без шапки забрался на поваленное для нодьи бревно и, не торопясь, начал речь:

— Нам остается ровной дороги до двенадцати дней. Когда пробежим озеро Онегу, то простимся с гладкой дороженькой. С того дня мы пойдем тяжким путем, будем ломать ноги в лесах. Ныне день короток и будет еще короче. Светлых часов нам терять нельзя. С ночи до ночи не будем брать в рот куска. Пора уже припрягаться к саням, нужно поберечь лошадей...

Доброга никогда не прикрашивал будущие труды повольников. В ватаге один стоит за всех и все — за одного. Однако же никто за другого не сработает. Когда ватаги сбиваются в Городе, такие речи обычны. Но в лесу они звучат иначе, чем дома, под крышей.

Ватажный староста хотел смутить слабое сердце и укрепить сильное. Свыше десятка тех, кто не рассчитал своей силы, уже повернули домой. Старосты отбирали у отстающих все, что было получено от Ставра, и никого не удерживали. На то и повольничество.

По Свири, по Нево и Волхову до Города лежит пробитый путь. Но когда между домами и ватагой лягут лесные крепи, то слабый душой и телом человек будет для всех тяжелым бременем. Таких пора отбить и повернуть домой, если они сами не хотят уходить. И Доброга закончил призывом:

— Называйте, кого не хотите иметь в ватаге!

Люди отозвались не сразу, никому не хотелось лезть первым. Одно дело сгоряча, в ссоре, свернуть скулу, другое — выгнать человека без гнева. Отеня крякнул, прочищая горло, и назвал одно имя. Названный не ждал, что скажут другие, и закричал:

— А я сам не хочу идти!

Отеня как в воду смотрел! Ватажники развязались. Порешили полтора десятка людей повернуть назад.

Обсуждали и тех, кто пристал в дороге. Ватага отказалась от двоих новых товарищей, которые были выгнаны из Города за воровство по чужим дворам. А на Одинце запнулись, как о корень на лесной тропе. Ставров приказчик заявил:

— Парня выдать назад в Город, чтобы на нем выправили виру городские старшины!

Ватажники не могли понять, прав или не прав приказчик. Сувор и Радок начали защищать друга, а он сам онемел от нежданной беды. Доброга оборвал речи товарищей:

— Вы не так и не то говорите. Нечего Ставрову приказчику входить в наши дела. Он не ватажник, а сборщик нашего долга, и ему нет голоса на нашем вече. Одинец подрался с нурманном, что может случиться с каждым. Он не вор и не насильник, на нем нет бесчестья. Ватага не городской пригород. И было и есть, что в ватаги уходили изгнанные из Города. Парнище пришел с хорошим оружием и снастью. И сам он не будет ватаге в тягость, он может хорошо служить ватаге. Люб он вам или не люб, вот что решайте. А речи приказчика забудьте!

После веча Доброга подсел к нодье Изяславичей. Одинец поблагодарил старосту за заступу, за доброту.

— Не благодари,— возразил Доброга,— я не тебя, а правду защитил.

После прихода парня Доброга как будто охладел к Заренке и к ее братьям. А сейчас он сделался таким, как в первые дни выхода из Ладоги,— веселым, радостным. Одинец сидел хмуро, как обиженный. Он нашел время и сказал:

— Этот Ставров приказчик от меня еще наплачется.

— Поберегись, парень, крепко поберегись,— сурово предупредил Одинца ватажный староста.— Обоих приказчиков ватага взяла по слову. Обидишь его, тебя людство не помилует.

Одинец замолчал. А когда староста ушел, он сказал ему вслед:

— Ладно тебе...

Заренке не понравились слова Одинца, и сам парень вдруг ей показался совсем не тем, кем он был для нее прежде. И она его без стеснения осудила:

— Глупый ты, непонятливый.

И Заренка и Одинец оба были упрямые, неуступчивые. До этого случая и дома они спорили не раз, но мирились быстро и отходчиво. Теперь же их разъединила долгая и холодная размолвка.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В ЧЕРНОМ ЛЕСУ

Глава первая

1

Крепчают морозы. От холодов у Солнышка выросли уши. Оно на малое время покажется на полуденном крае и надолго скрывается.

Луна кутается в белое облако из небесного льна и не смотрит, а жмурится. От луны небо светлое и на Свири светло, а в береговых лесах залег мрак, как в подполе.

Стужа кусает щеки и носы, набивает льдом бороды, давит на людей и ищет места, чтоб пробраться к телу. Стужа сочится через дырку, протертую лыжным ремнем в шерстяной онуче или в валяном сапоге, ползет между рукавичкой и рукавом, льется за ворот, томит, манит прилечь. Там, куда пробралась, жжет и кусает, мертвит и белит кожу. Голой рукой за железо не берись.

Мороз сушит дерево, сушит человека и будит жажду. Ватага идет прежним порядком и строем, но в ней нет прежней силы. Головные меняются все чаще и чаще и подолгу ждут, пока не протянется ватага. Никто не жалуется, но смех и шутки сделались редкими.

На ночевках повольники засыпали с куском во рту, не чувствуя, как немели пальцы. Многих сильно поку-

сал мороз. Черные струпья на лицах не заживут до лета.

Старостам прибавилось забот. По ночам приходилось следить за нодьями и кострами, чтобы держалось пламя и люди не отставали от огня. На ночлегах ватага сбивалась теснее. Однако появились обмороженные руки и ноги. Один ватажник ночью отошел и навечно замер в снегу. И со вторым то же случилось.

Доброга не знал усталости. Других зима морила, а его излечила от былой болезни. Ватажный староста спал меньше всех, соколом летал по ватаге. И все с шуткой, с умным словом: «Крепись, крепись, мало осталось. Пройдем Онегу, будем три дня отдыхать».

В последнем прионежском починке сменяли нескольких лошадей на сушеную рыбу. Молодцы боярина Ставра сумели всучить шесть слабых коньков, им бы и так не дойти. В освободившиеся сани впряглись люди. Ватага не город, в пути каждый человек на виду.

Одинец и Сувор шли в первых десятках первой сотни, в тяжелом труде. Радок и Заренка тащили сани. К ним постоянно припрягался Доброга. Он сдружился с Заренкой, и девушка перестала его дичиться.

Между Одинцом и Заренкой размолвка продолжалась. Одинец не мог, не умел сделать первый шаг к примирению. Без расчета и без мысли о дальнейшем он замыкался в себе. Заренка его оттолкнула, так он понимал ее. Ему было тяжело, но у него не было злобы ни на девушку, ни на Доброгу. Он считал, что в жизни, как в труде, или как в кулачном бою, нужно быть честным. Гордость не позволяла Одинцу просить Заренку и навязываться девушке, которая, как он поспешно счел, отказалась от него. Девушка не хотела его, и он тоже отказался от нее уже сейчас, когда, быть может, ему было еще не поздно бороться. И из той же гордости он не позволял себе ненавидеть Доброгу. Одинцу казалось, что ненависть к счастливому сопернику будет низкой завистью. Одинец сумел видеть в Доброге того, кем был в действительности ватажный староста.

Как хороший конь на подъеме в гору сам влегает в хомут, так Одинец, не щадя себя, ломил вперед по целине, пробивая первый след. Ватага видела его труд и начинала высоко ценить могучего товарища.

Наконец-то одолели реку Свирь и выбрались на онежский озерный простор. Лежали глубокие снега, небо было пасмурным, и в воздухе начинало теплеть. Быть перемене. Онега-озеро, по древнему смыслу слова, Звуч-

ное, или Звучащее, озеро, молча таилось под толщей льдов.

Теперь ватага не летела и не бежала, а шла. Головы опущены, грудь налегает на постромки. Ременные тяги заспинных котомок-пестерей, саней и санок намяли натруженные плечи.

Доброга хотел вывести ватагу на Онегу на тридцатый день, а вывел на тридцать второй. Не опоздали, но трудно далось.

По озеру ползли туманы и серой мглой застилали даль. Тихо и глухо. Скажешь слово, а его будто бы и не было.

Под широкими лыжами шуршал и шипел снежок, между людьми трусили собаки. И они повесили носы, и их притомила дорога.

Зимний туман не сулит добра. Побежать бы, как бежали по озеру Нево. Сил нет.

Из всех дней этот был самым тягостным. Доброга убеждал: «Еще немного, и скоро берег, назначим долгую дневку в лесном затишье, у теплых нодей на пихтовых постелях...»

Ватажный староста уже не поминал о трудной лесной глухомани, которую придется ломать после дневки.

К ночи ватага пробилась к нужному берегу озера. Черные камни уставились навстречу людям, как бараньи лбы. За ними стоял Черный лес. Новгородцы звали черными лесами те, где нет и не было человека.

2

За ночь так растеплело, что утомленные ватажники заспались около потухших нодей и засыпанных пеплом костров. Снег сделался волглым. На сосновых иглах висели капли, и ветви елей и пихт подернуло росой. Было слышно, как бухали с мохнатых лап отяжелевшие пласты снега. После стужи наступило такое тепло, точно без времени весна началась.

Ватага пришла вовремя в Черный лес. Старые запасы кончались, и то, что было, следовало приберечь. Пришла пора проверить, каким кормильцем покажет себя Черный лес.

Собрались. Встали полукружьем, лицом к Черному лесу. Громким голосом, раздельно бросая слова, Доброга читал завещанное от дедов-прадедов Заклинание охоты:

Пойдите вы, Лешие мохнатые,
горластые, рукастые, кривоногие,
пойдите вы, Лешие, по лесу!

Пригоните русаков и беляков,
волков, оленей и лосей,
и медведя с росомахою,
и соболя с куницею,
и рысь — пардуса пушистого,
и лисицу черную и красную!

Пригоните на мои клети,
на поставные сумеречные,
вечерние, ночные, полуночные и утренние!
Пригоните, отловите
и в моих клетях замкните
крепко-накрепко!

А слово мое твердое,
тверже камня дикого,
тверже железа каленого!
А слово мое сильное,
сильнее речного тока половодного,
сильнее вихря лесоломного!
Слушайте, Лешие!
Делайте, Лешие!

Из всех, кто живет на земле, лишь человек владеет силой складной речи. Веря в тайное могущество слова, ватажники немой речью, одними губами, повторяли заклинание за своим старостой.

Облава разделилась на две «руки», правую и левую, чтобы ими облапить лес и прижать его к груди, к привалу. На привале оставили засаду, которая ничего не пропустит. Собак переловили и посадили на крепкие привязки. На облаве собака худшая помеха.

Облавный закон — до времени молчать и не дышать. «Руки» разошлись и пошли гусем, не спеша. Оглядывались и запоминали места. Через сорок-пятьдесят шагов задний останавливался и оставался на следу.

Ступали глухоманью, никогда не хоженной человеком. В иных местах лежали сваленные буреломом деревья, в иных лес так стеснялся, что было впору пробраться лишь малому и юркому зверю.

Встречались валуны, которые под снегом напоминали стайки крыш богатого двора. Под старыми елями темнело, как вечером.

Облавные «руки» петляли, тянули нитку и вязали узелки. Узелок — это охотник. Оставшись один, он осматривался, отаптывал на всякий случай снег и замирал. В ожидании он прочищал уши, открывал, чтобы лучше слышать, рот и вытягивал шею. Устав, переми-

нался, перекладывал с руки на руку рогатину, поправлял топор за поясом, передергивал плечами.

Охотника томила жажда, он подхватывал горсть снега, мял комок и понемногу сосал. Он забыл дорогу, Город и цель пути, он ни о чем не думает. Окликни его по имени, и он вздрогнет, как со сна. Его забрала наибольшая из всех страстей — молодецкая охота. Скорее бы!..

Туман копится на мерзлых колючих ветвях. Капля зреет, надувается, вытягивается и отрывается. Снег мякнет. В такую пору шаг человека не слышен, лесной зверь смирен.

Огнем горят облавные старшины. В них тянется каждая жилка. Живчик забьется, сам собой подмигнет глаз. На старших легла вся охота. Они обязаны не просто развести охотников, а в голове облавы свести обе нитки. Пойди-ка сообрази! Обтяни живой веревкой нехоженый лес и свяжи концы. Старшие должны решать сразу. Если они начнут переставлять охотников, мять облаву и медлить, весь зверь уйдет. Зверь и зорче человека, у него и ухо острей и ноги быстрей. Зверь слышит и носом, а у человека нет чутья. Зверя можно взять лишь сметкой, да не простой, а скорой. Тяжкодуму сидеть дома, он в лесу пропадет.

Каждый охотник рвется пойти на облаву. Чем глуше, чем неведомей место, тем больше соблазна. Но быть старшим над облавой откажется — и не для вида, не для почета, чтобы просили, а по-честному. Это не торг. В таком деле, не чувствуя в себе силы, кто же захочет срамиться?

Облавные старшие не ищут легкого почета. И среди новгородских повольников не бывало недостатка в старших, умевших, не сбиваясь, ходить и короткими и длинными путями. С ранних лет руки, ноги и голова друг дружку учили.

Доброга вывел свою облавную «руку» из чащи к просвету. Открылось большое болото с густым осинником. Пошли краем, огибая болото. За Доброгой оставалось все меньше и меньше охотников, но и болотный берег уходил в нужную, по мысли старосты, сторону.

Идут. Вдруг староста поймал краем глаза, как впереди что-то мелькнуло. Он поднял руку — стой! Опять взлетела еловая веточка. Это подавал знак старшой второй «руки». Пора. Облавный старшой остался вчетвером с Одинцом, Заренкой и Сувором.

У брата и сестры горели глаза, им было все хорошо и все нравилось. Одинец же смотрел хмуро. Он пошел в облаву с неуверенной мыслью, что вдруг Заренка захочет отстать и молвит ему желанное слово. Напрасно. И он корил себя за глупую надежду. Нет, не его девушка, и нечего больше о ней думать. Пусть так и будет, как случилось.

Одинец издали наблюдал за Заренкой и Доброгой, видел то, чего безразличный глаз не увидит: крепились между девушкой и ватажным старостой бессловные узы любви. Но в Одинце не было ни злобы, ни низкой зависти, лишь голодная тоска гордого сердца.

А Доброга ступил к Заренке и что-то шепнул. Девушка засвистела тонким, протяжным свистом. И — пошло!

3

Черный лес впервые услышал человеческий посвист. Этот звук побежал от одного к другому по всем узелкам смертной веревки, которая опутала исконные зверовые пущи.

Каждый охотник свистел по-своему. Тихо, не через пальцы, а губами. Но оттого было еще страшнее. Отовсюду завился тайный, ползучий человеческий свист. Он звенел в звериных ушах, как назойливый летний комар. Он жалил не кожу, а тревогой жалил сердце.

В снежной норе беляк-ушкан очнулся от легкого сна. В дупле дрогнул соболь. Замерла рыжая куница. Забыв пахучий беличий след, горностай прижался к суку змеистым телом. Глупая белка высунула усатую головку — что это такое, новое, неслыханное?

Филин, забившись на день в темный ельник, распялил желтые глаза. Лоси разом перестали жевать, вздернули лопоухие головы и раздули вырезные черные ноздри. Все слушают.

Где-то хрустнула сухая ветка. Качнулась елочка. Свист приближался. В одном месте он прерывался, в другом начинался, и опять повторялся. Страшно...

Чу, стучит по стволам. Под обухами топоров отзывались закоченелые сосны и ели. Одна говорила звонко, другая дрябло принимала железо пухлой корой.

Лесные звери стронулись в обе стороны от облавы. Тем, кто остался снаружи облавы, уходить хорошо. А кто захвачен? Они топтали след от свиста и стука к засаде.

Облавники не торопились, переходили, ждали, опять переходили.

В начале облавы не нужно делать большого шума и нельзя кричать. Зверя не гонят, а отжимают.

А следу, следу-то сколько! В осинниках кормились сохатые: как на скотном дворе, натоптано копытами, обглоданы ветки, лежит теплый помет.

Здесь росомаха протащила толстое брюхо на коротких ногах. Встречаются старые и новые волчьи пересеки. А что натоптали зайцы и наследили пушные зверьки, не сочтешь! Черный лес богат и может платить хорошую дань.

Живая петля сжималась. Облавники видели, что следы мечутся в разные стороны, и замечали один другого. Пора, звери огляделись и опомнились. Если упустить срок, звери рванутся обратно, через облаву.

Охотники закричали во всю мочь. Цепь заверещала, заулюлюкала, завыла. Каждый старался заорать погромче и пострашнее. Звери потерялись и ринулись на засаду. Облавники пустились бегом, засадные спустили собак:

— Держи, держи, держи-и!..

Взяли тридцать семь голов лосей, десяток волков, восемь рысей-пардусов, пятнадцать оленей. Наловили собаками и побили стрелами больше восьми сороков зайцев. Досталось семь соболей, пять куниц: случайная добыча, это не облавные звери. Черный лес дал пушниной не дань, а задаток.

Между делом облавники присмотрели две берлоги. После облавы, не теряя времени, ватажники горячей рукой взяли на первой берлоге медведицу с пестуном, а на второй — старика.

Черный лес дал хорошо, но и взамен потребовал плату. Одного облавника нашли в цепи с разбитой головой и проломленной грудью. Кругом тела и на выходных следах было написано, как бык скакал на цепь и как облавник наставил рогатину. Эх, что же ты! Не так надо. В сторону отскочи и наставляй наискось, под лопатку. Нет. Облавник хотел взять быка, как медведя. А бык — на дыбы. Он ловок, уклонился от рогатины, отвел рожон. Страшная сила, когда матерой лось ударит сверху передними ногами...

Товарищи убитого пошли по следу, окропленному свежей кровью. На следу нашлась стрела. Здесь лось чесался о дерево и сбил занозу. Это ему кто-то другой

засадил, а не убитый облавник. Дальше пошел чистый след. Сохатый справился и ушел, его не догонишь.

На привале спешили ободрать и разрубить добычу, пока она не застыла. Свежинку варили и жарили, в охотку после сухой рыбы и вяленого мяса лакомились сочным мясом. Туго набитые лосиные и оленьи желудки делили на всех. Это невкусная, но дорогая еда. Она спасает от зимней болезни — опухоли тела, десен и выпадения зубов.

Ватажники поминали тех товарищей, которые застыли в пути, и того, что погиб на облаве. От него осталась молодая жена, именем Иля. Вдове пойдет равная доля общей добычи, таков ватажный закон. Если она найдет нового мужа, это ее дело. Но ватага никому не позволит неволить бабу. По Новгородской Правде любовь — дело вольное.

Глава вторая

1

Богатые владельцы ставят высокие заборы, навешивают тяжелые засовы и крепкие замки.

Черный лес загородился чащобами, закрылся озерными водами, затворился болотами. Зимой не разберешь, чего больше: твердой земли или топи. Лес хвойный с березой, осиной, ольхой, с густым подлеском. В нем трудно ходить.

Ватажники видели, что Доброга верно говорил о трудности летних дорог через Черный лес. Но и зимнюю дорогу было не легко пробивать. Вначале ватага летела, потом шла, а теперь потекла.

С первой дневки выслали дозорных, которые наметили стежку по местам, где было можно пройти с санями. За дозорными пошли ватажники расчищать топорами трудные места. Дозорным и тем, кто чистил дорогу, высылали подсменных. А обоз подтягивался день за днем. Так и закружилось без перерыва, как прялка в умелых руках.

Ватага пробиралась местами, указанными на берестяных листках Доброги, и не торопилась. Не тот делает быстро, кто спешит, а тот скор, кто не переделывает однажды сделанного.

На хмуром зимнем небе не каждый день бывает Солнышко, и не каждую ночь удается найти звезду Мат-

ку. Но новгородцы умеют ходить в лесах. Лесная наука берется тяжелым охотницким трудом.

День погонял день. Часть саней пришлось бросить и тащить груз на волокушах. А груза не убавлялось. Запасы пищи пополнял лес. Оружие, снасти и хозяйственный припас не уменьшались. Ватажники тщательно берегли зашитые в кожу мешки из домотканины с семенами ржи, ячменя и овса для будущих огнищ.

2

Оттепель опустила снег, он потемнел было, покрывшись узорной росписью хвойных игл, шелухой шишек и чешуйками коры. Вернулась стужа, упал свежий снег, и опять, как по первой пороше, писали звериные лапы и лапки свои рассказы. Не до них.

Ватага текла. Короткий денек минул. Солнышко повернуло на лето, а зима — на мороз. Мороз крепчал, крепчала и дружба между ватажниками. Они сбивались внутри общей ватаги своими ватажками-артелями, вместе ночевали, дневали и работали.

Доброга, Сувор, Радок, Заренка, Карислав, Отеня и несколько других ватажников составили свою дружинку. А Одинец отстал, он не чуждался ни своих прежних друзей, ни Доброги, но не искал с ними встречи. Он все время шел в переднем дозоре и не нуждался в смене. Ватажный староста возвращался на ночевки в свою ватажку к обозу, а Одинец обычно и ночевал впереди, в лесу.

После первой дневки в Черном лесу Одинец без договору сделался передовым помощником ватажного старосты. Доброга намечал, куда идти, а Одинец умел без ошибки пробивать стежку. К нему подбилась своя дружинка из самых сильных и бойких парней. Они о себе говорили: «Мы с Одинцом». Доброга видел, что на Одинца можно было положиться. Парень имел лесное чутье, как видно, отроду, Одинцова дружинка умела на ходу подхватывать и дичь и пушнину. Они походя поймали полсорока соболей и куниц.

Много, много было всяких зверей на полянах, прогалах, на опушках мерзлых болот, среди корявых березок, в зарослях тальника, в камышовых займищах. И то сказать, что одно болото показалось шириной с Ильменское озеро.

Ватага проходила местами, богатыми пушным зверем. Ватажники заколебались. Чего тащиться дальше? И здесь хорошо. На дневке собралось ватажное вече. Почти половина ватаги, человек около сотни, захотела отделиться: «Пусть кто хочет, тот бредет дальше, а нам хорошо и здесь».

Согласные пошли на несогласных с кулаками. Ватажники схватились за топоры и рогатины. Спасибо, старостам помог Одинец со своими ребятами.

Новгородский мужик, когда разойдется, становится зверь зверем. Но когда успокоится, то нет человека разумнее его. Доброга убедил людей, что им нет расчета оставаться в лесу. Летом здесь шага не ступишь из-за топей и болот. Негде пустить пал и сеять хлеб. Да и недолго спины ломать,— заповедная река близко. Кто захочет, сможет оттуда легко бегать на зимние ловли в эти места.

— Что же ты раньше не говорил, что близок конец?

Драчуны разошлись и пошучивали:

— Что-то у тебя нос разросся!

— Свой пощупай, у тебя не лучше.

В сваре пострадал один человек — за деревом нашли старшего Ставрова приказчика со свернутой шеей. В чужом пиру похмелье. А как его уходили — никто не мог сказать. Видоков не было, и не пришлось вести розыск.

Доброга про себя подумал на Одинца. Но ватажный староста помнил, что парень был все время на виду и растаскивал сцепившихся ватажников. За ним было легко уследить: таких рослых, как он, в ватаге насчитывалось немного.

Мертвого не воскресишь. Доброга напомнил ватажникам, что придется побольше поберечь оставшегося младшего приказчика.

Через много лет выяснилось, что с приказчиком расправился один из охотников, которого приказчик обманул на торгу еще в Новгороде.

Доброга же сказал Заренке, что кто-кто, а Одинец не причастен к убийству. Но девушка с той поры сделалась еще холоднее к Одинцу.

Вскоре случилось, как, идя в передовых, Одинец услышал чей-то короткий вскрик и метнулся на голос. На снегу — матерая рысь-пардус на человеке, которого она сбила с ног броском с дерева.

Одинец одной рукой схватил зверя за короткий хвост, другой — за спину и хряснул о сосну двухпудовым жилистым телом.

Хищная лесная кошка изогнулась в смертной судороге, а из сугроба поднялся Доброга. Рысь разодрала шапку и высокий ворот полушубка, но не успела прокусить шею старосты.

— Ты?! — не то спросил, не то утвердил Доброга. Было видно, что рысь его ничуть не испугала.— Видно, голодная,— махнул он на зверя.— Ну и с людьми еще не встречалась... А ты — благодарствуй!

— Ничего,— ответил Одинец, с чем они и расстались.

3

Минула темная «волчья ночь», когда стая идет за волчицей и, не страшась ни топора, ни рогатины, ни человеческого духа, бросается на людей.

Волки выходили к ватажным привалам, и за кострами горели волчьи глаза. Звери, которые никогда не видели человека, ляскали зубами и выли, но побоялись многолюдства.

День прибавлялся. «А что же Доброгино обещанье, где река?» — начинали ворчать ватажники.

Доброга шел впереди вместе с Одинцовыми ребятами, третий день не возвращался к обозу и ночевал у случайных нодей. Он искал.

Он говорил Одинцу — ступай туда, а сам брел, всматриваясь в деревья, будто спрашивая их — не ты ли? Вырвавшись из чащи на полянку, он озирался: «Не здесь ли ходили мои ноги?»

Со старостой шла собака, чуяла хозяйскую заботу и хотела помочь, но без толку. У Доброги была собака, но пришлось и ей оставить свои кости в Черном лесу. Эта — новая. Ей не объяснишь, что нынче охотнику нужны не зверь и не птица.

Доброга идет медленно, и собака подбирается, хотя и не понимает, на что нацелился человек.

Вот на стволе кора сбита двумя ударами топора, стесана заболонь, и смола залила древесину. Охотничий затес — зеркало, хорошо видное издали. Доброга узнал место и побрел по затескам былым охотничьим путиком.

Он проложил через знакомый березняк лыжню и выбрался на поляну. Он узнал пни от деревьев, которые

рубил вместе с товарищами. Вот и его острожки. Стены срублены не по-избяному, а тыном, торчмя, и прикрыты толстой кровлей из корья. Добрались, стало быть...

Здесь было все так, как оставил Доброга. У острожков вместо дверей вкопаны жерди. Все цело. А кому трогать? Людей нет, зверь не сломает.

Староста изо всей мочи свистнул сквозь пальцы. Вскоре в лесу замелькали люди. Первым прибежал Одинец.

Ребята растащили жерди и вошли в острожек. Помещение имело в длину шагов двенадцать, а в ширину не больше четырех. Сверху нависали хвосты от тесно навешанных шкурок.

Одинец высек огня, загорелся берестяной факел. Показалось, что наверх не просунешь руки, так стиснулись соболя, бобры, куницы, выдры. Среди них горностаи были, будто первый снег в борозде поля. Лисьи хвосты свешивались, как пучки чесаной кудели, но здесь кудель была черная, продернутая серебряным волосом...

Береста догорела, пустила чад и потухла. А молодые повольники так и остались с задранными головами и разинутыми ртами. Второй-то острожек тоже полон пушнины! Великое богатство, такого не найдешь в Новгороде и у самого Ставра!

— Великое-то великое,— сказал Доброга с тоской,— но оно не мое.

— А чье же? — спросил Одинец.

Доброга вывел его на волю и показал на дальний край поляны:

— Там один друг, в лесу другой... Третий в речке. Вот и соображай, чье богатство! Дорого за него заплачено, пропади оно пропадом!

— Чего же так? — удивился один из парней.— Да разве оно повинно, богатство?

Рассердился Доброга и притопнул лыжей:

— Эк дурень! Кто же повинен? Мы жадно гнались за этим богатством. Я его не хочу. Отрекаюсь от него. Я сюда шел не за ним. Отдаю все Ставру. Снимем его, оценим, и пусть приказчик принимает за долг. Мое слово крепко.

Доброга отошел на берег и повесил голову. Не бывало у него таких товарищей, какие погибли в Черном лесу.

Кто прожил двадцать лет, тот прав, ожидая от жизни нового и лучшего. Но кто прошел сороковой год, знает другое. У Доброги не будет больше таких товарищей.

Он смотрел на другой берег реки.

В излучине стоял мертвый, сухой лес. Одни лесины упали, другие, потеряв хвою, ждали, пока и их не столкнет ветер. От мертвого места веяло тоской. Старый лес догниет. Но земля, которая знала его молодым, не останется пустой. На вскормленной почве возьмется и усилится новая поросль, будет жить свой срок...

Доброга не слышал, как к нему подошел Одинец. Одинец, для которого сердце девушки было запечатанной тайной, который не мог эту тайну ни раскрыть, ни прочесть, разбирался в душе Доброги лучше, чем в самом себе.

— Что же ты, староста, повесил голову? К чему ты тоскуешь о былом? — говорил он Доброге.— Тех ты не воротишь. Что же, разве у тебя нет товарищей?

Ватажный староста оглянулся и посмотрел в глаза Одинцу. А тот продолжал свое:

— Есть у тебя товарищи. Чем тебе плохи Сувор, иль Радок, иль Отеня с Кариславом? И другие найдутся, сколько захочешь. Ты скажи — и за тебя каждый постоит. Ты захочешь — пойдет за тобой любой из нашей ватаги и свою кровь смешает с твоей...

«Нет, Одинец не парень, а мужчина»,— думал Доброга. Староста постиг в один миг силу и гордость души Одинца и не знал, мог бы ли он сам так поступить. Они были равны, и между ними никто не стоял. Доброга мог бы не задавать Одинцу такого вопроса и все же спросил:

— А ты хочешь быть моим братом?

— Да.

Глава третья

1

Черный лес помутился. Шныряли повольники, заплетая чащи лыжными маликами. Люди наставляли силки, настораживали западни, прятали капканы, высматривали берлоги. На реке рубили проруби, доставали рыбу в мережи и на крючки, продергивали малый невод.

Побродят и уйдут, а реку очистит ледоход. Нет, стучали топоры, скрипели пилы, тукали тесла. И это было страшно для лесного покоя.

На другом берегу повольники расправлялись с сухостоем. Они решили этой же весной бросить в землю яровые семена. Не уродит ли новая землица? А с осени посеют озимое. Удобренная пеплом почва не обидится на то, что ей не дали покоя.

Повольники тщательно приглядывались к новым местам и находили, что на здешней реке лед толще волховского, а речная вода была и слаще и гораздо светлее, чем дома. Едва прошел солнцеворот, но солнце сильнее грело, чем в Новгороде, не было таких туманов. Не будет ли и лето теплее ильменского?

Заренка вместе с братьями готовили бревна, а Доброга с Одинцом мастерили расшиву. Они обтесывали ель толщиной в два обхвата, отбивали натертой углем веревкой борта. Нос и корма одинаковые, а длина в двадцать шагов. Борта оставили толщиной в три пальца, а дно — в шесть.

Распустили бревно на доски и досками расшили лодку-однодеревку, нарастив внахлестку по три доски на каждый борт. Такая расшива хоть и неказиста, но может поднять шесть лощадей иль двадцать людей. И в ней можно плавать и по озерам, не только что по рекам.

Ватага трудилась без устали, осваивая новое место. А все же и Черный лес и чужая река страшили иных ватажников, стоило подумать о том, что кругом на десятки дней пути было пусто. Иметь бы крылья, подняться в небо и взглянуть, где родная сторона! Как же быть? Скорее за дело. Летит желтая щепа, и вздрагивает дерево. А ну, еще! Ствол кренится, рвет недорубленные волокна. Пошел! Ломая сучья, лесина ухает наземь не зря, а куда было намечено.

Мужик оглядывает лезвие топора: не выщербилось ли? Самое дорогое — топор, и, пока железо цело, лес не страшен. Проведет мужик пальцем по лезвию и вразвалку пойдет к точилу. Товарищу скажет: «Ну-тка, покрути». Тоски уж и нет!

2

По времени и по солнцу пора наступать весне, но она опаздывает против новгородского счета. Держится снег, нет туманов, которые его едят близ Ильменя. Дни яс-

ные, и под лучами тает, вокруг комлей опустились глубокие лунки. Чуя весну, деревья оживают и теплеют.

По ночам студено, и снег затягивает крепким настом. Пришло время гнать сохатого лося и тонкорогого оленя. Свежего мяса хватает на всех без отказа, и все же прихватывает весенняя хворь. У некоторых ватажников слабеют и кровоточат десны.

От хвори лечились отваром сосновой хвои. Было противно пить смолистое зелено-желтое снадобье, но оно хорошо помогало.

Время брало свое. На высоком речном берегу открылись камни и земля. В полдень черный обрыв парил. И видели ватажники, что будут они и с пушниной, и с хлебом.

Работа спорилась, и сухостой был готов к палу. Огонь пускают в те дни, когда в лесу еще держится снег, а на огнище уже сошел.

По веткам прыгали парочки синиц. Дожидаясь скорого тепла, синицы уже разобрались, чтобы не тратить дорогого времени на выбор дружка в дни, когда придется вить гнездышко.

Разумный человек чувствовал весну не хуже несмышленой пичуги. Черный лес слушал человеческие песни. Женатые устроились в своих шалашах. А у тех, которые с собой сманили девушек из Города, не всегда устроилось задуманное. Уж лучше смолоду разбежаться, чем маяться до седых волос.

Вдова убитого лосем ватажника сдружилась с Заренкой. Ее звали Илей, она была беленькая, голубоглазая, рядом с Заренкой — как березка с дубком.

Бездетная молодка вскоре успокоилась после первого горя. Не всегда можно понять, голосит ли вдова по покойнику от сердечной боли, или по обычаю, или боясь одной остаться. Она и сама не знает.

Иля поминала мужа от луны до луны, носила его душе в лес пищу. Народился новый месяц, и мужик отошел навечно.

К весне Илино горе растаяло как снег. У нее был легкий смех, скорая, как у девушки, поступь и быстрая речь.

Сильная и ловкая Заренка охотно бралась за мужскую работу, а Иля занималась только женскими делами.

На речном берегу ватага расселилась малыми ватажками, или дружинками, как наметилось в пути. Новго-

родцы привыкли, чтобы уполовником орудовала женская рука, и молодые парни охотно подбивались к женатым. Парни вырвались из тесных дворов, от тяжелой власти старших в больших, неделеных родах. И все же на новом месте устраивались большими кучками.

Каждый человек, как говорили новгородцы, проходит в своей жизни три времени. Он идет в родительской воле, как упряжной конь первый путь, второй — он опирается на родительский ум, как хромой на костыль. И лишь третью дорогу живет своим разумом.

Из всех дружинок самая малая сложилась Доброгина. В ней были, кроме старосты, Сувора, Радока и Заренки, Иля, Карислав — ладный, красивый парень, ровесник Сувора и богатырь ростом, как Одинец, и бывалый охотник Отеня.

3

В реку ручьями бежала лесная вода. Речной лед набух и посинел, как осиновая заболонь. Натоптанные повольниками дорожки поднялись огородными грядками. На болота уже нельзя было ступать. Снег налился, и лед растрескался. Новая вешняя вода смешалась со старой.

В лесу лежал грязный, забросанный мертвой хвоей снег, весь утыканный заячьими катышками и расцвеченный птичьим пометом.

На полуночь валила сговорившаяся пролетная птица. На подсохших полянах били тетерева. До иного токовища полдня ходу, а гульканье косача слышно. Черный лес был полон птичьих голосов. Доброга, Заренка и Одинец вышли до света посмотреть, как играют черныши. В лесу не видно ни зги, но Одинец вел уверенно.

«Он родился, чтобы бродить по свету»,— думал Доброга об Одинце. На душе у ватажного старосты было ясно. Ни он, ни Заренка еще не сказали любовных слов, но Доброга знал, что уже протянулась от сердца к сердцу прочная жилка. За нее потянешь, и делается и больно и хорошо. Так с Доброгой прежде не бывало, хотя многое случалось. Ему как будто ничего не нужно от Заренки, лишь бы жить рядом, лишь бы на нее смотреть.

И повольницкая жизнь, и новые земли, и неведомые реки — все здесь, вместе с девушкой.

Доброга шел последним, и ему казалось, что сзади еще кто-то ступает. Он чуть цокнул языком. Все остановились и прислушались. Тихо, и никого нет. Пошли дальше. Нет, Доброга не обманывался, и вправду за ними кто-то крался. Они опять остановились, и тот замер.

Заренка спросила шепотом:

— Леший?

— Дай-ка я высеку огня,— тихонько предложил Одинец.

— Не надо,— ответил Доброга. Он сунул Заренке свою рогатину, прыгнул туда, где кто-то ждал, и закричал на него что есть мочи.

Перепуганный лесной хозяин взревел с визгом и пустился наутек, не разбирая дороги.

— Не бойсь, он заболел от страха,— смеялся Одинец,— лови его за уши. Гляди, не расколол ли он башку о лесину?

— Теперь его и филин не догонит,— возразил Доброга. В темноте он оступился и упал в воду. Вылезая из ямы, староста бранился: — Откуда взялась колдобина? Проклятый лохмач отвел в сторону!

У токовища люди вволю полюбовались, как, красуясь, прыгали и дрались тетерева.

— Они стараются для тетерок. Голубушки прячутся у тока и смотрят на молодцов,— шептал Заренке Доброга.

А ему самому было невдомек, что и он только что выставился перед девушкой, как тетерев, неразумным удальством. Ведь между зверями есть и робкие и такие же смелые, как сам Доброга.

Петухи топтались и драли перья друг у дружки. Иного вышибали из круга, но он лез обратно, на новые тычки и рывки. Смотреть на них было смешно и весело.

Не в первый раз Доброге приходилось купаться в холодной воде, но в это утро он никак не мог согреться.

Глава четвертая

1

Речные берега просыхали, лесные болота распустились, а озера опоясались широкими заберегами. Водяная птица пошла невиданной силой, а лесная забыла покой. Тысячами разных голосов стонал лес, не умолкая и ночами.

А река еще лежала мертвой среди живых берегов. По льду бежала вода, лед пучился, трескался, но упирался. Крепко кует Морена.

Кукушка прилетела и принесла золотой ключ от Неба. Перун его отопрет. Небо накопило теплые весенние дожди и наготовило молнии, которые будут пить тучи и бить все злое на земной груди.

Над Землей неслась весенняя Прия, молодая веселая богиня весны. Там, где она касалась правой рукой, расцветали белые цветики, где левой — желтые. Небо-Сварог, Отец новгородцев, приступал к браку с матушкой Землей.

Иля бродила близ становища, собирала первые цветы и пела:

Ты свети, свети, солнце красное,
ты лети, лети, тучка сизая,
не темни небо ясное,
чтобы милый мой, чтобы ладный мой
не бродил в лесу, не плутал в бору,
а скорей бы шел, да ко мне домой.

Молодая женщина сплела венок из белых цветов и надела на голову. Заводя новую песнь, она плела желтые цветы:

Закатилось ты, солнце красное,
так взойди же ты, месяц ясный,
да свети ты во всю ноченьку,
во весь путь, во всю дороженьку.
Ты свети моему суженому,
чтоб с дороженьки не сбился,
чтоб скорее воротился.
Без него мне грустнехонько,
без него мне тошнехонько.

Женщина сплела венок из желтых цветов, надела и его. Цветов много. Нежно-нежно пахнут белые подснежники, а желтые цветы простые, без запаха.

Заренка пришла на голос Или. Подруга надела на девушку венок и отошла; глядясь на нее, как в зеркало, поправила свой венок.

С высокого берега было хорошо видно, как в поваленном сухостое, пуская пал, возились мужики. Поджигали с края, по ветру. Издали малый огонь был неразличим. Постепенно огнище заволакивалось, и усиливающееся пламя принялось прыгать в дыму.

Мужики пошли через реку, неся шесты, чтобы уберечься от трещин. Один поскользнулся, упал. Иля охнула. Нет, встал и пошел за другими.

Между льдом и берегом тянулась длинная промоина. Одинец разбежался и махнул на землю, а остальные набросали шесты и перебрались по ним.

Иля побежала навстречу Одинцу и накинула ему на голову свой венок. Заренка не глядела на Одинца и Илю, не видела, как молодая женщина поцеловала парня.

Доброга перешел со льда последним, и было видно, как он кашлял, стоя на берегу. Началось тепло, и к ватажному старосте вернулась прежняя болезнь. Заренка помнила его рассказы о водяницах. Неужели это правда? К чему же тогда Доброга рассказывал об озерных тайнах?

В сухостое бушевал пал. Для глаз человека вольный огонь и томителен и прекрасен. От него не оторвешься, что бы ни горело, даже собственный двор или стога немолоченного хлеба.

Разошедшееся пламя металось диким зверем. Ватажники кричали:

— Ярись пуще, жги-пали жарче!

В Черном лесу готовилось первое огнище. В такую пору даже небо не зажигает лес своими молниями, что может сделать только человеческая рука!

— А разлив туда не зайдет? — спросила Одинца Иля. Она не отходила от парня и не выпускала его руку.

— Нет, ясынька,— кратко ответил Одинец.

Полая вода оставляет следы, по которым ватажники в чужом месте сумели понять, куда веснами поднимается река и где ей положен предел.

2

Река ломала броню и открывала для новгородцев легкую дорогу. Шел матерой местный лед, за ним протянется верховой, а там и пускай расшивы на свободную воду. Дорога ты, дорога, куда ты поведешь и сама бежишь откуда?..

Ватажники наблюдали за льдом. По нему все ходили зимой, и весенний ледоход несет следы жизни. И зимняя дорога, и заборчики для рыбацких прорубей, и потерянное бревно, и брошенное полено, и многое другое плывет вниз. Но эта река несла одни звериные печати. Как видно, вверху не было людского жилья.

Приходила пора общим умом решить, как разбиться для летнего труда. На вече Доброга предлагал выбор. Одним следовало остаться на месте, засеять огнище и

разведать зверовые ловли около первой заимки. Другие должны были подняться вверх по реке и там присмотреть места. Им же поискать, нет ли ходов и переволоков в сторону Новгорода. А третьим плыть вниз до неведомого устья.

Ватажники спокойно и уверенно обсуждали общие дела. Они снялись из Новгорода, поверив Доброге на слово. Это слово сбылось. Все были сыты, ватага накопила копченого мяса и рыбы. Успели поднабрать пушнины и птичьего пуха. Ставров приказчик сосчитал и оценил хранившиеся в острожках шкурки, и больше четверти общего долга уже слетело с плеч.

Ныне ватажники уверенно глядели вперед. Даже неудачливые бобыли и те парни, которых звали в Городе сопливыми ребятами, глядели боярами, вопреки перелатанным усменным кафтанам, драным, закоптелым шапкам и раскисшим сапогам.

Они почитали своего старосту и не равнялись с охотником-умельцем, но каждый соображал про себя: «Четыре охотника за две или за три зимы сумели собрать большое богатство. И я буду стараться, есть над чем». Порой они подшучивали над Ставром — мог бы еще больше запросить боярин за снаряжение ватаги, не обманулся бы...

Вече внимательно слушало Доброгу, который говорил о новых трудах ватаги:

— Кто останется, с того спросим хлеба и всего зимнего запаса. Им работать на огнище, не щадя себя, наловить бобров и навялить рыбы. Им отыскать борти и набрать меда. Нужно найти горькие ключи, чтобы варить соль. Искать в болотах железную землю и построить на зиму теплое жилье. Тем же, кто пойдет вверх и вниз, тоже большие труды!

Как всегда, ватажный староста жестко стелил. Он откашлялся и повел речь о том, что повольники забрели на новые земли не случайными бродягами. Не получится добра, если каждый будет думать лишь о том, чтобы поскорее разбогатеть и вернуться домой. Доброга предлагал навечно завладеть ничьей рекой и построить не временную заимку, а новгородский пригород и жить в нем по Новгородской Правде, а не как лесные звери! В новый пригород не пускать старых бояр! Сами повольники сумеют быть боярами не хуже городских! Быть пригороду, и под него поставить всю реку с верховьями и низовьями!

Меткие слова доходили до сердца ватажников, и им казалось, что они сами так думали. Кругом них теснился дикий Черный лес с болотами и безлюдными чащобами, поднималась безыменная река, заливая берега, а они кричали, гордясь собой:

— Быть тому! Так сделаем!

Доброга лелеял свою мечту в лесах долгими зимними ночами, под свист вьюги и под волчий вой. Он мечтал о новой вольности на новых землях. Наконец он открылся, и его никто не осудил. Он мечтал не о своем благе, но об общем.

3

Утренняя заря светлая и веселая. От одного слова «утрянка» на душе делается хорошо. Все птицы встречают утрянку песнями, а вечером и ночью поют редкие птицы.

Но для человека все же самое сладкое время приходится на вечерние зори. И любовные песни, и речи человека звучат вечером, а не утром.

Пал на огнище разбился на костры, дотлевали толстые кряжи и пни. В сумерках кучи углей рдели, как в печных жерлах. Запоздалое пламя струилось красными ручьями. Сытые огни не бегали, а ползли. Пал утомился и дремал.

Одинец сидел на высоком берегу. Рядом с крупным мужиком Иля казалась ребенком. Одинец молчал. Он уперся локтем в колено и воткнул в бороду кулак. Длинные волосы упали на лоб и закрыли глаза. Иля сочиняла песню и мурлыкала, как сытая кошечка. Она ладила себе новую семью.

— Слышишь, любый?

Он слышал. Он чуть покачивался, идя следом за тихой песнью.

На реку падали птичьи табуны. Вместе с водой плыли темные стаи гоголей, чернеди, крохалей. В сутемках, как льдины, белели пары строгих лебедей.

Доброга и Заренка тоже сидели на берегу. Девушка строго спрашивала ватажного старосту:

— Поклянись Землей, что ты не говорил водянице лебединых слов!

Доброга смеялся:

— Не было того. Я и слова-то не знаю.

— А видел их? Признайся!

— Видел.
— Какие они?
— Найдем тихое озеро, выберем лунную ночку, сама увидишь.
Девушка рассердилась:
— На что мне они? — и опять взялась за свое: — Поклянись!
Доброга убеждал девушку, как дитя:
— И что они тебе дались? Что тебе в них? Любушка моя, ты сама лучше всех водяниц. Ты и красива, и в тебе живет живое сердце, а в водяницах только видится.
— Но почему же ты, как только проснулась вода, начал кашлять, точно прошлой осенью? Твоя водяница проснулась и сушит тебя.
Чего не сделаешь, чтобы успокоить любимую! Уважаемый людьми ватажный староста, простому слову которого свято верил каждый повольник, торжественно поклялся девушке, что на нем нет водяного зарока. Хворь же у людей бывает. Солнышко прогреет тело, и болезнь пройдет.

Глава пятая

1

Доброга увел вниз по реке почти пять десятков повольников. Они плыли на трех расшивах и в них спали. Из дернин были устроены очаги, чтобы готовить горячее на ходу.
Река разлилась широко. В петлях она била и рвала берега, на которых без конца и края толпился Черный лес. На каждой расшиве сидел свой выборный староста. Парни, которые зимой шли дозорными, выбрали Одинца.
Сувор и Радок не узнавали в Одинце своего былого друга. До убийства нурманна он был горяч и скор на руку, любил меряться силой и в одиночном бою и в общем, стена на стену. Каким он был прежде, не просто отдал бы он Доброге Заренку. А вот теперь согласился, сам взял себе Илю и на ватажного старосту зла не имеет.
Одинец прежде всех брался за тяжелую работу и последним ее оставлял. Другие трудились с отдыхом, а он был как железный. Ватажники научились почитать его

за труд и за скупое, веское слово. Его ровесников старшие звали парнями и малыми, а Одинца окликали лишь по имени.

Расшивы шли вниз от Доброгиной заимки, как называли свое первое пристанище ватажники, без отдыха четыре дня. Одинец старался перенять у Доброги его мастерство чертить на бересте. Сидя на корме своей расшивы, он рисовал речные петли и отмечал притоки. Понемногу получалось. Что же, и Доброга не в один день научился. Эх, Доброга, Доброга!.. Одинец сказал себе, что у него с Заренкой не любовь была — детская забава. И все тут. Он не хотел думать другое.

Ватажный староста шел на передней расшиве. Вдруг там подняли весла, а Доброга замахал шапкой, торопя задних:

— Наддай! Раз! Раз!

2

Берега расходились, и на правом виднелся дымок. Из воды торчал затопленный ракитник, за ним молодой прозрачной листвой зеленел березняк. Дым был густой, как от сырых дров.

Расшивы разогнались, проскочили кусты и врезались в мягкую землю. Повольники соскочили в воду и выхватили расшивы подальше, чтобы их не утащила река. Доброга приказал:

— Не спеши!.. Берите щиты, надевайте шлемы.

Неизвестно, что там за люди. Могут и побить, если подойти зря. Ватажники тихонько пошли берегом. Сколько там есть людей и кто они — лучше их застичь ненароком.

Вдруг где-то впереди закричал человек, слов не разберешь. И в другом месте закричали.

В березняке было тихо. Даже птицы молчали. Повольники переминались с ноги на ногу. Доброга потихоньку сказал:

— А заметили нас...

Повольники сошлись теснее и наставили рогатины. За березняком сразу открылось чистое место с широким обзором.

Так вот оно что! Это же мыс. Повольники пришли по левой реке, а вправо была еще река.

На конце мыса лес был сведен, деревьев почти не осталось, торчали острые, будто срезанные бобрами пеньки. Земля была утоптана, на жердях висела ры-

ба, а дым тянулся из длинного берестяного балагана.

Маленькие лодочки бежали далеко ниже мыса. В них люди махали веслами, как муравьи ножками. Лодочки бежали быстро. Скоро они превратились в точки и скрылись за поворотом. Что же это за люди и почему они так испугались?

Повольники положили ненужное оружие и разбрелись по чужому стойбищу. Берестяной балаган оказался рыбной коптильней. В земле нашлись засольные ямы. И вблизи валялись кожаные мешки, шитые жильными нитками, набитые солью. Хорошая находка!

На берегу лежала лодочка, такая легкая, что ее поднял один человек. Лодочка была сплетена из прутьев и обтянута просаленной кожей.

Вот и гадай, что за люди здесь? Кожа на мешках и на лодочке была похожа на нерпичью. Но откуда в реке нерпа?

Под березами стояли избушки бежавших хозяев, устроенные из жердей, упертых комлями в землю и сверху связанных ремнем в пучок. Одни покрывала береста, а две были обтянуты кожей, как лодка.

Эти рыболовы, видно, не мастера работать топорами. Что за жилье! Одну избушку Сувор приподнял и развалил.

Повольники привыкли думать, что, кроме них, в Черном лесу никого нет. Вот и нашлись другие люди, и чужие, неведомые, как река.

3

Никто не заметил, откуда среди своих оказался чужак. Он свалился как с неба. Среднего роста, крепкий, с желтоватой кожей и с редкой черной бородой, чужак ходил среди повольников. Они ему не препятствовали: хочешь не хочешь — хозяин! Его спрашивали, но он не отвечал.

Трудно было понять, стар он или молод. Волосы были блестящие, со лба до темени тянулась лысина. Лицо же гладкое, без морщин и походка легкая. На чужаке были штаны из оленя и меховой кафтан, а ноги босые.

Чужак начал сердиться, подобрал палку с прикрученным острым и тяжелым оленьим рогом. Повольники смеялись:

— Вот так топор! — но сами расступились. Хватит по лбу, не поздоровится. Не драться же с ним.

Рыболов что-то заговорил, показывая на реку рукой и грозясь оленьим рогом. Было понятно, что он хотел прогнать повольников.

— Чего шумишь, когда нет силы? Надоел,— сказал Сувор и взялся за рогатину.— Сейчас я тебя укорочу!

Рыболов поймал рогатину за конец и так махнул рогом, что едва не достал Сувора. Сувор озлился и хотел кольнуть рыболова, но тот увернулся с криком и угрозами. Повольники потешались и подзуживали обоих.

Вмешался Доброга:

— Не тронь его, не дразни!

Сувор опустил рогатину; опомнился и рыболов, понимая, что силой ему не взять. Чужак бросил рог, подступил к Доброге и принялся о чем-то толковать. Староста вслушивался, но не поймал ни одного знакомого слова.

Староста поманил рыболова к мешкам и попробовал соль. Она горчила, но была достаточно хороша.

— Откуда берешь соль?

Рыболов слушал, склонив голову набок. Чужой — что немой и глухой. С ним приходится говорить руками, и он должен понять, что его не хотят обижать.

Доброга вытащил нож и показал, как он режет. Пальцами и словами староста объяснил рыболову:

— Тебя не будут резать, не бойся, не будут резать.

Рыболов сморщился, растолкал повольников и подобрал свой рог. Подражая Доброге, он тыкал в рог пальцем, а старосте в лоб и отмахивался:

— Ты меня не будешь бить, и я тебя не буду!

Повольники смеялись:

— Ишь, ты! Понимает. Стало быть, не драчливый.

Но тут рыболов оглянулся и показал Сувору кулак. Доброга позвал парня:

— А ну. Миритесь.

Сувор протянул раскрытую ладонь, но рыболов не понял. Доброга хлопнул по ладони Сувора. Рыболов улыбнулся и протянул свою руку.

Вздумав показать силу, Сувор сжал руку рыболова. Но хотя ладонь чужака была меньше Суворовой, она не поддалась.

После испытания силы рыболов совсем осмелел, распахнул кафтан и достал точеную кость, вроде ножа. Ручка хорошая, красивая, но клинок костяной не так режет, как железный. Чужак отдал нож Доброге.

Староста поцарапал кость своим ножом, чтобы чужак видел, как жесткая кость уступает железу, и подал нож рыболову. Тот прикусил клинок зубами — что это за вещь?

Староста показал, что дарит. Чужак обрадовался и погладил Доброгу по руке.

На мысу назначили дневку. Повольники разложили костры и в охотку поели рыбы из ям: давно не пробовали соленого.

Доброга не отпускал рыболова. Показывая на себя, староста твердил свое имя:

— Доброга, Доброга, вот он. Я — Доброга,— и наконец-то добился своего. Рыболов показал на него пальцем и затараторил:

— Добр-ога! Доб-ро-га! Доброга!

Рыболов смеялся и был, видимо, доволен. Он гладил старосту по голове и повторял его имя. Друзья! После этого было уже легко добиться от чужака, как его зовут: Биар. Скажут «Биар», он повернется и покажет на себя, кивает и подтверждает:

— Биар, Биар.

Биара посадили к котлу, дали ложку и накормили. После еды Биар повел Доброгу и тех, кто из сотрапезников пришелся под рукой, в глубь березняка, мимо берестяных балаганчиков.

В лесу Биар залез в берлогу под кучей валунов. Вскоре он вышел из берлоги с тремя людьми. Вот что! Здесь тайник, в который укрылись те, кто не успел убежать по реке.

Из троих одна была молоденькой женщиной, чем-то похожая на Заренку, смуглая кожей, темноволосая. Только глаза у нее чуть косили и она была меньше ростом, чем Доброгина любушка.

По длинному узкому ходу проползли на четвереньках в обширную, сухую пещеру с песчаным полом. Вверху, для дыма и света, в щели меж камнями были вставлены обрезки березовых дуплистых стволов. Здесь, видимо, люди зимовали, а зимуя, не одну рыбу ловили: в пещере было подвешено немало хороших свежих шкурок пушного зверья.

Дорогие шкурки... Будь драка — они достались бы ватаге. А коль дело кончилось миром, так пусть каждый без помехи владеет тем своим добром, которое взял своим трудом.

Глава шестая

1

С Биаром разговаривали на всех языках, какие только знали ватажники. С ним толковали и по-чудински, и по-еми, и по-веси, и по-вепси. Из этих наречий бóльшая часть повольников знала хоть несколько слов. Нет. Будто что и похожее толковал Биар, но ни он не понимал, ни его не могли понять. А Доброге хотелось узнать многое. Зверь нерпа, из шкур которой были сшиты мешки с солью и чьей кожей были обтянуты и лодка и два балагана, не водится в реках. Нерпа живет в озере Нево и, как слыхали новгородцы, плодится также и в соленых морях далеко за озером Нево.

Из разговоров с Биаром поняли, что вниз по реке живут еще такие же люди, как рыболов. Узнали, что безыменная река, на которую вышла ватага, называется по-биаровски Вагой, а та река, в которую втекла Вага у мыса, носит имя Вин-ö, стало быть — Двина.

У Биара не нашлось ни одной железной вещи, и это очень занимало ватажников. И оружие, и снасти, и весь ловецкий припас были костяные и каменные, из кремня. Ничего не скажешь, все сделано хорошо, добротно: и крючки, и шилья, и ножи, и гарпунные насадки для крупной рыбы. Но разве же сравнишь с железом! Биар рубил каменным топором березу. Тяпал, тяпал, тяпал — без конца. А Сувор такую же березку снес в два удара. И еще одному ватажники дивились: Биар знал, что такое кремень, а что кремень огненный камень, было Биару невдомек.

Доброга велел плыть дальше. Биар вместе с молодой девушкой, ее звали Бэва и она была дочерью Биара, погрузился на расшиву старосты. Бэва принесла с собой корзинку, обмазанную глиной, и запас угольков, чтобы кормить огонь. И верно, без железного огнива из кремня не выбьешь искру на трут.

Река Двина оказалась большой, полноводной, не как Вага, хотя и Вага в половодье казалась не меньше, чем Волхов. Биар знал Двину и показывал, как лучше срезать петли и держаться на стрежне. Ночевали в местах, которые указывал новый друг. Встречали вежи, подобные тем, что были на мысу, но людей не видели.

На третий день повольники отошли от ночлега и заметили, что снизу поднимается целое войско. Не менее

двух десятков больших лодей заняли стрежень, а вблизи берегов, по слабому течению, бежали, как утки, вереницы малых лодок.

Повольники затабанили веслами и поставили расшивы рядом. Они спешили вооружиться, хватались за шлемы, у кого они были, напяливали кольчуги. Нежданно получилось — и никто не мог сразу найти нужное, вдвоем и втроем хватались за одно. Кто успел натянуть спущенную тетиву, у того нет стрел. Другой искал щит, а сам на нем топтался.

На Доброгиной расшиве было больше порядка, но и на ней опоздали. Вверх по Двине забежали легкие лодочки и охватили повольников. На каждой лодке двое гребли широкими веслами, а трое или четверо натягивали луки.

Доброга кричал:

— Береги гребцов! Прикрывайся щитами!

А стрелы уже летят!..

На крайней из трех ватажных расшив опустились сразу два весла с одной стороны — и не поднялись. Расшива повернулась, и ее, как бревно, потащило течение. Еле справились.

Кто не успел вооружиться, тот присел на дно, прячась за бортами. Большие лодьи приблизились, и от них, как рои шершней, помчались стрелы.

— К берегу, к берегу греби! — распоряжался Доброга. Он стоял на носу своей расшивы в шлеме и в кольчуге, а Заренка двумя щитами прикрывала его и себя.

Все три расшивы повернули дружно. Одна большая лодья оказалась между повольниками и берегом. Расшива Одинца ударила в нее, пробила легкий кожаный борт. Лодья перевернулась, и расшива прошла над ней. За кормой, как гагары, из воды выскакивали головы чужаков.

Ватажники с размаху выбросились на пологий бережок, выскочили кто в мелкую воду, кто на сухое, и повернули расшивы бортами к воде, чтобы укрыться.

А на реке вопили и гомонили чужаки. Нестройно свистели в дудки и стучали в бубны. И большие и малые лодьи тучей нависали над берегом.

На твердой земле повольники опомнились, взялись за луки, начали выцеливать по-охотничьи и, выпустив десятка три стрел, отогнали чужаков от берега.

А и много же чужаков! Обойдут лесом, набросятся разом с воды и суши, тут и конец. Ватажники броси-

лись рубить деревья для засеки. Валили деревья и злились с каждым сбитым деревом, кляли друг друга за беспорядок, за растерянность. Расшивы захламили, многие только на берегу добрались до своего оружия!

У четырех ватажников были прострелены шеи, у пятерых стрелы засели между ребер, а трое были ранены в живот. Эти плохи, выживут или нет — неизвестно.

На счастье, чужаки имели легкие стрелы — не с железными, а с костяными насадками. Чужаки-лучники били метко и часто, но их стрелы не могли пробить голову или застревали в теплой одежде.

Повольники устроили засеку, но их гнев не утихал. Тот, кто под тучей стрел только что прощался с жизнью, теперь сосал ладонь, проколотую стрелой, и требовал боя.

Чужаки издали посылали стрелы, которые без силы падали около ватажников. Одинец зашел в воду по колено и до плеча растянул длинный двухаршинный лук, подарок Изяслава. Тяжелая полутороаршинная стрела пролетела над водой, до перьев вошла в кожаный щит, и пораженный чужак упал в воду с большой лодьи. Одинец послал вторую смертельную стрелу. Чужаки отгреблись еще дальше от берега. Мужик хотел еще посчитаться за товарищей и за свое разорванное ухо, но Доброга позвал его:

— Будет. Не мечи стрел, береги.

2

Из леса потянуло дымком, за засекой кто-то ходил. Два десятка повольников обошли засеку по воде, бросились в лес и заметили чужих. Сувор настиг одного из них и уложил краем щита. За остальными не погнались, из страха попасть в засаду в незнакомом месте.

Подобрали оружие, брошенное убежавшими чужаками: гладкую, как цепилка от цепа, палку со вставленным в толстый конец моржовым зубом, еще дубинку с прикрученным жилами большим острым кремнем, и олений рог на палке, похожий на тот, с которым Биар вышел к повольникам на мысу. Нашлась мазанная глиной корзинка с горячими углями, тоже похожая на биаровскую. Только тут хватились повольники: а где же сам Биар с девушкой Бэвой?

Их не было, они убежали, а как и когда, того в общей суматохе никто не видел.

Повольники рассматривали оружие чужаков. Пло-

хое. От него достаточно одной кожаной подкольчужной рубахи, не то что кольчуги. Сделано хорошо, прочно, но против железного ничего не стоит. Чужаки не выдержат рукопашного боя. А чтобы укрыться от стрел, Доброга придумал на борта расшив набить еще по две доски, для весел прорубить дыры и сверху прикрыться плетнями из веток.

Раненых уложили на хвойные постели и залили раны топленым жиром. Заренка держала на коленях голову своего двоюродного брата Радока. Радоку стрела угодила в бок. Вырвали ее. Парню плохо. Едва слышным голосом он просил, чтобы сестра спела любимую и грустную новгородскую песнь:

Ты скажи, расскажи, расскажи, не забудь,
передай, повести всему людству.
От отца не скрывай, от братьев не таи,
матке слово снеси.
Что пропал я не зря, не сглупа потонул,
не в болоте загряз, не в гульбе я пропал.
Сговорился я сам с Черным лесом глухим,
обженился я сам на широкой реке.
Доброй волей пошел, доброй волей гулял,
доброй волей все взял.

Радок смотрел в вольное небо и шевелил губами. Ему казалось, что он тоже что-то поет.

Но ему мнилось, что кругом не товарищи, что он лежит не на мягкой хвое и не воздухом дышит. Его колыхала прозрачная, мягкая, теплая волна, и он опускался в подводное царство. К нему склонялись и его ласкали водяные розы. Он уходил глубже. Из чашечек роз выплывали красавицы, обнимали парня белыми руками, и он не мог насытиться счастьем...

Сговорился я сам с Черным лесом глухим,
обженился я сам на широкой реке.
Доброй волей пошел, своей волей гулял,
я сам долю нашел, сам ее я и взял...

Вода холодела и темнела. Радок затрепетал, искал и прижимал к себе невиданную красавицу, чтобы согреть сердце о сердце, приподнялся, глядел не мигая, но более не видел. Сестра прикоснулась к спокойному лицу и смежила брату веки. Роняет теплые женские слезы.

На руках Или другой повольник прощался с жизнью.

3

Повольники трудились без отдыха всю короткую ночь, нарастили борта расшив и наготовили плетней. Теперь и настоящей стрелой не пробьешь, не то что слабой костяной. Можно сталкиваться на воду и считаться с чужаками за своих покойников. Из раненых семеро уже похолодели, а двое выходятся или нет — кто скажет.

В лесу за засекой, где стоял дозор повольников, было спокойно, и река против случайного стана опустела. Но чужаки не ушли.

На том берегу над деревьями и кустами поднимались дымки от костров. Бубны стучали и там и в лесу этого берега. Пересвистывались дудки. Чужаки переговаривались.

Доброга на одной расшиве выплыл на стрежень. В излучине ниже стана были причалены большие лодьи чужаков. Доброгу заметили. Чужаки бежали по берегу и лезли в лодьи, готовясь отчаливать. Часто и тревожно били бубны.

Выше стана прямо на реке стояли на якорях пять больших лодей. Около них, как собаки на поводках, держалось десятка два маленьких лодок. Двину берегли с обеих сторон и держали повольников в осаде. Доброга вернулся на стан.

Повольники обсуждали, как им быть. Выждать, чтобы дело само показало? Чужаки дождутся, когда ветер потянет с берега, зажгут лес и выкурят на воду... И кто же знает, не послали ли они еще за своими? Лучше тотчас, первыми напасть, не теряя времени попусту. И так и так — драться.

Да, быть бою. Три расшивы, укрытые от стрел, смогут смять и потопить большие лодьи чужаков. Одну уже разбили. А о малых лодочках и судить не приходится. На воде верх будет за повольниками, хотя их осталось лишь четыре десятка, а чужаков будет несколько сотен.

Повольники судили правильно, и Доброга соглашался сначала напасть на верхние лодьи, потом смять нижние. Чужаки сами разделились. Побить — побьем. А дальше что?

Некоторые товарищи предлагали вернуться на свою реку, как привыкли называть Вагу. На ней места много и нет чужаков. Другие настаивали побить и покорить чужаков, взять выкуп и обложить погодной данью.

Как случалось и на больших и на малых вечах, повольники разбились почти поровну и, отстаивая свое мнение, бранились и грозились. В увлечении одного столкнули в реку — хорошо, что на мелкое место. А бубны чужаков, будто принимая участие в споре, били часто и тревожно.

Доброга крикнул:

— Чужаки налетают! Чужаки!

Горячие головы опомнились. А не вернуться ли к товарищам и не решать ли всей ватагой, как дальше поступать с чужаками?

— Не любо с чужаками драться для драки,— сказал Одинец. Он до сих пор молчал. Его кафтан был в крови, разорванное стрелой ухо распухло, как гриб.— Мы здесь не для того, чтобы, как на льду, тешиться кулаками. Уж если драться, так чтобы был толк...

Одинец не кончил — в лесу раздался чей-то крик. Прислушались.

— Доброг-га! Доброга!

Что же там за чудо? Кто зовет старосту?

— Э-гей? Кто ревет?

— Доброга! Доброга!

А ведь это голос Биара!

Староста перебрался через засеку и позвал рыболова. Тот выскочил из-за дерева и спрятался. Боится. Доброга бросил рогатину и меч и пошел безоружный. Биар выбежал навстречу.

4

Оказалось, что чужаки хотели говорить с повольниками, так Доброга понял Биара. Как говорить, не хитрят ли? Повольники приготовились к бою. Биар принес бубен, обтянутый с обеих сторон кожей, разрисованной фигурками медведей, оленей и собак. На стук биаровского бубна снизу выплыла большая лодья, полная людей. С нее Биару отвечали на бубне же, а остальные бубны замолкли, и на реке сделалось тихо. Чужаки были безоружные. Их лодья медленно и наискосок правила к стану. Гребцы стоя работали тонкими веслами с широкими лопастями, обтянутыми кожей.

Лодья подошла так близко, что сделались видны жильные швы на кожаных бортах и лица чужаков. Они были смуглокожие, черноволосые, как Биар, с редкими бородами. Несмотря на теплый день, чужаки были одеты

тяжело. У одних с плеч свисали плащи из мехов, собранных хвостами вниз, другие носили шитые собольи шубы. Блестели кафтаны из рыбьей кожи, узорчато расшитые цветными ремешками. Старшины. Они махали руками и показывали повольникам пустые ладони.

В дымокурах потрескивали ветки, в лесу одиноко каркал ворон. Над рекой с писком вверх-вниз, вниз-вверх летали чайки. Около кожаной лодьи выскочила большая рыбина.

Седой высокий старик, опираясь на длинную бело-желтую кость, переговаривался с Биаром. Биар, показывая на свои пустые руки и на лодью, старался объяснить, что не надо оружия.

— Чужаки не боятся, и мы не трусливее их.— Повольники побросали топоры, луки, рогатины, выбросили ножи из сапогов. Кто был в шлеме, тот снял железную шапку.

Доброга стащил с себя и кольчугу и вместе с Биаром звал чужаков руками и голосом. Лодья причалила, и люди попрыгали на берег. На борту остались гребцы и старик с костяным посохом.

Один из чужаков заговорил. Чудно: Доброга понимал его слова. Он говорил по-вепси и внятно, хотя ломал слова. Те из ватажников, которые знали вепсинскую речь, тоже слушали.

— Какие вы суть люди,— спрашивал чужак,— и зачем вы к нам пришли?

Он разговаривал с Доброгой, а знавшие вепсинское наречие, переводили для остальных.

— Вот оно какое дело. Он говорит, что чужаки узнали о нас от рыболовов, которые бежали с мыса. Дескать, неведомые люди тех рыболовов, которые не успели бежать, побили. Понимай, что мы убили Биара с Бэвой и еще тех двух. Вот и собрались чужаки, чтоб нас наказать и прогнать...

— Когда они узнали от Биара, что мы никому худого не сделали, они его, Биара, послали к нам.

— Говорят: напрасно мы у вас, а вы у нас людей побили сгоряча...

— Говорят: не нужно убивать людей. А нужно ловить зверя и рыбу. В лесу и в воде для всех припасено много зверя и рыбы.

— Говорят: хотите, будем еще биться. Не хотите, будем мириться. У вас горе, у нас горе.

— Человек от бури гибнет, от мороза гибнет, от

хворости гибнет, от старости гибнет. А один другого люди не должны губить...

Кончилась речь вепсина. Доброга со светлым лицом повернулся к ватажникам:

— Что же, други? Будем судить вечем или сразу решим общим голосом? Я так считаю: дело простое, нечего головы ломать!

Одинец первым ответил, со всей силой отрубив рукой:

— Чего же нам?! Мы и не хотели входить в чужую часть! На всех хватит и без того. Быть миру!

— Быть миру! Быть миру и дружбе!

Толмач что-то сказал старику в лодке, и тот махнул костяным посохом. Чужаки вытолкнули к Доброге какого-то человека, с ног до головы закрытого черными соболиными шкурками. Толмач пояснил:

— Мы первые пролили вашу кровь. Мы даем вам женщину, чтобы она вам рожала новых людей.

Из соболиных шкурок высунулась знакомая голова — это же Бэва!

Доброга положил девушке на плечо руку и усмехнулся:

— Девушка добрая, и ее должно принять. У меня есть жена. Пусть же она сама выбирает из холостых ребят, кого захочет.

Толмач перевел. Путаясь в собольих хвостах, Бэва подошла к Сувору. Парень ее обнял. Мир закреплен!

Чужаки побежали к повольникам и пустились обниматься. Старик в лодье поднял костяной посох и потряс им. Повсюду на берегах ударили бубны, и к стану ватажников побежали кожаные лодьи и лодочки. Кричат чужаки, радостно кричат, надо думать, одно кричат все люди, которые избавились от мысли о войне:

— Не будет крови, не будет! Мир!

Новые друзья натащили в стан повольников свежей рыбы, битой дикой птицы, икры в берестяных и лубяных туесах, угощали, не отставая, совали прямо в рот.

Толмач рассказывал, что он, сам от рода вепсин, уже давно забрел в эти места и в них прижился. Народ здесь добрый, живет в низовьях Двины и на берегах того соленого моря, в которое впадает Двина. Этот народ зовет себя биарами. Слово же биар значит — человек. Биары — дети Великой Воды, богини Йомалы.

Вверх по реке на нерест шли сильные косяки рыбы. Гладь Двины рябила несчетными спинами. В воде было тесно.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

У МОРЯ

Глава первая

1

Новгородцы любили лес и, слыша о землях, где нет леса, не понимали, как может там жить человек. Лес давал зверей и птиц, деревья для изб, расшив, для оружия и снасти и пламя для очага, священного очага рода. Лес давал великую красоту, без него земля казалась бы плешивой, как темя хилого старца.

Лес — сын Земли, так же как сами новгородцы. Они любили Землю, щедрую и добрую мать, она не отказывала в хлебе человеку, который умел полить ее своим потом. Все происходило от Земли, все рождалось в ее лоне. Земля держала на себе реки, озера и моря, зачинала и сладкие и горькие ключи, из воды которых выпаривали дорогую соль. Земля родила камень для очагов и дарила огненный камень — кремень. В своей заботе о человеке Земля собирала в болотах железо. Сотворяя человека, Земля дала ему крепкие кости от камня, мясо — от плодородной почвы и кровь — от воды. Вода в теле человека — соленая кровь сердца, вода в морях — кровь Земли.

Далеко, за Черным лесом, за реками и озерами остал-

ся Новгород. Повольники плыли вниз по Двине к соленому морю. Вскоре еще одна река не меньше Ваги втекла в Двину, но с правого берега, и Двина расширилась, покрылась лесистыми островами. Обиармившийся вепсин Анг, который толмачил при заключении мира с биармами, показывал повольникам удобные протоки и рассказывал о биармах.

У биармов нет города, они не нуждаются в городах. Они живут родами и малыми починками по морю. С весной многие поднимаются за рыбой по Двине, но далеко не ходят. И зимуют у моря. Редко кто остается так далеко на Двине ловить зверей зимой, как отец Бэвы Тшудд, которого ватажники по ошибке назвали Биаром. Тот же Анг объяснил новгородцам значение имени реки: Вин-ö, освоенное новгородцами как Двина, значит Нежная, Тихая.

Двина была широка и многоводна, куда больше Волхова. Встречались хорошие луга, а леса были хвойные, с березой, ольхой, ивняком. Дуб и клен, как под Новгородом, здесь не росли. Много речек и рек Доброга и Одинец наносили на свои берестяные листы, запоминая и изучая новый путь, а жилье встречалось редко и только вежи биармов.

Расшивы повольников отошли от мирного стана, окруженные лодьями и лодками биарминов. Час от часу биармины отставали, оставались на местах, излюбленных для рыбной ловли. Через два дня не осталось никого, кроме нескольких человек на расшивах повольников. Они оповещали других биарминов, чтобы не вышло чего. Плыли свободно и мирно.

На четвертый день Двина расширилась еще больше, еще больше рассыпалась на рукава. Течение почти не чувствовалось. Ватажники узнали еще одно значение имени реки Вин-ö: Морской залив или Широкое речное устье.

Расшивы прошли за последние острова, и повольники увидели, как берега загнулись и вправо и влево, а прямо, на полночь, более не было ничего, кроме чистой воды до самого края неба. Так они, первые из всех новгородцев, вплыли в новое море.

2

Ватажники черпали воду и пробовали: сладкая, как в озере. Но вода была не такая, как в озере Нево,

где видно дно на страшной глубине. Здесь было так же мутно, как на Волхове.

Даже Доброга никогда не видел морей, и сердца повольников волновались странным и необычным чувством. Морская даль манила и тянула. По воде катилась круглая добрая зыбь, море дышало, как грудью, и покачивало расшивы. Повольники отгреблись подальше от берега и вновь попробовали воду. Соленая вода, море! Над морем стояло чистое белое небо, и само море казалось белым.

Кто-то бежал из моря навстречу ватажникам и резал воду высоким черным плавником, пряча тело в море. Кто же это? Не спешило ли морское чудо, чтобы напасть на людей? Биармины заволновались и показывали руками, что не нужно биться. И вепсин приказал, чтобы повольники не трогали морское чудовище, а поворачивали к берегу.

Бежать? Да и не убежишь, вот оно. Чудовище отвернуло и мчалось между расшивами, чуть выставив черную спину с плавником. Одинец что есть силы метнул тяжелую боевую рогатину. И другие не опоздали: кто ударил рогатиной, а кто зазубренной острогой.

Чудовище взметнулось и взбило кровавую пену. Широкий хвост рубанул по борту ближайшей расшивы, но доски уцелели, а железо пересилило. Зверь показал толстое серое брюхо, лег на бок и замер. Его подтянули за веревку, привязанную к остроге. Доброга вгляделся в свирепую морду со страшными зубами в пасти и пошутил:

— Вот так касатушка-касатка!

Слово-издевка, сказанное любимым старостой, понравилось повольникам. И прозвище «касатка», данное чудовищу в насмешку, навсегда пристало к злобному морскому зверю.

Расшивы потащили касатку к берегу. Вдали же виднелись какие-то большие рыбы, над ними взлетали тонкие струи. Вепсин объяснил, что это тоже морские чудовища, которые бывают и в десять, и в двадцать, и в тридцать раз больше касаток. Уж не киты ли это, о которых повольникам приходилось слышать сказки?

3

У берега расшивы заскребли по камешкам днищами. Повольники выскочили в мелкую воду и выхватили расшивы. Стало быть, прибыли. А куда?..

Солнце белило небо и море. С земли подступал Черный лес, а между ним и морем оставалось ничейное место; голый каменистый берег подходил к земле со мхами и травами, которые покрывали первые древесные корни. В заливе обнимались море и земля, и земля струила из леса ручей сладкой воды.

Море ворожило, колдовски тянуло повольников. На опушке стояли две вежи биарминов, обтянутые кожей. Хозяева моря подошли к гостям. Повольники с моря не заметили жилья на берегах, а вблизи, как видно, жило немало биарминов: в залив вбегали лодка за лодкой.

Биарминовский народ валом валил поглядеть на пришельцев. Давно ли засыпали стрелами? Добрые люди.

Повольники кое-как вытащили на сушу касатку; биармины не помогали. Даже к мертвому зверю не каждый биармин решался подойти и на сухом берегу: водяные люди считали касатку воплощением зла.

Самые храбрые мялись, мялись, а все же подошли. Они повытаскивали рогатины из жесткого тела и кое-как вырезали остроги костяными ножами. Они с громадным любопытством рассматривали железные насадки и щупали острые рожны. Поговорив между собой, биармины начали тыкать мертвую тушу и дивиться легкости, с которой железо вспарывало твердую шкуру. Они смеялись и махали тем, кто еще не осмелился подойти.

Один биармин взял рогатину Одинца и просил руками, чтобы ему позволили метнуть. Что же, для хорошего человека не жалко, мечи.

Биармин отступил шагов на сорок и сбросил меховой кафтан. Сутуловат, тело смуглое, чистое, руки длинные. Сильный мужик. Примеряясь, он взвесил в руке тяжелую рогатину и метнул в тушу.

Хороший охотник, он всадил рогатину чуть ли не как Одинец. Будто не веря своим глазам, биармин подошел поближе — и охнул. Он поднял свое копье с костяным рожном и ощупал его.

Тут-то и поняли самые медленные умом повольники очевидную истину: биармины никогда не видали железа!

Доброга подозвал Одинца, Отеню, Сувора, Вечерку, Карислава, Игнача и Яншу и уселся с ними на опушке. Они за дорогу выделились умом и ухваткой, и староста хотел поговорить с ними. Чуть гудели сосны, биармины и повольники возились у расшив и около касатки.

И белое море лежало без края, без конца, до самого неба.

Нашелся конец Черному лесу, Земле и ватажной дороге. Доброге было и радостно и горестно. Теплый день, а его знобило. Он закашлялся, взявшись за грудь, а отдохнув, жарко заговорил с товарищами:

— Богатые места, народ простой и добрый, с ним прожить без спора легко. Что же, браты, думаю, что не искать нам больше добра от добра. Смотрите, биармины совсем не знают железа. Мы им железо, они нам отплатят. Они богатые и своего богатства сами всего не соберут, нам позволят пользоваться всем. Думайте, думайте. Они со своим костяным оружием и припасом сколько зверя и рыбы берут, а сколько возьмут с железным! А мы и того больше наловим. Будем здесь садиться, по морю.

Повольники глядели в бескрайное море и принимали все, что клал им в души умный староста.

— Наш долг боярину Ставру мы легко отдадим. Но ватажникам зря не меняться с биарминами. Пока не рассчитаемся с боярином, всю мену будет вести ватага от себя. Эх, мало у нас железа! Не снимешь же с себя последнее.

— Надобно домой в зиму погнать,— весело сказал Отеня, бывалый охотник. Он не хуже Доброги понимал великую удачу ватаги.

— Чего же? Дорожка пробита,— поддержал Карислав, молодой повольник, который был лета на три старше Одинца и схож с ним силой тела и упорством души.

— Поперву и собака плутает, а по затескам и глупый не собьется. Знакомый путик в Город, каждый дойдет,— подтвердил Вечерко.

Доброга было закашлял, но, заметив Заренку, удержался. Она села рядом, и староста обнял одной рукой жену. А она положила мужу голову на плечо.

— Ума, ума, браты, приложим ко всему,— продолжал Доброга.— Я так смотрю, что мы сюда налетели не коршунами и не воронами, чтобы выбить добычу и — долой. Нужно следить, чтобы кто из нас сглупа не обидел биарминов. Медведя рогатиной, соболя силком, птицу стрелой, землю сохой, а соседа бери сердечной лаской.

— Верно говоришь. Мы будем крепки биарминовской дружбой,— за всех согласился Одинец.— А железо бы здесь поискать. Болот много.

— Поставим избу, и ты отдохнешь от дороги,— тихо сказала мужу Заренка.

Кончилась дальняя дорога. Пора рубить жилье, трудом брать землю и трудом овладевать новым морем.

Глава вторая

1

В устье реки Тихой-Двины берега и острова лесисты. А на правом от устья берегу моря, который тянется на восход солнца, лес слабеет. На бугристых холмах березняк не растет ввысь, а кустится. В низменностях расползлись травяные и моховые болотистые луга, здесь биармины пасут свою остророгую скотину.

В своем хозяйстве биармины не держали лошадей, коров, овец, коз и свиней, к которым привыкли новгородцы. Для всего у биарминов была одна домашняя скотина — олень. Такие же олени водились в приильменских лесах, по Нево, Онеге и Свири. Новгородцы считали оленей диким зверем, а биармины сумели на диво приручить их пуще собак. Биармины и ездили на оленях, и доили, и брали с них мясо и шкуру.

Повольники облюбовали удобное место на правом берегу Двины около самого устья, на большой протоке, рубили лес для изб и для тына,— хотелось прикрыться хоть небольшим острожком. Соседи-биармины ни на минуту не оставляли своих новых друзей.

Закончив свои весенние ловли по Двине, биармины сотнями возвращались к морю и не сидели в покое. Они шныряли и на больших кожаных лодьях и на маленьких лодочках по всем извилистым протокам устья и по морю.

Простой и добрый народ, честный. Каждая вещь из обихода повольников побывала в руках любопытных биарминов, но ничего не пропало. Вначале все же иной раз повольникам становилось боязно от многолюдства биарминов.

Надобны или не надобны и острожек, и тын, кто же скажет наперед? А будет спокойнее.

Строились с помощью биарминов. Карислав намашется топором и разогнет спину, а биармин тянется.

— Попортишь железо, мужик. Оставь.

Мало-помалу биармины и новгородцы начинали

понимать друг друга в простых делах, и приятель биармин твердил Кариславу:

— Нет. Не попортишь. Нет, не попортишь.

— То-то! Гляди у меня!

Биармин смеялся, показывал на свои глаза и кричал:

— Гляди меня, гляди меня!

— Эх, да не так ты тяпаешь. Смотри, как нужно! Карислав показывал, как держать топор и как бить, чтобы щепа кололась крупно и железо не мяло, а резало древесину. А биармин вертелся около, припрыгивал в увлечении и крякал под удары:

— Ах-а! Топ-пор!

Ему не терпелось:

— Давай топ-пор. Я! Я!

У всех заводились друзья, звали по именам. Отеня сидел на бревне верхом и ошкурял стругом кору, а оба его приятеля, Киик и Дак, пристраивались рядом и не могли дождаться своей очереди. Бревно поспевало вмиг.

Вечерко вырубал паз в стеновом бревне, и мелкая пахучая щепа летела в глаза Рубцу. Вечеркиного приятеля прозвали так за борозду, которую медвежий коготь пропахал от виска до подбородка биармина. Рубец мигал от щепы, отдувал губы, но не слезал с бревна. Вечерко передавал приятелю топор, Рубец плевал в ладони по-новгородски. Приходила Вечеркина очередь щуриться и мигать от щепы.

Биармины пригнали оленей и своими руками помогали вытаскивать бревна из леса и волочить из болота мох для конопатки избяных пазов. Не будь биарминов — и не поспели бы с такой дивной скоростью избы и острожек.

По всему было видно, что биармины не знали злобы и вражды. Они привыкли к ватажникам, но к железу не могли привыкнуть. Они научились водить пилой, скрести стругом, тесать теслом и резать ножом, а все же твердое железо оставалось чудом, как в первый день.

Уже давно оголел очищенный чайками костяк от первой убитой касатки. Биармины вытащили кости подальше на берег и обвели их низкой стенкой из белых голышей. Меж пустых ребер они натыкали острых жердей, чтобы показать, как разило железо страшного злого зверя. Биармины выменяли Одинцову рогатину на три сорока соболей, но никто из них не взял себе чудесное могучее оружие. Они поставили в каменном кругу кожаную вежу перед зубастым касаточьим черепом и

в ней утвердили рогатину рожном вверх. Биармины намазывали рогатину топленым жиром, кормили железо:

— Чтобы все касатки знали, что на них есть сила и управа.

Ладно. Дайте срок! У вас будет железа вволю. А пока терпите и молитесь на рогатину.

2

Повольники справились со стройкой, и Доброга послал одну расшиву с десятком людей вверх по Двине на Вагу, чтобы дать о себе вести товарищам и узнать, как у них идет жизнь.

В острожке от семейных стаек тянуло теплым женским духом. Биарминка Бэва принесла новгородцу Сувору в приданое не одни собольи меха. Что меха: их Сувор отдал в общую добычу ватаги в погашение долга Ставру. Бэва училась от Заренки и Или хозяйству, перенимала навыки и равнялась ухваткой, теша мужа заботой.

Сувор привык к черным глазам, к смуглой коже и к косе цвета воронова крыла молодой жены, будто других не бывает. Ему первому пришлось дать вместе с биарминкой новгородский росток на берегу крайнего Белого моря. Будет дитя.

Кругом молодой пары не переводились Бэвины сродичи. Сколько же их? Не весь ли каменистый берег моря? Биармины умели и любили считаться родством. Они находили свояков в самых дальних коленах и на досугах длинных зимних ночей, перебирая имена и прозвища, поднимались до двух первых людей, которых сотворила богиня Воды Йомала.

Рубец сосватал Вечерке свою сестру. Дак отдал за Отеню дочь. Браки скреплялись общими торжествами. То ли биарминам было любо родниться с железными людьми, то ли они стремились к закреплению союза,— об этом мало кто думал, кроме Доброги, но все брали жен с охотой.

Одинец же остался один. Его скорый брак был короток и нерадостен. Иля ушла к Кариславу, она не сжилась с Одинцом. На прощанье она сказала бывшему мужу:

— Ты скучный, все молчишь и молчишь. И слава о тебе идет, и тебя почитают, а ты как холодянка-лягушка. Мне с тобой холодно. Как огонь не берет залитую головню, так и тебя не зажечь.

Баба ушла к другому, а Одинцу все нипочем, будто ничего и не было. В одном Иля была права: с ней Одинец пусть был холоден, но другие не знали его холода. Верно говорится, что жене труднее угодить, чем миру.

Одинец завладел кузнечной снастью, которую ватаги всегда берут с собой для нужных починок, и ему некогда было скучать за любимым делом. К нему приросли четыре биармина так прочно, что их не разлить бы водой и не оторвать клещами. Поглядел бы теперь Изяслав на подмастерье, которого он не раз хулил за небреженье к мастерству! Не пропали уроки зря. Одинцу наука пошла впрок.

Вместе с помощниками-биарминами он нажег угля, построил кузничку и наладил горновые мехи. Он работал в охоту и без устали. Отпускал выщербленные пилы, зубрил и наново закаливал. Сваривал и наново перековывал треснувшие топоры, прямил и отгибал струги, острил долотья, правил ножи и делал любую работу.

У повольников нашелся небольшой запас сырого кричного железа. Из него кузнец изготовлял самое нужное для биарминов — гарпунные и острожные насадки. Много другого наковал бы кузнец, который не забыл ни одного слова из умельческих наговоров при ковке и закалке всякой снасти. А где взять железо? Не пустить ли в горн ненужные железные шлемы, бронь, кольчуги, мечи и боевые топоры? Нет, нельзя! Ватажники решили сохранить дорогое оружие. Неровен час... А новгородец без оружия—что медведь без когтей и зубов.

Своих биарминов Одинец учил ремеслу строго, как его самого натаскивал суровый Изяслав. У Одинца всякая вина была виновата, и его подмастерья-ученики не получали потачек.

Среди мастеров строгость никогда не считалась обидой. Попались ли Одинцу особенно понятливые биармины, или каждый человек может хорошо учиться, когда всей душой тянется к знанию, но биармины делали быстрые успехи.

Наука шла без лишних слов. Одинец не умел и не любил многословить. Каждое его слово гвоздем влезало в головы биарминов. Сходясь на общей работе, кузнечные подмастерья, которых звали Расту, Тролл, Онг и Болту, скорее друзей других ватажников осваивали новгородскую речь. И Одинец первым из повольников начинал все лучше понимать по-биарминовски.

...Ватажному старосте не пошли впрок дальние до-

роги, повольничья жизнь и морской берег. Не было здоровья Доброге. Его не оставлял кашель, его знобило. Он слабел телом и уже не примером, а одним ясным разумом держал ватажников в руках.

Бывалый охотник боролся с болезнью, не хотел лечь в новой избе на скамью и забыться на мягкой медвежьей шкуре. Доброга и с повольниками и с биарминами на расшивах и на кожаных лодьях рыскал по Двине и по морю. А что дальше, там, за морем?

Биармины рассказывали, что морские берега от двинского устья сначала расходятся, а потом поворачивают на сивер. У биарминов было предание о месте, где от одного морского берега на другой, с восхода на закат, можно переплыть дня за два. Биармины не ходили в море далеко. А что же за тем, за узким местом? Говорят, что берега опять расходятся.

Поплыть бы туда, поискать настоящий край Земли... А не другому ли придется рыскать в море? Доброга никому не признается, но все чаще задумывается: другие до него уходили из жизни, и ему припасена та же судьба.

Никогда не бывало таких мыслей. Теперь-то только и жить с молодой женой, которую Доброга любил всей душой, как никогда никого не любил.

Заренка же забыла ревнивые девические мысли о водяницах, ходит за мужем, ждет, что болезнь пройдет с зимними холодами, как было прошлым летом, и ни о чем дурном не думает. Она видит, что любый весел и счастлив, бодр духом. У него на щеках играет румянец, глаза ясней, чем у молодых. Да и не старый муж у нее.

О конце помышляет тот, кто чувствует его приближение. И никому другому его не понять. Так лучше. Всему свое время, свой час.

3

Доброга любил зайти в кузницу, поглядеть, как в горне горит яркое пламя и как яро рдеет железо. С наковальни, из-под большого молота, которым бьет подручный, сыплются звездочки искр, гаснут, за ними спешат новые. Малый молоток ходит указчиком. Мастер звякнет им по наковальне,— подручный понимает.

На кузнецов хорошо смотреть. Биармины позавесили грудь и ноги кожей, волосы стянули ремешками, руки

голые, черные от угля и окалины. Заправские кузнецы! Научаются железному делу и не в шутку, будут мастерами.

Новгородской земли прибыло, новгородцы имеют в биарминах верных союзников, друзей и опору. Эх, подольше бы пожить! Здесь тоже будет пригород. Мал острожек, но дóрог почин. Доброга подозвал Одинца. Они сидели рядом на сосновой плахе. Ватажный староста рассказывал, как он сызмальства бродил по Черному лесу, сколько троп топтал. Всякое бывало. Случалось по два и долее лета, кроме своих товарищей, не видеть человеческого лица. С чужими приходилось не одним добром считаться,— делить дорогу рогатиной, ножом, стрелой, лить кровь. Сердце тешилось в схватках. Но теперь Доброга понимал, что нет хуже свары и боя между людьми. Много земли, до чего же много! Не обойдешь землю, не обоймешь. Нужно жить на земле радостно и просторно, без всякой обиды другим людям.

— Не так делаешь! — крикнул Одинец подмастерью. Показав Расту, что и как нужно, он вернулся к Доброге.

А у того новое слово:

— Мы с тобой хотели смешать кровь.

— Смешаем.

Перед вечером все ватажники собрались на морском берегу, на опушке Черного леса. Вырезали пласты мшистого дерна и в мягкой земле между черными корнями выкопали ямку.

Товарищи стянули Доброге и Одинцу руки ремнем и острым ножом с одной руки на другую царапнули одним взмахом. Братья опустились на колени и вытянули над ямкой связанные руки. Кровь слилась в одну струечку и закапала в землю.

Товарищи накрыли братьям головы дерном, и оба громко клялись Небом и Ветром, Солнцем и Месяцем, Лесом и Водой, Стрелой и Мечом, Сохой и Серпом быть верными, поровну делить горе и радость, труды и добычу и все, что или в руки придет, или навалится на спину.

Сырая земля приняла братскую клятву вместе с кровью и навечно ее сохранит.

Не вставая, Доброга сказал тихим голосом для одного Одинца:

— Тебе оставляю все. Все и всех. Прими.

— Приму.

— Не разумом, сердцем прими. Не по клятве, возьми по любви.

— Возьму,— шепнул брат брату.

Вслед за Доброгой и Одинцом другие совершали священный и чтимый обряд побратимства. И парами, как Доброга с Одинцом, и по четверо вытягивали наперекрест руки над общей ямкой. Ватага слеплялась братской кровью и скреплялась торжественной клятвой.

Ямку засыпали и обратно уложили дерн. Сверху полили сладкой водой, чтобы поскорее срослись травяные корешки, кругом поставили оградку из живых ивовых черенков.

Глава третья

1

Оводы, пауты, слепни и хищная строка нестерпимо резали звериную шкуру. Мошка-гнус жгла губы, глаза и нежное вымя оленух. От муки мученической олени забежали в реки, и речные воды охладели. Поднялись толстые ночные и знобкие утренние туманы. Мошка ослабела, комар отяжелел, спрятались слепни-оводы. День укоротился.

Окрепли свечи на сосновых ветках, хвоя потемнела. На Черный лес нашла Дрема. Лесная птица молча кормилась на зрелых богатых ягодниках. Птенцы заматерели, равняются со старыми. Озерная и морская птица оторвалась от гнездовий, рыскала повсюду, жировала и сбивалась в стаи. Волчьи выводки учились выть вечерними зорями.

С Ваги, от Доброгиной заимки, с вестями от братьев-повольников прибежала расшива:

«На новом огнище не пропали хлебные семена. Из трубки выкинули сильный колос, и сильно наливает зерно. Быть урожаю, а нам быть с хлебушком».

«Те товарищи, кто ходил вверх по реке от заимки, вернулись живы и здоровы. Они добрались до истока реки. Там, в озерах и болотах, среди сильных бобровых гонов, зачинается река. Там живет дикая весь. Весины с повольниками драться не дрались, но и дружбу не завязали. Повольники не стали ломать весинов и спустились назад по реке, а на реке весинов нет. Идя обратно, на хороших местах ставили избушки для охотничьих зимовок. Пушного зверя много».

«По зимнему первопутку пошлют в Город обоз. С ним приказчик боярина Ставра повезет все, что дадут в счет долга. Обозу накажут вернуться назад до весны».

Вестиики привезли гостинец — сладкого лесного темного меда в липовых долбленках.

Ватажники поспешили собрать все пушные меха, которые выменяли у биарминов и сами добыли. И скорее погнали назад посыльные расшивы с тремя строгими наказами:

«Чтобы обозные в Новгороде повестили весь народ: шли бы охочие люди на новые богатые земли, на свободные широкие реки. Шли бы смело люди всякого рода и племени, кто живет дедовским обычаем и по Новгородской Правде».

«Зимнему обозу привезти побольше железа. Железо брать сырое, в крицах, а не в изделиях. Все нужное из железа сделаем сами».

«Самим же посыльным вместе с расшивами на Доброгиной заимке не застревать, а возвращаться поскорее, чтобы не попасть в ледостав. И здесь богатые ловли, и здесь не хватает рук».

Вверх по Двине пошли обе расшивы, высоко груженные пышным «мягким золотом». Они повезли еще один груз, самый дорогой, хотя гребцам не прибавилось работы: поясные поклоны друзьям-товарищам, а родным — земно-любовные.

Поминая Радока, плакали Заренка и Сувор. Еще горше Заренка плакала, вымаливая теплое родительское прощение девичьего самовольства. А вытерев слезы, она просила передать отцу и матери, что их дочь счастлива с нечаянным и негаданным мужем, с ватажным старостой Доброгой, и не желает себе никакого иного счастья...

2

И Доброга не желает другого счастья. Если бы человек мог заставить реки течь назад и сумел сам жить сначала, Доброга своей волей выбрал бы и повольничью жизнь и Заренку. Но в его сердце нет легкой радости.

Где только не кропили храбрые новгородские охотники-повольники густой алой кровушкой лесные мхи и речные пески! Ничуть не страшно ложиться для веч-

ного сна, но горько, мучительно-тягостно расставаться с любимой. И Доброга боролся свою болезнь, как никогда не борол никакого недруга.

Тшудд, отец Суворовой жены Бэвы, заметил, что хиреет его сердечный друг Доброга, и призвал на помощь биарминовских колдунов-кудесников. Вскоре под вечер на большой кожаной лодье приехало сразу четверо.

Первый, самый молодой, молча два раза обежал пустое место на берегу Двины перед острожком и ватажником.

Другой вылез на берег и вместе с первым три раза то же место окружил ногами. Высадился третий, старый. Они проделали втроем тот же обряд, но не бежали, а шли шагом. И на ходу они носами шумно вынюхивали Зло и отпугивали его руками.

Покончив со своим делом, три колдуна вытащили из лодьи четвертого — старого старика, ветхого старца. У него было сухое тело, на плечах еле держалась большая, как котел, голова с голым черепом. От старости на бороде росло считанных три волоса. Колдуны подтащили старца к острожку под руки, всех повольников поставили ниткой и велели не сходить с места, а Доброге приказали идти за собой.

Колдуны останавливались перед каждым повольником и поднимали за подбородок бессильную тяжелую голову старца. Древний кудесник всматривался в человека:

— ...а не этот ли самый по вражде, по черной зависти или просто от злобы дурного, гнилого сердца навел порчу на Доброгу?

У старца были блестящие, черные, совсем молодые глаза в морщинистых, как кора, веках. В них, как уголек в золе, теплился красный огонь. Посмотрит, хлопнет темными веками: нет, не этот! — и дернется: дальше ведите.

Кудесник чуть задержался перед Одинцом, а добравшись до Заренки, совсем остановился. Он долго-долго вглядывался в женские глаза, будто нашел в них что-то, а что нашел — не понимал. Спросил:

— Женщина чья?

— Доброгина.

Кудесник уронил голову: не та... Так и не нашлось среди повольников Доброгина врага.

Пока кудесники смотрели повольников, начало смер-

каться. Они взяли старосту на близкий морской берег, а остальным повольникам велели стать поодаль.

Кудесники положили Доброгу ничком на одеяло, сшитое из белых с голубой подпушью песцов, и обвели вокруг старосты костяными копьями четверной круг, которым его заперли от лихой силы. А между морем и Доброгой набросали горку сухого мха.

Чтобы зажечь костер, кудесники не стали высекать искру огнивом, которое биармины уже заимствовали у новгородцев, и не воспользовались угольками. Они добыли живого огня от липового полена лучком из твердого соснового корневища.

За делом на морской берег насела черная густая ночь. Кудесники запалили моховой костер и набросали на него наговоренной морской травы. В огне затрещало. Запрыгали синие, желтые, красные звездочки.

Младший кудесник залез в сшитую нерпичью шкуру, а на шею нацепил ожерелье из восьми моржовых зубов. Невиданные зубы, каждый длиной в руку от плеча и до конца пальцев! Еще младший кудесник навертел на себя побрякушек и бубенцов из рыбьих черепов и побежал к морю.

Темно. Плохо видно. Но слышно, как кудесник пыхтел и топтался в мелкой воде.

В костер еще метнули травы, и берег озарился. Тащит кого-то младший колдун, тащит, гляди-ка!.. Не видно кого, не разберешь, но кого-то большого волочил на сушу колдун! В шею вцепился ему. Борет.

Кудесник свалил Морское Лихо подножкой, прижал коленом и без пощады резал его иззубренным костяным ножом. Запилил насмерть и отпихнул в темноту ногами. Морское Лихо исчезло, будто и не было его.

Младший колдун переступил зачарованный круг и положил рядом с Доброгой костяной нож-пилу. Пока нож будет при старосте, ему не страшно Морское Лихо.

Второй и третий кудесники надели медвежьи шкуры и бросились в лес.

Первый колдун бился молча, потому что Морское Лихо немо по-рыбьи. А эти так рычали, что по лесу стон пошел. Они вызвали Лесное Лихо, закололи его костяными копьями и подарили Доброге священное оружие.

Покончив свое дело, трое колдунов уселись рядом и дико забили в бубны — старшему кудеснику собираться на бой против Главного, Общего Зла-Лиха.

Старый, бессильный старец расправлялся и надувал-

ся неведомой силой. Сила поднимала его от земли, и он рос, рос! Он сделался высоким, прямым и поднял могучие руки. Великий кудесник топнул и высоко подпрыгнул. Часто-часто ударили бубны, и волшебный старец помчался кругом Доброги саженными прыжками.

Он несся, будто летел по воздуху, и звал мощным, страшным голосом. Тшудд и все другие биармины повалились и закрыли головы руками. Костер вспыхнул и погас.

Повольники слушали, как во мраке рокотали бубны и великий кудесник вопил голосом, какого у человека не бывает. Взревет раз, взревет другой, а ему сверху откликается другой голос. Это пришло на бой Главное, Общее Лихо.

Мороз драл по коже самых храбрых ватажников, волосы сами шевелились. Кудесник рявкал, приказывая Лиху не трогать Доброгу. Лихо задыхалось, слабело, слабело. Вот и совсем смолкло. Еще раз дико и страшно взвопил кудесник — и сделалось тихо...

Раздули огонь. Старший кудесник сидел около Доброги и ласково гладил новгородца по голове сухой костяной рукой.

Доброга встал, потянулся и промолвил звучным голосом:

— Будто я спал...

Младшие кудесники потащили старшего к лодье, как мешок с костями. Диво! И откуда в дряхлом старце нашлась такая сила!

— Дары им поднести, отблагодарить надобно,— сказал Доброга жене.

Вмешался Тшудд. Биармин объяснил, сколько умел, что нельзя давать дары, что кудесники потрудились для Доброги как для доброго и родного человека.

3

Повольники не забыли ожерелья из моржовых зубов на шее младшего кудесника, который победил Морское Лихо. В ватаге никто, даже Доброга, не видывал живых моржей. Но знали, что моржи видом похожи на нерп и живут только в соленых морях, а в озерах и в реках моржей не бывает.

Для всех костяных изделий, для рукояток самых дорогих мечей и ножей нет ничего лучше моржовых зубов. Сколько ни привозят в Новгород крепких белых зубов

моржей, купцы забирают все и везут к грекам и к болгарам.

Из всей ватаги лишь у одного Доброги был любимый кривой нож с ручкой из малого зуба моржа. За него арабский купец взял с охотника пяток соболей «высокой головки» — черных шкурок, пяток «меньшей головки» — черно-бурых, и пяток светлых «подголовков» — темно-бурых. А к соболям пришлось, чтобы получить нож, добавить еще десяток куниц «мягких», с желтым клинышком между передними лапками.

Отеня допытывался у Киика и Дака, Вечерко у Рубца, Сувор у Бэвы и ее сродичей, Одинец у своих подмастерьев о том, где и как биармины достают моржовые зубы. Узнали, что зимами много моржей бывает на льду в море, у полыней и продушин, как нерпы. Но биармины редко били моржей на зимних охотах. У моржей кожа еще тверже, чем у касаток, и костяным гарпунам трудно достать до сердца.

А откуда же берут зуб? Биармины обещали показать.

Повольники поплыли на расшиве вдоль морского берега на восход солнца. Вместе с другими пошел и Доброга: ему стало куда лучше после помощи биарминовских кудесников.

По рекам в любую пору и погоду плавать одинаково. Но в море в осенние дни трудно ходить. Бегут крутые волны с пенными гребнями, а по берегу в камнях кипят буруны. Туда попадешь и разобьешь расшиву в щепки. В открытое море тоже опасно отходить: как бы не утащило ветром и течением в нелюдимую холодную даль.

На Ильмене случается высокая волна. Озера Нево и Онега не балуют пловцов, в их пучинах лежит много костей. Новгородцы не боялись ходить по широким водам, но не на таких расшивах, сколоченных наспех из сырого леса. В море нужна бы озерная лодья с выгнутыми боками, которая не валится, а поднимается на волнах.

На море выручали биармины-проводники. И хорошо же они умеют управляться, вправду водяные люди! И этому делу стоит новгородцам поучиться у новых друзей.

Насилу вошли в устье ручья, где Киик и Расту велели причаливать. Отсюда пошли пешком, будто бы удаляясь от моря. Поднимались вверх среди голых камней, зализанных морскими ветрами. Пролезли на гряду — и замерли: круча обрывалась стеной, и вниз с горы было страшно взглянуть.

Внизу от суши в море врезался гладкий берег, забросанный камнями и валунами. Было слышно, как шумели волны. А где же моржи?

Биармины показывали. Среди больших камней лежали меньшие. Некоторые шевелились. Из моря плыл морж. Он скрылся в прибойной волне и остался на песке. Издали и сверху моржи казались маленькими, как бобрята.

С обеих сторон моржовое жилище замыкалось кручами, которые запирали берег дикими мысами. Перед лежбищем моржей из воды выставлялись жадные черные рога подводных скал. Налетая на камни, табуны волн взметывались горами и падали пенными водопадами. Сюда не подойдешь берегом, не подплывешь водой. В моржовый город был лишь один проход: спуск с кручи, похожий на богатырскую лестницу с поломанными ступенями. Спускались с помощью канатов. Слезли вниз повольники и оглянулись: коль моржи нападут на людей, то деваться некуда. И много же здесь жило морских великанов! Вся галька между валунами была распахана. Вот лежит большой, как безрогий бычина, рядом с ним маленький. Детеныш, что ли? Близко не лезь, бросится.

Новгородцы никогда не били моржей и не знали их повадок. Повольники поглядывали на биарминов: что те будут делать, то и мы...

Киик, Расту и Рубец смело подошли к большому моржу. Зверь приподнялся. Прыгнет? Нет, только задрал голову и ударил в гальку аршинными зубами. Камешки брызнули, как вода, и морж заревел грубым голосом. Видно, у моржей на сухом месте нет ходу, им бы плавать нерпой, а на берегу они ленивы. Быть моржам под новгородскими рогатинами!..

Биармины объяснили:

— Не надо, не надо обижать моржей. Клыки лежат в другом месте.

— Где, где? Показывай!

Тут открылось невиданное и неслыханное. В левом крыле моржового города, там, где крутые скалы высокой грядой ушли далеко в море, лежал высокий берег. Сюда в самые сильные бури не могла забежать волна. Между валунами были навалены кости, выбеленные ветром дочиста.

Повольники приблизились, и от костей с клекотом поднялся морской орел.

Могильник, общее кладбище моржей. Чуя смерть, они сами приходили сюда. Они не хотели, чтобы волна мозжила о камни бессильное тело, не хотели, чтобы море мочалило кости на гальке и раньше часа душило последний вздох соленой водой. Морской морж не рыба. И он ходит умирать на Мать Сырую Землю.

Повольники примолкли. И вдруг услышали тяжкий вздох. Среди костей лежал морж, большой, как валун. Он редко раздувал бока и со стоном выпускал дыхание. Была видна дорога, которую он проломил через кости, чтобы подальше уйти на Землю.

Осторожно, не нарушая покоя смертного часа, повольники подобрались к умирающему. Но он узнал их чутьем, шевельнул головой с седыми усищами и взглянул на людей.

Один клык в полсажени длиной, другой наполовину сломан. Морж смотрел, но видел ли он? Глаза уже затянула темная вода. Он уронил голову, вздохнул и больше не поднял бока.

Черная кожа исполосована шрамами. Богатырь немало побился на своем веку, да не сладил с последним врагом...

Сколько ни собирали биармины мертвого моржового зуба, но его много осталось. Везде лежали длинные, больше лошадиных, лобастые черепа с могучими зубами.

— Ныне мы, браты, не только рассчитались с бояриным Ставром. На нас больше нет долга, и нам самим много останется,— сказал Доброга и закашлялся.

От натуги в груди старосты порвалась жила, и кровь пошла горлом.

Глава четвертая

1

Обратный путь повольников был нерадостен, гребли без песен и без говора. Лишь бы поскорее вернуть домой живым любимого старосту.

Они внесли Доброгу в острожек на руках. Заренка вся сжалась, увидев ослабевшего мужа, который ушел из избы на своих ногах, а вернулся на чужих. Но не уронила слезы и виду не подала.

Она уложила Доброгу на мягкие шкуры, голубила — не себя, а его утешала:

— Тебе и в прошлом лете было с осени плохо. Зимой же вся хворость пройдет, как уже проходила.

Заренка звала Зиму, и Морена слушалась, наступала тяжелым железным шагом.

Ветер без устали выл в дымовых продухах, небо хлестало косыми, студеными дождями. Уныло свистели избяные пазы.

Не становилось лучше больному Доброге, он таял, как восковая свеча. В иной час Заренка пряталась от чужих глаз. Сжавшись, в безысходном отчаянии, она давала волю рыданьям. Она бросала проклятье злой судьбе и клялась уйти вместе с любимым, бросить, как помеху, как бремя, свое ненужное тело.

Успокоившись, она ложилась рядом с мужем и, почти прижавшись к его губам своими, дышала вместе с ним. Всей волей она стремилась передать любимому тайную теплую силу жизни, скрытую в груди человека, хотела отдать цвет бесполезной молодости, свою жизнь.

Однажды, творя над спящим святое колдовство любви, Заренка вдруг почувствовала, как в ней самой, глубоко, томительно и чудесно-тревожно, шевельнулось что-то живое, но не ее. Затаившись, женщина прислушивалась к великому совершению: это, витая в дыхании, душа любимого проникла в ее сердце и оживила плод, которому назначено быть продолжением и возрождением Доброги... И Заренка лежала, прислушивалась к себе, к тому, кто появился в ней, и к гремящему морю.

...А море бесилось напоследок. Не то что вздумать плыть в расшиве, к нему и подойти-то было нехорошо. Оно все залилось рваной белой пеной, злобно металось на землю, завладело бережками и норовило ворваться в лес, кусало деревья за корни, пускало туман соленой пылью.

Задавая свой последний праздник, морские водяные до дна мутили море и бушевали всей своей дурной силой. Они мчались в дикой погоне, сами черные, а гривы седые. Наскакивая, они топили один другого и выталкивали воду. Им тесно, им жутко. У них нет души, как у человека, который утоляет свой страх любовью и трудом.

Пришла пора, пока не начался ледостав, покидать острожек тем из повольников, кто будет зимовать на двинских берегах и заниматься ловлями пушного зверя в Черном лесу.

Зимовщики навещали больного Доброгу, чтобы получить от старосты советы и наставления на зимний

труд и проститься с ним. Отправились они, и опустел острожек в двинских устьях за лесистыми островами, притихло на зиму новгородское зернышко.

Доброге было душно, он не мог больше выносить привычного избяного дыма и запаха сажи. Его вынесли в холодную клеть, но и здесь ему плохо. Тогда во дворе срубили навес, чтобы под ним гулял вольный ветер, а дождями не захлестывало постель больного.

Биарминовские колдуны наведались вновь, но кудесничать не стали. Древний старец, старший кудесник, погладил лицо Доброги тонкими темными пальцами, посидел около, глядя на больного, прошептал про себя какие-то слова, и только.

Потом биармины принесли от него для Доброги спинки красной рыбы мягкого копчения и туес медвежьего жира, топленного на душистых травах. Староста не мог есть надоевшую рыбу, не мог пить густой, пахучий жир. Ему бы родного хлебушка с кислым квасом. И горького ячменного пива...

После посещения кудесников другие биармины, и знакомые и незнакомые, принялись навещать Доброгу. Придут, молча посидят у постели больного и простятся. Иной раз весь день они тянулись один за другим, будто сговорились сменяться в очередь. А все длинные ночи Доброгу не оставляли Заренка и Одинец — ложились по бокам больного и не отходили от него до утра.

2

Зима волком подкралась к Черному лесу и к Белому морю, дохнула на водные истоки, подсушила землю. Воды посветлели и замедлили свой ход. На малых ручьях Зима натянула ледяную корочку и пустила в двинские низовья первые льдинки.

Морена понеслась над морем, растолкала мокрые осенние тучи и расчистила небо. Выглянуло Солнышко. Увидев, что нет ходу теплым лучам, родное спрятало их до весны и смотрело не грея.

Доброга приподнялся и попросился на волю. Ему стало душно и тесно уже во дворе острожка. Одинец на руках вынес брата на двинский берег. Доброга посидел около стылой воды и попросился к морю. У соленой воды он стоял, опираясь на Одинца, и долго глядел в пустые дали.

Морские водяные уснули. Из глубины без ветра шли круглые валы. Чинно, по ряду, море дышало спокойными тяжелыми волнами. Они катились не спеша, не гоняясь, каждая сама по себе. Перед берегом в очередь изгибались, одевались снежными гребнями и ухали тяжелыми ударами, все как будто одинаковые, но каждая по-своему.

Не зря, не праздной шуточной забавой шумело море. Так шумит народ на Новгородском вече. Все люди равны перед Правдой, но у каждого свое лицо, свой голос, своя душа.

Тихо — громкой речи у него уж не было — старший брат спросил у младшего:

— А что там-то? За морем?

— Не знаю.

— И биармины не знают. А ты узнай.

— Узнаю.

— Большие лодьи нужны.

— Построим. Придет время.

И они опять смотрели на море. На него можно вечно смотреть. Подошли трое ватажников и встали рядом. Еще несколько человек подошли, глядели вдаль. Доброга постарался сказать погромче:

— Стройте большие лодьи. Зовите умельцев и сами учитесь.

В море, поднимаясь на круглых волнах и скрываясь между ними, мелькали темные точки.

По морю бежали биармины в своих легких кожаных лодочках, часто махали двухлопастными веслами и правили к берегу.

Водяные люди ничего не боятся. Прыгнули на гребень, а гребень взметнуло над берегом. Волна ломается. Могучая сила, как же с ней справиться? Биармин летит над пеной, как на крыльях, на него страшно смотреть. А он уж выскочил!

За биармином гонится могучее море, а смельчак бежит по обледенелым камням, не споткнется, и лодочку несет, как перо.

Минуты не прошло, и все биармины высадились на берег, к повольникам прибыли в гости.

— Пригород ставьте вместе с биарминами и берегите его,— сказал Доброга и оглянулся, будто его кто-то позвал голосом. Подходила Заренка. Тихо, одному Одинцу, Доброга шепнул: — Она меня держит. А то — ушел бы уже...

3

Доброга попросился в лес. Бывалый охотник иссох от болезни, и Одинец легко нес его. Тянет не больше ребенка. Таких не одного, а троих снес бы Одинец. Шагая по мерзлым мхам, он обходил деревья.

Вдали затих тяжкий гром морских волн. На еловых лапах висели бахромчатые лишайники, вековечные сосны мачтами лезли в небо. Доброга молча, как в знакомое лицо, вглядывался в каждое дерево, касался веток слабой рукой. На вырубке, откуда повольники брали лес для острога, староста затосковал, заскучал:

— Домой, домой...

Перед тыном поторопил брата:

— Скорее.

Во дворе Доброга захотел, чтобы его постель вынесли из-под навеса под открытое небо.

С моря надвинулась лохматая тучка. Доброга смотрел вверх, а кругом него стеснились товарищи и биармины, ожидая чего-то.

— Не обижайте их никогда, братья,— сказал Доброга про биарминов.— С ними всегда живите по нашей Новгородской Правде...

Передохнув, он продолжал:

— Для них не скупитесь на железо, делитесь всем...

Он начал задыхаться. Одинец приподнял старосту.

— Помни: ты мне обещал принять...— начал Доброга речь к брату и кашлянул. Изо рта потекла алая кровь. Одинец осторожно опустил брата на меховое изголовье.

Доброга хотел говорить еще, но не мог. Одни глаза говорили.

Он протянул руки, обнял жену и брата и отошел далеко-далеко, куда уходят все, кто честно прожил свой век, смело брал все, припасенное Матерью-Землей для человека, кто зря не чинил обиды и врагу, а за друга себя не щадил.

Застонали повольники, прощаясь со своим первым старостой, горестно завыли биармины, поминая доброго, мудрого человека.

С серого неба посыпались снежинки. Тихо-тихо каждая слетала в поисках места, где бы лечь поудобнее на всю долгую темную зиму.

....Утомившись, застыла Мать-Земля, Берегиня... Повольники справили торжественную тризну по Доброге и

собрались на вече: не годится пустовать месту, оставленному славным первым старостой.

Размышляли. Не на словах, не в спорах,— в мыслях примеряли на других и на себя тяжкое бремя старосты, которому должно будет, как делал Доброга, думать о других,— не о себе. Немногословно судили, и в суждениях молодые парни, пройдя от дома пути, где иной день надобно считать за десять, а иной — не за месяц ли, равнялись разумом со старшими.

Порешили возложить бремя на Одинца: пусть же друг и побратим Доброги идет мудрым следом усопшего и тот след не портит. Отказов Одинца не приняли.

Обещаясь товарищам в верной службе, Одинец просил простить его молодость, по которой он может что-либо и не так совершить, просил у всех доброй воли на общее благо.

И впервые на ледяных берегах выбеленного Зимой моря раздались слова издревле великой непреходящей русской клятвы:

— Всегда, везде и во всем стоять одному за всех и всем — за одного!

Земля, Небо и Вода запомнили обещание...

А что за измену ждут смерть и позор, горчайший всякой смерти, о том люди не поминали. То все знали без слов...

Глава пятая

1

Зимой в двинском острожке малолюдно. Меньше трети народа осталось. Отеня ушел на зимние ловли. Он не один отправился: с ним пошли дочь Дака, Отенина женушка-биарминка, и сам Дак, тесть новгородца. С ними повольник не соскучится в Черном лесу.

Янша и Игнач думали вдвоем топтать снежные путики, охотничьи дорожки и с глазу на глаз коротать ночи в тесной избушке. А ушли втроем. Биармин Киик правильно рассудил, что его друг Отеня обойдется без него и не пропадет вместе с Даком.

Карислав ушел вдвоем с женой Илей. Засев где-то в глухомани, молодец охотник проверяет силки и западни, настораживает сторожки и изготовляет из дерева и жилок капканчики, как прочие повольники. Вернувшись с обхода, он снимает шкурки со зверушек и распяливает

дорогие меха на мерных щепочках. Для каждого зверя полагается пялка своей мерки.

Кариславу во всем помогает молодая жена, которая ему и песню споет и согреет сердце мужа доброй лаской.

Одинец не вспоминает об Иле, будто такой женщины и не было на белом свете.

Таков уж Одинец.

Его не изменишь, не переделаешь, как можно перековать топор иль пилу.

Новгородец пишет гвоздем на бересте, а жизнь незримо выводит и выводит на человеческом лице свои буквицы-морщинки — их не утаишь, не переменишь.

Каждое лето, каждое горе и ежедневный труд отмечаются жизнью на лице человека. На голом женском лице эти знаки читаются легко. Борода и усы мужчины прячут грамоту жизни. Пока в бороде не прорастут белые, как на спине лисовина, волосы, лишь по повадке, а не глазом узнаешь — с парнем встретился или со зрелым мужем.

Сувор и тот забыл, что Одинец ему почти что ровесник. Другие повольники разговаривают с Одинцом, как со старшим. Вернее сказать, они говорят, а Одинец слушает. Новый староста не имел, как славный Доброга, дара красивой и свободной речи, которая лилась из уст Доброги подобно песне. Слово Одинца было редко.

Староста-кузнец успел переделать все сырое железо, бывшее в ватажном запасе, и с началом зимы погас огонь в кузнице. Ныне горн задували лишь по случаю, для починок.

Еще до своего избрания Одинец, по доверию от ватаги, вел с биарминами всю мену железных изделий на меха. Как-то кричал один из повольников, рыжий Отеня, что слишком-то дешево отдают биарминам каленые гарпунные насадки. В ватаге заспорили, но согласились, что Одинец прав. До самого жадного дошло, что если бы хотели поменяться и уйти, другое дело. А коль порешили усесться у моря навечно, так для чего же с биарминов драть десять шкур? Хватит и четверной цены против новгородского торга, как сами платили боярину Ставру.

Конечно, тот человек, у которого ничего не было и нет, а сам он нагляделся на чужие достатки, бывает жаден сверх всякой меры. Такому кажется, что и есть он будет — не наестся, пить — не напьется.

И голодный, дорвавшись до своего счастья, впивает-

ся в богатство, как волк в подъяремную жилу загнанного по насту сохатого.

Так-то оно так, а все же сколько ни голодает человек, но он не волчьей породы. Повольники пригляделись к Черному лесу, к Двине, к морским берегам. И самая тугая ватажная голова поняла, что привела его дальняя дорожка не зверем, с оглядкой и ворчаньем поспешно глотать легкую добычу, но по-хозяйски владеть обильными угодьями.

Тяжелый долг боярину Ставру сначала облегчился щедрым даром покойного старосты, а после находки клада моржовых зубов и совсем свалился с повольничьих спин. Еще не прошел полный год, а уже кончилась кабала.

Не на боярина,— на себя работает ватага, сами себе хозяева. И добрым словом лишний раз поминают Доброгу за то, что он отказался платить Ставру долю во всей ватажной добыче.

Оставшиеся на зиму в острожке повольники любят, сбившись в холостую избу, посудить о будущих делах:

— Надобны морские лодьи, как Доброга наказывал...

— Железо всего нужнее.

— К Новгороду искать пути-переволоки.

— Готовить огнища под хлеб.

— Налаживать кожевни.

— Умельцев заманивать.

— Побольше раздобыться рогатым скотом и лошадьми.

— Железо в болотах найти, тебе говорят!

— Не пускать купцов, не пускать бояр, все торга будем сами вести!

— Пристань на Двине ставить, как в Городе!

— Не всем же жениться на биарминках, девок достать бы из Новгорода.

— Ишь, девушник! Люди о деле, а ты о девках. Девку себе ищи сам, ватага тебе не сват!

2

Все нужное, не обойдешься. Кричат, шумят. Разгорячившись, начинают толкаться.

Одинец встанет со скамьи, задевая шапкой за потолочную матицу, пригнется, скажет: «Э-эй! Вы!» И достаточно.

От рук, от голов по стенам и потолку ходят корявые черные тени. В деревянных плошках горит яркий нерпичий жир. Биармины научили новгородцев, как этот жир резать, раскладывать в плошках и зажигать. Сами биармины плетут фитили из тонкой песцовой шерсти, травы и мхов. Льняные фитили лучше.

В плошках нерпичий жир растапливает сам себя и дает сильное высокое пламя. Без хорошего света у моря не прожить. И в Новгороде коротенек зимний денек, а в двинских устьях его почти совсем нет. Ночь чуть ли не сплошная.

Биармины научили новгородцев добывать соль новым способом, из моря. В удобных местах на берегу надобно на приливе отрезать морскую воду забором и камнями, промазав запруду глиной. Летом приходится долго ждать, пока вода сама не сгустится, и доваривать рассол над кострами. Зимой же запертая вода быстро замерзает. И чудно: лед пресный, а под ним крепкий рассол. Морская соль горче русской...

Зима жмет. Небо железное, звезды медные, белокаменный морской лед светится слабым светом. Луна сидит в дымном облаке. Небо спит, Земля спит, море спит.

А живое живо — и человек и зверь. На морском берегу биармины, взяв в ученики новгородцев, насторaживали капканы с деревянными и костяными пастями и брали на мороженое мясо и рыбу лисичек-песцов. Песцовый мех мягок и ценен. Он бывает темно-серый с голубизной и белый с голубой подпушью.

В Черном лесу повольники охотничают за всяким зверем. Берут и пардуса-рысь в пятнистой, будто в цветах, шкуре. Радуются блестящей черной лисе, на которой один к одному отливают серебром белые пояски на длинных остях волос над густым мехом. Осторожно, чтобы не попортить, вынимают из капканов беломордых лисиц в чулочках на лапках, со снежными брюхом и ошейником. Ликуют при виде соболя «высокой головки» с почти черной шкуркой на густом голубом пухе. И, отдаваясь тяжелому труду опасной зимней охоты, мечтают о будущем вольном пригороде.

В лесу темно, как в хлебной печи. Лес осветился, в небе рассвет — не верь. Приходит не день, заиграла не утрянка-заря, а па́зори. По небу походят белые столбы, развернутся бахромчатые скатерти, разрастутся самоцветные луга — и увянут. И опять ночь.

Борясь с Мореной, море наломалось вволю и, пока

не угомонилось, нагородило льдины и навалило стены. По морским льдам трудно ходить. Биармин Онг, из кузнечных учеников, и Одинец, добравшись до отдушины, сели ждать большую нерпу.

Охотники закутаны в белый медвежий мех, открыты одни глаза. У одного черные, у другого серые, а кажутся одинаковыми.

Мороз сушит грудь, давит тело, а шевельнуться нельзя, не то спугнешь чуткую добычу. Целую зиму, что ли, придется сидеть у отдушины?..

Биармин может. Биармин целыми месяцами сидит и вытачивает на кости острым камнем фигурки людей и животных, черточки, глаза и разный красивый узор. Биармин трет кость, пока не наточит ее для гарпунной или другой насадки. Биармины терпеливы.

«С терпением много можно взять»,— думал Одинец. Есть и у него терпение. Он помнит свою жизнь во дворе доброго Изяслава, помнит каждый шаг, помнит Заренку, когда она еще бегала маленькой девчушкой...

В отдушине будто плеснуло? Нет, помни́лось.

Вспомнился убитый нурманнский гость. Глупость была, мальчишеский задор. Да и было все это будто давно, будто не с ним. Одинец ныне вольный человек, он из своей доли зимней добычи сможет выкупить в Городе виру. Он отдаст свой долг, но в Новгород не вернется.

Вода вправду плеснула. Надо льдом поднялась круглая голова. Гарпуны на ременных поводках ударили с двух сторон, и охотники вытащили тяжелую морскую нерпу. Большой зверина, куда до него невским нерпам!

— С добычей!

Но Онг не хочет уходить:

— Мало сидели. Еще будет хорошо.

— Ладно. Еще посидим. Пусть на каждого придется по целой нерпе или по две.

Одинец так же терпелив, как Онг. Он может долго ждать. Он не торопится домой. А дом у него есть, есть и свой очаг. У других жены, а у него сестра, завещанная братом.

Как она захочет, так и будет. Ее воля.

Сувор, Бэва, Заренка и Одинец живут одной семьей. Былой друг-товарищ Изяславовых детей, былой Заренкин возлюбленный без злобы сделался кровным братом Доброги. Он честно, от души соблюдает братство, и он брат молодой вдовы.

С ними живет и пятый. Заренка ждет своего срока. Женщина бережно носит дитя. В нем возродится душа усопшего мужа.

Глава шестая

1

После долгих ночей для человеческого сердца большая радость видеть, как нарастает солнечный день. Все выше ходит Солнышко над Черным лесом. Оно живо, как и прежде, оно не забыло людей.

Все выше и длиннее солнечный размах. Снег нестерпимо блестит и режет глаза, как каленым железом. Биармины принесли новгородцам особенные подарки: черные дощечки, укрепленные ремешками, чтобы их надевать на лицо. Перед глазами остается узкая щель, через нее и смотри, не то ослепнешь от ледяного моря. Сами биармины ходят в такой снасти. Не все повольники послушались друзей. Четверо почти совсем лишились зрения, пришлось отсиживаться в избе. Наука!

Еще с осени Онг и Расту обещали своему другу и наставнику Одинцу показать какое-то чудо. Они пустились в путь на низких санях в оленьих упряжках. На летних оленных пастбищах биармины отвернули от моря в глубь земли. Ехали долго, оленям давали роздых, а сами спали в меховых мешках на снегу.

Биармины рассказывали, что в этих местах нет летних дорог из-за топей. Наконец добежали до холмов. Здесь.

На одном из бугров заступами раскопали снег, и Одинец увидел кости, которые, как камни, торчали из мерзлой земли. Странно и дико было видеть их. Еще раздолбили землю. Открылся серой глыбой чудовищный череп, из которого торчали два загнутых зуба, по сажени длиной. Кость белая с прожелтью, не хуже моржовой.

— Моржи, что ли, такие живут здесь?

— Нет, не моржи, и не живут,— толковали биармины.

Они, как умели, объяснили своему большому новгородскому другу, что на этих местах и летом земля оттаивает лишь четверти на три, а бугры внутри всегда мерзлые. В них спрятаны чудовища по имени Хиги. Хиги

обижали древних биарминов. Йомала помогла своим детям победить Хигов.

Еще отбили землю. Одинец увидел черную кожу с длинными рыжими волосами, без меха. Под ударами кожа рубилась, как кора, и показалось замороженное темное мясо.

Сюда биармины иногда ездили за длинными зубами, из которых вытачивали посохи для кудесников и почетных стариков-родовичей.

Расту и Онг выломали четыре длинных загнутых клыка, тяжелых, как железные. Они поклонились другу и просили принять дар. Здесь еще очень много такой кости, и они всю ее отдадут своему новгородскому другу.

— Твое, все будет твое, только ты учи нас. Ой, учи делать железо, еще учи, сильно бей нас, открой все тайны!

Расту снял с лица дощечки. Щурясь от снежного блеска, он говорил Одинцу:

— Смотри мои глаза, сильно смотри! Видишь правду? Ты нам хорошо, мы тебе еще больше хорошо!

2

Ночами бывало студено, а днем уже таяло. Подступала вторая ватажная весна. Море шевелило свой лед, на Двине прошла первая подвижка. Морской лед не дал ходу речному. В двинских устьях вода хлынула поверху.

Онг зимовал вместе с повольниками. Он говорил, что скоро оторвется морской лед и пройдет Двина. В кузнице не было дела, чтобы помогать Одинцу, и зимовавший поблизости Расту боялся надоедать своему другу. Биармин навещал острожек через день, через два. Расскажет, что видел, и попрощается. Уйдет было, но вернется, будто что-то забыл, и скажет:

— А будем вместе искать железо?

Или:

— А скоро новое железо приплывет сверху?

Надо быть, скоро.

Жена Сувора Бэва нянчит маленького живулечку. Ладный живулечка, занятный. На голове темный пушок, а глазенки голубенькие, в Суворову мать Свéтланку, в бабушку. Тельце с желтизной, как дареные Одинцу Хиговы клыки, и личико чуть скуластое, в дедушку Тшудда. Заренка возилась и миловала маленького мужичонку не меньше матери. Скоро и Заренкин живу-

лечка придет на свет, он близок, стучится и просится. Это будет второе дитя новгородской крови, рожденное на берегу далекого Белого моря.

Бэва баюкала своего живулечку именем отца, Заренка звала Двинчиком. Ему же самому только бы поесть и поспать, у него еще нет никаких других забот. Имя сыну дается волей отца, и быть живулечке Изяславом в дедову честь.

Повольники рады первому новгородскому мужику, рожденному в острожке. А не принесут ли кого жены Отени, Карислава и других?

За зиму биармины дали жен еще шести повольникам...

Старший биарминовский кудесник захотел взглянуть на Изяславика, для этого он приехал из недоступного святилища Йомалы. Парнишку распеленали перед очагом.

Древний старец пощупал тельце, убедился, что у него есть все нужное для правильной жизни, и сказал что-то, не сразу понятое ватажниками, а для биарминов ясное:

— Когда две реки слились в одну реку, их никто не может разделить, ни великая Йомала, ни боги железных людей!

КОРОЛИ ОТКРЫТЫХ МОРЕЙ

Мир принадлежит тому, кто храбрее и сильнее.

Мы населяем море и в нем ищем себе пищу.

Бедный плывет за добычей, богатый — за славой.

Мы не спрашиваем, когда хотим взять чью-либо жизнь и имущество.

Я с колыбели обрек свою жизнь войне.

Ты, трус, еще не видал человеческой крови.

Мы не воруем, а отнимаем.

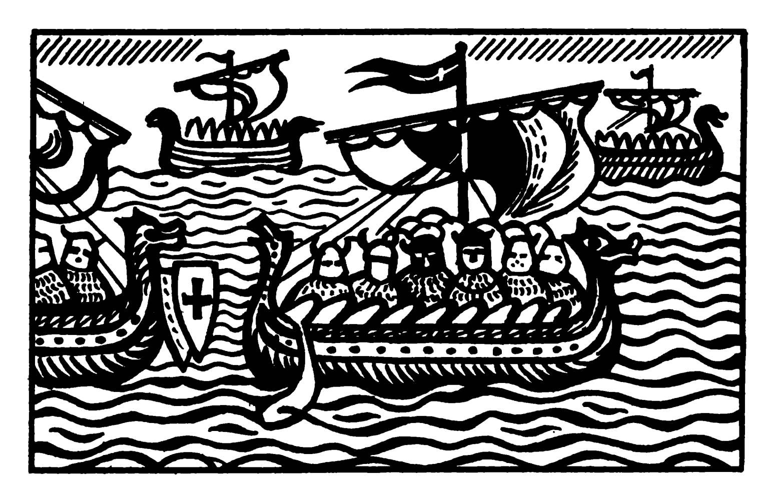
Мы не верим ни во что, кроме силы нашего оружия и нашей храбрости.

Мы всегда довольны нашей верой, и нам не на что жаловаться.

Скандинавские саги

Весло ли галеры средь мрака и льдин,
иль винт рассекает море,—
у Волн, у Времени голос один:
«Горе слабейшему, горе!»

Р. Киплинг



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СВОБОДНЫЙ ЯРЛ

Глава первая

1

Вестфольдинги, дети фиордов и потомки бога Вотана, которых новгородцы зовут нурманнами, любят слушать песни своих скальдов, певцов-воинов.

Слушай песню скальда, и ты узнаешь о вестфольдингах не всю правду, а хотя бы некоторую часть ее:

«Уже до рождения богов существовало море. Боги создали твердую землю и стеснили море. Дважды в день вздымается море. Вал приходит с заката и нападает на сушу. Море помнит свою былую власть. Когда оно видит в небе Луну, оно поднимается еще выше. Оно хочет поглотить не только сушу, но и Луну.

Пока живы боги, море бессильно. Но настанет неизбежный день битвы при Рагнаради, в которой падут все боги и все герои. Тогда море получит власть, поглотит сушу, и люди вместе со всеми животными погибнут. Когда это случится? Даже боги не знают рокового часа Рагнаради. Без страха они ждут. Обреченные, без надежды на победу, они будут сражаться и падут с оружием в руках, как воины.

Среди детей фиордов боги любят только воинов. Боги ждут в Валгалле тех, кто умирает в битвах, Герой

поднимается в Валгаллу и там ждет последнего боя, в котором он будет сражаться рядом с богами, подобный богам. В ожидании равный богам герой пьет вино из волшебной неиссякающей чаши, охотится на неистребимых оленей, медведей, кабанов. Обитатель Валгаллы падает в бесчисленных схватках и поединках и снова воскресает, чтобы бесконечно наслаждаться оружием и битвой. Такова судьба героя до часа последнего боя при Рагнаради.

А пока море поднимается дважды в сутки. И отступает. В иных странах между морем и сушей лежит пространство, которое по очереди принадлежит то морю, то суше. В тех местах люди слабы, и их сердца трусливы.

В стране фиордов горы и скалы сами наступают на море. Они отражают его нападения щитами берегов, рассекают острыми мечами мысов. Когда сын фиордов вонзает стрелу в бушующее море, он видит волну, которая сжимается от боли. Быть сильным и причинять другому боль и горе — в этом высшая радость героя. Мир принадлежит тем, кто храбрее и сильнее.

Вотан — отец богов и людей фиордов. Для них он открыл Валгаллу и только их ждет в ней. Люди фиордов — племя богов. Все другие рождены волей низких богов, их кровь черна, они — ничто!

В начале времен Вотан победил гигантов и создал сушу. Его дети повелевают сушей, и они владетели морей. Море — дорога для драккаров, и они повсюду летят из страны фиордов и несут морских королей, ярлов — князей фиордов».

Так поет скальд. Он вдохновлен богом богов, повелителем Валгаллы, отцом вестфольдингов Вотаном: так верят вестфольдинги, так верит и скальд. Вотан, отец высшей расы, освящает насилие, вдохновляет воспевание убийства и порабощения человека человеком.

Это не ново, но не устарело до наших дней, хотя больше никто не верит в Вотана. Скальды нашего времени пользуются другим жаргоном, не столь откровенным и не менее опасным. Быть может, более опасным...

2

Приливной вал, разбитый и рассеченный скалистым устьем фиорда, входил вглубь, как входит в стойло укрощенная и покрытая бессильной пеной лошадь. Сле-

пой, он ощупывал берега, чтобы найти дорогу, и послушно нес длинный драккар, который принадлежал свободному нидаросскому ярлу Оттару, сыну Рёкина, сына Гундера.

Ярл стоял на короткой носовой палубке драккара. Под его цепкими ногами поднималась искусно вырезанная, позолоченная чешуистая шея чудовища. Она оканчивалась задранной головой, похожей и на голову крокодила и на голову змеи. В разинутой пасти торчали настоящие клыки, зубы моржей, а глаза из прозрачного янтаря с агатовыми зрачками мерцали живым тревожным блеском.

Из далекой страны Греков, из Рима, и из еще более далеких мест иноземные купцы привозили в Скирингссал костяные и каменные фигурки. Одна из них и послужила образцом для устрашающего украшения «Дракона», лучшего драккара ярла Оттара.

«Дракон» оканчивался острым хвостом чудовища. Между шеей и хвостом «Дракона» можно было сделать пятьдесят шесть шагов, а ширина драккара в средней части равнялась десяти. Его костяк был собран из толстых дубовых брусьев, правильно изогнутых опытными мастерами и навечно связанных железными болтами и плетеньем из древесных корней.

От тяжелого бревна — киля с каждой стороны поднималась обшивка из шестнадцати толстых досок. Доски находили одна на другую, и пазы заполнялись просмоленными шнурами коровьей шерсти. Смолой же был щедро пропитан и окрашен весь «Дракон», кроме носового и кормового украшений.

Лев, тигр, медведь и кабан имеют каждый свой собственный запах. «Дракон» повсюду нес тяжелый неизгладимый запах смолы, разлагающейся крови и прогоркшего сала. Это собственный запах детей Вотана, племени фиордов. Недаром в самую темную ночь, когда ветер тянет с моря на низкие земли, чуткие псы заранее поднимают тревожный, жалобный лай.

Кожаными канатами, толщиной в руку человека, «Дракон» тащил за собой пять громадных туш тупорылых кашалотов. Сплетенные из китовой кожи, эти канаты были крепче железных цепей. Они держались за толстые кольца гарпунов, глубоко всаженных в туши.

За устьем, в широкой части фиорда, прилив поднимал воду спокойно, без волн. Кормчий Эстольд находился на своем месте, на короткой кормовой палубе. Двое

викингов, учеников и помощников Эстольда, держали длинное правило руля, направляя драккар по кратким приказам кормчего.

Перед Эстольдом в круглой железной раме висел вогнутый бронзовый диск.

Из дыр в бортах высовывались лапы и плавники «Дракона», по четырнадцати длинных весел с каждого бока. Гребцы сидели на поперечных скамьях — румах в открытой средней части так низко, что их головы не были видны над бортами.

Эстольд часто бил в диск. Звонко-пронзительные удары давали гребле стремительный темп. Вдруг кормчий ударил дважды подряд. Правая сторона продолжала грести, а на левой все весла, точно связанные, одновременно опустились и уперлись в воду. «Дракон» повернул на хвосте, как рыба.

Тяжелые туши кашалотов, разогнанные быстрым бегом драккара, помчались к берегу. На «Драконе» освободили канаты, и громадные морские звери, теснясь, как живые, выскочили на мель.

Эстольд безошибочно метко нацелился на широкую скалистую площадку, которую покрывал прилив, а отлив оставлял сухой. Это место служило для приема добычи, предназначенной для разделки.

Когда отец Вотан жил на земле, что, по верованиям племени, было тому назад пятьдесят поколений, берега фиордов были ниже, чем теперь. Гордая земля племени Вотана продолжает расти над морем.

На берегу ждали сто двадцать, а может быть, и сто пятьдесят траллсов, одетых в короткие грязные рубахи, с коротко остриженными головами и широкими железными обручами, заклепанными на шее.

Траллсы смело бросились в воду, ловили канаты и подтаскивали кашалотов повыше. Работая все вместе, с полным единством, они разумно пользовались последним дыханием прилива, чтобы облегчить свой труд.

Двуногие вещи, рабочий скот, который умеет запоминать приказания викингов, понимать слова и произносить их,— траллсы очень удобны для всех работ.

Берега фиорда были завалены тысячами костяков китов и кашалотов, копившимися много лет. Громадные черепа и ребра, скрепленные с позвонками еще не отгнившими хрящами, с висящими кусками черного мяса, были лабиринтами, в которых можно и заблудиться.

В фиорде стояло густое, тяжкое, удушающее злово-

ние. Скалы, вода и само небо — всё здесь разило смертью в ее самой неприглядной, самой отталкивающей форме. Стаи обожравшихся воронов и ворон были не в силах взлететь. Пресыщенные волки, не боясь траллсов, спали внутри черепов среди гор костей.

В фиорде плавали громадные раздувшиеся внутренности морских зверей. С чудовищным обилием падали не могли справиться даже рыбы: в водах Гологаланда и акулы сделались разборчивыми.

Шло горячее время охоты на китов и кашалотов. Рук траллсов едва хватало, чтобы брать с добычи нужные части: кожу и лучшее сало. Сало тут же вытапливалось в огромных котлах, огонь под которыми разводился дровами, щедро политыми тем же салом.

Дань моря... Киты и кашалоты плавали стадами в водах Гологаланда, Страны света. Владения Оттара носили это имя потому, что, расположенные дальше всех к северу, они больше всех пользовались бесконечными летними днями.

Поблизости от владений племени фиордов нигде не было столько морских зверей, как здесь. Оттар никому не позволил бы охотиться в его водах. Первым из всех ярлов он брал дары моря и выбирал лучших животных из тех, которые паслись на его лугах или спускались к югу.

На якорях, у входа в фиорд, остались еще восемь туш кашалотов и девятнадцать китов. Они ждут следующего прилива.

Кожа кита лучше, и кит дает лучшее сало. Но в кашалоте есть драгоценный кашалотовый воск, нежный, плотный, чистый белый жир. Его жадно берут арабские и греческие купцы, которые приезжают в Скирингссал через страну русских, Гардарику, через город Хольмгард-Новгород.

За кашалотовый воск купцы отдают красивые тонкие ткани, серебряные и золотые ожерелья, браслеты, кольца, застежки, подвески, пряжки. Дают также золотые круглые и овальные монеты с надписями не такими прямыми, как священные руниры, но похожими на сплетения тонких червей. Для расчетов золотая монета удобнее всего, а надпись не имеет значения.

3

Бревенчатый настил длинной пристани, сложенный из целых неошкуренных стволов, опирался на лес свай из

лиственницы, которая способна долго стоять в воде, не подвергаясь гниению. Для большей устойчивости пристани, а также для защиты в случае нападения на настил были навалены кучи камней и возведены стены из бревен, образующие узлы сопротивления.

У пристани чуть покачивались три других драккара, собственность Оттара. Кожаные причальные канаты были прикреплены к прикованным на столбах кольцам, величиной с колесо телеги. Другие борта заботливо оттягивались на якорях, чтобы драккары не помяло о пристань. Самое драгоценное достояние викинга — его драккары.

Умело направленный кормчим Эстольдом, «Дракон» медленно и точно разворачивался правым бортом. Его ожидали три или четыре десятка викингов. Они носили полное вооружение. Одни в броне с набедренниками и поножами, другие в кольчугах с железными юбками, надетых на кафтаны, сшитые из кожи бычачьих хребтин; все в простых или в рогатых шлемах. Это благородная тяжесть, она не утомляет викинга.

Несколько траллсов поймали брошенные канаты и осторожно подтягивали «Дракон». Не дожидаясь, ярл прыгнул на пристань. В боевом вооружении он не рискнул бы. Между бортом драккара и пристанью оставалось, по крайней мере, пять шагов. Нет, скорее шесть, чем пять...

Оттар коснулся как раз крайнего бревна причала и задержался на миг. Казалось, что он упадет между пристанью и драккаром, но он переступил вперед. Стало очевидным, что ярл нарочно задержался на краю. Это была своеобразная шутка, в духе викингов. А прыжок был не только силен и смел, он был красив. Однако же это была лишь игра вождя, обдуманно утверждающего свое превосходство, поступок человека, знающего, что на него смотрят, и ничего не делающего зря.

Никто из викингов, встречавших «Дракон», не пошевелился. Протянуть руку сыну Вотана, если он не попросил об этом, значит усомниться в его храбрости и силе, нанести тяжелое оскорбление.

Вслед за Оттаром прыгнули Галль и Свавильд, телохранители ярла.

Гиганты ростом и силачи, они были также и берсерками — воинами, которых в бою иногда охватывало безумное опьянение убийством, удесятерявшее силы. За

беспричинные убийства, насилия и поджоги тинг изгнал их и объявил вне закона.

Они нашли надежное убежище во владениях нидаросского ярла.

На обширной пристани не сделалось тесно, хотя к охране причала присоединилось около сотни викингов, вернувшихся с моря. Каждый, не слушая других и стараясь перекричать соседа, рассказывал о своих подвигах, о брошенных с громадного расстояния гарпунах, о китах, убитых с одного удара, об острогах, которые целиком ушли в тело морского зверя, об ударах железной боевой дубины, разбивавших, как яйца, черепа кашалотов, о стрелах, настигавших птицу под облаками...

Никто не противоречил самохвальству. Проявления силы и ловкости были возможны, выражение же сомнения грозило злобной кровавой ссорой, а стычка влекла риск наказания смертью, так как нидаросский ярл не допускал убийств между своими. Но не следовало быть и излишне доверчивым — легковерие вызывало обидные насмешки. Викинги были постоянно настороже, между ними не было братства, товарищества, а только боевое содружество, в котором каждый стоял за себя, а за других — лишь по деловой необходимости.

Больше суток на «Драконе» никто не спал ни минуты; все, не исключая ярла, в свою очередь садились на рум и гребли в полную силу. Ничего не ели, кроме случайного куска вяленого мяса — было не до еды, страсть истребления владела добычливыми охотниками. С запасом пресной воды покончили в первые же часы погони за морскими зверями. Однако никто не выказывал нетерпения, каждый прославлял себя хриплым голосом, насильно выталкиваемым из пересохшей глотки.

В сущности, во всем этом не было вымученной рисовки. Викинги умели переносить настоящие лишения, не такие, как пустяковые неудобства короткой охоты. И сейчас они могли бы без отдыха пуститься в открытое море.

Наконец шумная толпа направилась вверх по дороге, брошенной змеиными петлями на крутой берег фиорда. Стража осталась на пристани.

Нет часа, когда на Гологаланд и на Нидарос не может налететь флотилия любого свободного ярла, привлеченного запахом известного богатства Оттара. На далеких мысах и вершинах, командующих подступами к фиорду, ждут дозоры. Они бдительно следят за морем

и поддерживают сухим топливом огонь в очагах, укрытых от ветра и дождя. Охапка сырой травы или соломы даст тревожный клуб черного дыма.

На берегах заготовлены нацеленные камнеметы и самострелы, готовые послать камни и дротики в драккары нападающего, когда они появятся в горле фиорда.

В фиордах нет ни войны, ни мира. Все зависит от трезвого, делового расчета ярлов, стремящихся к своей выгоде. Здесь каждый за себя и каждый на страже с ранней весны и до поздней осени, до темных дней зимы, которые делают море слишком свирепым даже для морских драконов и приносят суше не мир, а передышку.

Глава вторая

1

Чтобы преодолеть кручу, дорога от пристани делала четыре витка и переваливала в долину, которая, сужаясь и расширяясь, врезалась в горы. Это было надежное гнездо среди то голых, то одетых суровым темным лесом возвышенностей. Они закрывали солнце. В долине утро наступало позже, а ночь приходила раньше, чем в открытом море. Зато горд Оттара не так страдал от северных и восточных ветров. Горы ослабляли силу зимних бурь, и метели падали в долину Нидароса спокойными снегопадами.

Кто первым осел здесь, кто построил первую стену из бревен и кто пробил дорогу в скалах?

Ярлу Гундеру, сыну Овина, отцу Рёкина и деду Оттара, понравился дальний северный фиорд в те дни, когда кровавая ссора с ярлом Гальфданом Старым вынудила Гундера, не менее храброго, но более слабого, покинуть юг страны фиордов.

Ярлы Гундер и Гальфдан Старый оба происходили из великого рода Юнглингов, от отца племени фиордов Вотана их отделяло сорок семь сосчитанных поколений. Однако даже родные братья воюют и проливают кровь друг друга, не теряя чести и славы. Итак, Гундер искал свободных мест — и до сих пор у его внука Оттара есть только дальние соседи, а ближних нет.

Ближайший свободный ярл, такой же владетель своего фиорда и всех прилегающих к нему земель, сидел в трех днях пути к югу от Нидароса. Пути по морю: через леса и горы не было настоящей дороги!

А в двух днях пути несколько свободных бондэров своими руками возделывали поля, ловили рыбу и били морского зверя. Бондэры — свободные люди и владеют обработанной ими землей по праву рождения от племени фиордов.

К северу же нет никого. К северу свободна вся земля и никому не принадлежит, так как там живут лапоны-гвенны, люди низшей расы, с желтоватой кожей и черными волосами, отвратительными для глаз детей Вотана. Эти существа пригодны ярлу как траллсы, чтобы получать доход.

Гундер строил мало, у него было мало траллсов. Он ограничился возведением палисада, бревенчатого дома для себя и для викингов и несколькими хижинами для траллсов. Гундер был убит в набеге на варяжский берег.

Рёкин нападал на земли фризонов, готов, саксов, англов, на франкский и кельтский Валланд, на острова Зеленого Эрина. Господин многочисленных траллсов, взятых в удачных походах, Рёкин возвел двойную стену, за которой потерялся первый маленький горд нидаросских ярлов. На его месте Рёкин построил длинный прямоугольный дом, вытянутый с восхода на закат, с дверями на обоих концах. На восход — для женщин, которые должны подниматься раньше мужчин, и на закат — для мужчин, обладателей женщин.

Рёкин умел отбирать в низких странах траллсов, знающих мастерство. Он устроил кузницы, кожевни, столярни и поставил ткацкие станы, чтобы траллсы работали, и склады для изделий, предназначенных к продаже. Дружина богатого и сильного гологаландского ярла достигала внушительного числа в двести восемьдесят викингов, для которых были построены удобные дома. Надо знать, что в те времена двести викингов брали и грабили такие западные города, как Нант, Руан, Шербур.

Следуя традициям племени богов, Гундер учил Рёкина с трехлетнего возраста играть с птицами, ломать живые крылья и лапки, выщипывать пух и вырывать перья. Ребенку приносили птенцов бакланов, гаг, чаек и крачек. Когда он подрос, ему доставали взрослых птиц.

С шести лет Гундер брал сына в море и заставлял упражняться с оружием, изготовленным по силе мальчика. Он учил его стоять часами с вытянутой левой рукой, чтобы приучить к луку. Для большей действен-

ности полезного упражения мальчик держал в кулаке палку, размеры и вес которой постепенно увеличивались.

В десятилетнем возрасте Рёкин взял своего первого человека стрелой, одиннадцати лет — мечом, а после тринадцати лет он потерял «благородный» счет.

Так все ярлы и все викинги старались воспитывать своих сыновей. В свою очередь, и Рёкин был настойчивым и внимательным отцом. Оттар оказался способнее Рёкина. В семилетнем возрасте он для шутки пробил череп траллса из пращи. Восьми лет он смертельно ранил на поединке мальчика, который был старше его на два года. Викинг, отец убитого, признал честность боя. Его сын славно поднялся в Валгаллу сказать Вотану, что в стране фиордов нет недостатка в героях.

Оттару было десять лет, когда раздраженный шуткой отца подросток бросился с драккара в море и доплыл до берега, хотя вода была холодна, а берега не видно.

Одиннадцати лет Оттар участвовал в кровавом походе на англов и, еще не имея силы мужчины, вел себя, как взрослый викинг. На обратном пути ему поручили следить за взятыми траллсами. Драккары Нидароса догнала буря, посланная вдогонку победителям-вестфольдингам длиннополыми колдунами, которые читают заклинания, написанные римскими буквами на пергаментах и бреют темя.

Дружина Рёкина поредела в схватках, едва хватало гребцов, волны захлестывали перегруженные драккары

Гребли без смены, ее не было, смены, оставшейся выкупом за богатую добычу. Ярл Рёкин, как и все уцелевшие викинги, не выпускал рукоятки весла. Буря бросила вестфольдингов к предательскому мелководью фризонского моря, изменчивая крутая волна заставляла кормчих постоянно менять направление, спасаясь от рокового удара в борт. Над головами гребцов повисали, как натянутые струны, загнутые зеленые валы, и казалось, что время останавливалось и вода не могла упасть. Потом драккар карабкался по водяной стене, с которой на миг открывалась безбрежная даль бешеного моря.

Юноша Оттар занимался наловленными траллсами. Пленники были связаны надежно: руки каждого были затянуты за спиной двойным узлом, в локтях и запястьях, и подтянуты к пяткам, захваченным мертвой петлей. И каждый траллс был прикручен к общему канату — живая бусина рабского ожерелья, поплавок на сети... Были и женщины, но самая молодая и красивая

все же ценилась вдвое дешевле мужчины. Оттар разрезал ремень, нож входил в окоченевшее тело пленницы, с безучастным взором молодого вестфольдинга встречался другой взор. Когда последнее женское тело свалилось за борт в водоворот под весла, Оттар огляделся. Буря не утихала, нужно было еще облегчить драккар, и сын ярла принялся за мужчин. Пусть мужчины траллсы ценились вдвое дороже женщин, они не могли сравниться со стоимостью награбленных тканей, оружия, серебряной утвари! Но теперь Оттар выбирал. Помня каждого пленника, он утопил землепашцев, но сохранил мастеров...

Из этого похода сын нидаросского ярла привез первое звено славы хладнокровного и расчетливого викинга.

Рёкин любил сына и тщательно учил его искусству ярлов. Нельзя забывать, что торговля может быть такой же выгодной, как война, а иногда еще более выгодной. Следует торговать так же хорошо, как воевать. Торговля похожа на войну, у них одна общая цель — выгода и только выгода. Песни скальдов украшают жизнь, как насечка украшает доспехи, но сын Вотана не должен забывать о необходимости постоянно увеличивать свое богатство...

Оттар знал, где и какие находятся земли, где и какие товары, где выгоднее воевать, а где — торговать. Но самое лучшее было вызнать землю торговлей, а потом взять все силой.

Рёкин умер от раны стрелой, когда его сыну исполнилось пятнадцать лет. Отец оставил Оттару фиорд с обширными землями, данников лапонов-гвеннов и дружину, поклявшуюся на оружии хранить молодому ярлу ту же верность, с которой они служили отцу.

С тех пор минуло одиннадцать лет.

2

Оттар прошел через ворота в бревенчатом тыне по подъемному мосту. Старый Гундер неудачно выбрал место для горда, и Рёкин не сумел исправить ошибку: ров оставался почти сухим. Его питал отвод из пробегавшей по долине речки, но почему-то вода уходила в почву раньше, чем как следует наполняла ров.

«Не ров, а канава»,— с досадой подумал Оттар. Среди траллсов не находилось ни одного, кто взялся бы до-

быть воду для рва, хотя Оттар обещал сломать ошейник удачливого строителя.

По обычаю отпущенник получал кусок земли господина и право возделывать ее, пока он не накопит достаточно, чтоб выкупить и землю. Завидная, редкая доля! Ни Рёкин, ни Оттар не отпустили на волю ни одного траллса.

Легкий ветер тащил смрад из фиорда. Из рва разило болотом и нечистотами. Цепляясь за скученные строения богатого горда, вонь смешивалась и застаивалась.

Молодой ярл устал, и его желудок сжимался от голода, однако он зашел взглянуть, как подвигается работа в кузнечной мастерской. Оттар хотел отвезти в Скирингссал несколько броней, изготовленных по образцу, захваченному при последнем набеге на Валланд.

Броня была из жесткой кованой меди. Две части закрывали спину и грудь, соединяясь на боках искусно сделанными застежками. С плеч спускались пластины на кольцах для крепления поручей. Локоть скрывала чешуя, а пальцы — чешуйчатые рукавицы. Все сочленения хитро защищались толстыми пластинками, которые не мешали движениям, но были способны принять удар меча и даже топора. А самое замечательное — украшения, не менее ценные, чем броня. На груди серебряная и золотая насечка изображала орла со змеей в когтях. На спине красовалась неизвестная птица с громадным распущенным хвостом. Пластины на плечах имели форму рогатых ящериц.

При разделе добычи между викингами и ярлом эта броня обошлась Оттару в сорок траллсов. Ее оценили бы еще выше, но она оказалась слишком малого размера, пригодная только для юноши или женщины.

Нидарос обладал самыми умелыми кузнецами-траллсами по сравнению со всеми фиордами, вплоть до Варяжского моря. Две брони уже были откованы. Они — настоящего размера, за каждую дадут, по крайней мере, цену шестидесяти траллсов. Ярл хотел взглянуть, как подвигается работа над украшением доспехов. Красота имеет высокую цену.

В кузнечной мастерской шла усиленная работа. Ударяли большие молоты, четко звенели малые. В горнах пылало синее и желтое пламя. Кто-то крикнул, и все замерли в тех положениях, в каких каждого застало появление господина.

Оттар подошел к высокому полуголому человеку с

коротко остриженной головой. Длинная черная борода траллса лежала на его тощей грязной груди, как кусок свалявшейся шерсти.

— Почему же ты бездельничаешь? — крикнул ярл. Он сразу заметил, что на верстаке, среди инструментов для гнутья и чеканки металлов, лежал темный череп брони в точно таком же виде, в каком ярл видел его два дня тому назад.

Подскочил траллс, на обязанности которого лежало наблюдение за работами в мастерской. Ярл хлестнул его по щеке концами пальцев.

— Он не хочет. Я наказывал его плетями. Я лишил его воды и пищи, но он не хочет,— оправдывался надсмотрщик с таким лицом, точно Оттар и не ударял его.

Ярл медленно поднял руку над присевшим в ужасе надзирателем. Надсмотрщики дешевле мастеров. Один удар кулаком в висок...

Спасая свою жалкую жизнь, траллс успел прошептать:

— Он говорит, что хочет умереть!..

Это было серьезное обстоятельство, и рука ярла медленно опустилась. Иногда среди траллсов вспыхивало особенное безумие, заразительное и разорительное. Иной раз было достаточно одному показать дурной пример, и начиналась страшная болезнь. Траллсы душились, резались, кидались с круч, топились с камнями на шее, набрасывались на вооруженных викингов. Они даже восставали — бессмысленно, без надежды на свой успех, разоряя господина.

— Веди его за мной! — приказал надсмотрщику Оттар.

За дверями кузницы ярл остановился размышляя. Он страстно желал наказать непослушного. Он вырвет ему зубы и вобьет их в череп, сорвет ногти, сломает кости, вывернет суставы, сдерет кожу. Умелой и медленной пыткой он заставит выть каждую жилку этого ничтожного грязного тела!..

Но... все же это будет исполнением воли траллса, и траллс умрет. А кто будет работать над доспехами, когда не станет лучшего мастера, которым владел Нидарос? От злобы Оттар прикусил ноготь большого пальца.

Взбунтовавшийся раб стоял, согнув спину, как за верстаком, вялый и безразличный. Он терпеливо ожидал прихода желанной смерти в любой форме, самой ужасной — лишь бы не жить.

Нет, ты очнешься!

Любопытные викинги ждали решения ярла.

— Веревок и лошадей! — приказал Оттар.— Четырех лошадей.

Радостно оживившиеся викинги побежали в конюшню. Вот и потеха! И можно поспорить, побиться об заклад, что́ оторвется раньше: какая рука, ступня, нога? Осужденный траллс не шевелился, как глухой.

Привели лохматых толстоногих лошадей. Южного наездника могли обмануть их седлистые спины, толстые короткие шеи, тяжелые головы. На самом деле лошади викингов были неприхотливы, сильны и неутомимы.

Готовя на ходу скользящие петли на ременных веревках, викинги подошли к траллсу. Другие набрасывали упряжь на лошадей, таких же безразличных, как траллс.

Останавливая приготовления к забаве, Оттар поднял руку:

— Привести всех остальных кузнецов!

Сбившись в тесную кучу, прячась один за другого, из замолкнувшей кузницы выбрались рабочие с ошейниками на шее. Надсмотрщик вытолкнул последних ударами ноги и плети.

Оттар наблюдал за осужденным. Траллс поднял голову и посмотрел на товарищей. Жизнь мелькнула в тусклых глазах кузнеца, и он чуть кивнул кому-то в жалкой кучке. Оттар поймал движение и заметил лицо юноши, который плакал не таясь.

— Этого,— ярл указал пальцем,— этого! Сюда!

Когда надсмотрщик выхватил юношу из кучки траллсов, кузнец сделал движение, будто бы он мог помешать. Оттар ударил осужденного, и тот упал на спину. Один из викингов поставил рабу ногу на грудь и не дал подняться.

Надсмотрщик подтащил юношу и, стараясь угадать волю господина, заглядывал Оттару в глаза. Надсмотрщик выделялся среди остальных траллсов сильным телом. Ему доставался первый кусок, он ел больше своих подчиненных. Щека, по которой ударил Оттар, успела вздуться, и опухоль подошла к глазу. Казалось, что надсмотрщик хитро подмигивает.

— Сначала этого лошадьми,— спокойно сказал Оттар. Радуясь усложнению забавы, викинги сбили юношу с ног и затянули петли на щиколотках и запястьях.

Свавильд и Галль яростно заспорили. Каждый взду-

мал заменить собой лошадь и тянуть вместо нее. Силачи толкались и свирепо задирали бородатые головы. Товарищи помирили побратимов:

— Тяните оба! Тут-то все и увидят, кто кого перетянет.— И тут же викинги начали выкрикивать ставки на Свавильда и на Галля, чтобы еще больше их раззадорить.

— Ну, ты будешь громко петь! — обратился к юноше Эстольд.— Я присмотрю, чтобы они не слишком торопились.

Из дома вышла Гильдис, жена Оттара, дочь ярла Бьерна, сына ярла Пардульфа. Высокая, стройная, со светлыми толстыми косами, перевитыми шелковыми лентами и закинутыми на грудь, с золотым обручем на лбу, окруженная свитой из дочерей и жен викингов, она казалась королевой.

Право же, в этом далеком фиорде так мало развлечений...

— Меня, меня казните! — вопил непослушный траллс-кузнец, хватаясь за тяжелую ногу викинга.— Не троньте мальчишку, он ни в чем не виноват!

— Поставьте его на ноги, пусть он видит,— приказал ярл и обратился к мастеру: — Ты подал первым пример неповиновения. Но ты умрешь последним. Сначала — все они,— Оттар указал на товарищей траллса.

Среди женщин раздались дружные вздохи и восклицания восхищения.

С неожиданной силой кузнец вырвался, бросился к ярлу и обнял ноги господина.

— Прости, прости! — молил он с дикой силой и красноречием отчаяния.— Они невиновны. Я был безумным, но я опомнился. Клянусь, клянусь! Я буду работать, я сделаю тебе лучшие доспехи, лучшее оружие. Таких не видел еще ни один человек. Я умею, я умею!

— Уведите лошадей,— сказал ярл,— справедливое наказание отложено на время.

Оттар не гордился победой над рабом. Ярл всей душой презирал траллсов — людей, которые и на своих землях, на свободе, были способны лишь работать: презренен труд человеческих рук. Он хорош только для тех, кто пользуется его результатами, но не для того, кто трудится сам.

Сам нидаросский ярл умел делать многое. В набегах и походах не приходится таскать с собой слуг. Викинг сам гребет на драккаре, пока не отвалятся руки,

чинит оружие и доспехи, рубит деревья, обдирает и варит дичину. Но это благородный труд сына Вотана.

Женщины удалились, не скрывая своего разочарования. Оттар посмотрел им вслед с очевидной, но молчаливой иронией. Женщина легкомысленна даже в том случае, когда она рождена от Вотана. Страсть к развлечениям угнетает женщину и лишает ее разума. Только мужчина способен познать чистую радость наслаждения победой ума и выгодным делом. Когда ярл ушел, кормчий Эстольд, друг преждевременно погибшего Рёкина, связанный с родом Гундера клятвой крови, торжественно обратился к другим викингам:

— Клянусь священными браслетами Вотана, молотом Тора и моим мечом! Наш ярл так же мудр, как смел. И так же смел, как мудр.

Глава третья

1

Между горами и пригорками, между речками, реками и ручьями, около озер и болот, в долинах и ущельях, среди корявых сосен, густых низкорослых елей, чахлых берез, ив и черной ольхи живут желтокожие и черноволосые лапоны-гвенны.

Зимой они выбирают закрытые от ветра долины, чтобы олени могли достать себе из-под снега пищу — белый мох ягель и сухую траву. Летом они кочуют на пастбищах, где олени откармливаются и набираются сил для вынужденных зимних голодовок.

Олени — всё для лапонов, и их хозяева сами себя зовут не лапонами и не гвеннами, а оленными людьми.

Для оленных людей в ручьях, речках, озерах и болотах есть разные рыбы и выдры. Среди деревьев живут тетерева, белые куропатки, красные лисицы, белые лисицы, черные медведи, бурые соболя, рыжие куницы. Весной прилетает много птиц с перепончатыми лапками, которые дают яйца и пух. Все это друзья или почти друзья. Враги — это волки. Летом одиночные волки нападают на стада и похищают малых, слабых оленят. Зимней ночью волки сбиваются в большие стаи и стараются сразу лишить человека всех оленей. Нельзя крепко спать, нужно сторожить оленей с помощью верных товарищей — чутких и зорких собак. Когда человек

не ленится, даже волки не в силах сделать слишком много зла...

Рядом с землей течет большая соленая вода. На высоких крутых берегах гнездятся прилетные птицы. Их так много, что скалы белеют от помета. Птицы устилают гнезда мягким пухом и кладут вкусные яйца. Ловкий и смелый человек лазает за ними по скалам.

В соленой воде еще больше рыб, чем в пресных ручьях и озерах. Нужно знать время, когда рыбы подходят к берегу. Рыбу достают острогами с костяными наконечниками с лодок, сделанных из ивовых прутьев и кож. В такой лодке легко перевернуться, но так же легко опять поставить лодку прямо. Она не тонет, она сверху затянута кожей, которую человек завязывает вокруг пояса, и вода не проникает внутрь. Только лапоны умеют плавать в таких лодках.

По соленой воде плавает много громадных зверей. Очень умелый и храбрый человек с очень острой острогой может подплыть к морскому зверю, ударить его под лопатку и достать сердце. На такое дело решается не каждый. У зверей толстая шкура и много жира под шкурой, их трудно пробить. И нелегко увернуться, когда раненый зверь бьет хвостом...

На китов нападают с железными гарпунами. Железные гарпуны, железные ножи, котлы для варки пищи, наконечники для копий и стрел, которыми хорошо валить медведей и бить волков, оленные люди доставали у людей фиордов, обитающих на юге.

Прежде оленные люди летом кочевали на юг и там менялись с высокими светловолосыми людьми фиордов, у которых на лицах растут густые волосы, а не редкие и черные, как у оленных людей.

Так было до того времени, когда в Нидарос приплыл Гундер на больших деревянных лодьях, похожих на чудовища, которых человек видит только в страшном сне, в ночи голодовки. Гундер построил дом над берегом Нидароса и менял железные вещи на меха, пух и кожи, которые приносили оленные люди. Он требовал больше, чем те люди, похожие на Гундера, к которым прежде ходили на юг оленные люди.

Но Гундер жил ближе, и пути на юг шли через Нидарос. Ярл приказал, чтобы оленные люди не смели ходить дальше его дома. Несколько семей не послушались. Но никто не вернулся: ни люди, ни олени, ни собаки.

Когда же другие оленные люди навестили Гундера, они увидели на острых кольях его ограды ужасные сухие головы и узнали своих исчезнувших братьев. Гундер сказал, что злые духи преградили прежнюю дорогу на юг. Злые духи убили людей и прислали ему головы, чтобы он показал их лапонам-гвеннам и предупредил их никогда больше не ходить южнее Нидароса. Не Гундер ли убил людей? Нет, конечно, нет! Ведь он сказал, что злое дело совершили злые духи. Не выдумал же он.

Ноанды-колдуны били в бубны, раскрашенные кровью медведя, сваренной вместе с корой черной ольхи и оленьей кровью. Ноанды надевали священные маски из березовой коры, устрашающие злых людей и злых духов, навешивали гремучие пояса и ожерелья из сухих позвонков осторожных выдр, смелых горностаев и свирепых соболей и произносили заклинания. Ноанды зажигали волшебные костры, вызывали злых духов и победили их всех.

Пять семей отправились первыми на юг по освобожденным путям через горы. Скоро и их головы оказались на высоких кольях вокруг дома Гундера...

Гундер призвал лапонов и объяснил, что злые духи очень обиделись на непослушных людей. Злые духи хотят перебить всех лапонов, и только Гундер может их спасти, потому что злые духи боятся его одного. А за свое спасение каждая семья обязана давать Гундеру в год пять соболей, или песцов, или выдр, одну шкуру медведя, трех оленей и пять полных мер отборного гагачьего пуха. Сначала лапоны думали, что за все это Гундер будет давать им хорошие железные вещи. Но они ошиблись. Пока оленные люди раздумывали и ждали, Гундер пришел вместе со своими викингами и напал на лапонов. Из числа попавших в его руки Гундер убил каждого пятого мужчину и объяснил оставленным в живых, что такова воля злых духов. Иначе злые духи сами бы набросились на лапонов. Они хотят перебить у лапонов всех женщин. Кто же тогда будет рожать детей?

Но если и дальше лапоны не будут слушаться Гундера, он будет продолжать избиение мужчин, потому что он полюбил лапонов и хочет спасти от мести злых духов хотя бы часть оленного народа.

Тогда лапоны поняли, что они обязаны слушаться Гундера, и привыкли платить ему дань.

2

Гундер, который спас оленных людей от злых духов, исчез где-то в соленой воде. Его сын Рёкин сохранил дань в тех же размерах, и лапоны без спора платили дань. Так же было вначале и с сыном Рёкина, но внезапно Оттар потребовал больше, да, гораздо больше.

Оттар захотел получать от каждой семьи, где есть взрослый мужчина, не пять, а пятнадцать соболей, или песцов, или выдр, вторую шкуру медведя, двойное количество пуха. И десять оленей. И, сверх того, по два каната толщиной в руку, сплетенных из китовой кожи и длиной в сто двадцать брассов, в двести сорок полных шагов!

Непонятно! Разве опять появились злые духи, как при Гундере? Но, может быть, злых духов уже и нет? Как и люди, духи могли состариться и умереть. Не ошибается ли внук Гундера? Оленные люди пришли к стенам горда и спросили ярла обо всем этом. Оттар ответил, что злой дух лапонов — это он сам! И он станет еще злее, если они откажут в послушании. И еще сказал Оттар, что лапоны бьют морских зверей железными гарпунами, которые они получили от Гундера, Рёкина и продолжают получать от него, от Оттара. Они ловят пушных зверей железными капканами, едят пищу из железных котлов. Откуда у лапонов все это: и железные копья для медведей, и железные стрелы, которыми лапоны защищают от волков свои стада?

Сказав, что они будут думать, лапоны ушли, и ярл отпустил их мирно.

Это случилось недавно, быть может всего за месяц до дня, когда Оттар потушил искру начавшейся было опасной болезни неповиновения среди траллсов-кузнецов.

Оленные люди думали и думали. И нидаросский ярл, вернувшись с охоты на морских зверей, думал о лапонах-гвеннах за трапезой в большом общем доме своего горда.

Кресло ярла стояло на помосте, устроенном вдоль короткой стены зала. Ниже него поместились кормчие Эстольд и Эйнар.

Напротив, в другом конце зала, на таком же помосте стояло точно такое же кресло, предназначенное для почетного гостя или гостей. Редко-редко в далекий Гологаланд заплывали другие ярлы.

Нужно было сделать почти сто шагов, чтобы пройти от одного почетного места до другого — таким большим построил дом викингов Рёкин руками своих траллсов.

Острая двускатная крыша, обычная во времена, когда очаги не имели труб, а были, в сущности, кострами, имела необходимое в те годы устройство. Верхняя крыша не доходила своими скатами до стен, а от стен, под верхней крышей, были устроены навесы, которые, в свою очередь, не достигали продольной оси зала. Таким образом, по всей длине и с обеих сторон открывались длинные продухи, куда не мог попадать дождь и свободно вытягивался дым очагов. Продольная матица верхней крыши опиралась на столбы. Ряды столбов принимали навесы, проходили через них и служили опорами свесов верхней крыши.

Зал был истинным сердцем горда. В нем, перед очагами, викинги ели, развлекались, обсуждали свои дела, слушали ярлов. На стенах и на столбах висело оружие, как в арсенале. У каждого викинга, входившего в возглавляемое ярлом военное братство, было свое место на скамье, перед столом, собранным из толстых досок.

Траллсы, под наблюдением женщин благородной крови, приносили на деревянных блюдах жареную и вареную рыбу, говядину, конину, дичину. Тащили миски с ржаной и овсяной кашей, с овощами, обходили столы с бочонками меда и ячменного пива.

Между столами бродили волкодавы; псы рычали на траллсов и приставали к викингам, дрались из-за подачек, привлекая общее внимание. Все говорили сразу, и пронзительный визг побежденного не всегда пронзал людской крик и гам.

3

Молча и жадно утоляя голод, Оттар рвал рыбу руками и отхватывал ножом большие куски мяса. Птичьи косточки хрустели на его крепких зубах. Не вытирая жирных губ, ярл опорожнял добытую у саксов золоченую чашу для причастия по католическому обряду, взятую из аббатства в устье Темзы. Ярлу неотступно прислуживал траллс, опытный дворецкий и бывший виночерпий франкского графа Эрве, одного из валландских владетелей, ограбленного еще Рёкином. Нидаросский ярл насыщался так, как едят вестфольдинги, умеющие поститься неделями, но способные поглотить сразу коли-

чество пищи, показавшееся бы чудовищно неправдоподобным обыкновенному человеку.

В кресле ярла хватало места для троих, но Гильдис, недовольная тем, что острое и забавное развлечение не состоялось, злилась на мужа и устроилась в другом конце зала, на помосте почетных гостей. Оттар забыл о женщине. Постепенно сознание туманилось от мяса, меда, пива, но ярл, побеждая опьянение силой воли, превращал хмель в буйство мысли. В его возбужденном мозгу неслись картины яростных погонь, схваток, поголовных истреблений. Отнюдь не бесцельных! Нидаросский ярл был жесток, как хорек, и недоступен жалости, как акула, но его жестокость и склонность наслаждаться страданиями людей были всегда подчинены холодному расчету, выгоде. Он думал о непокорных лапонах-гвеннах, он искал способы подчинить их без ущерба для численности данников Нидароса, и он, наконец-то, нашел!

Оттар яростно, обеими руками оттолкнул мешавшие ему серебряные блюда с обглоданными хребтами рыб, костями конины, оленя, диких птиц. Он лег животом на грязный стол и крикнул вниз Эстольду:

— Я знаю, как укротить лапонов! Понимаешь? Без драки. К чему уменьшать доходы от данников? Ха-ха, слушай! — и ярл тихим голосом сказал своему лучшему кормчему и помощнику несколько слов.

Эстольд оторвался от свиного бока, который он обгладывал.

Эйнар, не расслышав, что сказал ярл, ударял товарища кулаком в бок, требуя объяснений, а Эстольд отталкивал его локтем. Слова Оттара постепенно проникали в сознание. В густой рыжей бороде кормчего «Дракона», залитой салом, с налипшими кусками пищи, открылась широкая пасть с твердыми желтыми клыками:

— Хо-хо-хо! — заорал Эстольд.— Клянусь Бальдуром, но ведь ты прав, мой ярл! Ты прав, мой Оттар, прав как Судьба! Ы-ах!

И оба, глядя друг на друга, оглушительно хохотали. Постепенно они привлекли к себе общее внимание. Крепкие напитки кружили голову, викинги заражались весельем, не зная причины. Раскаты хохота потрясали крышу.

Заинтересованная Гильдис решила сменить гнев на милость и узнать причину радости мужа. Но пока она пробиралась среди столов, пачкая длинный бархатный подол о кучи объедков, с которыми не могли справиться

обожравшиеся псы, Оттар в последний раз опорожнил чашу и улегся спать прямо на помосте.

Сказались утомление, и бессонница, и пресыщение. Молодой ярл дышал могуче и ровно, как кузнечный мех. Сейчас его могло бы разбудить только раскаленное железо. В поисках последнего сладкого куска, пес ярла забрался на стол, показал зубы траллсу-мажордому, которого он так же презирал, как любой викинг, потом спрыгнул вниз и заснул рядом с хозяином чутким сном преданного сторожа.

Зал успокаивался. Одни викинги вышли, другие, как Оттар, заснули там, где ели. Тишина нарушалась жужжаньем мушиных роев, ляском собачьих челюстей, ловивших муху, храпом и вскрикиваниями тех, кого давили вызванные хмелем и обжорством кошмары. Как всегда, сочился тленный смрад из фиорда и из рва, смешиваясь под крышей зала с вонью грязных человеческих тел и запахом жирной пищи. Это был своеобразный аромат, знакомый викингам, многообещающий запах богатого и процветающего горда.

Глава четвертая

1

В горде Оттара находилось около двадцати лошадей, пригодных под верх; в поход больше трех сотен викингов вышли пешком. Они двигались широким шагом, его называли «волчий шаг вестфольдинга».

Викинги умели ходить. На ровном месте они опережали лошадей, и всадники рысили, чтобы не отставать; а на подъемах, в пересеченной местности, в лесу и кустах конница не поспевала за детьми фиордов, владеющими искусством похода.

Дорога поднималась по долине мимо пастбища свиного стада, принадлежавшего Оттару. Заслышав чужих, одичавшие животные поднимали длиннорылые морды и вглядывались в людей маленькими подслеповатыми глазками. Сторожевые кабаны звучным фырканьем подали сигнал тревоги.

Матки, сопровождаемые прыткими полосатыми поросятами, бросились бежать первыми. Молодые кабаны и свиньи отступили со злобной и разумной поспешностью. Вожаки отошли последними.

Стадо выстраивалось подобно отряду воинов. В се-

редину сбились самки с детенышами, драгоценностью рода. Их окружили подросшие кабаны и холостые свиньи. Матерые секачи уперлись головным отрядом, готовым не только дать отпор, но и перейти в наступление. Это очень походило на боевой строй хорошего, обученного войска. Приближаться к стаду было ненужной опасностью, и викинги далеко обошли его. Один Оттар подъехал поближе. Ярл с удовольствием рассматривал свиней, он видел в них сильное племя, смелое, готовое к драке. Его собственность.

Издали было нелегко сразу отличить самцов от самок. Длинноногие, поджарые, горбатые животные недоверчиво смотрели на господина. Морды с мощными челюстями чем-то напоминали голову чудовища, украшавшую нос «Дракона». На острых спинах секачей торчала высокая щетина, жесткая, как железная проволока.

В этом месте долины стадо обитало круглый год под присмотром нескольких траллсов, белобрысых саксов-свинопасов. Саксы жили здесь же в вырытой в склоне горы хижине-пещере. Свиньи считали это место своим и из всех людей признавали только сторожей-саксов.

Свирепые матки гнездились в норах, отрытых в горных склонах. И когда они сидели в убежищах с новорожденными поросятами, даже саксы не осмеливались проходить поблизости — так яростно матери защищали свое потомство. Раздраженная инстинктом, подсказывающим опасности жизни, свинья при малейшем подозрительном шорохе выскакивала из норы, как камень из камнемета, и горе тому, кого она находила!.. В летнюю пору ловли китов и кашалотов свиней подкармливали мясом морских зверей, зимой — рыбой и мясом, которое хранилось в глубоких ямах. Там оно медленно разлагалось, делаясь для стада все более заманчивым лакомством. Свиньям же бросали тела умерших траллсов — эти животные были своеобразным ходячим кладбищем.

По мере надобности свиней брали стрелами: особый вид такой охоты был сопряжен с риском, что делало заготовку свинины любимым развлечением викингов.

Любопытство всадника надоело одному из секачей. Громадный, черный от налипшей грязи, он шагом вышел из строя и замер, шевеля ноздрями носа, который был шире человеческой ладони. Привыкнув доверять больше, чем глазам, своему тонкому обонянию, способному уловить приятный аромат сочного корешка в земле, секач ловил запах Оттара.

Мешал мирный запах лошади... Вот и человеческая струйка... За матерым кабаном пронзительно взвизгивали теснимые старшими поросята, огрызались матки. Тревожно и густо хрюкали свиньи, взволнованные воспоминанием о стрелах.

Раздраженный секач решил предложить человеку поединок, победить его и съесть. Он с места поднялся галопом, увеличивая размах для одновременного удара клыками и всей массой, равной массе лошади.

Оттар подпустил секача на несколько шагов, вздернул коня на дыбы и повернул на задних ногах. Когда обманутый секач остановился, потеряв противника, ярл был уже далеко. Присев и спрятавшись за стадом, траллсы-свиноводы следили за ярлом. Саксы жили вместе со свиньями, питались одной пищей, привыкли к животным и понимали их. Когда стадо успокоилось и разбрелось, один из свинопасов издал ласковый, напоминающий хрюканье зов. Секач ответил чем-то напоминающим длинный вздох, и человек приблизился к чудовищному зверю. Кося умным серо-зеленым глазом в длинной орбите с белыми ресницами, кабан приподнял губы, еще больше обнажив кинжалы изогнутых бивней.

Сакс чесал бок развалившегося кабана. Он чесал изо всей силы острым концом можжевеловой дубинки, иначе кабан не почувствовал бы дружеской ласки.

— А если бы ярл не увернулся от тебя, Джиг? А? Джиг! Что бы ты с ним сделал, Джиг? — спрашивал человек на саксонском языке, налегая на дубинку.

Джиг отвечал внушительным ворчаньем.

Сзади человека подтолкнул другой секач. Почти такой же могучий телом, как вожак, и такой же смелый, он по праву хотел получить свою долю ласки и послушать, о чем беседуют друзья.

— Эх, Джиг, глупый Джиг,— говорил человек своему любимцу,— если бы ты пустил меня под твою шкуру! Если бы я был колдуном и мог поменяться с тобой телом!..

2

За пастбищем для свиней, на обратном скате возвышенности, лежали возделанные поля. Здесь выращивали рожь для лепешек, овес для каши и коней, ячмень, из которого делали солод для пива, любимого напитка викингов, предпочитаемого многими виноградному вину и

меду. Отсюда горд получал морковь, брюкву, редьку и вкусную желтую репу. Еще Рёкин снабдил женщинами траллсов-земледельцев, чтобы они создали себе семьи. Это должно было привязать траллсов к месту и, хотя бежать было некуда, сделать побеги менее соблазнительными. На окраине усадьбы были поселены траллсы, взятые на самых дальних берегах Валланда, к югу от саксонского острова. Они говорили на своем особом языке, на их головах росли такие же черные волосы, как у лапонов-гвеннов, но кожа была белой, а не желтоватой. На их лбах, как и на лбах всех траллсов Нидароса была выжжена руна «ᚱ» — ридер, начальная буква имени Рёкина. Их женщины носили тот же знак и дети — вскоре после рождения.

Весной полевые траллсы на себе пахали поля. Летом они оберегали посевы от птиц и зверей и ухаживали за ними, пропалывая всходы и таская воду для поливки. Им было позволено возделывать для себя небольшие клочки вдали от полей ярла, один раз в неделю ходить к морю ловить рыбу своими средствами и пользоваться остатками мяса убитых морских зверей, однако без малейшего ущерба для полей ярла.

На зиму полевые траллсы оставались в землянках около полей и жили под снегом, как умели. Иногда недовольный плохой работой ярл вешал кого-нибудь за шею на одном из трех высоких столбов среди полей. Тело запрещалось снимать, оно должно было упасть само. Для назидания. Все остальные траллсы горда, кроме свинопасов, завидовали полевым траллсам.

Застигнутые викингами земледельцы становились на колени и, прижав крестом руки к груди, низко опускали голову. Черные головы торчали как пеньки среди высоких, колосящихся злаков.

Викинги вытянулись по одному и прошли полями по тропинкам. Вид хлебов обещал хороший урожай. Изредка кто-либо из викингов нагибался и срывал василек. Цветы были редки, поля тщательно пропалывались.

Виселица с задранной опорой для веревки имела вид руны «ᚴ» — каун. Не боясь викингов, вороны продолжали сидеть. Тело повешенного слегка поворачивалось, воздух сочил запах тления. Под виселицей рос особенно сильный и густой хлеб; резко выделяясь своей высотой среди поля, он уже наклонял наливавшиеся колосья.

Когда, замыкая строй, последним проехал ярл, стебли под виселицей зашевелились. Показалась голова ре-

бенка. Худое личико с неестественно громадным лбом, изуродованным растянутым клеймом господина, повернулось вслед господину. Черные глаза смотрели странным взором.

— Ссс... Жанна! Спрячься, дитя мое, спрячься,— позвал женский голос. Голова ребенка скрылась.

Женщина, обнимая руками страшный столб виселицы, произносила слова погребальной службы на латинском языке. Ребенок повторял их, не понимая.

3

На вторые сутки похода викинги заметили первые стада лапонских оленей. Здесь викинги разделились на отряды по восемь-десять человек, разошлись и продолжали движение общим направлением на север.

Они быстро проходили среди редких деревьев сосновых рощ и кривых берез с темными, уродливыми стволами, в наростах и язвах. В сырых низинах приходилось обходить частые заросли ломкой черной ольхи. Каменные склоны затягивали густые мхи, подернутые кустиками костяники, облепихи, черники, брусники, морошки с незрелыми ягодами. Горы разрезали Гологаланд сетью невысоких хребтов, между которыми прятались сочные зеленые долины.

Солнце длинно кружило по небу, только прикасаясь к краю земли. Иногда тучи закрывали неутомимое светило, падали быстрые летние дожди, и капли сверкали на листьях и траве. Когда тучи стояли высоко, а солнце светило снизу, с неба протягивались прекрасные радужные дороги валькирий. Небо темнело, грохотал гром, сверкали молнии: это рыжий великан Тор несся над миром, тешась бурей и играя в тучах золотым молотом. Могучий бог войны любовался своими неутомимыми братьями-вестфольдингами.

Чем дальше викинги уходили на север от Нидароса, тем чаще встречались лапоны и стада оленей. Лапоны выбегали из своих переносных кожаных чумов и спрашивали друг друга:

— Куда они идут? Зачем идут? Почему они так торопятся?

Кто же мог знать?.. Стада нагулявшихся оленей паслись в радушных долинах. Что же еще нужно для счастья оленных людей?

Викинги спешили волчьей поступью, за ними гнались

тучи серых комаров, как за оленьими стадами и за всеми, у кого в жилах течет алая теплая кровь. Викинги стремились на север.

Оттар размышлял:

«Что там, на севере, в самом конце? Скальды поют о бездонной яме на дальнем севере, в которой живет вместе с волком Фафниром злой бог красавец Локи. Локи ждет в своем царстве Утгарде назначенного неизменной Судьбой часа, когда он победит Вотана и всех богов и всех героев в последней битве при Рагнаради... Скальды утверждают, что в бездонную яму Утгарда сливается море. Действительно, море всегда течет мимо земли фиордов на север. В море втекает много рек и речек из земли фиордов, варягов, франков, фризонов, англов, саксов, готов и всех других. Вся вода уходит на север и никогда не возвращается, ни летом, ни зимой. Скальды поют сагу о короле Гаральде Древнем, который заплыл так далеко на север, что едва не был увлечен водой в Утгард. На краю бездны весла гнулись в руках гребцов, и судьба зависела от прочности куска дерева: сломайся хоть одно весло, и бездна поглотила бы викингов!...»

Нидаросский ярл не может вообразить яму такой глубины, которая год за годом поглощает море. Он не слишком верит скальдам и сагам. Быть может, быть может... Неизвестное привлекает. А сейчас он займется глупыми лапонами.

4

Костер из сучьев и бересты был разложен на вершине. Когда пламя разгорелось, в костер бросили охапки сырой травы, и в небо поднялся столб густого дыма.

Четверо викингов растянули свежую шкуру оленя и накрыли костер. Они походя убивали лапонских оленей и ели сырое мясо, как часто делали в походах.

Дым оторвался и унесся черным клубом. Чуть выждав, викинги сбросили шкуру, не давая огню задохнуться. Так они повторяли раз за разом.

Вскоре такие же клубы дыма показались в разных местах. Повсюду отряды викингов играли с огнем оленьими шкурами. Приказ летел по цепи, охватившей земли лапонов-гвеннов.

Каждый отряд по пути замечал долины и луга, где паслись стада лапонов. Начав обратное движение, ви-

кинги напали на оленей. Они не убивали. Криком, улюлюканьем и мастерским подражанием волчьему вою, они спугивали стада, и олени бежали перед загонщиками.

Викингам помогали щетинистые волкодавы. Поджарые злые лапонские собаки храбро бились с пришельцами. Неравная борьба. Тяжелые псы были защищены широкими ошейниками с остриями. Они сбивали защитников стад своей тяжестью и убивали.

Навстречу викингам выбегали лапоны и умоляли прекратить жестокую забаву. Тщетная просьба! Следовало сражаться. Разрозненные и застигнутые врасплох лапоны не смели и подумать о бое. Не в силах расстаться с оленями, лапоны бессильно бежали за викингами, на что-то надеясь. Викинги шли и шли неутомимым волчьим шагом.

На громадной площади Гологаланда сотни тысяч оленей пришли в движение. Их гнали на юг и одновременно оттесняли к морю. Загонщики не давали отдыха животным, олени не успевали есть и пить. Первыми гибли молодые оленята. Скорбный путь отметили трупы павших.

В сутках пути до Нидароса в условленном месте сошлись дороги всех отрядов. Сколько оленей загнали викинги в громадную долину? Никто из них не мог бы сосчитать, никто не знал таких чисел. Колыхалось море рогов. Земли не было видно. Кое-где среди серо-коричневых тел измученных животных выдавались скалы, как островки в океане. Ни пищи, ни воды... А дальше, к западу, ждали головокружительные обрывы морского берега. Еще одно усилие — и олени потекут вниз, как море падает в Утгард.

К ярлу робко приблизилась толпа отчаявшихся лапонов. Они поняли смысл страшной затеи Оттара.

Запуганные, безоружные оленные люди ничком повалились перед ярлом. Они бормотали рыдая:

— Отдай добрых олешков, отдай. На что тебе они? Мы принесем тебе дань, которую ты назначил, прости нас, господин...

Оттар смотрел на лапонов-гвеннов, которые корчились у его ног как черви: он покорил их силой своей воли, своего ума, сам, ни с кем не советуясь, не имея примеров, и покорил навсегда. Хорошее, звучное слово — навсегда...

Ярл подошел к лапону, который был впереди других,

и приподнял ногой его голову. Да, это один из вождей, как викинги называли глав лапонских родов.

— Возьмите оленей. И помните: я ваш господин навсегда!

Оттар издали следил за лапонами, которые пытались разобраться в массе животных. Слышались горестные и пронзительные крики: хозяева звали своих любимых вожаков. Олени волновались, между животными могла вспыхнуть губительная паника. Часть лапонов зашла со стороны моря, образуя цепь. Эти люди жертвовали собой, если бы олени все же бросились к берегу. Другие старались разделить животных и вытеснить их из страшного места, где была похоронена навеки, навсегда мечта о свободе лапонов.

Оттар думал,— не может быть в мире людей, которыми нельзя научиться управлять. Следует найти слабое место. Каждый человек чего-то боится, каждый будет рабом из страха. Нужно узнать, что страшит. Тогда люди делаются мягкими, как коса женщины, гибкими, как выделанная кожа.

Оттар знал, что лапоны сложат о нем песни и сказания, в которых передадут детям детей своих детей предание о могучем и злом богатыре, нидаросском ярле. Слава о нем пойдет в века...

Но Оттар думал об этом без увлечения и гордости. Он не искал бесполезной для него лично, пустой славы и равнодушно относился к преданиям — кроме преданий о его предках, которые были выгодны для него самого, конечно. Сейчас он гордился своей обдуманной и хладнокровно достигнутой «победой» над лапонами. Ведь он, Оттар, сделал то, до чего, он знал, не додумались бы ни Гундер, ни Рёкин. И он обеспечил своим умом постоянное, нарастающее богатство Нидароса.

Глава пятая

1

Ночи уже побеждали дни, приближалась зима. В Нидаросе кипела работа. К пристани тянулись вереницы траллсов. Кипы пушнины, корабельные канаты, плетенные из китовой и кашалотовой кожи, связки шкур, бочки топленого сала и бочонки кашалотового воска, оленьи рога, копченое и вяленое мясо, пресная и соленая сушеная рыба, железные изделия, оружие, доспехи, деревян-

ная посуда, выделанная кожа, моржовые клыки, тюки, ящики, товары, товары...

Продукты труда траллсов, дань лапонов, плоды охоты ярла и викингов на морских зверей, добыча, захваченная в весеннем походе на саксонский остров...

И траллсы, лишние в хозяйстве, предназначенные на продажу. Они были скованы по четверо и соединены общей цепью, чтобы никто не принес ярлу убытка, вздумав утопиться в море.

Оттар проводил каждую зиму на юге, в Скирингссале. В Гологаланде зимой нечего делать ни на суше, ни на море. Море слишком бурно, и ночи бесконечны. Сидя в горде, можно пить вино, мед и пиво да под свист зимних вьюг развлекаться придумываньем забав над траллсами — занятие для женщин... Правда, можно ходить на лыжах, поднимать медведей, устраивать облавы на волков и упражняться во владении оружием. Это больше подходит для мужчины, но не для Оттара.

Некоторые ярлы отсылают свои товары в Скирингссал с доверенными, кормчими, братьями крови. Но Оттар всегда плавал сам, как и Рёкин.

В Скирингссале собирается много ярлов. Там такой рынок рабов, как нигде в мире. Там все восточные, новгородские, греческие, арабские, болгарские купцы встречаются с западными купцами. В Скирингссале легко продать и купить любой товар, увидеть любую вещь. И услышать обо всем, что происходит на свете.

У владельца Нидаросского фиорда было очень много товаров, данники лапоны-гвенны водились лишь в Гологаланде. Поэтому в Скирингссал уходила вся флотилия и большинство викингов. Остающиеся охраняли горд и следили за траллсами. Не только горд с его строениями, с мастерскими и всем хозяйством был ценностью. В общем зале, под почетным помостом, на котором стояло пышное кресло нидаросских ярлов, прятался глубокий, обширный тайник. Как полководец держит до решающей минуты боя запасный полк, так и Оттар хранил в тайнике достаточно ценностей, чтобы остаться в строе ярлов после самой худшей неудачи.

Мало кто в горде знал тайник. Безусловно преданные кормчие драккаров, эти заместители и наместники ярла, как Эстольд и Эйнар, несколько старших, не по возрасту, а по боевым качествам и военным знаниям викингов и телохранители, берсерки Галль и Свавильд, знали тайник и имели доступ в сокровищницу.

Богатыри телохранители оставались на зиму в Нидаросе, как и несколько десятков подобных изгнанников тинга, получивших убежище у Оттара. В Скирингссале их ждала виселица, они были вне закона, и Оттар ничем не мог бы им помочь.

Оттар, Гильдис и Эстольд спустились в тайник. Галль и Свавильд остались в зале охранять двери.

Под землей были стены и своды, сложенные из грубо отесанных камней валландскими траллсами еще до рождения Оттара. Рёкин утопил каменщиков, чтобы они не болтали.

Золотые монеты ждали своего времени в малых ларцах. Толстые, как подошвенная кожа, тонкие, как ноготь на большом пальце руки, круглые, удлиненные, квадратные и многогранные, или неправильные, как лепестки цветов... Сплошные или пробитые дырочками, чтобы их подвешивали для украшения или нанизывали на жилки для сохранения, золотые монеты были разложены не по причудливым и непонятным знакам, которые они носили, а по весу.

Серебряные бруски и обручи, ножные и ручные браслеты, круглые или витые ошейники и куски толстой серебряной проволоки заполняли два высоких ящика.

Золотые, серебряные и бронзовые украшения тела и одежды без цветных камней или с зелеными, красными, синими и блистающе прозрачными камнями хранились в медных плоских ящиках.

Огни восковых свечей в сыром неподвижном воздухе подземелья горели ровно, но тускло. Сильно пахло плесенью. Гильдис рылась в драгоценностях, выбирая. Драгоценностей было слишком много. Это затрудняло выбор и раздражало женщину. Хотелось взять всё. Но к чему? В Скирингссале Оттар купит новые украшения...

Оттар и Эстольд наслаждались осмотром оружия. Здесь были собраны вещи, достойные мечты мужчины. Доспехи для защиты тела, цельнокованые и наборные брони, кольчуги, наручни, поножи, шлемы, щиты, железные перчатки и рукавицы, сапоги в твердой костяной и железной чешуе. Мечи, ножи, топоры, дубины, копья, шестоперы, кистени, стрелы и другое необходимое, чтобы нападать и побеждать.

Для предохранения металлов от ржавчины и деревянных частей от гниения оружие и доспехи были покрыты толстым слоем вытопленного из внутренностей китов жира.

Густая смазка смягчала очертания, делала железо тусклым, как глубокая вода, медь темной, как запекшаяся кровь, и дерево черным, как агат. И при желтом свете восковых свечей оружие приобретало таинственный, загадочный вид. Оно заставляло мечтать о необычайных свойствах металла и формы, манило взять в руки и наносить удары, рассекающие врага от головы до пят.

— Я слышал от одного греческого купца,— говорил Оттар, дружески опираясь о плечо Эстольда,— что где-то живут люди, которые презирают золото и признают одно железо.

— Я помню грека,— ответил Эстольд.— Он носил длинный плащ, отороченный лисьим мехом. А его лицо не имело волос, как лицо женщины. Он брился острым ножом, бездельник. Он продал тебе это,— и Эстольд указал на тяжелый длинный меч с крестообразной рукоятью.— Да. Он говорил, что с помощью хорошего железа можно набрать много золота, как я его понял. Он набивал цену меча. Но этот меч хорош и без его болтовни.

— Он был прав, говоря о значении железа. А те люди, которые презирают золото, глупы. Да и могут ли быть такие? Ты прав, купец выдумывал сказки, чтобы повысить цену. Когда мне было десять лет, я думал так, как люди его сказки. Ребячество! Железо служит мужчине для добычи богатства. Для потехи можно сразиться несколько раз, из-за золота стоит биться всю жизнь.

— Так говорил и Рёкин,— заметил кормчий «Дракона».

Гильдис приложила к груди Оттара тяжелое ожерелье из массивных золотых дисков, служивших оправой для зеленых и синих камней.

Оттар улыбнулся жене. Да, ожерелье великолепно, а он совсем забыл о нем.

Вместе с Гильдис ярл рылся в драгоценностях. Оттар любил золото и красивые вещи не только за приобретаемую с их помощью власть. Он тщательно выбрал себе браслеты для рук, цепочки для меча и ножа, застежки для парадных плащей и украшения для рукавов суконных кафтанов. Молодой ярл умел довольствоваться обычным костюмом викинга, штанами из козьей шкуры и грубым кожаным кафтаном. Всему свое время и место, Скирингссал — не палуба драккара, и там бедность одежды ярла приписывают неудачливости в набегах и неумению в торговых делах. Люди глупы.

Наверху Свавильд и Галль переругивались через весь длинный зал. Друзья и побратимы, которые не могли провести дня без спора, орали во все горло. Им надоело ждать, ярл уезжал на всю зиму, а для них Скирингссал был запрещен навсегда...

Эстольд набивал золотыми монетами кожаные мешочки, удобные для ношения под кафтаном. Этой зимой предстояли большие расходы.

3

С началом отлива флотилия Нидароса тронулась от пристани. Первым отвернул «Морской Змей» на десяти парах весел, вторым двинулся «Волк» на восьми парах. Эти старые драккары не раз повидали берега Валланда, Саксонского острова, островов Зеленого Эрина, берега фризонов, датчан, готов, варягов.

Гундер без пощады гонял «Змея» и «Волка», но не мог утомить их. Заменялись бортовые доски, пробитые камнями из камнеметов и дротиками из самострелов, расщепленные зубами кашалотов, клыками моржей, хвостами китов. Изношенная дубовая древесина обновлялась, драккары наново пропитывались горячей смолой и ворванью: «Змей» и «Волк» молодели, они носили по морям уже третьего господина. Именно им и был обязан богатством и властью род Гундера, династия нидаросских ярлов.

Старшим был «Змей». Будучи первым достоянием деда Оттара, «Змей» помнил и первый поход молодого Гундера. Сорок семь викингов пустились на «Змее» в отчаянно смелый набег, ярл был сорок восьмым.

Кормчий имел право на три доли добычи, «Змей» — на двадцать, по две на каждый рум, и все остальные бойцы — на одну.

К земле фиордов вернулись двадцать четыре викинга из сорока восьми, но «Змей» был цел, а добыча стоила потерь. На обратном пути Гундер один греб парой весел! Все доли справедливо разделенной добычи увеличились, доля «Змея» — тоже. Из добычи «Змея» родился «Волк». Рёкин дал им товарища — «Орла» с двенадцатью румами, с двенадцатью парами весел, а Оттар сумел прибавить «Дракона» с четырнадцатью румами. Драккары Нидароса составляли семью из трех поколений. Они выходили в море в порядке старшинства. Крепкие, вместительные... Но если бы можно было

нагрузить их лишь одними сухими черепами людей, погубленных для выгоды Гундера, Рёкина и Оттара, вся флотилия владетеля Нидароса пошла бы на дно, будто налитая свинцом.

В суженном устье фиорда отливное течение бурлило, как из-под мельничного колеса. Требовалось все искусство кормчих, задача которых осложнялась и тяжелой нагрузкой драккаров и баржами, которые тянулись на канатах.

На баржах находились менее ценные товары: сало, шкуры, вяленое мясо, рыба, изделия столярен. Баржи были крепко сколочены траллсами-плотниками. Грубые суда будут проданы в Скирингссале вместе с другими товарами.

Викинги считали для себя унизительным плавать на баржах: там у рулей были прикованы траллсы, обязанные следить за знаками кормчих.

Северный ветер катил крутую короткую волну, срывал гребни, белил море. Баржи то натягивали канаты, резко вырывая их из воды, то опять топили. Чтобы смягчить рывки, кормчие меняли темп гребли.

Флотилия уходила в открытое море, порывистая береговая волна сменялась размеренной и длинной. Северный ветер благоприятствовал. На драккарах поднимали мачты, обычно лежавшие на дне, чтобы не мешать гребцам.

Драккары несли по одной мачте с парусом, прикрепленным к рее более узкой стороной, а широкой обращенным вниз. Паруса сшивались из черных и красных полос толстого полотна, привозимого из Хольмгарда-Новгорода или тканного в Скирингссале из новгородского льна. Быть кормчим — высокое искусство. Берега земель изрезаны мысами, заливами, бухтами, а в воде сидят рифы и мели, опасные как враг, затаившийся в засаде. Одни нетерпеливо высовывают в часы отлива зеленоволосые морды и серые спины, другие никогда не показываются, но они здесь и жадно ждут.

От движения драккара берега меняют очертания, подобно бегущим тучам, а кормчие должны знать их, как знают лица друзей и уловки врагов.

Когда Медведь превратится в Жабу, пора отойти от берега и править на Человека. А когда Человек начнет исчезать, уходи прямо в море и плыви, пока не увидишь Башню. Это знак, что пора положить руль на левый борт и грести до мига, в который из моря высунутся

Три Рога... И так неделя за неделей. Приметы берегов сосчитаны, узнаны и навечно уложены в памяти.

Кормчий знает все ветры и предсказывает перемены погоды. Глядя на воду даже у чужих берегов, он правильно судит о глубинах и безошибочно догадывается о близости суши. Недаром кормчий имеет право на три доли, даже если он не сходит на берег, не принимает участия в бою и в захвате добычи. В море власть кормчего равна власти ярла.

Викинги гребут сменяясь. На каждом руме сидят четыре викинга, по два на весло. Прикоснуться к веслу драккара — это высокая честь. Если случай, необходимость или воля ярла посадят на рум даже клейменого траллса, он, взявшись за весло, делается свободным человеком навсегда. Скальды воспевают героев, которые умели грести от восхода и до восхода солнца. О Гундере, Великом Гребце, который мог сразу грести парой весел, сложены длинные саги.

Рассказывают, что греки и арабы сажают к веслам рабов и приковывают их к румам, как викинги приковывают траллсов к рулям барж. Слыша об этом, дети фиордов презрительно издеваются над воинами с нежными ладонями, боящимися весла. Таких легко побеждать. В решительную минуту, когда от гребца зависит все, раб не будет грести до последнего вздоха, как викинг. Держать на румах траллсов — готовить врага, который ждет минуту, чтобы перерезать господину подколенную жилу.

Слово «вик» значит вертеть, «инг» — тот, кто держит весло. Соединение этих двух слов образует название людей, плавающих в морях за добычей. Викинги. Они населяют море и в нем ищут себе пищу. Но не рыбной ловлей или охотой на морского зверя! Сами викинги говорят о себе так:

«Мир принадлежит тому, кто храбрее и сильнее. Бедный идет в море за добычей, богатый — за славой и властью. Мы не воруем, а отнимаем, и это благородное дело мужчины. Мы не спрашиваем ни о чем, когда берем чью-либо жизнь и имущество. Мы не верим ни во что, кроме силы нашего оружия и нашей храбрости. Мы всегда довольны нашей верой, и нам не на что жаловаться...»

Викинги гребли и гребли. От Нидароса до проливов в Варяжское море с попутным ветром дней двадцать пути, а с противным — все тридцать. От проливов до Скирингссала — дней шесть...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВИКИНГИ И БОНДЭРЫ

Глава первая

1

Когда кончались запасы питьевой воды, драккары подходили к берегу. Среди бесчисленных фиордов кормчие выбирали только те, где не было населения.

Порой на мысах подскакивали дымки — стража предупреждала владельцев фиордов о появлении в их водах чужих драккаров. Сигналы тревоги встречали и провожали флотилию Оттара. Однако зоркие сторожевые посты различали и нагруженные баржи и глубокую осадку самих драккаров: было время сбора ярлов и купцов в Скирингссале.

Тревога была уместной. Недоверчивость и хитрость являлись свойствами, необходимыми для существования. В этих водах никогда не было мира. В любой час сильный брал у слабого, а сильнейший отнимал у сильного. Редкие встречные драккары поспешно прятались в извилинах фиордов.

Оттар знал берега не хуже кормчих. Его отец и он сам часто выжимали страндхуг в местных поселениях свободных бондэров. Законы фиордов обязывали землепашцев бесплатно снабжать продовольствием викин-

гов, собравшихся в поход. Тот, кто сидел дома, должен был кормить того, кто воевал за морем. Свободные ярлы никогда не забывали воспользоваться выгодным правом страндхуга.

Дни быстро укорачивались, море портилось. По ночам, чтобы не потерять друг друга, драккары палили факелы из китового жира. Дымное пламя чадило на корме, на носу зажигали фонарь. Огонь толстой свечи новгородского воска защищался от ветра и брызг слюдяными пластинками в медных рамках.

На короткой носовой палубе «Дракона» разбили низкую палатку из плотной тюленьей кожи. В ней жили Гильдис и две сопровождавшие ее женщины. Туда заползали и спали на белых медвежьих шкурах под теплыми одеялами из светлого мягкого меха пушистого северного волка.

На рассвете Гильдис высовывала белокурую голову и видела раздутый черно-красный парус, который выпячивался брюхом и скрывал корму. Тюки и ящики, загромождавшие дно «Дракона», были уложены плотно и правильно, не нарушая равновесия драккара. Все было влажно от брызг и ночного дождя, и повсюду спали викинги, в штанах из козьего или овечьего меха и в кожаных кафтанах.

Попутный ветер — отдых. Не день и не ночь устанавливали на драккарах часы сна и бодрствования, а ветер и очередь на веслах.

Оттар был где-то там, среди скорченных или вытянутых тел, в такой же одежде и так же остро пахнущий мужским потом и мокрой шерстью козьей шкуры. Знакомый с раннего детства аромат благородного человека, викинга... Женщина не могла найти мужа глазами.

Гильдис вставала, потягивалась, закручивала кругом головы распустившиеся во сне косы и спускалась вниз. Здесь, за высокими бортами и под прикрытием паруса, ветер не чувствовался. Чуть кружилась голова от густого запаха драккара, от смолы, сала, нечистот и старой крови, которыми были набиты поры черного, блестящего, будто натертого сажей, дерева.

Ароматы драккара и викингов опьяняли Гильдис. Она прикасалась нежным пальцем к толстым рукояткам положенных по бортам весел и вглядывалась в чью-нибудь раскрытую ладонь, громадную, бурую от смолы и застаревшей грязи, с жесткими валами поперечных мозолей от гребли. Рука викинга, твердая, как кожа мор-

жа, развитая рукояткой тяжелого весла, мощная и надежная, будто кузнечные клещи или как клешня гигантского краба... Женщина смотрела на знакомые бородатые лица. Когда мужчина спит, у него совсем другое лицо, часто смешное...

Поднимая платье, чтобы не задеть спящих, Гильдис смело перепрыгивала с рума на рум. Ловкая и сильная, она умела не поскользнуться на скамьях, отлакированных гребцами до блеска. Парус преграждал путь, под ним приходилось пролезать.

Как только Гильдис исчезала за парусом, из-под носовой палубы высовывался траллс с глубоким ковшом на длинной рукоятке. Он ловко размахивался и, не теряя ни капли, выплескивал за борт воду и нечистоты. В носу и в корме драккаров были устроены особые углубления,— черпальни для сбора воды.

Сильный мужчина,— его достаточно щедро кормили,— этот траллс лет десять просидел под короткой носовой палубой «Дракона». Прикованный за ногу длинной цепью, не мешавшей работать, траллс был необходимой и ценной частью «Дракона». Даже во время схватки он умел выбрать время и, не мешая викингам, выскочить с полным ковшом, сделать свое дело. Никогда он не мог бы допустить переполнения черпальни.

Кельт по происхождению, он был ребенком захвачен фризонами и сделан рабом. А юношей он попал к Рёкину, сменил один ошейник на другой и был заклеймен. Он забыл свой собственный язык и не научился иному. Он сделался почти или совсем животным, приученным на всю жизнь выполнять одни и те же движения, как лошадь или осел, запряженные в жернов, или как мул...

Он не обращал внимания на викингов и не боялся их. Но эта белокурая женщина и притягивала его и внушала ужас. Где-то в его отупевшем сознании бродили смутные чудовищные образы-воспоминания. Массы людей, собравшихся ночью к подножью холмов. Первый свет, первый луч солнца, прорвавшийся в ущелье. И священные женщины с длинными косами, в длинных белых одеждах. Они золотыми серпами взрезывали груди мужчин, чтобы вырвать живое сердце, показать его восходящему солнцу и сжечь в огне, который был разложен на высоком жертвеннике из четырех громадных каменных плит, поставленных торчком и прикрытых пятой. Эти женщины были прекрасны и невыразимо страшны.

У него не было имени, он был черпальщик. Когда он слышал голос Гильдис, он цепенел, не зная почему. Плеск воды в переполненной черпальне приводил его в себя...

2

За парусом для Гильдис открывалась корма с двумя викингами у правила руля и с бдительным Эстольдом. Кормчие позволяют себе отдохнуть и довериться помощникам, когда драккар идет на веслах, но ветер — предатель. Кормчий не должен спать, иначе он упустит превращение союзника во врага.

Гильдис находила мужа и садилась рядом, наблюдая. Оттар казался таким же, как все викинги. Светлая, курчавая борода, коричнево-красное лицо, глубокие орбиты с сомкнутыми синеватыми веками и руки-клещи. Разошедшиеся завязки короткого кожаного кафтана обнажали кусок молочно-белой груди.

Женщина прикасалась к ладони, щекотала мозоли. Тщетно, он не чувствовал. Она продолжала рассматривать мужчину. Нет, даже во сне он не был таким, как другие. Многие викинги Нидароса были выше ростом, их руки казались сильнее его рук, плечи шире, грудь выше. И все же можно сразу сказать, кто ярл.

Он часто сердил ее непонятными поступками. Она ссорилась или упорно молчала. А он всегда оставался господином, даже когда спал.

Женщина рассматривала спокойное лицо ярла и что-то мешало ей разбудить мужа. С минуту она сидела спокойно. Потом гордость возмутилась. Гильдис наклонилась и тихо произнесла:

— Оттар.

Этого было достаточно. Ярл открыл глаза. Казалось, он и не спал. Гильдис не успела заметить усилия, которое сделали мускулы атлета, с детства развитые воинскими упражнениями, как ярл уже был на ногах.

Взглянув на мужа снизу, женщина заметила, что он смотрит не на нее, а на море. Это сразу обидело Гильдис. Она проскользнула на корму, к Эстольду.

Оттар продолжал рассматривать берег, определяя расстояние, которое прошли драккары во время его сна. Ему нравилось играть с женщиной, нравились ее гордость и непокорность. Он умел спокойно смирять жену, когда хотел и так, как хотел. Остерегаясь унизить дочь

Вотана и мать будущих носителей крови рода, он с достоинством сохранял место господина и не позволял себе быть грубым перед огнем очага.

Да, род должен длиться, и Гильдис обязана дать сыновей чистой крови. Вне своего дома викинг творит все, что вздумается. Но дочь Бьерна и внучка Пардульфа — не случайная пленница в день удачного набега на низкие земли.

3

Рожденная от длинного ряда людей, живших морем и на море, Гильдис наслаждалась путешествием.

Выдавались прекрасные дни гладкой, блестящей под солнцем воды с белыми фонтанами китов, с вереницами кувыркающихся морских шутов — дельфинов.

Высунувшись до пояса из палатки, Гильдис нежилась на пушистой шерсти белого медведя. Положив подбородок на согнутые ладони, с короной белокурых волос над лбом, гладким, как кость моржа, женщина мечтательно наблюдала, как сгибаются и разгибаются спины пятидесяти шести гребцов на четырнадцати румах «Дракона». Она знала каждую спину так же, как знала лица. Ее, несмотря на привычку, чаровало единство движений, ее баюкал безупречный ритм, и она засыпала, не заметив мига, в который гасло сознание.

Очнувшись, Гильдис видела те же спины, те же движения и не знала, спала она или нет. Эстольд, подбодряя и помогая гребцам, ударял в бронзовый диск, и женщина примешивала к глубокой звучной ноте металла мелодичные ноты своего высокого голоса. Она умела безупречно следовать ритму и, уважая благородных гребцов, никогда не решилась бы помешать им.

Прислушиваясь к голосу жены ярла, Эстольд переставал бить в диск, а женщина не умолкала. Отдельные ритмичные ноты сливались в песнь без слов.

Чувствуя повиновение могучих рук и тел мужчин, Гильдис пела и пела. Она наслаждалась властью.

Весла вздымались выше и ударяли сильнее. Драккар ускорял ход. Натягивался увлекавший баржу канат. Когда весла упирались в воду, чувствовались рывки — встречая сопротивление, гребцы вкладывали еще больше силы. Если Гильдис прерывала песню, раздавались хриплые, требовательные возгласы:

— Еще! Еще!

Борода Эстольда поднималась улыбкой, и он начинал медленный ритм диском, чтобы умерить порыв «Дракона», наседавшего на баржу, которую тащил «Орел».

Из-под носовой палубы выскакивал черпальщик с полным ковшом...

Когда же хлестал дождь, когда через борта бросалось море, а драккар то рвался, то замедлял ход, тормозимый тяжелой баржей, это было еще прекраснее.

«Дракон» оживал в битве. Гильдис выползала из палатки. Она закутывалась в непромокаемый плащ из тюленьей кожи, натягивала капюшон и обнимала чудовищную голову «Дракона». Он поднимался, прыгал, разбивал воду, резал волны — и женщина вместе с ним. Она наслаждалась. Она умела услышать крики боя в завываниях и в свисте ветра, в плеске ломающихся волн, в тяжелых ударах по днищу «Дракона». Кровожадная фантазия дочери викингов помогала ей заметить кровавый оттенок пены. Но для полноты наслаждения ей не хватало трупов убитых и полос крови на воде, таких же красных, как на парусах драккаров. Утомленная, Гильдис возвращалась в палатку. Глядя на гребцов, она находила спину Оттара, ей хотелось позвать мужа взглядом, но он не чувствовал, что его ждут в палатке...

И Гильдис брезгливо замечала черпальщика. На голове зверя торчали короткие черные волосы, черная борода сливалась с черной шерстью на плечах и груди. На жилистой шее подпрыгивал широкий ошейник из позеленевшей меди. Человекоподобное существо, предназначенное для выплескивания воды и нечистот из драккаров сынов Вотана, неуклюже металось перед безразличным взором Гильдис.

...Под кормовой палубой «Дракона» обитало такое же существо, двойник по жизненному назначению и почти двойник телом и духом. Каждый драккар имел двух черпальщиков, по числу черпален. Их кормили досыта, лучше, чем других траллсов, потому что драккар самое ценное и любимое имущество ярлов, а черпальщики — часть драккаров. Когда черпальщик заболевал или впадал в безумие, мешавшее ему быть полезным, его, как сломанное весло, выбрасывали за борт и на освободившуюся, вернее сказать, на опорожнившуюся цепь сажали нового...

Когда черпальщики оставались одни на драккарах, поставленных у пристаней, они могли выползать на палубы и, подняв голову над бортом, видеть других черпаль-

щиков. Это их развлечение, они не одни. Они могли вспоминать, что на свете есть другие черпальщики, если хотели подумать. Это помогало им вычерпывать воду, быть может — ощущение присутствия другого человека, не вестфольдинга. Сознание общности судьбы...

Но не утешение своего горя чужим бедствием! Ложь, ложь! Мысль о возможности такого утешения — это лживая выдумка господина и средство успокоения его подлой души при его собственных неудачах.

Черпальщики молчали, им не о чем было говорить, если они еще умели произносить слова.

Глава вторая

1

В тесном пустом фиорде, защищенном от прибоя каменной грядой, изогнутой, как меч арабского купца, драккары Оттара брали пресную воду, перед тем как обогнуть мыс Хиллдур.

«Змей» первым проник в фиорд с последним вздохом прилива, а «Орлу», «Волку» и «Дракону» пришлось бороться с отливной водой. Пока они набирали воду, «Змей» ушел с отливом, а трем остальным драккарам пришлось выгребать против нового прилива. Тем временем «Змей» уже далеко ушел в открытое море.

Медленно, неотвратимо стирая границу между сушей и водой, с гор спускался туман. Высовывая рваные языки, серая гряда лилась в море и догоняла драккары. Иногда туман вздрагивал и подпрыгивал, как от испуга. Ветра не стало совсем.

Кормчие боятся туманов больше бурь, и драккары спешили в открытое море. Над серой густой мглой торчали дальние вершины гор. На самых высоких уже белел снег. Первый посланец зимы, он не растет, как в низинах. Гильдис вспоминала Нидарос, над которым уже носятся метели. Зима падала на Гологаланд раньше, чем на южную оконечность страны фиордов...

«Змея» не было. Он успел уйти за Хиллдур и ждет там товарищей. Туман догнал и утопил драккары. Путеводная оконечность Хиллдура скрылась. Стало сыро, тепло и темно. С одного борта не было видно другого.

Подняли мачты, и на них залезли наблюдатели. Туман лежал тонким слоем, и с мачт просматривался Палец на конце мыса. Вернув себе зрение, кормчие ускорили бег драккаров.

Оттар висел на гибком конце мачты «Дракона». Она была длиннее других, и ярл видел дальше всех. Когда огибали мыс, Оттар заметил бежавшего обратно «Змея». За его кормой больше не было баржи!

За «Змеем» гнался такой же большой, как «Дракон», тоже четырнадцатирумный, драккар. Беглец и преследователь неслись в открытом море, за рубежом туманного вала. Оттар понимал, как если бы он был на «Змее», рядом с кормчим: Эйнар тянул чужого в западню, как застрельщик.

Короткими выкриками, точными словами Оттар рассказал о событии и отдал приказы. «Дракон» обрубил буксирный канат и, освободившись от баржи, прыгнул, догоняя «Орла» и «Волка». Там тоже бросили баржи и готовились к бою.

Драккары вестфольдингов не боялись неожиданности. Изнутри на костылях, в строгом и раз навсегда установленном порядке висели доспехи и вооружение каждого бойца. Сверху шлем и подкольчужная рубаха из толстой кожи, под ними поножи, наручни и броня или кольчуга. Щит прикрывал оружие и латные рукавицы.

Люди, которые с детства учились искусству боя, вооружались со сказочной быстротой, не думая. Ловко и без просьбы один помогал другому натянуть кольчугу и застегнуть броню.

Гребцы, продолжая работать одной рукой, другой надели шлемы. А их вооружившиеся товарищи забросили щиты за спины и, как по команде, сели на румы, сменив очередных гребцов и давая им возможность вооружиться. Такой порядок преследовал и еще одну цель — к схватке на веслах сидела свежая смена. Уменье быстро изготовляться для боя всегда давало племени фиордов преимущество при внезапных столкновениях. Драккары Оттара не потеряли ход.

На чужом драккаре могли бы заметить фигуры людей, которые бежали по туману, как по твердой земле. Но там были слишком увлечены погоней. Им было мало брошенной баржи; волки, преследующие сани, останавливаются перед сброшенным предметом, люди — умнее. Обладая быстрейшим ходом, они хотели захватить и «Змея». Иногда восемь пар весел могут уйти от четырнадцати, но «Змей» был тяжело нагружен.

Оттар различал головное украшение чужого драккара — громадную кабанью морду, покрытую настоящей щетинистой шкурой. Он узнал «Кабана» хиллдурского

ярла Грольфа. Но и Грольф должен был бы узнать «Змея». Кто в фиордах не знал старого драккара, который носил еще Гундера? Грольф был спутником Рёкина в его последнем походе... Он жаден, Грольф. Он ищет легкую добычу? Он получит добычу!..

От восторга Оттар, подражая волку, тихо завыл. Начав высокой нотой, он завершил удовлетворенным ворчаньем, как зверь, вцепившийся в теплое горло жертвы.

Вблизи от границы тумана Оттар остановил драккары. Бывают минуты, для которых стоило родиться на свет...

2

На носу «Кабана» стояли два ряда лучников. Выставив левую руку с кистью, защищенной от удара тетивы кожаной рукавичкой, лучники ждали приказа.

Передний ряд, пустив стрелы, падает на колени и накладывает на тетивы новые стрелы, открывая цель лучникам второго ряда. Такое чередование обеспечивает беспрерывный поток стрел.

На корме «Змея» тоже стояли лучники. Старый драккар был почти вдвое у́же «Кабана». Это давало е́му возможность терять расстояние медленно, но места для лучников на его корме было мало. Хотя на румах «Змея» стояли пращники, но и их было вдвое меньше, чем на «Кабане».

Оттар был уверен, что кормчий «Змея» Эйнар видит своего ярла. Эйнар не имел опыта старого «Змея», однако он немногим уступал Эстольду, а Эстольд пользовался славой лучшего кормчего земли фиордов. Оттар не мог бы пожаловаться и на кормчих «Волка» и «Орла». Могло ли быть иначе? Нидаросский ярл не ограничивал кормчих традиционными тремя долями, как прочие ярлы. И кормчие и лучшие викинги получали подарки, стоящие вторых долей.

Времени больше не было. Оттар соскользнул с мачты и сказал Эстольду, сказал, а не крикнул,— туман хорошо передает звук, а до «Кабана» было всего шагов восемьсот:

— Вперед.

Течение медленно тащило драккары. Викинги, затая дыхание, сидели с поднятыми веслами и ждали так, как умели ждать в засадах, не теряя равнения весел.

Приказ ярла услышали на всех трех драккарах, и весла ударили воду почти одновременно. Кормчие дава-

ли ритм шипящим свистом и сами, прислушиваясь к плеску весел соседа, управляли рулями.

Призрачная гонка в тумане продолжалась несколько минут. Очень долго, как показалось викингам, бесконечно для Гильдис. Палатка для женщин была сброшена с носовой палубы «Дракона», спутницы жены ярла спокойно спустились вниз и прикрылись толстыми кожами от стрел и пращных ядер.

Гильдис стояла наверху, в рядах бойцов. В сверкавших серебром латах, с длинными светлыми косами на груди и в рогатом шлеме, она покажется валькирией, покажется прекрасной воительницей-юнглингмöер в миг, когда «Дракон» вырвется из тумана.

Оттар не отказывал жене в прихотях, а ее посеребренные латы были не менее прочны, чем тяжелые медные латы самого ярла. Двое викингов наблюдали за Гильдис, они не позволят ей рискнуть жизнью.

Драккары нидаросского ярла выскочили из тумана на открытую воду, как быки-туры вырываются в поле из леса. Теперь все кормчие отбивали самый быстрый темп на своих звучных дисках. Пращники завертели тяжелые глиняные и каменные ядра в кожаных сумках пращей.

Конечно, Эйнар только и ждал своих. «Змей» поднял весла по левому борту в крутом повороте. И тут же с него в противника полетели стрелы и камни.

«Кабан» ответил как-то нехотя. Неожиданное появление сильнейшего привело в замешательство хиллдурского ярла. «Кабан» затормозил веслами.

А старый «Змей» показывал способности свои и Эйнара. Он уже возвращался, отрезая «Кабану» единственный путь отступления в открытое море. Чтобы не терять время на поворот, гребцы Грольфа пересели лицом к носу драккара. Поздно! Они были окружены.

Четыре драккара Оттара не спеша сближались с потерявшим ход «Кабаном».

Хиллдурский ярл не стал дожидаться, когда на него обрушатся ливни стрел и камней со всех сторон. Он не мог ни победить, ни уйти, это понимали все. А погибать он не собирался. Следовало спасать себя и дружину.

Грольф закричал Оттару:

— Сдаюсь! Сдаюсь!

Он бросил свой щит и снял шлем. Драккары сошлись так близко, что Оттар видел пасть Грольфа, оскаленную в улыбке. Побежденный ярл приветственно ма-

хал рукой победителю, как игрок, потерявший партию в кости или проспоривший заклад. Грольф и делал этот условный знак побежденного игрока — тряс рукой с растопыренными пальцами. На драккарах больше не гребли, и течение тянуло их, как связанных, обратно на север, к мысу Хиллдур, который был виден уже весь. Туман рассеивался, в воздухе посвежело, будет ветер.

«Змей» подошел к «Кабану» вплотную и забросил на высокий борт пленника абордажные крючья и багры. С «Кабана» передавали оружие и доспехи побежденных. «Дракон», «Орел» и «Волк» ждали, сурово нацелившись, разоружения побежденных.

— Торопись, Грольф, торопись! — закричал Оттар, показывая рукой на берег. Там, в опасной близости к каменной гряде, прикрывавшей от западного ветра фиорд Грольфа, покачивалась брошенная «Змеем» баржа. Издали казалось, что неуклюжее тяжелое судно уже вошло в белизну прибоя.

Маленькие фигурки траллсов старались грести рулем, как хвостом рыбы, и удержать баржу. Другие траллсы, прикованные не к рулю, а к палубе баржи, кажется, пытались вырвать кольца из балок. И траллс не всегда хочет умирать. А эти знали, что их продадут в Скирингссале, и мечтали о другом хозяине, вместо нидаросского ярла, чуть ли не как о свободе...

В ответ на крик Оттара Грольф бешено заметался по «Кабану», торопя викингов. Гибель баржи была бы дополнительно возложена на его счет. Оружие и доспехи дружины Грольфа полетели на «Змея». Вскоре Грольф, сохраняя остроумие, сообщил:

— Все, клянусь мечом, который уже не мой, все!

На высотах Хиллдурского фиорда развевались тревожные дымы. Из-за каменной гряды, куда тащило брошенную баржу, выскочили два малых драккара. Один храбро пошел в море, а другой помчался ловить баржу.

Эйнар осмотрел «Кабана» и вернулся к себе. Старый драккар отошел от «Кабана». Победитель осел почти на целую доску под тяжестью трофеев.

3

Оттар обнял Грольфа и, по обычаю, выпил с ним пива из деревянного ковша, как хозяин с гостем.

Безоружный «Кабан» болтался на коротком канате за кормой «Дракона». Викинги Грольфа оживленно переговаривались с викингами Оттара; большинство из

них были хорошо знакомы друг с другом, а многие были и товарищами.

Ярлы беседовали о погоде истекшего лета, о китовой и рыбной ловле, о результатах хозяйства в своих владениях и прочих делах, имевших общий интерес. Когда все возможные темы были тщательно и совершенно исчерпаны, Оттар кивнул в сторону «Кабана»:

— У тебя сильный драккар, тебе можно позавидовать. Сколько сейчас на нем викингов, девяносто, я думаю?

— Только восемьдесят шесть, Оттар, только восемьдесят шесть. И среди них есть много стариков, утомленных морем и непогодой, и много молодых, еще не накопивших всех знаний войны.

— Нет, Грольф, ты слишком скромен,— возразил Оттар,— клянусь твоим мечом! Я очень хотел бы иметь таких викингов и такой драккар.

— «Кабан» совершенно гнилой, уверяю тебя, он гнилой,— настаивал Грольф.— Я клянусь тебе священными браслетами Вотана,— хилльдурский ярл встал и торжественно поднял правую руку с вытянутой ладонью: — «Кабан» сгнил и стоит очень дешево, да поразит меня молот Тора, если я лгу!

Голос опытного сорокапятилетнего ярла дрогнул. Молодой сын Рёкина холоден и жесток, как железо. Грольф предпочел бы попасть в другие руки. На месте Оттара Грольф забрал бы пленников в свой горд, посадил на цепь и назначил хороший, но разумный выкуп. Но горд Оттара далеко, Оттар не имеет времени вернуться в Нидарос до зимы. Он должен назначить выкуп, немедленно получить его и плыть дальше. Что еще можно придумать?

Конечно, Грольф не подозревал, что вся флотилия Нидароса так близка. Его привлекала возможность легкого захвата «Змея», который одиноко тащился в водах Хиллдура. Проклятый туман!..

— Мне не нужен твой драккар,— успокоил пленника Оттар.— Кто из ярлов отнимет драккар у другого ярла? Но мне очень нравятся твой меч, твой щит и твои латы. Ты подарил бы их мне, как другу? Сколько они стоят? Я думаю, много. Итак, поговорим о выкупе.

Грольф почувствовал легкое презрение к молодому ярлу, который теряет время на болтовню и собирается торговаться, вместо того чтобы сразу назначить свою цену и предупредить, что скидки не будет.

— Мое оружие стоит очень дорого,— согласился Грольф.— Клянусь Валгаллой и прекраснейшей из воительниц юнглингмöер Гильдис,— напыщенно воскликнул Грольф, указывая на жену ярла,— оно стоит пятисот хороших золотых монет!

Грольф оценил в уме каждого викинга своей дружины и себя в их числе по пяти монет и округлил итог. Сам он взял бы с Оттара или с другого попавшего в плен ярла выкуп приблизительно по тому же расчету.

— Это хорошая цена,— согласился Оттар.

— Наши возвращаются,— вмешался Эстольд.

Из-за Хиллдура выходили, таща на канате по барже, «Орел» и «Волк». Несомненно, что третья баржа успела погибнуть вместе с товарами и траллсами. «Змей» пошел на сближение с малым драккаром Грольфа, который вел выловленную в прибое четвертую баржу, брошенную спасавшимся от погони «Змеем». Узкий «Лебедь» хиллдурского ярла обладал стремительным ходом и не боялся приблизиться к перегруженной вражеской флотилии. Оставшиеся на берегу викинги Грольфа послали «Лебедя» узнать, чем же и когда кончится дело.

— Ты видишь,— упрекнул Грольфа Оттар,— из-за тебя я лишился баржи с товарами и восемнадцатью траллсами, которых я хотел продать в Скирингссале.

— Все будет возмещено, все,— поспешил успокоить Грольф,— назови твою цену, и я выплачу тебе ее сверх пятисот золотых монет, которые ты согласен взять за меня и моих.

Грольф уже считал, что все кончено, и с дерзким простодушием навязывал Оттару свои условия. Нидаросский ярл улыбался, глядя в глаза пленника. Вдруг улыбка исчезла:

— А ты не помнишь ли, Грольф, как десять лет тому назад ты ходил с Рёкином и со мной, еще не имевшим силы мужчины, к саксам и что случилось тогда? Тогда ты тоже клялся. И ты взял из рук саксов золото и серебро. И ты ушел, не предупредив нас. Ты бросил нас одних, и саксы напали на нас, когда мы не ждали нападения, так как ты открыл им дорогу. И мы едва вырвались, а Рёкин унес в своих внутренностях смертельную саксонскую стрелу...

— Но разве я не был прав? — искренне удивился Грольф.— Так всегда было. Если бы саксы дали выкуп Рёкину, он поступил бы точно так же. Мы ходим в море за добычей, а не развлекаться.

— Конечно, конечно,— согласился Оттар.— Мы свободные ярлы. И ты не лишился чести ярла. Я не спорю, я напоминаю. Но сейчас я сильнее тебя!

Вновь улыбаясь, Оттар дружески положил руки на плечи Грольфа и внезапно вцепился в его горло. Грольф схватил запястья молодого ярла, но не смог оторвать его пальцы.

Оттар с холодным интересом наблюдал, как чернело лицо Грольфа. По бороде хиллдурского ярла потекла слюна, он закрыл глаза и бессильно обвис.

Когда Грольф очнулся, Оттар предложил ему ковш не пива, а дорогого валландского вина.

— Ты пытался смеяться надо мной, Грольф,— с беспощадной ясностью говорил Оттар,— ты думаешь, что мы с тобой сидим не на моем «Драконе», а в Скирингссале, где правят старейшины тинга? Я хочу высадиться в твоем фиорде. Я возьму все твое имущество, сожгу твой горд и на пепелище посажу на колах тебя и твоих сыновей. На толстых колах, а не на тонких, и вы не сумеете так быстро умереть. Сначала вороны объедят вас живыми, как тех саксов, которые ответили мне за смерть Рёкина!

Растирая помятое горло, Грольф, упорно и мужественно торгуясь на пороге жестокой смерти, хрипел:

— Ты можешь. Ты сделаешь все это, сделаешь. Но там тебя ждут. Мои будут сопротивляться. И ты потеряешь много твоих викингов, потеряешь. Я не клянусь тебе, нет, я говорю правду. И ты промедлишь здесь и не успеешь попасть в Скирингссал. Погода портится. Тебя задержат осенние бури. Ты будешь вынужден зимовать в чужом месте. Мои соседи прикончат тебя, чтобы воспользоваться твоим добром и моим. Да, как ты меня. Ты тоже погибнешь...

— Пусть так! Но что тебе? Тебя и всех твоих успеют съесть вороны,— возразил Оттар.— Поэтому ты дашь мне не пятьсот монет, и не пять тысяч, которых у тебя нет, а просто все золото и все серебро, которое найдется в твоем горде и в твоих тайниках. А я верну тебе и «Кабана» и твою жизнь.

— Согласен, согласен,— прокаркал Грольф.

Так нидаросский ярл победил хиллдурского. Победил, чтобы воспользоваться победой, но не чтобы отомстить за отца. В семьях вестфольдингов родовые связи крепились не велениями сердца, а сознанием общности интересов. Напоминание о судьбе Рёкина, преданного Грольф-

фом, послужило Оттару только как прием воздействия на воображение противника...

И тогда, и значительно позже в традициях вестфольдингов и их потомков месть имела практическое значение. Служа властительным родам, месть всегда рассудочно подчинялась выгоде.

4

Всю длинную-длинную осеннюю ночь факелы и фонари плясали на волнах перед Хиллдурским фиордом. Утром вернулся «Лебедь» Грольфа с посланными на берег под командой Эстольда и Эйнара викингами Оттара. Горд хиллдурского ярла был очищен, в нем не оставалось ни одной унции драгоценных металлов. Тайник был опустошен, из него извлекли не только монеты, слитки и изделия, но и все оружие, на котором оказались серебряные, золотые и бронзовые насечки. И, как всегда бывает, все сколько-нибудь ценное...

Результаты векового грабежа, накопления рода Грольфа перешли в другие руки. Немедленно добыча была взвешена, сосчитана, быстро оценена знатоками и разделена на доли. Нидаросские викинги, в восторге от великолепной и легкой добычи, утверждали, что Гильдис принесла им счастье, и потребовали включить жену ярла, дивную юнглингмöер, в число участников дележа. Это была необычная и высокая честь.

Итак, каждый получил по одной доле, Оттар и Гильдис тоже. Потом четверо кормчих получили еще по две доли каждый, а ярл взял доли драккаров, по две на каждый рум. Двадцать восемь за «Дракона», двадцать за «Змея», двадцать четыре за «Орла» и шестнадцать за «Волка», а всего восемьдесят восемь долей. Так всегда поступали викинги всех времен. Они тщательно делили добычу, взятую на войне и на охоте,— золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, янтарь, ткани, вино, железо, утварь и другие товары, клыки моржей, кожу и сало китов и кашалотов, тюленей и траллсов — мужчин, женщин, детей, оцениваемых применительно к рынкам рабов... Обиженных при дележе не бывало. То, что приносили земли горда и мастерские с траллсами, принадлежало собственно ярлам. Но и этим молодой нидаросский ярл расчетливо-щедро делился со своими викингами. После распределения добычи Оттар отправился на «Кабана». Его встретило мрачное молчание безоружных викингов. Только тот, кто привык не рас-

ставаться с оружием, может понять угнетение от подобного лишения. Это хуже, чем оказаться голым зимой. Молодой ярл высыпал на ближайший рум кучку золотых монет, по три на каждого викинга. Предупреждая удивление, он сказал:

— Кроме того, я бесплатно возвращаю вам оружие, которое вы потеряли по вине вашего жадного и глупого ярла,— и прыгнул обратно на борт «Дракона».

Нидаросскому ярлу приходилось слышать рассказы о далеком южном народе, воины которого отличались уменьем пустить в последнюю минуту смертельную стрелу. Такую-то парфянскую стрелу Оттар и приготовил для Грольфа.

«Змей» возвращал оружие, и гам людских голосов походил на крики гнездующихся бакланов, потревоженных охотниками, или морских котов на лежбище. Одни викинги нежно обнимали щиты, другие целовали клинки любимых мечей, а третьи тянулись к «Змею» и орали в нетерпении и страхе, что о них могут забыть...

Они вооружались, и радость проявлялась все шумнее. Они ударяли по щитам рукоятками мечей, боевых дубин и топоров, производя странно-зловещий грохот, и кричали в такт ударам:

— От-тар! От-тар!

Кто-то первым перепрыгнул на борт «Дракона». За ним лавиной хлынули другие, как на абордаж, с воем и дикими лицами. Они протягивали к ярлу руки с оружием, они клялись в верности ярлу и его божественной жене, похожей на валькирию, и роду Нидароса.

Оттар торжественно принимал клятву своих новых викингов.

Освобожденный «Кабан» тащился к берегу. Работали лишь четыре пары весел из четырнадцати. С Грольфом осталось всего двадцать викингов — те, кто имел семьи в горде хиллдурского ярла. Все одиночки и все молодые ушли с Оттаром. А что скажут те, кто на берегу в ожидании Грольфа обсуждают позорное поражение своего ярла и сейчас узнают о неслыханной щедрости победителя? Они тоже уйдут?

Хиллдурский ярл осмысливал всю глубину постигшего его бедствия. Он предвидел еще более мрачные дни. Он видел себя оставленным викингами, брошенным почти в одиночестве, беспомощным, как обмелевший кит или краб во время линьки. Его прикончит первый попавшийся пират или случайная шайка поставлен-

ных вне закона изгнанников. А больше трех сотен траллсов, которые могут понять, что их господин лишился силы?

...Оттар спал на голой палубе рядом с палаткой женщин. Моросил мелкий ледяной дождь, и длинные волосы ярла были так же мокры, как плащ из мохнатых козьих шкур.

В полусне Гильдис грезила о сыне, которого она даст Оттару. Она назовет его... как? Зачем думать, Оттар сказал, что первый сын получит имя Рагнвальд.

Драккары входили в проливы. Скирингссал близок. Викинги пели сагу Великого Скальда:

Стремительный удар меча,
укол стрелы, блеск топора,—
и мир исчез в твоих глазах,
и моря нет, и нет друзей,
и ты один.

Но ты один на краткий миг,
Валгаллы луч бежит к тебе.
Дорога дивная небес,
она тверда, она верна,
как меч, как викинга рука.

По ней летит могучий конь,
он бел, как снег, он чист, как свет.
На нем валькирия спешит,
с ней Вотан шлет тебе привет.
Тебя он ждет, он ждет тебя,
готово место для тебя.

И вы взлетаете, как дым,
как легкий пар, как облака,—
ты и посланница небес.

Нидинг, трус, лишенный чести, после смерти отправляется в ледяную пустыню Нифльгейм. Там он осужден вечно прозябать в студеных хижинах из ядовитых костей гигантских змей. А судьба героев прекрасна.

Викинги гребли и пели, не обращая внимания на дождь и холод. Восхищаясь Оттаром, опытные воины, знавшие цену побед и боль ран, говорили о мудрости, которая умеет не только победить, но и овладеть всем имуществом побежденных, не потеряв ни одного бойца. И вдобавок еще усилиться после победы.

Валгалла прекрасна, однако никто не хочет и не торопится умирать. И эта жизнь может быть не менее великолепной, чем в Валгалле, если ярл смел, мудр и щедр, а дружина сильна!

Глава третья

1

Скирингссальский фиорд вдается далеко в сушу многочисленными заливами, извилистыми, как щупальца кальмаров. Он глубок и закрыт от волнений открытого моря. Здесь суша и море вместе постарались подготовить надежные пристанища для драккаров викингов и для лодей иноземных купцов.

Беля покрытые елями и соснами горы и окрестности фиорда, ложился первый снег. Не успев почернеть от копоти очагов, снег копился на крышах домов чистыми пластами. Холодная вода заливов, темная и тусклая, как спина кашалота, чуть плескалась, лениво очищая от снега береговую линию.

У пристаней и причалов и во всех удобных местах было тесно. Драккары, лодьи купцов, баржи и лодки образовывали острова, островки и целые плавучие мосты. Их связывали канатами, перекидывали с борта на борт трапы и ставили теплые будки для сторожей.

Прикованным черпальщикам бросали солому и меховую одежду, иначе они могли бы замерзнуть и перестать опорожнять черпальни, куда продолжала собираться вода от дождей, от тающего снега и из щелей в днищах, расшатанных трудными переходами.

В Скирингссале вечный мир. Даже кровные враги не смеют нападать один на другого, не говоря уже о покушении на чужое имущество. Назначенные тингом особые выборные следят за порядком с помощью тяжело вооруженной стражи, которая содержится за счет специального налога на торговлю.

Нарушение мира в Скирингссале иногда карается смертью и всегда изгнанием. Дозволены лишь судебные поединки и встречи в кругу для разрешения вражды на равном оружии и с равным числом бойцов с каждой стороны.

Однако везде есть много голодных людей и немало таких, кто смело надеется на свое счастье и ловкость, невзирая на наглядные примеры и напоминания в виде виселиц, колов, кругов для колесования, столбов с железными ошейниками, которые не пустуют благодаря заботам строгих выборных тинга. Поэтому повсюду необходимы сторожа. Можно безнаказанно убить траллса. Но похитить его нельзя — это воровство.

Город расползается прямо от воды. Тесно, владения

смыкаются дом с домом, стѐна со стеной, забор с забором. Кривые улицы, переулки, улочки и неожиданные тупики зловещего вида. Склады товаров и много веселых домов, где викинг, досужий купец и любой человек, обладающий деньгами, находят пиво, вино, мед, еду по своему вкусу и компанию таких же, как он.

Отсюда несется рев мужских голосов, вопли женщин, громовые песни и порой грохот бешеных драк. Выборные тинга не входят в веселые дома, их не касается происходящее внутри стен. Кому не нравится, может не искать шумного и случайного общества.

Иногда драки переходят в побоища, валятся убитые. Искалеченные гуляки и сцепившиеся, как стая псов, посетители вываливаются наружу, чтобы продолжить схватку под открытым небом по всем правилам уличного боя, хорошо известным скорым на руку викингам.

Тогда вмешиваются выборные тинга, и вмешиваются серьезно. Их пехота оцепляет обезумевший квартал, а тяжело вооруженная конница бьет, давит, режет, колет, не разбирая правого от виноватого, пока не будет восстановлен порядок.

В таких случаях для остывших, опомнившихся драчунов одно спасение — притвориться мертвым, так как упавших не добивают. Ведь это все же не настоящее сражение, и в войске тинга нет гасильщиков, которые в настоящем войске идут за бойцами и добивают раненых тяжелыми колодами-гасилами, похожими на трамбовки мостовщиков, или молотами, удобными для дробления шлемов и расплющивания лат.

В Скирингссале все дома, стены, склады и заборы деревянные. Камень и глина употребляются только для очагов. В сухие летние дни Скирингссал серый, в дожди — черный, а зимой грязно-бурый, как болотный мох, которым траллсы забивают пазы между бревнами. С удалением от береговой линии дома редеют и улицы обрываются, сменяясь проездами между расположившимися в совершенном беспорядке большими и малыми усадьбами.

Вокруг Скирингссала все удобные земли хорошо возделаны. К югу, до самых проливов, и по северному берегу, и к востоку, и в глубь земли преобладают владения бондэров. Свободные землепашцы, бондэры по рождению равны ярлам, они такие же потомки Вотана. Кровь одна. Племя фиордов. Но бондэры не занимаются набегами, они сами обрабатывают земли, и купленные траллсы в хозяйствах бондэров трудятся наравне с хозяе-

вами. Будучи заняты землей только летом и то не каждую неделю, бондэры не сидят без дела и владеют многими ремеслами. Они добывают железные руды, изготовленное ими оружие и железные изделия имеют обеспеченный сбыт. Бондэры ткут, выделывают меха и кожи, гончарные вещи и многое другое.

Среди береговых бондэров есть отличные судостроители. Они принимают заказы на драккары, купеческие лодьи и баржи. И без заказов торгуют легкими лодками и челноками. Бондэры ведут торг своим зерном и своими изделиями. Бондэры носят оружие и умеют владеть им, хотя не так хорошо, как викинги.

Те свободные ярлы, чьи владения вкраплены в районы, заселенные бондэрами, считаются с сильными и дружными бондэрами и остерегаются обидеть землепашца, ремесленника, рыболова.

Старейшины бондэров говорят на тингах полным голосом, не стесняются угрожать и приводят в исполнение свои угрозы. Некогда один король, раздражавший народ насилиями и распутством, был избран для принесения Вотану кровавой искупительной жертвы. Суровый приговор был вынесен голосами бондэров и приведен в исполнение их руками.

2

Рёкин оставил Оттару в наследство усадьбу на дальней окраине Скирингссала. На участке длиной шагов в четыреста и шириной в триста осталось несколько десятков высоких тонких сосен с жидкими кронами. Под ними приютился длинный и низкий общий дом викингов с двойной крышей — зал, как в Нидаросском горде, семейные домики, как соты, дома для холостых, где викинги спали на двухъярусных полатях, склады, конюшни, избушки-загоны траллсов; тюрьмы для предназначенных к продаже и хлева для слуг. По мере увеличения богатств нидаросских ярлов появлялись наспех срубленные безобразные низкие кладовые с односкатными крышами и с дверями-воротами. Дом самого ярла был поднят на столбах среди беспорядка кладовых.

Старые воины не так подвержены опасным для дела увлечениям и страстям, как молодые, и обычно они скупы, недоверчивы. Викинг, который уже не мог вертеть весло, продолжал быть в умелых хозяйских руках ярла ценным орудием. Поэтому скирингссальский горд охраняли пятнадцать или двадцать престарелых героев моря,

которыми управлял сухопутный ныне кормчий, безухий, однорукий, кривоногий Грам. Когда-то фризоны отрубили ему руку, оба уха и добирались до шеи. Викинга спас случай.

Со всей жестокостью злого калеки, который готов мстить каждому более слабому за свою беду, и с ядовитой ненавистью старика, к которому не вернется молодость, Грам следил, чтобы не бездельничали три десятка траллсов, бывших в его полном распоряжении.

Летом усадьба поддерживалась в порядке, заготовлялись сено и овес для шести лошадей, дрова на зиму. Но главным занятием охранителей усадьбы была торговля не распроданными за зиму товарами. Грам занимался торговым делом с горячим увлечением и холодным, прозорливым расчетом. Вместо ушей у старого викинга торчали два безобразных, как древесные грибы, обрубка, но ни увечье, ни отпущенные по моде викингов волосы до плеч не мешали Граму обладать тончайшим слухом.

Как брюхо волка, которому удалось загнать по насту откормленную для стола ярла молодую лошадь и сожрать ее без помехи, в одиночестве, так и память Грама была набита сведениями о спросе, предложении, ценах, сделках.

Грам встретил своего ярла и его жену перед воротами усадьбы и, по праву побратимства с Рёкином, обнял Оттара своей единственной рукой. Грам знал Оттара с первой минуты его рождения, когда Рёкин внес в общую залу Нидаросского горда красное голое тельце мальчика и высоко поднял его, чтобы все викинги могли видеть и засвидетельствовать законное рождение мужчины благородной крови. Грам побежал вперед,— старые кривые ноги еще отлично слушались,— как медведь взобрался по лестнице и исчез в доме ярла. Когда Оттар и Гильдис вошли, Грам сидел на корточках перед громадным камином, в котором уже давно были приготовлены сухие дрова, подтопка и береста. Зажав кремень и трут коленями, Грам успел высечь огонь и теперь раздувал пламя маленьким мехом, одну ручку которого он придерживал ступней. Грам произносил заклинания, призывающие счастье к семейному очагу.

Камин с трубой, поднимающейся над крышей, был новшеством. Высокое сооружение из колотого гранита целиком занимало торцовую стену дома, который весь состоял из одной комнаты. Везде в домах земли фиор-

дов были очаги без труб. Считали, что дым, копоть и сажа так же очищают, как огонь и вода, что они полезны для здоровья и поддерживают силы. Люди фиордов привыкли сидеть в дыму, пока огонь в очаге не разгорался и дым не вытягивался через дыру в крыше или через открытую дверь.

В этом доме, благодаря камину, не было сажи. Налево помещалась женская постель — длинные мешки, набитые пером и гагачьим пухом, под покрывалами тонкого новгородского полотна, подушки, теплое одеяло из тщательно подобранных красивых рысьих боков с подкладкой из спинок белок и другое, более легкое, горностаевое, снежно-белое с бахромой из черных хвостиков. Напротив помещалась мужская постель, из дуба, с одеялом волчьего меха. Доски когда-то служили палубой драккара — чтобы тот, кто ложился, и во сне ощущал неизгладимый временем любимый запах.

Покончив с разжиганием камина, Грам уселся на мужскую постель и притянул к себе своего ярла. Говорят, что в старом пне не найдешь свежего сока и что нечего искать улыбку на тупо-безжалостной морде кашалота. Но лицо Грама с коричневыми щеками, рассеченными, как сухая глина, морщинами, с бесформенным шишковатым носом, глазами в красных веках без ресниц и с длинной, грязно-седой бородой все же умело выразить радость.

— Как ты плавал? — спросил он Оттара.

— Как всегда. Хорошо.

Граму не были нужны рассказы Оттара. Все интересное он успеет услышать от Эстольда, Эйнара и других. Мажордом хотел сам говорить:

— Из богатой страны русских городов Гардарики привезли еще больше льна, пушнины и меда, чем прошлым летом. Они богатеют, да, они богатеют... Между прочим, я купил по дешевой цене двух отличных новых траллсов. Я был вынужден удавить двух ленивых готов.

Это была мелочь, но Грам испытывал особый вид раскаяния, угрызения жадной совести скряги, который сгоряча нанес убыток и спешит оправдаться, хотя никто не просит оправданий. Почувствовав облегчение, Грам продолжал:

— И еще, из Хольмгарда привезли много отличного воска и очень много прочных железных изделий и оружия, горшков, посуды, тканей. Да, это не нравится нашим бондэрам, ха-ха! Но и мне не нравится... А за ки-

товое сало и кожи дают меньше, чем в прошлом году. Мясо и рыбу берут как всегда, сколько ни предложи. И вино и мед, конечно!..

Грам быстро и точно передавал торговые новости. Нидаросский ярл внимательно слушал, мгновенно сооб-ражая возможные выгоды или потери по сравнению со своими предварительными расчетами.

— Мало кашалотового воска. Не знаю, почему. Говорят, что кашалоты остались на севере. Арабы и греки ищут и хорошо дают за кашалотовый воск, очень хорошо... А?

Грам взглядом уперся в Оттара. Ярлу нечего было таить: его охота была удачна. Восхищенный Грам хлопнул Оттара по колену:

— Хорошо! Это очень хорошо!

Гильдис и женщины разбирали ящики и тюки с нарядами и украшениями. Взглянув на жену ярла, Грам потихоньку сказал:

— Араб Ибн-Малек привез очень красивых женщин, очень хороших, очень приятных, очень нежных, с мягкой кожей... А волосы, ах-а!..

Ярл презрительно дернул плечом. Сейчас он думал не о женщинах.

— Как хочешь, как хочешь,— скороговоркой согласился Грам.— И Грек Вальдмер привез очень хороших женщин, он дает их на время и не нужно брать их сюда, в дом,— добавил Грам потихоньку.— Но слушай,— продолжал старый викинг,— от русских опять привезли моржовые клыки, много моржовых клыков, больших, твердых как железо, чистых и пригодных для лучших работ. И длинные клыки неизвестного зверя, толщиной с мою руку. Русские опять сбили цены на моржовую кость, проклятье на них! Подумай, прежде они никогда не имели моржовой кости. Откуда они берут? Я не мог узнать, не мог... Ты получишь за твои клыки меньше, чем прошлым летом. А ты не встречал русских в твоих водах или за нашим Гологаландом?

— Нет. Если бы я встретил их, я привез бы эту кость, а не они.

— Ты прав, ты прав. Я должен узнать тайну русских, должен, должен,— внушал Грам самому себе. И он перешел к другим новостям: — Бондэры требуют отмены страндхуга. Они все уже сговорились между собой. И чтобы действительно никто не давал убежища изгнанным тингом...— Грам невольно понизил голос: —

Среди других они особенно называют тебя, да...— Оттар не шевельнулся, и Грам продолжал: — И бондэры не хотят, чтобы ярлы держали мастерские с траллсами. Я говорю верно, верно, верно. Все это — правда. Слушай же! Ярл Гальфдан на их стороне. С ним Лодин, Троллагур, Тгорфред, Торольф, Сивенд, Эрлинг.— Грам перечислял сильных южных ярлов, чьи фиорды были окружены землями бондэров.— И слушай еще! На тинге Черный Гальфдан будет избран. Да. Будет. Он будет королем!

3

Дрова в камине пылали жарким огнем. Оттару стало душно. Он распахнул дверь и остановился на верхней ступеньке лестницы. Старый Грам выглядывал из-за плеча ярла. Рядом они казались героем и гномом из саг, которые рассказывают скальды.

Был легкий, приятный мороз. Серое небо опускалось к вершинам сосен над усадьбой Оттара. Еще недавно тихий угол кипел работой. Сотни ног растоптали и смешали с талой грязной землей чистый слой первого снега. Трудились все викинги и не хуже траллсов. Сначала следует разгрузить баржи и драккары, перенести товары в кладовые, а потом отдыхать. Перед викингами открывались месяцы беззаботной, бездумной зимовки в Скирингссале, полном развлечений.

Вместе со старыми, своими викингами Нидароса, работали новые викинги, покинувшие Грольфа. Тоже свои. Слухи о схватке нидаросского и хиллдурского ярлов уже бегут по Скирингссалу, ползут по фиордам. Придут новые викинги и будут просить места на румах великодушного, щедрого, богатого ярла Оттара. Пора спешить с заказами новых драккаров...

Сколько заказать и каких? Но есть ли время?

Гальфдан Старый, дед Гальфдана Черного, выгнал Гундера с юга. Для себя и для своего рода Гундер сумел свить гнездо в далеком Гологаланде. Гундер сумел забиться на север дальше всех свободных ярлов, и он расширил землю племени фиордов. Но навсегда ли потомки Гундера обеспечены и достаточно ли далеко отступил Гундер? Гальфдан старше Оттара на десять или одиннадцать лет. В жизненных успехах он смог продвинуться дальше Оттара. Черный — друг бондэров? Ложь, Оттар не мог поверить этому. Черный Гальфдан хитер, а бондэры легковерны, хотя и упорны. Гальфдан

льстит им, чтобы подняться на их плечах. Его дед выжил Гундера с помощью бондэров. Внук идет по стопам деда.

Рёкин мечтал о прочном союзе всех свободных ярлов и передал сыну врожденное презрение к бондэрам. Бондэры, по крови потомки Вотана, трудились, как траллсы, и они, по словам Рёкина, сами избрали свою долю. Кто мешает им стать викингами, и разве мало викингов родилось под крышами бондэров? Пока сын Вотана — бондэр, он не лучше траллса, учил Рёкин.

Это верно. Но мечты Рёкина о союзе ярлов были праздны. Для деятельности и прочности союза нужна власть одного, на что свободные ярлы никогда добровольно не согласятся.

Сыну Рёкина мыслилось иное. Он хотел перетянуть к себе побольше викингов, ослабить и перебить по одному свободных ярлов, как Грольфа, который больше не поднимет голову. В мире были Александр, великий король греков, Этцель, великий король гуннов, Шарлемань, великий король франков. Когда у Оттара будет достаточно силы, он сделается королем викингов, но не бондэров, каким хочет быть Гальфдан. Бондэры будут усмирены. Часть их превратится в викингов, а другие будут или истреблены, или станут траллсами.

Оттар видел фиорды, полные послушными его воле драккарами, и обширные земли, обрабатываемые траллсами и бондэрами в ошейниках рабов. Какие набеги, походы и завоевания! Поглощена богатая Гардарика. Греки покорены и платят дань. За Валандом лежит Рим, страна роскоши, достойная добыча. Нидаросский ярл видел весь мир у ног страны фиордов и себя — его повелителем.

Но Черный Гальфдан будет королем. Будет... Оттар знал силу бондэров и обреченную раздробленность свободных ярлов. Его мысли — лишь мечты. Чтобы передавить свободных ярлов и сделаться королем викингов, нужно иметь в своем распоряжении десять лет и воспользоваться ими без помехи. Черный Гальфдан передушит свободных ярлов в свою пользу. Оттару следовало родиться на десять лет раньше...

Ему не удастся сделаться владыкой фиордов, королем Вестфольда?! Пусть... Недоступное не существовало для практичного воображения Оттара, невозможное не стоило даже сожаления. Нидаросский ярл был убежден, что всегда останется самим собой и сумеет сохранить свободу. Так, как он понимал это слово...

Глава четвертая

1

На всенародный тинг собрались в Сигтуну, расположенную на берегах великого Маэларского озера в глубине земли фиордов. Зима связала озера, реки и ручьи, скрепила болота и везде открыла пути. Всенародные тинги назначаются зимой. Шли пешком, толкая санки с высоким сиденьем, укрепленным на прочных, выгнутых лыжах. Такие санки легко катить по проложенному следу, поместив на сиденье человека или груз, равный его весу. Бондэр становился на задние концы лыж и скользил, отталкиваясь то одной, то другой ногой, а с уклонов слетал птицей.

Ехали на парных вереницах собак, запряженных в низкие сани. Ехали на оленях, как лапоны. Ехали на косматых лошадях, низкорослых, большеголовых, но резвых и не знающих устали.

Как нити паутины стягиваются к центральному кольцу, где сидит хозяин-паук, так все дороги, дорожки, тропы и тропочки вели в Сигтуну. Можно было не опасаться сворачивать на свежий след, который уходил в лес, если он начинался в нужном направлении. Это прошел кто-то, кто хорошо знал местность и сокращал свой путь к общей цели.

Бондэры, бондэры и бондэры... Лишь изредка встречался свободный ярл со свитой.

Оттар оставил Гильдис в Скирингссале и отправился на тинг в сопровождении нескольких спутников. Почти никто не захотел поехать с ярлом.

Викинги спускали в кутежах, распутстве и чудовищном обжорстве свои доли добычи. Ярл мог приказать, его бы послушались, и он мог явиться на тинг, окруженный великолепной свитой. Но к чему? Даже для него тинг был чуждым делом, он сознавал это. Ему не были нужны законы и решения, законы были чужды и стеснительны. А викинги, не рассуждая, следовали своему инстинкту.

И что им делать в Сигтуне? Встречаться с друзьями и обсуждать общие дела, как бондэры? Друзья сидели здесь, в веселых домах Скирингссала и в гордах, в усадьбах ярлов. Сойтись с врагом и разрешить старую ссору? Убийство в Сигтуне и во время тинга грозило еще более верной казнью, чем в Скирингссале. Быть может, обсудить законы, полезные для земли фиордов? Какие

законы? Сухой земли? Викинг рожден на море, живет на море и умрет на соленой воде! Он знает лишь право собственного своеволия. Нельзя воевать и брать добычу в одиночку, поэтому викинг умеет подчиняться ярлу. Но любой закон любой страны — враг.

Нидаросский ярл не собирался внушать своим викингам другие взгляды: как дерево используют в соответствии с его прочностью и размерами, так и человеком пользуются таким, каков он есть. Для Оттара это было несомненной истиной. Действительно, к чему пытаться ловить китов тресковыми сетями, бить навагу китовыми гарпунами или выращивать желуди на сосне!

Для приличия Оттар нуждался в небольшой свите, и только. Он не чувствовал себя ни послом, ни наблюдателем. Немного любознательности, несколько наблюдений. Он ехал как разведчик, как лазутчик.

В высокой выхухолевой шапке с бобровой тульей, в длинном плаще черного сукна, широко отороченном горностаем, нидаросский ярл сидел в санях рядом с Грамом. Мажордом захотел побывать в Сигтуне, чтобы поразнюхать новости.

Плащ ярла был подбит голубым песцовым мехом и стянут тяжелыми серебряными застежками. Под плащом был красный суконный кафтан с золотыми грудными и нарукавными украшениями. На цепочке висел кривой арабский нож с рукояткой белой кости,— игрушка, а не оружие для сильной руки ярла. На тинг запрещалось являться вооруженным. На шее ярла висело тяжелое ожерелье с цветными сверкающими камнями, выбранное для него Гильдис в тайнике Нидаросского горда.

Гильдис... Оттар вспомнил о женщинах, которыми торговали арабские и греческие купцы. Взять совсем или на время?..

Предупреждая пешеходов, загородивших дорогу, Грам пронзительно закричал. Хитрый гном. Он не забыл в первый же день сказать и о женщинах. Нет. Еще нет. И, конечно, не дома. И, вероятно, позже, когда Гильдис родит сына.

Давая дорогу, бондэры расступились и сошли в снег. Они стояли около своих высоких санок, ожидая, чтобы проехал свободный ярл. Могучие фигуры, суровые лица. Одно напомнило Оттару Рёкина. «Почему бы и нет? Все дети Вотана — братья»,— думал нидаросский ярл. Бон-

дэры, отдающиеся труду траллсов, заслуживали презрения. Однако же они оставались носителями чистой, благородной крови, и для Оттара были бесконечно выше ничтожных смешанных рас, населявших низкие земли...

Лошади шли в гору шагом, и ярл развлекался, рассматривая бондэров. Этот похож на Свавильда. Вот Эстольд. И кабан Грольф. Женщины были почти так же рослы, как мужчины. Под капюшоном мелькнуло лицо, вновь, но по-иному напомнившее о Гильдис.

«Какие викинги получились бы из них! Вне зависимости от своей воли, они несут в себе неизменное зерно рода и передают его по наследству. Они могли бы по праву владеть всем миром. Какие викинги!» — мечтал Оттар.

Приветствуя братьев одной крови, нидаросский ярл высоко поднял правую руку.

И нет времени, чтобы привлечь к себе одних, подчинить других и убить третьих. Бондэры думают о своем куске земли, о своем ремесле. Они говорят — наша родина. Глупое слово...

— Скорее! — приказал Оттар, и сани рванулись.

Оттар догнал хаслумского ярла Фрея и пригласил его к себе. Грам пересел в сани Фрея.

Свободный ярл Фрей, владетель Хаслум-фиорда, провел все лето в набегах на побережья франков и Валланда. Созданная великим вождем франков, королем Шарлеманем-Карлом, империя, рассказывал Фрей, совсем развалилась. Его сыновья и внуки дерутся между собой за наследство или поют заклинания, тщетно колдуют с кудесниками, которые выстригают себе на темени плешины и носят женские платья.

На всех морских берегах, дальше датского, можно делать что угодно. Можно плыть на юг, пока не надоест, входить в любую реку, брать добычу и траллсов. Датский ярл Рагнар собирается весной в большой поход. Он опытный и смелый конунг, с ним ждет удача. Нидаросский ярл будет для всех желанным товарищем, добычи хватит, в этом нет никаких сомнений.

Оттар выразил согласие. Да, он постарается прибыть на сборный пункт, если его не задержат противные ветра. Гологаланд далеко. Если же он опоздает, он догонит товарищей в море... Фрей зычно захохотал:

— О чем ты думаешь? Какие ветры? Все знают, что все твои драккары зимуют в Скирингссале, а в Нидаросе пусто!

Оттар поправился. Он хотел сказать — если не задержится постройка его нового драккара...

Хаслумский ярл взглянул на товарища с невольным уважением. Оттару еще нет тридцати лет и — пятый драккар! Фрею исполнилось тридцать пять лет, он владеет тремя драккарами, и ему хватает. Он не позавидовал Оттару, он был вполне доволен своей судьбой и удачей.

— Зачем Фрей едет на тинг?

— Просто для развлечения. Уж, конечно, не вмешиваться. Я не прочь поглядеть на собрание бондэров и навестить храм Отца Вотана.

— Говорят, Черный Гальфдан будет избран королем.

Фрей опять захохотал:

— Какое нам дело? Если бы такое ярмо навалили на тебя или на меня, стоило бы подумать, что с ним делать или как избавиться. Я не знаю, что я делал бы королем. Но этого не случится, клянусь Утгардом и Локи. Волей Вотана — мы свободные ярлы. Нет ничего лучшего.

«И все они таковы,— думал Оттар.— Свободные ярлы? Как дети, которые знают день лишь до вечера». Оттар напомнил хаслумскому ярлу о требованиях бондэров отменить страндхуг, запретить ярлам давать убежище изгнанникам. Оттар говорил об обещаниях Гальфдана ограничить свободу ярлов. Фрей слушал с трудом, морща лоб и теряя нить. Он махнул рукой:

— Вздор. Как всегда было, так и останется. Ты говоришь — страндхуг. Бондэры ворчали еще при наших дедах. А мы с тобой выжимали страндхуг и будем выжимать.— И Фрей принялся с увлечением и с бесконечными подробностями рассказывать нидаросскому ярлу о пленницах, которых он наловил в Завалландской стране. Так хаслумский ярл называл берег, куда он смело добрался после трудного, более чем месячного плавания вдоль западного берега Валланда. Фрей любил плыть куда глаза глядят.

Оттар знал хаслумского ярла как бесстрашного и умелого воина. Подобно Оттару, Фрей начал плавать маленьким мальчиком. Этот ярл, который не умеет думать, но отлично сражается, был бы хорошим оружием в руке Оттара... Если бы...

А быть может, ненавистный Черный Гальфдан все же не будет избран?

...Тинг открылся на льду Маэларского озера. Громадные толпы людей густо окружили остров, где разместились старейшие.

Король умер весной. Кому быть королем? Все лето, всю осень и первую половину зимы жители озер, рек, гор и долин и морских берегов судили — кому быть? Об этом говорили, встречаясь на дорогах, навещая соседей, на рынках, на общинных тингах.

Свободные ярлы сидели в своих фиордах и носились в открытых морях за добычей. Свободные ярлы смотрели из земли фиордов в другие земли и им не было дела до короля, до земли, которая видела их рождение. А бондэрам был нужен король, который понимал бы их желания. Бондэры нуждались в мире, а ярлы со своими викингами — в войне. Ярлы, отправляясь за добычей, выжимали из бондэров страндхуг. Бондэры не знали и не хотели знать, откуда взялось это чудовищное, несправедливое право ярлов.

Ярлы привозили из набегов траллсов, возделывали их руками свои поля; ярлы заставляли траллсов изготовлять всевозможные товары и, торгуя, сбивали цены на хлеб и на вещи. Бондэры не могли соперничать с ярлами на рынке, так как труд траллса, которого выжимают как болотный мох и спешат уничтожить и заменить новым, когда он уже не может работать, но еще хочет есть,— труд траллса дешевле труда свободного человека. Бондэры знали, чего они хотят. Старейшие знали желания и выбор бондэров, и бондэры были уверены в старейших.

Горд ярла Гальфдана Черного лежал среди земель бондэров, и ярл был добрым соседом. На его полях и в его мастерских работали отпущенники и вольные рабочие, среди которых траллсы были не слишком заметны. Часть своих обширных владений Гальфдан сдавал бондэрам в вечную, от отца к сыну, аренду. Бондэры-арендаторы платили Черному скромную дань, и это было справедливо, так как они получили от ярла-владетеля очищенную от леса, пригодную для пашни землю.

Никакой викинг не осмеливался выжимать страндхуг вблизи владений Черного Гальфдана. Строгий ярл поклялся, что он будет преследовать воспользовавшегося жестоким и несправедливым законом страндхуга до края моря и еще дальше, до черной ямы Утгарда.

Свободные ярлы знали способность Гальфдана сдержать клятву и остерегались раздражить Черного.

Оттар и другие приехавшие на тинг ярлы собрались маленькой кучкой в стороне от тесной толпы. До них не доходило ни слова из того, что говорили старейшие, но,

по обычаю тингов, стоявшие впереди передавали по цепям суть произносимых речей: Черный Гальфдан, Гальфдан, страндхуг, народ, Гальфдан, интересы народа, страндхуг, грабеж, повиновение закону, Гальфдан и опять Гальфдан...

Да... Чем дальше от берега, тем больше изменяются люди. Семьи прибрежных бондэров, привыкнувшие к морю, давали викингам не только страндхуг, но и свежее пополнение, новых воинов. Дети Вотана, осевшие уже в четверти дня от моря, думали о всех вещах, кроме жизни на драккарах и славной добычи.

Оттар обошел толпу,— для этого потребовалось немало времени,— и проник в священную рощу, где находился храм Отца Вотана. Снег под вечными дубами был вытоптан, как на улицах. Всюду виднелись следы ночевок: в ожидании тинга неприхотливые люди проводили здесь одну, две или три ночи на снегу, закутавшись в шкуры зверей.

Что-то белело высоко среди голых черных ветвей. На могучем суку дуба висело обнаженное тело человека. Оттар подошел ближе и с любопытством взглянул на скорченный труп. Мертвое лицо сохранило выражение ужаса. Глазницы были пусты,— дело воронов.

Эта жертва Великим Богам висела с краю. Ближе к храму трупы были подвешены целыми гроздьями. Не только человеческие, также и лошади, козы, олени, кабаны. Боги принимали всех, в ком текла теплая алая кровь. Заметив угол громадной стены, сложенной из дубовых стволов чудовищной толщины, нидаросский ярл остановился.

Жрецы Вотана жалуются: дети Вотана охладели к культу Богов. Некогда для жертв не хватало ветвей на деревьях священной рощи, а в храме — места для приношений.

Оттар вспомнил историю короля, спрятавшего бесчестно похищенное золото под шкурами козлов, запряженных в колесницу Тора. Бос Тор безразлично сохранял украденное. Так же безразлично и сейчас он стоит за дубовой стеной и не слушает тинга...

Вотан живет в боях, радуется победам и удачным захватам. Великому Отцу служат мечом, топором, копьем и стрелой. Из дубов, которые срубили для храма, следовало бы построить не стены, а драккары.

Оттар отвернулся от храма, у него не было желания войти внутрь. Это не храм, а кладбище Богов. Здесь они,

лишенные чистого воздуха открытых морей, задыхаются и умирают, не дождавшись дня Рагнаради.

2

Оттар прислонился к дубу. Задумавшись, он не замечал, что над ним висят два окоченелых трупа, человек и волк, прильнувшие один к другому в трагическом уродстве насильственной преждевременной смерти.

Свободный ярл очнулся от хруста снега под ногами людей. Группа людей в длинных плащах с тащившейся по снегу бахромой медленно и молча двигалась к храму среди дубов. Впереди, опустив голову, шел мужчина среднего роста с короткой завитой бородой. Темно-зеленый плащ, удерживаемый бронзовой застежкой, свисал с одного плеча и волочился по снегу. Голова с копной слишком темных для потомков Вотана волос была обнажена, и длинные пряди падали на плечи. Латы покрывали грудь.

Человек прошел в трех шагах от Оттара, не заметив нидаросского ярла. Темноволосого догнал худой и безусый юноша. Костлявый, с большими руками и ногами, он напомнил Оттару подросшего щенка крупнопородного волкодава. Юноша дружески поправил плащ на плечах темноволосого и что-то сказал. Мужчина обернулся, встретился глазами с Оттаром и приветственно поднял руку. Оттар ответил тем же традиционным движением.

Черный ярл Гальфдан с сыном Гаральдом!.. С таким же успехом он мог бы показать Оттару обнаженный клинок или стрелу, знаки вражды и войны. Спокойный, хитрый... И осторожный. Он не расстается с латами. Наверное, и меховая шапка, которую он несет в руке, подбита не гагачьим пухом, а железом. Под его плащом и под плащами его спутников найдутся не только латы, но и мечи. Любимец бондэров. Король не моря, а земли.

Оттар вышел на опушку священной рощи в ту минуту, когда раздались первые торжествующие крики:

— Гальфдан, Гальфдан!

Вначале нестройные, как треск грома в ущельях, крики делались ритмичными. Дружный и мощный выкрик: «Гальф!» — сменялся могучим ударом: «дан!», от которого, как от молота, казалось, сейчас треснет лед Маэларского озера.

Над священной рощей поднимались встревоженные вороны, которые жили на дубах и кормились жертвами.

Крупные, черные как уголь птицы крутыми спиралями взвивались в пасмурное зимнее небо и сбивались в стаю. Следуя за вожаком, стая вытянулась и понеслась над рощей и над тингом круговым полетом, почти замыкая кольцо. Живой браслет Вотана...

Гальфдан избран. Церемония коронации не интересовала Оттара. Черный поклянется отменить страндхуг, бороться со своевольством свободных ярлов, пресечь укрывательство преступников и сделать многое другое, все на пользу бондэров.

Толпа втягивалась в рощу. Тинг шел к храму. Здесь были все дети Вотана, обрабатывающие землю, дерево, металлы. Если не сами, то их представители. Чей-то голос позвал:

— Эй, ярл! Эй!

Оттар не пошевелился. Внезапно перед ним оказались несколько бондэров, и один подошел к нему вплотную.

— Ты не узнаешь меня? — спросил он ярла. Не ожидая ответа, бондэр злобно выдохнул почти в лицо ярла густой запах пива и злобные слова: — Ха! А я тебя узнал. Я помню тебя, проклятая акула! Страндхуг сдох, понимаешь? Сдох! Если ты еще раз попробуешь явиться к нам,— и бондэр захлебнулся от ярости,— мы встретим тебя топорами! А если ты обидишь нас, король выжжет твою берлогу, и ты будешь висеть, висеть, висеть! Молчишь? Ага, здесь ты молчишь?!

Бондэр размахнулся для удара. Сейчас же товарищи, безгласно внимавшие его крикам, набросились на потерявшего голову нарушителя мира тинга. Бондэр ворчал и пытался стряхнуть с себя друзей, как медведь собачью стаю.

Оттар холодно смотрел на возню. Ярл мог бы одними кулаками расправиться с неловким богатырем, тело которого одеревенело от однообразного неблагородного труда. Он мог бы расправиться и с его товарищами, прежде чем они сообразят, откуда рушатся удары на их бородатые челюсти.

Владетель Нидароса помнил, какими глазами этот бондэр смотрел на викингов, свежевавших взятую из его хлева свинью, одну из двух по праву страндхуга. Прельщенный ростом и шириной груди богатыря, Оттар предложил ему бросить недостойную жизнь земляного червя, сменить заступ и соху на весло и меч. Тогда бондэр не ответил. Здесь он нашел язык.

В группе свободных ярлов Оттара приветствовал но-

вый человек, владетель Сёмскилен-фиорда Гольдульф. Восемь или девять лет назад дядя Гольдульфа, тоже Гольдульф, был случайно убит на улицах Хольмгарда-Новгорода.

Обняв Оттара, Гольдульф шепнул ему на ухо:

— В Скирингссал вернемся вместе. Я должен переговорить с тобой.

Конечно, предстоит еще одно предложение общего набега, второе после уже сделанного хаслумским ярлом Фреем. Так бывало каждую зиму. Ярлы создают союзы-сообщества, клянутся, отказываются от клятв, потом опять соглашаются — и так до самой весны. Много ловких и пышных речей, взаимных интриг.

Рёкин, мечтая создать прочный, постоянный союз ярлов, принимал участие в сообществах, принимал участие в общих походах. Он ушел вместе с Грольфом и поплатился преждевременной Валгаллой. Оттар до сих пор плавал в набеги один и не мог пожаловаться на неуспех. Получая предложения, нидаросский ярл не отказывался от сообщества, но опаздывал на сборные пункты. Так проще. Свое дело следует делать молча.

Оттар не спеша отошел от толпы ярлов и свиты. Гольдульф следовал за ним.

— Скажи здесь,— предложил нидаросский ярл сёмскиленскому.— Любое дело, достойное викинга, можно изложить в двух словах.

— Да,— согласился Гольдульф.— Мое дело достойно викинга. Но оно требует долгой беседы и полной тайны под торжественной клятвой.

Оттар невольно вздрогнул. Глядя Гольдульфу прямо в глаза, он шепотом спросил:

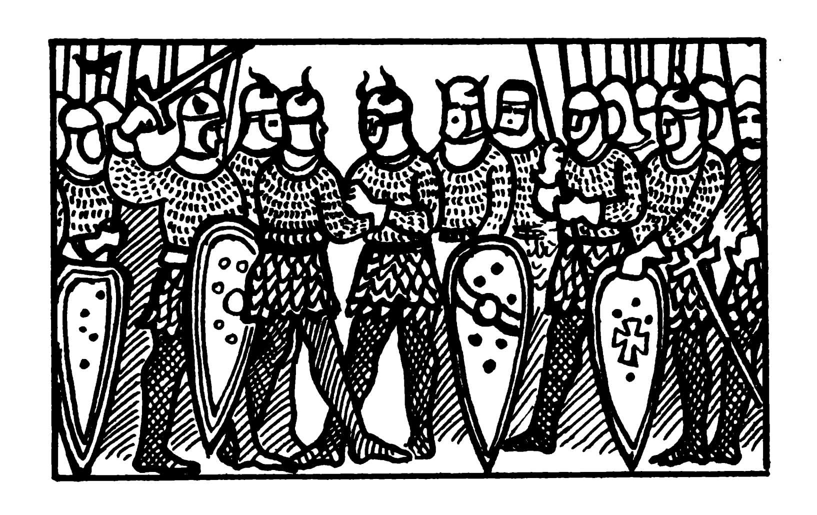
— Гальфдан?

Живое и хитрое лицо Гольдульфа выразило столько недоумения, что в его искренности не приходилось сомневаться.

— Какой Гальфдан? — спросил он, еле сдержав голос.— Этот, Черный? Что нам до него? Нет, мы будем говорить о настоящем деле.

Только набег... Что другое могут выдумать эти ярлы? Они начнут соображать, лишь когда увидят своими глазами, как под их ногами запылают фиорды. Они не понимают и не поймут, что именно этот тинг и был днем Рагнаради для свободных ярлов и викингов.

— Конечно, мы вернемся в Скирингссал вместе,— любезно согласился Оттар.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОЛЬШИЕ ЗАМЫСЛЫ

Глава первая

1

Вернувшись с тинга, Оттар, не теряя времени, занялся важной работой вместе с опытными кормчими-мореходцами Эстольдом и Эйнаром. С помощью особенных инструментов, купленных у арабских и греческих купцов, они чертили свинцовыми палочками на гладких липовых досках новые драккары Нидароса.

Однако Оттар не забыл привезти в Скирингссал листы желтого пергамента с рисунками нового драккара. Над ними ярл со своими помощниками потрудился немало. Этот драккар, на пергаменте, был бы самым сильным из всего флота фиордов. Борт защищался железным поясом с длинными остриями, предохраняющими от абордажа. Две мачты, а не одна. На носу и на корме — платформы для камнеметов и самострелов, невиданных на море силы и размера. Подвижные навесы, чтобы укрывать стрелков и гребцов. На носу — голова женщины со змеями вместо волос, как на выпуклом рисунке белого камня в перстне, добытом Оттаром во франкском замке. Драккар заранее был наречен именем Гильдис, и жена ярла обожала его.

...Гильдис ждала сына. Она не сомневалась, что придет сын. Темные пятна портили красоту ее лица, но женщина не огорчалась. Она видела во сне Тора, и бог открыл ей тайну нерожденного младенца: он сделается героем и завладеет чужими землями.

Оттар был нежен с женой. Опытные в жизни женщины не отходили от Гильдис, следили за каждым шагом матери, чтобы она не повредила доверенную ей бесценную ношу.

По утрам ей приносили чашу свежей крови, и она погружала кисти рук в таинственный сок, любимый богами. Она дожидалась, пока кровь не высохнет на коже и, смывая корку теплой водой, оставляла под ногтями темные ободки: герой должен привыкнуть к крови до дня своего рождения. Так поступали благородные матери: и мать Оттара, и мать Рёкина, и другие.

Приходили викинги, рассказывали о героях и походах, о предках нерожденного, о Гундере Великом Гребце, который один греб парой весел драккара, о Рёкине, не знавшем страха, о смелой мудрости Оттара. Подчиняясь ритуалу, Гильдис слушала, чтобы плод запомнил.

Иногда женщина надевала лучшие платья и отправлялась развлечься к купцам. Жену ярла и ее женщин стерегла свита из викингов, закованных в латы, с мечами и копьями, со щитами, заброшенными за спину. Гордые, они шли как волки на охоте, готовые броситься на первый подозрительный шорох. Внутри железного кольца караула, на широких покойных санях, укутанная в соболий мех, сидела молодая женщина с усталым надменным лицом.

Она ничего не боялась, она могла ходить одна и сама защитила бы себя, тем более в городе, где нападение на женщину благородной крови каралось мучительной казнью. Но Оттар хотел, чтобы так было, и она повиновалась. Иногда Гильдис, волнуемая странной тоской и смутным раздражением против мужа-мужчины, капризничала. Но Оттар был всегда ровен, всегда спокоен и всегда так смотрел синими глазами, что женщина успокаивалась.

Запряженные смирной лошадью, белой, как кони Вотана, сани останавливались перед домом купца. Двое или трое викингов, предводительствуемые Грамом, входили первыми, чтобы Гильдис не столкнулась с какой-нибудь нежелательной неожиданностью.

Приказчики купца раскладывали перед благородной женой богатого нидаросского ярла ткани, и она наслаждалась необычайными рисунками и красками, причудливыми и нежными и вместе с тем страстными. За шелком лились тяжелые греческие и новгородские парчи, расшитые золотыми и серебряными нитями.

И вдруг появлялись кубки, бокалы, чаши; их стенки были прозрачны как воздух, их можно было бы не заметить, не отражайся свет от полированных поверхностей. В других — клубился собранный рукой волшебника серый, синий, розовый туман.

Купец играл маленькими фигурками, они летали над его ловкими руками и сами выстраивались перед Гильдис. В них черты человека чудесно смешивались с чертами зверя, они были и тяжелые, как железо, и легкие, как кость. Большие, маленькие, всех цветов, какие есть в природе и какие мог выдумать человек, они забавляли Гильдис, как ребенка.

А тем временем подручные купца развлекали викингов другими фигурками, теми, которых не показывают знатным женщинам.

Гильдис ступала по толстым, пушистым, как мох, коврам, глядела на себя в большие куски стекла, где отражались ее лицо и фигура, а через плечо жены ярла заглядывали женщины и викинги, и громко смеялись, и делали смешные и страшные гримасы.

Гильдис брала золотые, серебряные, глиняные, каменные сосуды и флаконы и вдыхала странные, приятные и возбуждающие ароматы, добытые в бесконечно далеких странах.

Там, по рассказам купца, камни превращаются в колоссальных чудовищ и зарываются в сухой песок, звери носят человеческие головы, а люди — звериные, и в чашечках громадных цветов спят ядовитые рогатые змеи, которых нужно уметь заклясть, чтобы взять у цветка его чудесный запах.

Купец приносил кувшины с неизвестными напитками, продляющими жизнь человека, и предлагал знатной посетительнице попробовать, только попробовать чудесной мандрагоры кончиком языка...

Но вмешивались спутницы Гильдис и отстраняли руку купца. Напиток, возможно, был очарован во имя неизвестных богов и мог повредить.

Купец улыбался — купцы всегда улыбаются — и

усаживал Гильдис в кресло: она устала и пора развлечь ее новым зрелищем.

Под тонкий, прерывистый свист флейты и под сухой стук бубна появлялись женщины, привезенные купцом неизвестно откуда, быть может из тех стран, где каменные чудовища зарываются в песок, а змеи спят в цветах.

Рабыни кружились в стремительной пляске, потом, под редкие удары бубна и пронзительные вскрики флейты, замирали, и извивались, как змеи, и тихо стонали, не разжимая сведенного странной улыбкой рта. Викинги тяжело дышали пересохшими ртами, и их лица багровели.

Купец вспоминал ночевки на берегах бесконечных рек, когда приходилось не снимать брони и не выпускать из рук меча в ожидании налета неведомого врага, вспоминал просторы теплых морей и гроздья винограда в тенистых аллеях юга.

Женщины — женщины везде. Выгодный товар. Однако он не брал и не торговал такими белокурыми женщинами, как эта знатная посетительница. Северные женщины, несмотря на кнут и голод, бывают неукротимы. Они способны даже убивать себя, чтобы принести убыток.

Купец предлагал Гильдис купить одну или несколько рабынь, они будут развлекать госпожу и ухаживать за ее красотой и волосами. Гильдис небрежно отказывалась: она презирала эти существа, пусть похожие на цветы, но неспособные рождать героев.

Купец улыбался в бороду: действительно, редкая женщина сама введет в дом красивую служанку! — и отвлекал Гильдис новой игрушкой. Его приказчики сообщали викингам цены рабынь — на час, на два или на больший срок.

А живые игрушки, забившись в дальнюю темную комнату, ждали, когда понадобятся вновь. Заученные улыбки сменялись привычной гримасой тупого отчаяния, чудовищно жалкой на раскрашенных лицах. Но они не плакали, боясь испортить краску ресниц и щек и навлечь наказание плетью, зашитой в полотно и смоченной водой, чтобы удары ремнем не оставляли следов на теле.

Новгородские купцы широко распахивали тяжелые ворота своих складов перед знатной женщиной, боявы-

ней, окруженной сильной свитой. Гильдис, наслаждаясь пушистой нежностью соболей, куниц и выдр, погружала руки в меха. Она любила упругость густого коричневого пуха бобров.

Новгородец рассказывал, что бобры умеют рубить деревья, запружать реки, строить дома и говорить между собой лучше всех других зверей, так как они работают вместе, ватагой.

Бобров совсем не было в дани, приносимой нидаросскому ярлу желтолицыми лапонами-гвеннами, а их соболя и куницы имели худший мех...

Пятнисто-цветистые шкуры рысей-пардусов иногда были искусно выделаны вместе с головами. Гильдис приближала лицо к оскаленной пасти громадной дикой кошки. Но ей больше нравилось дразнить живых рысей, которые шипели и бранились в клетках. Она хотела бы купить рысь, нет, лучше двух, чтобы сразиться сразу с обеими в кругу, окруженном высоким забором. В одной руке копье, в другой — нож, как забавлялся Оттар, будучи юношей. Его левая рука и грудь носили следы когтей.

Сейчас она не одна, и Оттар не позволит ей такое желанное, но слишком острое развлечение. Потом, потом... если она не остынет, как остыл сам Оттар, к подобным детским забавам.

С помощью своих людей, таких же дюжих, как он сам, новгородский купец раскатывал перед Гильдис длинные куски льняных тканей, толстых, крепких, отлично пригодных для шитья парусов драккара и для мужского кафтана. И другие — тонкие, почти прозрачные, необходимые для красивых женщин и новорожденных младенцев. И льняное волокно, расчесанное, как волосы, светлое, как косы Гильдис, но еще более нежное.

В складах воска стоял, как невидимый туман, особенный, густой, плотный, тяжелый и вместе с тем добрый запах. Воск был в бочках, кадках, больших, как жернова, кругах и в уже готовых свечах, беленных солнцем, темно-желтых или почти черных, которые побеждают мрак длинных зимних ночей и делают их короткими.

Деревянные ложки, миски, ковши, кружки, тарелки для мяса и рыбы были самых разнообразных цен и вида, простые, гладкие и резные, в форме птиц, рыб и причудливых, небывалых животных, украшенные знаком Солнца в виде колеса со спицами, Луны, изогнутой сер-

пом земледельца, усыпанные звездочками, цветами, глазками.

Купец, серьезный, важный и немногословный, медленными жестами указывал на посуду из глины, бронзы, кованого железа, предлагал ожерелья из рысьих, медвежьих и бобровых зубов, которые придают силу мужчине и очарование женщине.

Гильдис не интересовалась складами кож, смолы, сала, вяленого мяса, копченой и сушеной рыбы.

Жена ярла проходила мимо мечей, боевых топоров, копий, стрел, луков, кольчуг, бахтерцев, шлемов с наличьями и простых. Это оружие казалось ей слишком тяжелым, простым, грубым после того, которым торговали арабы и греки.

Но викинги свиты рассматривали новгородские изделия с интересом воинов, которым всегда мало того оружия, что уже им принадлежит. Им нравилась новгородская работа — работа для мужчин, не обязанных думать о красоте, но желающих побеждать. И Гильдис с уважением останавливалась и не торопилась, чтобы Рагнвальд запомнил мнения бывалых воинов.

Из темного закоулка за кипами льна новгородцы выносили на свет длинную тяжелую кость. Она была как клык старого моржа, с желтизной, изогнутая и тупая на конце. Но такой морж был бы величиной с кита!

— Откуда это? — спрашивал Грам, гладя рукой громадную кость.— Откуда эти? — повторял старый викинг, указывая на моржовые клыки.

Цены на моржовую кость падали, и до сих пор Грам не сумел выведать путей, которыми она попадала к хольмгардским купцам.

Новгородец, наблюдавший за Грамом, чтобы понять, серьезный ли перед ним покупатель, или просто праздный человек, отвечал безразличным голосом:

— В наших землях всего много, наши охотники далеко ходят и добывают всякого зверя.

...Гильдис не посещала рынки траллсов. Рабы ничтожны, безобразны. И среди них могли оказаться колдуны низких племен, дурной глаз которых был бы вреден слабому плоду. Иногда Грам приносил жене ярла понравившиеся ей вещи, иногда — нет, когда находил цену чрезмерной, а вещь ненужной даже женщинам. Гильдис не замечала хитростей домоправителя, она забывала случайные желания, она хотела родить героя и заботливо, настойчиво погружалась в свое дело, как до

нее мать, бабушка и все сорок девять поколений женщин, отделявших будущего героя от Отца Вотана. И как женщины, давшие ей мужа, Оттара.

Вечером скальды пели и рассказывали саги о прекрасном Бальдуре, Могучем Торе, воплощениях красоты и силы, о валькириях, заботящихся о героях, и о самих героях. В начале ночи приходил жрец и читал заклинания; женщина повторяла за ним. Не понимая смысла слов, она верила в магическую силу созвучий.

Жрец чертил пальцем в воздухе знаки могущественных рунир. Он удалялся, отступая спиной от зачарованной им постели дочери Вотана, и не забывал оградить рунирами порог, чтобы злые духи не приблизились к Гильдис в часы сна, когда слабеет воля.

Утром жрец особенными движениями, установленными священным ритуалом, закалывал белую козу и собирал кровь в бронзовую чашу, зачарованную знаками рунир, чтобы жена знаменитого нидаросского ярла совершила очередное омовение.

Так шли дни Гильдис, которая не знала, что Рагнаради свободных ярлов уже началось.

3

А Оттар знал. Поэтому он не будет строить драккар «Гильдис». Великолепный и самый могучий драккар земли фиордов умер, не родившись. Поэтому-то так и трудились ярл и его кормчие, его лучшие кормчие, сведущие в морском деле.

Взамен драккара с женской головой и змеями вместо волос будут построены два драккара, на двенадцать румов каждый, как «Орел», сын «Волка» и внук «Змея», но не похожие ни на них, ни на «Дракона».

Они будут низкие и узкие, что даст им неслыханно быстрый ход. Чтобы проходить по мелким рекам и вонзаться в чужие земли так легко, как меч викинга входит в тело врага, им вредна глубокая осадка. Их днище будет обшито листами меди, усиленной ковкой, для предохранения от подводных камней и речных порогов.

А что произойдет в открытом море, в бурю? Волны зальют драккар через низкие борта, он не сможет идти вместе со старшими. Сможет. У него будет запасная кожаная палуба. Во время волнения она затянет драккар, как непотопляемую лодку лапона-гвенна. Но драккар не будет остойчив на волнах, а парус опрокинет его?

Нет, у него будет пустой киль, наполненный железными брусками. Когда придется входить в мелкие реки, железо из киля можно извлечь.

Мастера привыкли строить драккары. Обычно ярлы указывают лишь число румов и украшение носа. Поэтому все ярлы плавают на похожих драккарах. Новые драккары Оттара будут особенные, как особенным был бы и «Гильдис». Поэтому Оттар и его кормчие должны сами вычертить все.

Пусть Гильдис не ступит на палубу драккара ее имени. Зато сын Оттара и Гильдис будет стоять на двух ногах-драккарах. Оттар назовет их «Акулами», это хорошее имя для драккара. Будут две «Акулы» — «Черная» и «Синяя», достойные сестры северных морских акул.

После избрания Черного Гальфдана королем нужны драккары, способные ходить по новым морям и неизвестным рекам.

Выбраны брусья и доски, выпиленные из лучших дубовых бревен с озера Нево. Дерево выдерживалось несколько лет на складе купца без доступа солнечных лучей, укрытое от дождя и снега. Доски не имеют сучков, древоточины и вредной синевы.

Тщательно подобраны медные гвозди и болты новгородского изделия, закаленные, как железо. Запасены новгородская смола, пряди льна для пазов и тюленьи кожи для шитья палуб.

Лучшие мастера Скирингссала ждут заказа. Чтобы они не занялись другой работой, им платят за дни вынужденной праздности. Нидаросский ярл не любит платить, и он торопится закончить рисунки «Акул». Но торопится разумно, без спешки: драккар — это железное оружие викинга. Могущество железа чтил даже тот глупый народ, который презирал золото.

К Оттару подкрадывался старый Грам. Домоправитель с суеверным почтением глазел на линии, нарисованные серым свинцом. Вот те особенные руниры, с помощью которых мысль ярла родит новые драккары!.. И правда, Грам различал изогнутость борта, ребро... Но он пришел за другим делом.

Грам нашептывал своему ярлу новости, много интересных новостей о торговых и прочих вещах. У него есть помощники, они, как и сам старик, бродят у пристаней и причалов, присаживаются к столам в веселых домах, оплачивая выпивку нужного человека, завязывают зна-

комства со сторожами драккаров, барж и складов, болтают с бондэрами, трутся около купцов, не брезгают поболтать и с траллсом.

Как викинг на драккаре гонится за купеческой лодьей, как собака идет по горячему следу, так и Грам охотится за тайнами торговли. Его бормотанье развлекает ярла, и Оттар вслушивается.

— Тебе предлагают сделку на все сало, мой ярл.

— А цена? Нет. Еще рано, нужно ждать. По такой цене пусть отдают те, кто не может ждать. Мы можем, Грам.

— Домоправитель Эрика Красноглазого просит в долг триста золотых монет? А обеспечение? Нет, его меха плохи, пусть сам торгует ими, а не пытается всучить их мне под видом залога. Возьми его серебряную посуду или гони его домоправителя вон, Грам.

— Явился старый ярл Фиольм с сыном? Чего он хочет? Это дурно, Грам, что ты заставил его ждать! Пусть он друг Черного Гальфдана, следует соблюдать приличия. Что ему нужно? Броню? Принеси одну из тех, которые сделал траллс, собиравшийся умереть и изменивший свое желание. Уже показывал?

Оттар выходит к знатным покупателям. Они обнимаются, пьют вино из одного ковша, лучшее вино горда Отта́ра.

Нидаросский ярл предупреждает старого Фиольма, что к весне цены на доспехи и оружие еще повысятся, как всегда, что, назначив указанную цену, он терпит убыток против будущих цен. Тщетно. Покупатели уходят не сговорившись. Но Оттар знает, что завтра они или придут сами, или пришлют золото с домоправителем. Он присмотрелся к Фиольму. Такой отец не откажет сыну.

Старый Грам все время твердит, что Черный Гальфдан и его друзья скупают оружие, много оружия. Следует заказать после первых «Акул» еще две. Золота хватит, и нечего его жалеть. В Македонии жил король Персей, дальний потомок Великого Александра. Он поскупился потратить свои сокровища на постройку драккаров и наем воинов. Римляне победили выродка Персея и взяли его золото. Скряги копят деньги для своих врагов.

Глава вторая

1

Этой зимой мастера-судостроители получили немало заказов на новые драккары, и Оттар не напрасно начал платить за свои «Акулы» до начала постройки. Все ярлы, кроме Оттара, проявляли обдуманную требовательность лишь к формам украшений.

Что касается торговли, то ярлы вели свои дела с возможной для каждого расчетливостью и старались не продешевить. Взятые в добыче золото, серебро, бронза, оружие, ценные вещи, ткани легко распределялись по долям. Но продукты охоты на морских зверей, траллсов и другие тяжелые товары было не так-то просто немедленно раздать по рукам. Сначала следовало их продать, а потом разделить на доли между викингами-участниками и ярлами, владельцами драккаров.

По обычаю, по естественному праву торговля была делом ярла. Его нерасчетливость вела к уменьшению долей, заранее подсчитанных викингами, вызывала недовольство викингов и их переход к другим ярлам. В Скирингссале викинги проводили время в распутстве и кутежах, обогащая купцов и содержателей веселых домов. Спустив первую добычу, викинги требовали от ярлов остальные доли. И многие ярлы были вынуждены решать трудную задачу: и торговать без потерь, что требовало выдержки, и снабжать нетерпеливых викингов деньгами, для чего следовало иметь хорошие запасы денег и ценностей. Запас истощался, и начинались займы на тяжелых условиях.

К услугам Оттара прибегали и Мезанг, владетель Танангергамн-фиорда, и Агмунд, хуммербакенский ярл, и ярл Гардунг из Сельдбэ-фиорда. Займы были краткосрочные и под надежное обеспечение. Эрик Красноглазый уже лишился своей серебряной утвари. Это было обычно среди ярлов, и Эрик не сердился на Оттара.

Свое свободное время ярлы тратили на такие же развлечения, как викинги. Богатый нидаросский ярл не испытывал общих затруднений, его викинги всегда имели деньги, а Оттар все свое время тратил на «Акул».

Шла вторая четверть зимы, дни увеличивались. Остовы «Акул» уже были видны. Оттар и его кормчие неусыпно следили за работой. Стремясь к тайне, Оттар приказал не подпускать посторонних к верфи: недобрые люди могли произнести тайные слова и взглянуть чер-

ным глазом, что повредило бы «Акулам». В действительности ярл не боялся порчи — он не хотел появления подражателей.

Оттар уже не помнил о полученном на тинге в Сигтуне приглашении ярла Гольдульфа,— на обратном пути Гольдульф так и не сказал ничего ясного. Но сёмскиленский ярл не забыл нидаросского.

Ярл Гольдульф не имел своего горда в Скирингссале и прислал Оттару приглашение в горд ярла Ската, владельца Лангезунд-фиорда.

Сани Оттара катились легко, к Лангезунд-фиорду вела хорошо наезженная за зиму дорога вдоль берега. В сторону отходили тропы к усадьбам бондэров. Часто путь пролегал через поселения.

На берегу виднелись оставленные на зиму рыбачьи шалаши, шесты для развешивания сетей и припорошенные снегом днища лодок, перевернутых на катках.

Зима держалась теплая, стыли полыньи с тускло-маслянистой водой. Трещины рассекали лед, уходили так далеко, как только мог различить глаз. Вдали небо было густо-серое с зеленым оттенком. Там неутомимое морское течение вырыло широкие промоины.

Лангезундскому ярлу Скату принадлежала небольшая часть обширного фиорда. Около узкой, затянутой ноздреватым льдом бухты несколько человек лениво возились с вытащенными на берег двумя малыми, на восемь или девять румов, драккарами, заменяя доски попорченной обшивки. Третий драккар, больший, стоял на воде. Лед кругом него был разбит.

Общая проезжая дорога пересекала землю ярла Ската. Возвышенности мешали объезду, и посторонние, по праву обычая, возникшего, возможно, еще до того, как предки Ската утвердились в фиорде, ездили через его владения.

Если бы кто-нибудь чужой осмелился проехать Нидаросом!.. Оттар думал о времени, когда из Лангезунда вышел первый викинг на своем первом драккаре. Он был слишком слаб, чтобы заставить соседей проложить другую дорогу, и хотел жить мирно в своем горде. Потом он сделался сильнее, но усилились и они, бондэры. Так было и так продолжается до настоящего дня. Но что будет завтра?

Мысли о решившем судьбу свободных ярлов тинге и о короле бондэров Черном Гальфдане не оставляли Оттара.

2

В горде ярла Ската Оттар нашел большое общество. Энергичному Гольдульфу удалось собрать цвет князей фиордов. Короли открытых морей блистали роскошью костюмов и драгоценных украшений, награбленных во всех известных странах, куда ярлы сумели добраться.

Свободный владетель Харанс-фиорда ярл Альрик отличился своим последним набегом на Валланд. Он поднялся по Сене, испугал Париж и без боя взял хороший выкуп с города.

Завидовавшие всем и каждому владетели Бёммельфиорда братья Гаук и Гаёнг утверждали, что выкуп был не так уж велик, как хвастался Альрик. Быть может, братья были правы. Они вслед за Альриком вошли в устье Сены, но не поднимались до Парижа, ограничившись грабежами и ловлей траллсов по притокам Сены — Эптэ, Анделль и Моретти.

Зигфрид Неуязвимый, владетель Расваг-фиорда, носил эту кличку за то, что вышел без царапины из десятков сражений и сотен стычек. Он держался вместе с ярлом Брекснехольм-фиорда Гангуаром Молчальником и хуммербакенским ярлом Агмундом. Они истекшим летом втроем напали на южных саксов в устье реки Темзы, и каждый из них отверг подарки саксов, пытавшихся расстроить союз ярлов. После первых успехов викингов саксы собрались с большими силами и потеснили ярлов. Однако Зигфрид, Гангуар и Агмунд успели построить на берегу скользкий и крепкий вал из ободранных туш скота, захваченного у саксов, и сумели удержаться в кровавом укреплении, пока на драккары не была погружена вся захваченная добыча.

Владетель Ретэ-фиорда ярл Балдер по прозвищу Большой Топор, получивший эту кличку от излюбленного им оружия, обладал необычайной силой рук. Дикий среди диких, он был одет в кафтан из толстой кожи, обычно служившей для подкольчужных рубах, на котором были нашиты золотые и серебряные кресты, награбленные в валландских и саксонских храмах. Крестов было так много, и нашиты они были так густо, что кафтан Балдера мог заменить бахтерец.

Длиннобородый Балдер искоса поглядывал на владетеля Лаудсвиг-фиорда Гаральда, прозванного Прекрасным. Единственный из всех Гаральд брил усы и бороду, как римлянин. Он носил длинную красную одеж-

ду, в которой можно было узнать мантию римского епископа. А череп епископа, оправленный в золото и превращенный в чашу, висел на цепочке у пояса Гаральда.

Предприимчивый Эрик Красноглазый, который имел от рождения белые как снег волосы и глаза странного красного цвета, Мезанг, Эвилл, Ингуальд, Скиольд, Адиль, Гальфсен и Гунвар, о походах которых было бы слишком долго рассказывать, окружали ярла-скальда Свибрагера, владетеля Сноттегамн-фиорда. Свибрагер был знаменит своим даром слагать песни и памятью, хранившей сто тысяч строк воинственных и священных сказаний-саг о богах и героях.

Собрание не обошлось и без хаслумского ярла Фрея, который, дав слово датскому ярлу Рагнару, хотел узнать выгоды иного предприятия.

Самыми молодыми были владетели Норангер-фиорда Ро́лло и Ульвин-фиорда Ингольф. Каждому из них было лет по двадцати. Они особенно горячо приветствовали двадцатишестилетнего Оттара.

Двое суток старый Скат развлекал себя и гостей. В ненасытных желудках конское мясо смешивалось с новгородской икрой, с копченым лосем, с медвежатиной, олениной, репой, тетеревятиной, крепкосоленой говядиной, жирными дикими гусями, утиными потрохами, рубленными со стручковым перцем, жаворонками, засоленными с лета вместе с гвоздикой, мятой и луком.

Острые и соленые блюда сжигали рты и палили неутолимой жаждой. Ее заливали пивом, варенным на фризонском ячмене с саксонским хмелем, новгородским медом, винами, награбленными в Валланде и в еще более далеких странах. Все казалось пресным и, в попытке найти лучшую смесь, в один ковш лили ширазское янтарное вино, кислое валландское пиво и бросали горсть соли.

Викинги выбивали о доски столов мягкий желтоватый мозг берцовых костей; руками, привычными к веслу и черными от смолы, которая сделалась частью огрубелой кожи, ломали красные панцири раков, крабов и колючие латы омаров и лангустов. Рвали соленую и копченую рыбу, выхватывали пальцами устриц из раковин и поглощали подряд все, что без всякого порядка тащили на столы перепуганные траллсы.

В общей зале горда пылали два ряда очагов — и для тепла и для света. Под крышей стояло густое облако

дыма, медленно вытягивающееся наружу через продух. Крики людей, научившихся разговаривать в открытом море, были бы нестерпимы для всех ушей, кроме их собственных.

Жир, сало и сок текли по бородам и рукам, заливали ожерелья, браслеты, перстни, пропитывали кафтаны из дорогих цветных сукон. Царило бешеное веселье, к гостям Ската спустилась Валгалла.

И желание есть и желание пить казались беспредельными. Особенно пить, как в море с пустыми бочонками для воды после нескольких дней гребли. Многие из участников пира умели утолить сухой жар глотки кровью взятого в набеге траллса,— напитком героя, по словам скальда.

Но здесь хватало всего и всем... Горькую кислоту разных сортов пива уже не отличали от острой шипучести меда, терпкости валландских вин и сладости греческих.

Гаральд Прекрасный освобождал место для новых кусков и новых чаш по способу утонченных римлян — с помощью гусиного пера. Ему подражали Эрик Красноглазый, Фрей, Ролло и Альрик.

Другие ярлы полагались на естественную бездонность своих могучих желудков. Когда же они оказывались переполненными, то вестфольдинги действовали с неописуемой непринужденностью. Пир был пиром «героев», праздником королей открытых морей, потомков Вотана.

Валгалла, Валгалла! Танангергамнский ярл Мезанг вскочил в восторге, сорвал меч с ближайшего столба и, яростно притопывая ногой, вызывал молодого ярла Ролло на равный бой. «Не нужно щитов и броней! Изрубим друг друга на куски. А ну, несколько ударов в полную силу викинга, а потом опять есть и пить!..»

Хороший хозяин умеет предусмотреть также и общеизвестные опасности пира. Среди гостей были размещены викинги Ската. Хотя это было немалым подвигом, но они лишь притворялись, что пьют. Их настоящей задачей было следить за порядком, охраняя гостей от них самих.

Перенесшийся живым в Валгаллу ярл Мезанг видел валькирий в дымном облаке под крышей зала, а его в это время валили на скамью и выворачивали рукоятку меча из ослабевших, но цепких пальцев. А потом насильно, через кожаную воронку, служившую для пытки

водой, накачивали крепким вином, пока благородный ярл не заснул, как мирный морж на солнце.

В другом углу бдительные охранители пира успевали вовремя помешать владетелю Ретэ-фиорда Балдеру, который тянулся к топору с блеском менее героической и еще более опасной страсти к убийству в воспаленных глазах.

Сноттегамнский ярл-скальд Свибрагер воспевал свои подвиги в великолепных стихах, но едва слышал собственный голос.

Опьянев до предела, гости засыпали. Их оттаскивали, как туши медведей, и укладывали в стороне под присмотром, чтобы они не задохнулись или их случайно не задавили ногами или весом тела другие пирующие.

Харансфиордский ярл Альрик для шутки схватил траллса, наливавшего ему вина, прижал коленом и переломил спину.

В залу вбежали рабыни. Среди огней очагов, в дыму, они плясали с непонятными возгласами, которые протыкали как иглой общий гам. Смутные призраки для одних, соблазн для других, менее пьяных или более крепких... Рабыни были взяты Скатом под залог у арабских купцов, как обычно.

К плясуньям тянулись руки людей, привыкших к убийству, с желанием не то обнять, не то изувечить. Возвращая рабынь, ярлы рассчитывались подневно, а когда одна из вещей бывала сломана, ее цена удерживалась из залога.

На третий день утомились самые сильные. Пир утихал, и общая зала горда превратилась в спальню.

3

Оттар пил меньше вина и пива, чем другие ярлы и викинги, поэтому он очнулся раньше многих и лучше помнил подробности пира. Он с удовольствием выпил холодного пива, поднесенного мажордомом Ската.

Старый викинг Хуг был Грамом в горде лангезундского ярла. Он проводил гостя из зала.

Пока ярлы пировали, погода успела измениться. Прояснело, похолодало, обильный иней усыпал деревья. По дороге двигалось несколько саней и бежали люди с высокими санками на лыжах-полозьях. Дорога проходила близко, и хруст снега доносился до слуха Оттара.

— Бондэры? — спросил ярл у мажордома.

Хуг принялся жаловаться на соседей. Да, не стало прежних хороших отношений между викингами и бондэрами. Прежде бондэры охотно давали викингам страндхуг в надежде, что и им что-либо перепадет после набега. И перепадало. А если ярл ничем не делился, бондэры молчали, боялись. Нет, они не смели поднимать голоса.

— А теперь они во всем находят повод для недовольства. Им не нравится, что ярл обрабатывает поля траллсами, не нравятся мастерские горда, не говоря уже о страндхуге...— Хуг признался, что Скат уже много лет не берет с соседей страндхуг. И все же они кричат. Не страндхуг, так цены на хлеб и товары, которые, видите ли, сбивают ярлы!.. Хуг считал, что лучше было бы сильнее жать на бондэров. Он не одобрял Ската, облегчившего соседей от страндхуга.

— Что же будет дальше? — спросил старика Оттар.

Хуг с недоумением посмотрел на нидаросского ярла.

— Как это, что будет дальше?

— Да, что будет через год, через два? Через десять? Что ты думаешь о будущем и что думает твой ярл? — втолковывал мажордому Оттар.

— Будет, как было,— ответил Хуг, наконец поняв вопрос.— Бондэры сами по себе, и ярлы сами по себе. Будут ссориться по-прежнему. Так было, так и будет.

Оттар глядел на фиорд, на дорогу. Фиорд был такой же, наверное, как в те времена, когда Отец Вотан ходил по этой земле. Нет. Берега фиорда поднимаются вместе со всей землей племени Вотана. Берег, на котором лежат два малых драккара Ската, был когда-то под водой. А вот дорога появилась недавно.

Хуг исчез и заботливо вернулся с новым ковшом пива. Оттар пил, думая о тупости стариков, которые всегда уверяют, что в дни их молодости все было лучше, чем теперь, но сохраняют глупую уверенность в неизменности окружающего их мира. Стоило видеть столько перемен!..

Сёмскиленский ярл Гольдульф подошел к Оттару и обнял, приветствуя брата-ярла, как хозяин гостя, с хорошим пиром и отдыхом. Гольдульф был всегда искателен и любезен. В горде старого бездетного Ската он был своим человеком.

— Вскоре мы приступим к тому, для чего собрались,— сказал Гольдульф, предупреждая вопрос Оттара.

Глава третья

1

Ярл Скат, хозяин и старший возрастом, сообщил своим гостям: замышляемое предприятие требует тайны! Нужна клятва! Скат просил ярлов поклясться: священные слова не свяжут ярлов ничем, кроме молчания.

Участники пира подбодрились вином. Удобно разместившись в зале, они с интересом ожидали продолжения. Присутствовали двадцать три ярла со своими кормчими и телохранителями. Входы охранялись.

Нет сомнения, предстоит обсуждение выгодного, выдающегося похода. Ярлы поклялись хранить тайну своим оружием и Вотаном. Такие клятвы не раз давались и не раз нарушались. Как только вмешивались непосредственные соблазны выгоды, повторялась история предательства Рёкина Грольфом. Однако просьба ярла Ската никому не показалась легкомысленной. И каждый свободный ярл дал клятву вполне искренне и думая сдержать ее.

Встал Гольдульф. Он унаследовал два драккара от брата своего отца, тоже Гольдульфа, который потерял сыновей в набегах и, не успев оставить мужского потомства, был сам убит в Хольмгарде.

Гольдульф начал с подсчета боевой силы собравшихся свободных ярлов. Столь же опытный купец, как воин, Гольдульф умел высчитать стоимость любого товара применительно к другому: «сложить лен с траллсом», по поговорке викингов. Сёмскиленский ярл обладал отличной памятью на цифры.

— Высокочтимый и могущественный, великолепный и непобедимый владетель фиорда Лангезунд, свободный ярл Скат,— говорил Гольдульф, начиная со старшего,— обладает тремя драккарами, и с ним в поход может выйти двести тридцать один викинг.

Гольдульф взглянул на Ската, и тот утвердительно ударил по столу кулаком.

— Высокочтимый и могущественный, великолепный и непобедимый владетель Харанс-фиорда, свободный ярл Альрик обладает четырьмя драккарами, и за ярлом идут почти четыреста викингов,— продолжал Гольдульф.

Он избегал изменять слова из опасения задеть раздражительное самолюбие ярлов. Величание одного следо-

вало точно отнести к другому, во избежание иногда весьма опасных осложнений. Несмотря на однообразие речи Гольдульфа, все слушали его с вниманием: в боевой силе ярлов происходили изменения, и было интересно знать, кто и на каком месте находится сегодня.

Дойдя до Оттара, Гольдульф назвал шесть драккаров и семьсот тридцать викингов. Слова сёмскиленского ярла вызвали общее удивление и восклицания недоверия. Не говоря уже о таких ярлах, как Скат и Альрик, которые вдвоем были слабее одного Оттара, боевая сила нидаросского ярла выдвигала его на первое место среди сильнейших. И, кажется, никто, кроме Гольдульфа, не знал об этом. Владетель Расваг-фиорда Зигфрид Неуязвимый спросил:

— Не ошибся ли ярл Гольдульф? В Нидаросе было четыре драккара!

Оттар молчал, будто его это не касалось. Чутьем человека, который всегда настороже, он ощущал общее отчуждение. Зигфрид задал свой вопрос, не стараясь смягчить недоброжелательство тона.

— Нет, я нисколько не ошибся,— ответил Гольдульф.— Наш друг свободный ярл Оттар, почтение к которому равно его могуществу, а великолепие — его непобедимости, действительно обладает сегодня четырьмя пенителями морей. Но к весне он будет иметь еще два. Наш друг Оттар мужественно скромен и не говорит сам о новых драккарах. И число его викингов непрестанно увеличивается.

В пышных словах, как в брюшке осы, пряталось тонкое жало. Гольдульф намекал, что хотя посторонние и не допускаются в мастерские, но тайна Оттара не секрет для осведомленных людей.

По лицам ярлов было видно, что большинство завидует Оттару — и его драккарам и влечению к нему викингов. По-своему они были правы. Оттар все время умножал свою дружину за их счет.

2

Объявленный Гольдульфом итог сил двадцати трех собравшихся ярлов составил семьдесят восемь драккаров и десять с половиной тысяч викингов.

Повторив эти цифры несколько раз, Гольдульф снабжал их цветистыми сравнениями, чтобы они вошли в головы ярлов, как стрела между ребер. Затем сёмски-

ленский ярл начал красноречиво прославлять силу, способную совершить все. Перебирая все маршруты набегов, Гольдульф не сомневался, что на любом пути сообщество ярлов ожидал успех, полный успех.

Они могут легко взять даже знаменитый Рим, где изнеженные богачи купаются в лучших винах и живут в белых как снег каменных домах около незамерзающего моря, всегда теплого и удобного для мореплавания. Можно захватить и второй, Восточный Рим,— Константинополь, столицу греков, которая ничуть не хуже первого, но...

И Гольдульф начал оспаривать самого себя. В Константинополь можно попасть через Хольмгард, что удобнее. А вообще, чтобы добраться до всех этих южных стран, приходится грести месяцы и бороться с ветрами и течениями. Там бури, приближения которых не угадает ни один кормчий. Неизвестные воды полны опасных мелей и камней. А солнце в пути жжет все сильнее, от него нет спасения, как от холода и дождя под козьей шкурой. Мускулы викингов растают от пота, как сало на сковороде.

«К чему это? — думал Оттар.— Какая у него цель?»

На лицах ярлов Оттар читал успех красноречия Гольдульфа. А сёмскиленский ярл продолжал описания южных болезней, которые покрывают тело черными нарывами, и викинг, заболев утром, вечером уже мертв. Или — опухают суставы, кожа покрывается белой мукой, и у живого человека отваливаются пальцы. Или — из тела кровь вытекает сама собой, и викинг гибнет без одной раны на теле.

«Агмунд, Скат и Альрик слушают спокойно, а другим уже надоело,— отмечал про себя Оттар.— Очевидно, эти трое знают причину болтовни Гольдульфа».

После Гольдульфа встал Альрик.

— К чему нам Рим? — спросил он.— К чему искать так далеко богатство? Разве совсем вблизи нет богатых городов и стран? И таких, куда легко плыть?

— Да! — закричал Агмунд.— Я знаю такое место! Хольмгард.

— Хольмгарду конец! — закричал Скат и так ударил кулаком по столу, что разъехались грубо сколоченные доски.

«Так вот куда они клонили! Понятно и требование клятвы молчания,— думал Оттар.— О набегах на запад и на юг можно кричать всю зиму в веселых домах

Скирингссала. Кто узнает и кто угадает, куда воткнется пущенная в небо стрела? А Новгород близок. Гнездо шершней накрывают сразу, и только дурак дразнит заранее его воинственных обитателей».

Не отвлекаясь криками ярлов, которые заговорили все сразу, Оттар мысленно взвешивал возможности. Русские привыкли видеть у себя драккары мирных для них вестфольдингов. Город богат. При единстве действий и достаточных силах можно суметь ограбить город и уйти, спалив и город, и русские лодьи. Предложение понравилось нидаросскому ярлу. Но до весны еще далеко. После вспышки одобрения ярлы затихли. Начнется обсуждение подробностей похода и выборы конунга — временного короля сообщества.

— Но это еще не все, благородные ярлы,— неожиданно заявил Агмунд.— Мы дали клятву молчания, дабы не встревожить русских. Но первое увлечение славой пройдет, и вы подумаете, что все же Хольмгард очень силен. И это правда. Однако медведь, который встает на задние лапы, менее опасен для викинга, чем тот, кто нападает вепрем. Но медведь, который неподвижно ждет охотника, открыв ему сердце, что вы скажете о такой охоте, ярлы?

Никто не понял Агмунда, но все насторожились. Встал Альрик. В общей тишине, не напрягая голоса, владетель Харанс-фиорда сказал:

— Нас ждут там, ярлы. Мы имеем в Хольмгарде друзей, и это вторая тайна.

Альрик рассказал о знатном жителе Хольмгарда ярле Ставре и его друзьях. Они зовут ярлов, чтобы усмирить с их помощью своих бондэров.

— Ярл Ставр хочет, чтобы мы послужили ему. Он хочет с нашей помощью держать Хольмгард в повиновении,— говорил Альрик.— Имя Ставра — это третья тайна, ярлы.

3

Не смеялись только самые мрачные, как Зигфрид Неуязвимый — расвагский ярл, Гангуар Молчальник из Брекснехольм-фиорда и Балдер Большой Топор из Ретэ-фиорда, которые вообще не умели смеяться. Все остальные хохотали над хольмгардским сухопутным ярлом Ставром, который — ха-ха! — собирался оседлать, их, свободных королей открытого моря.

Улыбался и Оттар. Сюда стоило приехать. Бесспорно, это правда, и Ставр с его намерениями существовал. Ни Агмунд, ни Альрик, ни даже Гольдульф, не говоря о тупом Скате, никогда не додумались бы сами до мысли не только ограбить, но и захватить Хольмгард. Под их толстые черепа эту мысль забили извне.

Захват Хольмгарда, это захват и Гардарики — страны богатых русских городов. Здесь ярлы могли бы выкроить себе громадные владения с состоятельными данниками, не лапонами-гвеннами. Помощь изнутри облегчит захват, даст возможность удержаться. А потом покоренный народ привыкнет.

Почему же ни Рёкину, ни ему, Оттару, не пришла такая мысль? На мгновение Оттар почувствовал себя униженным. Но нет! Его намерения сделаться королем викингов и повелителем мира выше всех других замыслов, и эти ярлы никогда не поднимутся до него!

Ярлы обсуждали, кому быть конунгом. Для приличия назывались имена всех, кто присутствовал. Назвали и владетеля Нидароса. Каждого приветствовали криками одобрения. Для начала всегда происходил этот своеобразный обряд, перекличка, чтобы никого не обидеть.

В этом сообществе Оттар был сильнейшим, но он понимал, что у него нет надежды сделаться конунгом. После смерти Рёкина нидаросский ярл не принимал участия в общих предприятиях, он воевал для себя и один. Ему еще предстояло пройти испытание общего дела. В сущности, это справедливо.

Перебрав все имена, ярлы как будто забыли о деле. Они перебрасывались замечаниями о предстоящем походе. Кто-то потребовал вина, некоторые зевали, как собаки перед выходом в поле. На самом деле волнующая игра лишь начиналась. Ждали, кто рискнет первым назвать настоящего кандидата. Решился чей-то кормчий:

— Гаук и Гаёнг!

Никто не подхватил предложение. Хитрый Агмунд немного выждал и повторил имена братьев, но безуспешно. Гаук и Гаёнг, владетели Беммель-фиорда, не будут конунгами.

Через минуту был назван ярл Альрик. Его как будто поддержали, но явным меньшинством. Потом закричал молодой ярл Норангер-фиорда Ролло:

— Оттар! Оттар!

Ролло вторил Ингольф, ярл Ульвин-фиорда. Самые молодые из всего сообщества, они тщетно пытались

увлечь ярлов. Вновь наступила пауза. Рискнул Гольдульф:

— Скат — конунг!

Сначала никто не отозвался. Был ли это знак отказа? Ярлы переглядывались. Балдер Большой Топор, который глухо ворчал, когда назвали Оттара, одобрительно кивал. Владетель Танангергамн-фиорда ярл Мезанг выкрикнул:

— Скат, Скат! — И имя лангезундского ярла было подхвачено как эхом. Ярлы вставали, повторяя имя хозяина, и увлекали тех, кто еще не решился. Скат был избран.

Оттар предчувствовал подобный выбор, но не смог удержать гримасу презрения. Чтобы избежать розни, чтобы никого не обидеть, чтобы никому не дать настоящей власти, они выбрали своим конунгом старого, жадного, глупо-самонадеянного лангезундского ярла.

Скат с тремя медленными драккарами, из которых два были ровесниками нидаросского «Змея», но никогда как следует не чинились; Скат, вечно твердивший, что викинг должен решать во время боя, не обременяя себя предварительными размышлениями, проповедник мудрости кулака, а не головы, этот глупый Скат — конунг!

У него едва хватит ума и влияния, чтобы кое-как начать поход. Конунг, которого на следующий день после первой удачи или неудачи перестанут слушаться. Удобный конунг...

Оттар направился к выходу. Больше ему здесь делать нечего, он не пойдет на Хольмгард.

— Нидаросский ярл уже покидает нас? — спросил Гольдульф.— Нам придется еще выслушать конунга и ярлов, условиться.

— Ты известишь меня.

— Значит ли это, что ты отказываешься?

— Мне нужно обдумать.

— Нидаросский ярл всегда обдумывает, и никогда его нет, когда все собрались! — крикнул хаслумский ярл Фрей, который уже забыл свое обещание, данное датскому ярлу Рагнару.

У двери Оттару преградил дорогу викинг Овинд, брат крови и телохранитель владетеля Дротнингхольм-фиорда ярла Скиольда. Овинд дерзко сказал Оттару:

— Нидаросский ярл презрительно смеется, когда выбирают конунга. Он предпочитает сманивать викингов у других ярлов!

Ярл Скиольд был приятелем ярла Грольфа, чем и объяснилось оскорбление. Не отвечать Овинду значило признать себя нидингом, трусом.

Оттар сбросил плащ и выхватил меч, приглашая Овинда на поединок. Но викинг бросил на пол свой меч, не вынимая его из ножен. Стягивая кафтан, он заявил Оттару:

— Я предлагаю тебе «простой бой»!

— Круг! Круг! — кричали со всех сторон. Чтобы очистить место, отбрасывали столы и скамьи. «Простой бой» был одним из самых острых развлечений: противники имели право терзать и убивать один другого любыми приемами, но только голыми руками. Ярлы спешили объявить ставки и заклады.

Овинд ссутулился и вытянул обе руки, как клещи. Богатырь был на голову выше Оттара и рассчитывал на бесспорное преимущество длины рук и роста. Казалось, что взрослый ловит мальчишку. Ставки на Овинда сразу подскочили.

Противники выжидали к удовольствию присутствующих. Сам Овинд сейчас не был склонен легко оценить Оттара. Нидаросский ярл, конечно, уступал ему в росте и в весе, но его обнаженный торс оказался точно высеченным из камня...

А Оттар, для которого схватка была навязанной необходимостью, хотел раздразнить Овинда и лишить его самообладания. Овинд обильно опохмелился, это помешает ему быстро соображать и действовать.

Ярл метко плюнул в лицо Овинда,— правила «простого боя» разрешают всё,— прыгнул, достал до лица викинга кулаком и отскочил, ловко увернувшись от опасных рук.

На белом, как молоко, плече молодого ярла выступили глубокие ссадины от когтей богатыря, а лицо Овинда сразу залилось кровью из рассеченной левой брови.

Разъяренный страшным оскорблением и первой неудачей Овинд пошатнулся, невольно схватившись за глаз, ослепленный кровью. Правой рукой он указал на ближайший столб.

— Об этот! — крикнул он, желая сказать, что разобьет Оттара об опору крыши, как только схватит его.

Но прежде чем он успел сообразить, нидаросский ярл вцепился в протянутую руку, рванул богатыря, вонзил большой палец своей руки в орбиту его здорового глаза,— сильный, но рискованный прием,— присел с

ловкостью рыси и дернул Овинда за щиколотки. Богатырь упал навзничь. Оттар дважды ударил побежденного ногой в висок.

Овинд раскинул руки, подогнул ноги и замер. «Простой бой» кончился смертью богатыря в несколько мгновений. Раздались возгласы восхищения. Норангерский ярл Ролло и ульвинский ярл Ингольф, забыв о состоявшемся выборе, кричали:

— Оттар конунг, Оттар конунг!

Их усилия были по-прежнему тщетны.

Больше никто не бросил вызова нидаросскому ярлу, и он покинул горд Ската.

Глава четвертая

1

Приближалась весна. Тинг отменил страндхуг. Тинг принял закон о вечном изгнании каждого викинга, который хотя бы попытается выжать страндхуг из берегового бондэра. Тинг вновь строго угрожал объявлением вне закона каждому свободному ярлу, кто дает притон изгнанникам.

Черный Гальфдан обещал обуздать свободных ярлов. Бондэры поклялись слушаться короля.

В веселых домах Скирингссала ярлы и викинги издевались над Черным и бондэрами.

Несколько викингов и охваченных военным безумием берсерков набросились на Черного, когда он проезжал по лесной дороге. Король был легко ранен в лицо, его сын Гаральд — в руку, а нападавшие перебиты.

В мошны купцов и содержателей веселых домов уплывали последние остатки добычи викингов. Все чаще вспыхивали злобные драки, чаще устраивались в кругу ожесточенные поединки на равном оружии. Несмотря на бдительность охранителей порядка, выгорел один из кварталов веселых домов, подожженный разоренными кутилами.

Викинги с нетерпением ждали весны. Говорили о походах на запад, на острова, говорили о датском ярле Рагнаре и великом походе могучего сообщества ярлов с конунгом Скатом. О Хольмгарде никто не заикался.

Нидаросский ярл выгодно сбывал свои товары. Он вел торговлю лучше других, имел больше товаров, охотно давал золото и серебро под хорошие заклады, которые всегда оставались в его пользу, и щедро наделял

своих викингов. Викинги Нидароса были богаче многих и многих, перед ними заискивали те, у кого уже опустел карман.

Приближалась весна. Чаще и чаще в горде Оттара появлялись гости, чужие викинги, готовые покинуть своих ярлов. Они приходили и группами, связанными кровавым побратимством, и поодиночке. Каждого встречало широкое, обдуманно внимательное гостеприимство. Для гостей здесь не жалели вин, приправленных греческими пряностями, и лучшего новгородского меда, и крепкого пива.

Богатый горд, очень богатый. Нидаросский ярл понимает викинга, он великодушен и прост, не то что Скат, Гольдульф, Агмунд, Зигфрид, Гангуар, Мезанг или Альрик.

Уже больше ста викингов перешли к Оттару. В общей зале горда новый товарищ перед огнем очага вкладывал в руки ярла свои руки в знак послушания и верности и клялся великими богами. Он вручал ярлу свой меч. Ярл возвращал оружие и клялся свято соблюдать интересы викинга, клялся защищать его всегда и от всех, также против любых приговоров тинга и против короля. Приносили весло драккара, повторяли с ним тот же обряд, и присутствовавшие сопровождали возгласы торжественных обещаний ударами в щиты и криками:

— Мы слышали! Мы видели! Клятва! Клятва!

— Вотан слышал! Вотан видел! Клятва! Клятва!

«Черная» и «Синяя Акулы» получили гребцов-воинов. К Оттару пришло бы еще больше викингов. Мешало сообщество двадцати двух ярлов. Его участники сулили викингам неслыханную добычу на Юге.

Теплые западные ветры ломали рыхлеющий лед в Скирингссальском фиорде и в открытом море.

— Ты будешь слушать, Грам, будешь слушать,— напоминал Оттар своему мажордому.

— Да, да, да,— мотал безобразной головой старый однорукий викинг.— Как всегда, как всегда. Я буду знать все, все,— твердил Грам.

— Больше чем всегда. Оставь купцов в покое, Грам. Слушай и знай, что будет делать Черный. Сумей знать о нем все.

— О-ах! Черный Гальфдан, проклятый. Да, да.

Король и его друзья скупили много оружия. Новгородские купцы сделали этой зимой выгодные дела с

Гальфданом Черным и его сторонниками. Бондэры посылали своих сыновей к королю.

— Ты возьмешь у мастеров мою третью и мою четвертую «Акулу». Не жалея золота,— не смей скупиться! — ты найдешь гребцов. И ты успеешь послать мои «Акулы» в Нидарос, когда будут вести. Если будут...

2

Молодой владетель Норангер-фиорда ярл Ролло навестил Оттара в Скирингссале. Гость отказался от предложенного традиционного гостеприимства — дружеского пира и танцовщиц:

— Нет, я пресыщен пьянством и обжорством. Эта зима длится бесконечно. Я хочу беседы, она интереснее вина и женщин.

Ролло вертел на указательном пальце толстый золотой перстень со светлым камнем, сиявшим даже в пасмурный день.

Владетель Норангера родился лет на шесть позже Оттара. Еще короткая рыжеватая бородка сливалась с подстриженными надо ртом мягкими усами. Вьющиеся локоны удлиняли лицо, истощенное кутежами и потерявшее за зиму морской загар.

Норангерский ярл напомнил Оттару изображение какого-то бога, которому молятся франкские жрецы в женских платьях с бритым теменем. Оттара располагали к Ролло и бескорыстная восторженность перед ним, Оттаром, и ощущение какой-то внутренней общности. Этот молодой человек не был соперником, как хитрый Гольдульф, завистливый Альрик, пышнословный Свибрагер — скальд-ярл, дикий Балдер Большой Топор, как злобно недоверчивая пара друзей — Зигфрид Неуязвимый и Молчальник Гангуар.

— Будь таким гостем, как хочешь, ярл, и выбирай развлечения по своему вкусу,— заметил Оттар.— Ты устал? Рёкин утомлялся и скучал от забав. А мы молоды. Пиры и быстрая смена молодых рабынь веселее, чем сидение на румах. Араб Ибн-Малек и грек Саббатиус имеют женщин, обученных поразительным образом. Наши отцы не знали, что любовь можно сделать такой неожиданно искусной. Не хочешь ли?.. Ты еще успеешь летом повертеть веслом, викинг.

— Драккар движется веслами. Меня уже тошнит от женских животов,— возразил Ролло.

Да, драккар движется, а гуляка стоит на месте... Оттар кивнул в знак согласия. Его настойчивость была лишь обязательной вежливостью хозяина.

— Скажи, ярл, почему ты не хочешь вместе с нами напасть на Хольмгард? — в упор спросил Ролло.

Он хочет много знать. Чтобы знать, не следует задавать вопросов. Оттар ответил:

— Никто не слышал слов моего отказа. Я не отказался. Я сказал, что буду думать. Я еще не принял окончательного решения. Время есть. Я обдумываю.

Последняя фраза вырвалась невольно под влиянием симпатии к Ролло. Гость воспользовался возможностью настаивать:

— Как старший и как опытный, скажи, о чем ты думаешь, взвешивая свои мысли, как золото на весах?

Лучше не спешить помогать тому, кто сам не умеет прийти к выводу. Уклоняясь, Оттар возразил:

— Если ты считаешь меня старшим братом, скажи, ярл, окончательно ли ты сам решил идти на Хольмгард?

— Да.— В знак подтверждения Ролло закрыл глаза. Положительно, он очень похож на бога франков.

— Почему? — вновь спросил Оттар.

Ролло открыл глаза:

— Я беден. Я очень хочу быть богатым. Клянусь, когда я сейчас закрыл глаза, я видел золотые монеты. Хольмгард близок, удача обеспечена. Я хочу разбогатеть одним ударом. Будь мой Норангер так же богат, как Нидарос, я имел бы возможность размышлять,— откровенно объяснялся Ролло.

Он продолжал:

— Датчанин Рагнар зовет всех на юг, в Валланд. Я считаю Хольмгард выгоднее. Пусть меня возьмет Локи, если после Хольмгарда я не куплю три новых драккара. Как ты, я буду носиться по морям, ни от кого не завися.

— Ты говоришь, как викинг,— согласился Оттар.— Однако же наши ярлы мечтают не только о добыче,— они не прочь навсегда завладеть Хольмгардом.

— Они так и сделают,— подтвердил Ролло.— Но я не хочу быть под властью Ската, Гольдульфа и никого вообще. Я возьму свою долю и уйду. Но слушай, ярл! — и Ролло ударил Оттара по колену.— Иди с нами. Клянусь валькириями, мы сбросим заплесневелого конунга Ската, как гнилую деревянную куклу, с носа его червивого драккара. Ты будешь нашим конунгом и королем

Хольмгарда. Я за тебя. Ингольф тоже. Остальных мы уговорим.

Молодость, молодость!.. Владелец Ульвин-фиорда Ингольф был едва ли старше Ролло. И они вдвоем собираются убеждать зрелых возрастом и кичливых опытом жизни владетелей фиордов, членов союза ярлов! И в пользу Оттара, который для ярлов чуть ли не такой же юноша, как они, думал Оттар. Как охотно нидаросский ярл истребил бы всех остальных тупиц-ярлов! Но в ответ на искренность Ролло он не смог заставить себя играть словами:

— Слушай, викинг, я скажу тебе то, чего не скажу никому. Вот что будет с вами. Вы победите и разорите Хольмгард. Хольмгардские купцы лишатся товаров. Это выгодно для вас, для племени фиордов. Арабы, греки и западные купцы придут к нам за товарами...

Воспользовавшись паузой, Ролло хотел что-то сказать, но Оттар остановил его улыбкой и жестом:

— Подожди. Итак, вы победите и завладеете Хольмгардом. Пройдут три, четыре месяца, год. Вы все перессоритесь из-за сбора дани и власти. Населенные земли дают золото и серебро, но сами они не монеты и не слитки, их не положишь в мешок. Слушай, сообщества ярлов не всегда годятся даже для набегов, тому пример гибель моего отца Рёкина, гибель ярла Торольфа, гибель ярла Халланга и других. И совсем не годятся для завоеваний. Да, и когда вы начнете между собой настоящую войну, хольмгардцы восстанут и перебьют уцелевших победителей. Это верно, как Судьба. Завоеватель должен быть один.

С помощью Оттара собственные мысли норангерского ярла принимали законченный вид. Ролло инстинктивно стремился к самовластию, как Оттар.

— Я благодарю тебя, Оттар,— сказал Ролло.— Тебе не по дороге с ними, я же пойду. Дай мне совет. Как быстро ты ушел бы из Хольмгарда после победы?

— Рассудим вместе. И шести тысяч викингов хватит для завоевания Саксонского острова, Валланда или Хольмгарда. Заметь, я не сомневаюсь в вашем успехе! И в том, что вы возьмете добычу. Я ушел бы поскорее, но лишь потому, что викинг не должен попусту тратить время.

Не сказать ли, что именно теперь, когда Черный Гальфдан сделался королем, викинги должны торопиться? Нет, не к чему. И Оттар закончил:

— У вашего сообщества почти десять тысяч викингов. Один викинг стоит десяти воинов любого племени. Повторяю тебе, что для ярлов, обосновавшихся в Хольмгарде, настоящая опасность наступит не раньше начала собственных раздоров.

— Благодарю тебя,— сказал Ролло.— Ты прав. Когда у меня будет шесть драккаров, я буду ходить один, как ты.

3

Непроглядно-темной ночью небо гневно бросило на землю фиордов бешеные стрелы. Мутные потоки рванулись к морю по улицам Скирингссала. Во мраке небо хотело вытащить и незаметно утопить накопленные людским буйством нечистоты и улики преступлений.

Ливень съел осевшие сугробы, выбросил наружу изуродованные ранами и объеденные собаками тела животных и людей. Мутные потоки тащили все с одинаково мрачным рвением.

Выбирая бревенчатые стены, которые вдались в улицы дальше других, вода выгрызала под ними ямы и бросала туда все, что была не в силах унести. В своем усердии вода сваливала вместе погибшего в драке или опившегося викинга, изувеченный труп рабыни, дохлую кошку, остов козы, кухонные отбросы и жалкие останки мальчика-траллса, на лбу и на проржавевшем ошейнике которого уже не удалось бы прочесть руну хозяина. Наполнив яму, вода старалась свалить на нее стену, чтобы прикрыть от глаз общую могилу.

Измученный непосильной работой, усталый ливень наутро уступил место слезливому, моросящему дождю. После полудня тучи лопнули, и выглянуло солнце. Недовольное земной грязью, оно тут же скрылось. Но данный им сигнал был принят. Ожили берега, и ожило море. Первыми из всех, кто зимовал в Скирингссале, вырвались драккары Нидароса. Впереди флотилии спешили «Акулы» с мордами страшных рыб на вздернутых носах. Оттар шел на «Черной Акуле». Низкий узкий драккар мог, не утомляя гребцов, замкнуть круг и опять опередить даже быстроходного «Дракона». Ярл любил сидеть на акульей морде своего детища. Когда волна покрывала низкие борта, вода легко скатывалась с кожа-

ной палубы, а тяжелый киль придавал «Акуле» надежную стойкость.

Во время остановок для пополнения запасов пресной воды Оттар навещал «Дракона». Иногда он прыгал на его борт и в море. Ярл был внимателен к жене.

Гильдис надоела ему. Она потеряла красоту и стала слишком капризной. Женщины в ожидании детей чрезмерно преувеличивают свое значение в важном деле продолжения рода!..

Двуногий обитатель берлоги под носовой палубой «Дракона» мог бросить дурной взгляд на неродившегося Рагнвальда. Перед палаткой жены ярла натянули полосу арабского шелка, почти такого же красивого, как небесная радуга. Черпальщик не мог видеть Гильдис.

На знамени Нидароса был изображен могучий ворон. На алом полотнище выделялись крепкий клюв, тяжелые цепкие лапы и острые крылья, которые впоследствии заимствовала для своей эмблемы одна европейская держава.

Голос Гильдис не потерял силу, но стал более низким. Женщина пела другую песнь:

Я ворона вижу, он черным крылом
махнул и поднялся над белым орлом.
  Я вижу, как в небо они поднялись,
  как сыпались перья, как когти сплелись.

Орлиные крылья вороньих сильнее,
орлиные когти вороньих острее.
  И падает ворон, орел одолел.
  Он сел на скалу и победу воспел.

Но ворон оправился, взмыл на скалу
и меткий удар он наносит орлу.
  Ворона клюв —
  викинга меч,
  орлу он срубает
  голову с плеч.

Драккары не тащили тяжелых барж, и их влекло попутное течение. За день флотилия делала переход, равный двум переходам всадника, но двигалась вчетверо быстрее его, так как по ночам драккары не нуждались в отдыхе, как лошади.

На шестнадцатые сутки «Акулы» первыми вбежали в горло фиорда Нидарос.

Глава пятая

1

За зиму послушные данники, желтолицые лапоны-гвенны, пополнили опустошенные торговлей склады горда.

Много тысяч шкурок соболей, песцов, речных выдр, горностаев, лисиц, куниц, около тысячи шкур белых медведей, тысячи шкур оленей висели на длинных перекладинах, на деревянных крюках и железных крючках.

Круто сплетенные канаты из китовых, кашалотовых и тюленьих ремней, тяжелые, как цепи, и прочные, как железо, над которыми лапонские женщины ломали пальцы и срывали ногти всю зиму, казались живыми, свернувшимися в коварные спирали змеями неизмеримой длины.

Сбор пуха в гнездовьях прилетных птиц шел полным ходом, и лапоны спешили набить пустые лари своего страшного повелителя, господина людей и злых духов.

Оттар мельком взглянул на пух, но пушнину осматривал придирчиво. Он запускал пальцы в мех, чтобы ощутить опытной рукой его мягкость и плотность, встряхивал, придавая волнистое движение, дул, вглядываясь в подшерсток.

Прикусывая мездру зубами, ярл испытывал плотность, вкус, которые безошибочно говорили о качестве выделки. Ярл разбирался в мехах, как немногие купцы. В пушных складах стоял особенный густой запах. Оттар тщательно принюхивался, нет ли запаха тления, который подскажет, что мездра была плохо очищена и какие-то шкурки портятся, теряют цену. Он приказал чаще проветривать склады и обкуривать дымными кострами из свежих можжевеловых веток.

Несколько десятков траллсов под надзором пяти викингов следили за сохранностью дорогого товара и занимались его выделкой. Это была важная работа. Оттар приравнивал свое пушное дело к трем драккарам — по доходности. Он пренебрежительно относился к охотнику. Главное — обработать меха, хорошо их выделать и выгодно продать.

В Скирингссале находили сбыт и сырые меха, обработанные одним сухим соленьем. В мездру втирали соль для предохранения от гниения, чем и ограничивалась первая выделка. Но за такие меха купцы платили ровно

вдвое дешевле. Не потому, что эти меха бывали плохи сами по себе или дальнейшая выделка дорого стоила. Купцам был неудобен товар, который не мог быть упакован в плотные тюки, занимал много места, ломался при сухости и боялся сырости. Оттар знал, что из Скирингссала меха отправляются в путешествия всегда на многие месяцы, иногда и на годы.

Шкурки отмачивались в длинных корытах, в дождевой или в снеговой воде с солью. Оттар смотрел на траллсов, которые заученными приемами переминали шкурки, чтобы они скорее намокли. Слишком длительная мочка ухудшала качество. Руки траллсов покрывали язвы и струпья; соленый раствор, способствуя обработке мехов, разъедал живую кожу.

Мездровщики сидели верхом на скамьях. Сырую отмоченную шкурку следует брать правой рукой за заднюю лапку, а левой за середину. На скамье перед каждым траллсом была укреплена тупая скоба, о которую сдиралось лишнее — жир, прирези, то есть куски мяса и сухожилий.

Ярл заметил, как один из мездровщиков неправильно взял шкурку, правой рукой не за заднюю лапку, а за переднюю. Так он будет мездрить по волосу, а не против волоса, и попортит мех. Оттар ударил траллса в бок ногой, скорее толкнул, а не ударил, не как богатыря Овинда в «простом бою». Работы много, невыгодно лишаться обученного траллса, совершившего простую ошибку по рассеянию.

— Плеть,— приказал ярл викингу-надсмотрщику.

Викинги ленились как следует наблюдать за работой, не все были похожи на Грама, не имевшего цены. Оттар использовал престарелых викингов в хозяйстве как надсмотрщиков.

Многие ярлы пользовались отпущенниками для управления хозяйством. Но Оттар не хотел иметь траллсов-отпущенников, хотя они и считались наилучшими помощниками. Еще при жизни Рёкина Канут, андосский ярл, погиб со всей семьей, и его горд был сожжен. Мятеж траллсов был успешен из-за сообщничества отпущенников. Мстители истребили траллсов, но муки, в которых они погибли, не помогли Кануту.

После мездрения меха квасились в соленой, закисшей мучной болтушке. Оттар проверил густоту закваски — траллсы были способны пожрать отпущенную муку, не думая об ухудшении качества кожи.

Оттар приглядывался к отношению викингов-надсмотрщиков к траллсам. У стариков порой заводились любимцы. Естественно, иные любят кошек, собак. Но баловство животного никому не вредит, а поблажки любимцам ухудшают работу.

Обработка кож требовала силы, а для выделки пушнины использовались старые или больные траллсы. Отсюда они уходили только на свое кладбище, в пищу свиньям.

Оттар заметил мужчину, который легко нес тяжелую охапку сырых оленьих шкур. Ярл указал на него, и викинг-надсмотрщик крикнул:

— Горик! Сюда!

Лицо и голые руки траллса были покрыты многодневной грязью, но все же казалось, что он молод. Оттар не помнил этого траллса, хотя ярл обладал отличной памятью на лица.

— Откуда ты?

— Твои люди подобралли меня в море.

Надсмотрщик рассказал, что этого человека недавно — ярл еще не вернулся из Скирингссала — действительно нашли на берегу. Он объяснил, что потерпел кораблекрушение к югу от Нидароса. Течение принесло его на обломках. Ярлу понравились сильная фигура и смелый взгляд случайного раба.

— Кто ты?

— Варяг.

— Ты умеешь грести?

— Испытай. Умею владеть мечом, копьем и луком тоже.

Снаружи под плетью выл траллс. Оттар разглядывал случайного пленника, как лошадь. На лбу варяга еще не было неизгладимого укуса раскаленным железом. Это послужило последним доводом в его пользу.

— Сломай ошейник, заставь вымыться, одень его и приведи ко мне,— приказал Оттар надсмотрщику и сделал рукой приветственный знак освобожденному рабу.

Лишний меч. Сегодня Оттар сумел сделать выгодное приобретение. И даром. Мечи никогда не бывают лишними.

2

Приближались длинные дни лета, когда на Варяжском море и в Хольмгарде не бывает ночной темноты. Это время было и всегда будет самым удобным для вой-

ны, для набега, для осады, для быстрых сражений, решающих судьбу похода одним или несколькими быстрыми ударами. Оттар думал: конунгу Скату пора выходить с его двадцатью одним ярлом в поход на Новгород.

А в Нидаросе уже шли длинные дни незаходящего солнца. Оттар собрал всех викингов в большом зале горда. Ярл напомнил им о годах, проведенных вместе, когда ни один день не был потерян без пользы для викинга, об удачных походах, об увеличении богатства каждого.

Не открывая своих мыслей о неизбежности победы Черного Гальфдана над свободными ярлами, Оттар говорил об опасной для общей свободы ненависти бондэров и о том, что пришла пора нидаросскому ворону распустить крылья, поискать далеких нетронутых земель.

В поход пойдут «Дракон», «Орел» и обе «Акулы». На них шестьсот пятьдесят викингов. «Змей» и «Волк» с остальными викингами будут ловить морских зверей и рыбу в водах Гологаланда.

Но главная задача остающихся — это охранять горд с новорожденным вестфольдингом, юнглингом Рагнвальдом, сыном Оттара, сына Рёкина, сына Гундера, сына Альфа, сына Свена, сына Олафа, сына Биера, сына Бю, сына Гардена, сына Эстута, сына Мотана, сына Гру, сына Асмунда, сына Сонта, сына Бранда, сына Ганунда... и так до отца Вотана.

Глава шестая

I

Драккары плыли к таинственному северу мимо известных лежбищ моржей и не приставали к берегам, чтобы внезапными нападениями пополнить запасы дорогой белой кости в пустых складах Нидароса.

Видели великолепных синих китов, которые, казалось, в два раза превосходили размерами «Дракона», и не гнались за ними. Без внимания оставляли стада хищных зубатых кашалотов, богатых ценным белым воском, похожих на хвостатые обрубки деревьев, срубленных гигантами. Вскоре флотилия Нидароса вошла в незнакомые воды. Обе «Акулы» плыли впереди, разлучаясь не более чем на три полета стрелы. «Дракон» и «Орел» держались в струях «Акул».

Ярл составил отряды викингов на «Акулах» из новых воинов, перебежавших от «Кабана» Грольфа или принятых в Скирингссале. У «Акул» были низкие борта и скользящий ход, на них было значительно легче грести, чем на старых нидаросских драккарах. Убежденный в незыблемой верности старых викингов, Оттар ласкал новых с обдуманным расчетом вождя.

Направо, на востоке от пути драккаров, горы наступали на море сурово-злобными берегами, полными смутных, угрожающих образов, которые или вдруг прятались, или преследовали, меняя колдовские личины, всегда удивительные и всегда уродливые. Черный и серый камень, зеленые, синие пятна с белыми знаками, темные провалы ущелий в низкой кайме неумолчного прибоя — здесь берег не сулил ничего доброго.

Под неутомимым солнцем нескончаемого дня неведомая северная часть земли фиордов туманилась и мерцала. Опасаясь узких лабиринтов между землей и островами, встревоженный мутью воды, в которой поджидали камни, старший кормчий Эстольд уводил флотилию в открытое море. И земля фиордов превращалась в тучи, клубившиеся под ясным сводом востока.

Нельзя терять из виду берег. Миновав опасные места, драккары возвращались к земле.

Больше нигде нет, как в первые дни плавания, дымков от кочевых стойбищ лапонов и их кожаных лодок, в которых они смело нападают на толстокожих морских зверей, чтобы платить дань нидаросскому ярлу.

Здесь море было еще обильнее населено, чем вблизи Нидароса, а земли стали пустыней. Места, пригодные для обитания богов и духов.

Безыменные архипелаги островов белели снегом птичьих гнездовий. Открывался глубокий фиорд в отвесных берегах невиданной высоты. Ни один викинг не мог бы подняться на берег и построить горд. Страшную скалистую пасть прикрывала сползающая с гор багрово-сизая туча. Из нее Тор метал в гранит золотой молот. А в море, над драккарами, сияло солнце.

Викинги молча искали амулеты под кафтанами. Гребцы же, чьи руки были заняты, шептали заклинания.

А из следующей расселины берега прямо в море лез глетчер, обрушивая в воду куски своего тела — ледяные горы, опасные, предательские айсберги.

2

— Течение усиливается,— заметил Оттару кормчий Эстольд.

«Черная Акула» приближалась к проливу. Несмотря на попутный ветер, все драккары шли на веслах. Прямым парусом не так легко управлять, и осторожный Эстольд не хотел доверяться ветру на неизвестной дороге. Драккары были верным оружием в руках кормчих лишь на веслах.

Эстольд улавливал быстроту течения опытом, который трудно передать в словах. Он улавливал силу течения по многим признакам, в которых движение драккара в отношении берега и известный темп гребли были лишь частью слагаемых. Оттар не ответил.

— Течение еще усилилось,— вновь заметил Эстольд через некоторое время.

— Ты боишься? — спросил ярл.

Такой вопрос не оскорбителен. Из всех викингов драккара один кормчий имеет право испытывать и опасения и страх. Стихии сильнее даже сынов Вотана. Кормчий держит не прави́ло руля, а жизнь и смерть драккара и воинов.

— Я помню историю короля Гаральда Древнего,— ответил Эстольд.

Гаральд Древний заплыл на север дальше всех и едва не погиб в черной яме Утгарда, куда безвозвратно изливается море.

— Плыви, пока это действительно не сделается опасным,— спокойно сказал ярл.— Гаральд успел повернуть, успеем и мы. Мои драккары лучше Гаральдовых,— добавил Оттар, который тоже чувствовал необычную силу течения.

Драккары неслись к берегу. Эстольд заметил залив и направил флотилию туда.

«Черная Акула» подпустила другие драккары ближе. Оттар видел тревогу кормчих и свободных от гребли викингов. Большинство не воспользовалось правом спать между сменами на веслах.

В небольшом заливе нашелся удобный для причала берег. Оттар в сопровождении четырех кормчих и нескольких десятков викингов вскарабкался на высокий берег. Поднимались тучи птиц, которые с оглушающим гамом заслоняли солнце. Со второго, еще более высокого мыса открылась тайна Северного моря.

Шли часы прилива, и внизу, на колоссальной глубине, кипела черная яма Утгарда. Усиленное высоким приливным валом могучее морское течение дико врывалось в пролив и из пролива в фиорд. Не найдя выхода, вода, взлетая на вспененные берега, неслась в свирепом грандиозном водовороте. Викинги чувствовали, будто гора содрогалась под напором моря.

Страшное зрелище притягивало, томило неиспытанным чувством. Хотелось и броситься бежать, чтобы не видеть, и наклониться над бездной, повиснуть и — выпустить опору! Сзади, внушая странные и опасные желания, казалось, давило невидимым ветром, который холодил спины.

В воде что-то мелькнуло. Нужно было вглядеться, чтобы понять. Кит, затянутый в ловушку, сражался с бездной за свою жизнь.

Могучий зверь хотел вырваться в открытое море, где вода так мягка и добра. Он греб против течения плавниками и хвостом, греб всей мощью опытного пловца, как никогда не греб до этой минуты. Он стоял скалой против тяжелого вихря воды, бурля и взбивая пену еще выше, чем течение. Но он оставался на месте.

Увлекательное для викингов зрелище борьбы живого существа со смертью помогло им справиться с головокружением.

Кит напряг силы и сдвинулся. Напрасный успех! Громадный зверь опять остановился, как драккар на канате. О его усилиях свидетельствовали столбы воды.

Внезапно кит понесся вместе с течением. Трудно было уследить за его стремительным бегом. Хотел ли он использовать силу водоворота и вырваться? Или он просто не хотел сдаваться, пока был жив?

Бездна оказалась хитрее. Соединив силу течения с силой бега кита, она высунула ему навстречу камень. Она держала его наготове, прятала в пене, как убийца прячет короткий толстый меч под плащом.

Беспощадный удар! Таран в крепостные ворота. Над белой, взбитой пухом водой поднялось громадное тело. На мгновение кит встал на голову.

Затем он исчез и бессильно всплыл у другого края страшного фиорда-палача. Теперь кит безучастно несся в бурлящей воде, показывая то черную спину, то синевато-белое брюхо. Постепенно его затаскивало в воронку водоворота.

Один из викингов или слишком далеко нагнулся,

увлеченный зрелищем, или поддался притяжению пустоты. Он молча упал. Тело ударилось о выступ, отскочило, расставив бесполезные руки-клещи, и рухнуло на узкую площадку над кипящим котлом. Секунду оно лежало. Вдруг высунулся чей-то язык и сдернул жертву. И сейчас же поток, в поисках новой добычи, облизал всю ступень.

Шум воды усиливался. Отражаемый стенами фиорда, усиливаемый тысячеголосым эхом, он преображался в дикий звериный рев. Так вот где едва не погиб древний король Гаральд! Он не солгал потомкам.

Но какой же это Утгард?! Действительно страшный, действительно чудовищный фиорд мог выпить море с таким же успехом, как сам Оттар — вычерпать ложкой даже самое мелкое озеро Нидароса...

Ярл оглянулся и увидел искаженные лица своих викингов. Они изменили себе и не стыдились обнаружить страх. А Эстольд и Эйнер были спокойны, как сам ярл. Они глядели вдаль. Пролив, который резко сужался между островами и фиордом, дальше расширялся, и за ним лежало свободное, открытое море.

— Древний Гаральд не был трусом, конечно, но,— и Оттар сделал паузу,— он был наверняка глупцом.

Эстольд ахнул от восхищения. Его ярл, его Оттар, вот это настоящий викинг! Пока Оттар с кормчими, глядя с высоты на открытое море, намечали дальнейший путь драккаров, прилив прошел свой высший уровень. Сила водоворота падала, грохот умолкал.

3

— Они не хотят плыть дальше,— предупредил ярла богатырь-телохранитель Галль. Его побратим и неразлучный соперник Свавильд добавил от себя:

— Одни кричали, другие молчали. Не хотят плыть. Дальше только Утгард — Локи.

— А чего хотите вы оба? — спросил ярл с насмешкой.

— Я хочу валландских женщин...— начал Галль.

— Нет, саксонок,— перебил Свавильд.— Зачем ты нас тащишь в пустыню?

— Довольно! — остановил ярл бессмысленную болтовню телохранителей.— Что вы будете делать, когда другие кричат?

— Всегда с тобой,— серьезно сказал Свавильд.

— Конечно,— поддержал Галль.— Мы их всех перебьем, крикунов.— Богатыри не ссорились, когда дело касалось верности ярлу.

Драккары почти опустели. Викинги ждали своего ярла на берегу с решительными и мрачными лицами. Опережая события, Оттар крикнул Галлю:

— Принеси мои руниры! И мой черный плащ!

Оттар скользил взглядом по толпе. Привыкнув видеть сразу много лиц, он отметил, что особенно недовольны были передние. В задних рядах чувствовалось больше нерешительности, чем раздражения. Были и просто безразличные. Кто-то хотел заговорить. Ярл, требуя молчания, поднял руку. В стороне Эстольд и Эйнар рассказывали тем, кто хотел их слушать, о спокойном море за опасным проливом.

Галль прибежал с плащом и кожаным мешочком. Черное шитье на красной коже изображало длинные и короткие черточки, соединенные в несложные фигуры. Это были знаки рунир — букв, способных передавать смысл речи и заклинать людей, духов и богов. Дети фиордов благоговели перед посвященными в тайный смысл рунир. У каждого был свой амулет со священными знаками, иногда приобретенный за высокую цену.

Телохранители раскинули плащ и отошли. Викинги сдвинулись поближе к ярлу, но ни один не решился переступить ближе десяти шагов. Оттар запустил руку в мешочек и вытащил несколько белых палочек длиной в четверть. На каждой была выжжена одна руна.

Вот «половина стрелы» — ᛚ, «лаугр», или «вода».

Вот «двуножие» — Λ, «ур», или «искра».

И «еловая ветка» — ᚬ, «ос», или «вход».

Все эти знаки хороши при гадании.

Но на следующих, оказавшихся в горсти, читалось совсем иное.

Вот «виселица» — ᚴ, «каун», или «чума».

И «распятый на столбе» — ᚼ, «гагль», он же «град».

Оба эти знака очень плохи, они предвещают беду со всех сторон: от моря, от камней и с неба. На последней палочке был знак, похожий на открывшего объятия друга — ᚾ, «науд», он же «близость». Хороший знак, когда нет «кауна» и «гагля», но очень опасный, когда следует за ними.

Зная, что на него смотрят, не спуская глаз, больше

шестисот так или иначе взволнованных викингов, ярл медленно сел на плащ и закрылся полой.

Перед чтением гадания, которое решит судьбу похода в неведомые моря, нидаросский ярл вступал в общение с Вотаном.

Оттар размышлял. Гнездо будущего короля викингов можно устроить дальше, прикрывшись дурным фиордом, как щитом. Но эта неприступность будет лишь временной. Лапоны-гвенны создавали наибольшую часть богатства Нидароса. Здесь безлюдно. Чтобы впоследствии победить Черного и бондэров, нужно богатство и богатство. Через год у Оттара будет больше тысячи викингов, через семь или восемь лет — столько же тысяч, сколько пройдет лет. Тогда он устроит Рагнаради для Черного и бондэров. Да, а на что же кормить и баловать викингов, строить драккары? Одних набегов мало, нужны богатые населенные земли.

Оттар незаметно положил обратно в мешочек опасные руниры «гагль» и «каун». Общение с Вотаном закончилось. Ярл откинул плащ и бросил палочки на черное сукно. Викинги надвинулись, как стадо голодных быков к корму.

Для тех, кто не мог подойти ближе или не понимал знаков, Эстольд громко возглашал руну за руной:

— Вода. Вход. Близость. Искра! Успех — несомненный — ждет — смелого!

Редко случалось, чтобы руниры ложились столь благополучно. Оттар закричал:

— На борт!

Кормчие повторили приказ. В числе первых, кто охотно побежал к «Черной Акуле», Оттар заметил варяга Горика. Хороший гребец и, вероятно, верный меч, он будет полезен.

Оттар внимательно присматривался к своим новым викингам: трусливые и слабые не нужны Нидаросу.

В других руках Горик был бы осужден вечно носить ошейник, хотя он не был купленным или взятым в бою траллсом. Но жадному Оттару было невыгодно заставить носить ошейник человека, выброшенного морем в подарок. Конечно, если он годился на лучшее, как Горик. Настоящего клейменого траллса ярл никогда бы не освободил.

Уже все были на местах и ждали своего ярла, вновь послушные и гибкие.

— Как вы могущественны, о руниры! — с иронией произнес Оттар начало всех заклинаний священными знаками. Он верил в гадания. Но еще больше верил в свою волю, в свой разум.

Ярлы и викинги взаимно клялись в соблюдении общих интересов, но отнюдь не в какой-либо другой, отвлеченной верности. Бывали случаи отказа викингов от похода, что не считалось предательством. Оттар хотел управлять не простым понуждением.

...Через три дня и ветер и течение понесли драккары на восток, а земля по-прежнему была справа. Пять дней флотилия неслась на восток, бессознательно огибая северный край земли фиордов. Затем ветер потянул с севера, а перед носами драккаров по-прежнему простиралось открытое море и земля по-прежнему лежала на правой руке!

Викинги поняли, что они окружили землю фиордов. Где они? Не Гандвик ли это, таинственное море колдунов, о котором никто ничего не знал?

В воде теснились стада неисчислимых китов и кашалотов. А птицы, тюлени, моржи летели и плыли прямо на юг. Эстольд посоветовал оторваться от пустынного, безлюдного берега и последовать примеру животных. На пятый день с того утра, когда флотилия вошла в Гандвик, с высокой мачты «Дракона» был замечен берег и на воде — несколько лодок, похожих на лапонские.

МОЛОТАМИ КОВАНО

Я прошел через моря, где еще никто не ходил. Поэтому здесь все — мое!

Скандинавские саги

Не только документы, но, что еще важнее, быт, нравы, государственность средневековой и новой Западной Европы явственно, неоспоримо показывают глубину исторического воздействия скандинавских пиратов...

Напор скандинавских завоевателей на Восток оказался неудачным. Союзы приильменских славян решительно и раз навсегда отбросили скандинавов. Но напор скандинавов на Запад, происходивший в VIII, IX и X веках, оказался успешным. Эти события представляются весьма важными в мировой истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕДА ХУЖЕ СМЕРТИ

Глава первая

1

Две тяжело груженные расшивы издалека шли вниз по реке Ваге, гребли по течению, спешно махали тяжелыми веслами, спускались на Двину. Поморянский старшина Одинец вместе с товарищами кузнецами, подмастерьями и работниками возвращался из поездки за железной землей.

Идет одиннадцатое лето с того времени, когда Доброгина ватага новгородских повольников вышла на Вагу из Черного леса. Железная земля-руда была найдена умельцами на болотах немного выше памятных острожков с пушниной, подаренной ватаге первым старшиной Доброгой.

Эти болота, такие дорогие для осевших по Ваге, Двине и на морском берегу новгородцев, обширны и мелководны. По ним, на кочкарнике и мхах, вперемежку с березняком и осинником, корежится кривой ельник.

Руду копают из-под корней. Она по виду черная с кровяно-красным, будто к жирному лиственному перегною примешалась мука от крепко обоженных и толченых

горшечных черепков. Горсть руды тяжела, куда больше тянет, чем такая же горсть речного песка.

Уже восьмое лето расшивы поморянских и других кузнецов приходят на железные болота. Место известное, обжитое.

Стоят избушки, чтобы было где спать в рабочие недели, и берестяные вежи биарминов. Биармины тоже собирают руду. Здесь хранится рудная снасть — широкие, долбленные из комлей ступы, тяжелые песты. Для осушения болот прокопаны канавы.

Все лишнее — листву, щепу, корешки и перегной — выжигают из руды на кострах. Золу тщательно толкут в ступах и веют деревянными лопатами.

В остатке, в крепком черном порошке, скрывается железо. Порошок собирают в лубяные короба и грузят в расшивы.

Этой весной досадливые затяжные дожди мешали поморянам прокаливать и веять руду. Кузнецы сверх обычного задержались на болотах. Ныне семейным домовитым людям хотелось поскорее попасть домой, и они гребли вниз по течению без остановок, без заездов к знакомым и родичам.

Пробежали мимо места, названного Доброгиной заимкой, против которой было выжжено первое памятное поле, огнище, по старому сухостою. Местные жители подплывали к расшивам на лодках побеседовать с поморянами.

При огнище остался починок, а городка, о котором в светлой первой радости владения вольной рекой горячо помечтал Доброга, этого городка не получилось.

Близ мыса, где новгородцы впервые встретились с биарминами и счастливо подружились с отцом жены Сувора Бэвы, у слияния Ваги с Двиной, устроился второй починок, побольше первого.

Вскоре поморянские расшивы прошли мимо третьего памятного места, где повольники сражались и мирились с биарминами.

Здесь, на двинском берегу, отдали души восемь повольников, с которыми уснул и Радок, брат ненаглядной для Одинца Заренки.

Одинец торопил расшивы, ему было тошно, он стосковался вдали от своего двора. Поморянского старшину все почитают, все любят. И на поморье, и на Двине нет у него врагов и недоброжелателей. Ему как будто

в жизни удалось все. Однако же он невесел. Почему? Об этом трудно рассказать, он сам об этом не сказал бы.

Как бы человека ни мучила жажда, как бы ни томил голод,— утолил их и забыл. Но чем Одинцу утишить беспокойное чувство сердца? Есть такая пища, но не каждому дано к ней прикоснуться.

Расшивы спустились до колмогор — местности, откуда нижнее течение Двины разливалось разделенными островами протоками.

Здесь расположилось самое большое поселение, Колмогорянский пригородок. Новгородцы привыкли звать пригородами или пригородками все свои города, кроме главного, Новгорода. Место это по-биарминовски звалось Калма-ваары — Могилы-бугры, за древние могилы, лежавшие в слабо холмистой местности. Осваивая названия новых для них мест, новгородцы по легкости и по своему произношению переиначили биарминовское название.

В колмогорах нашлись отличные места для пашен, хорошие луга для нагула скота, доброе сено на зиму. Одинец помнил, как ватажники первый раз спускались к морю, помнил каждое слово Доброги. Явился бы первый старшина и порадовался. Прочно осели новгородцы на новых местах, нашли не только железную руду, но и удобные речные пути, переволоки к Новгороду.

Ниже колмогор Двина течет слабо, а в приливную морскую волну и совсем останавливается. Близится поморянский городок Усть-Двинец. Скоро и дома.

Поморские места богаты зверовыми, пушными и рыбными ловлями. Поморяне подучились выходить в море, бить китов и кашалотов, брать тюленей. А с хлебом на морских берегах дело не пошло. Хлеб и вымокал, и ранние осенние заморозки били на корню зеленые колосья. Не годится для хлеба поморская земля. У колмогорян же и выше, по Двине и по Ваге, земля родила хорошо. Поморяне привыкли выменивать хлеб у верховых — это выгоднее, чем держать свои пашни.

2

Город Усть-Двинец сидел на месте первого острожка, поставленного при Доброге. Поморяне не построили укрепления, о котором заботился Доброга. Старый ров завалился, а бревна с тына люди понемногу растащили для других дел.

С биарминами дружили и не думали ссориться, а никого другого здесь, на краю света, не было и быть не могло.

Тем, кто знает новгородскую жизнь, просторный и богатый двор поморянского старшины Одинца сильно напомнил бы двор знатного железокузнеца Изяслава. Такого же вида теплые избы и клети, такое же мощение двора и крытый второй двор. Углы строений резаны в новгородский крюк и в прочную кривую лапу.

Дворы Карислава, Сувора, Вечерки, Янши и другие тоже были очень похожи на новгородские. Поморянское строение рубилось из сосны да ели, а новгородское — из дуба. Для взора в этом-то и была, пожалуй, главная разница...

Недаром затейливо пошучивал рыжий Отеня, который поселился на морском берегу вместе со своей женой-биарминкой:

— Видать, не одни птенцы, оперившись и войдя в силу, себе вьют точь-в-точь такие же гнездышки, как те, в которых они разевали желтые клювы и растили на голой коже первый пух.

Но все же в укладе жизни у поморян есть большие отличия от Новгорода. Во дворе Изяслава живут его младшие братья с семьями, женатые сыновья, дочери с мужьями. Немало нанятых подмастерьев и работников, но своих кровных больше.

А у Одинца было бы пусто, не поселись с ним одним родом его бывшие первые подмастерья биармины Онг, Тролл и Болту. Они пообрусели и прижились к главному мастеру.

Из четырех первых биарминов, постигших все тайны новгородского железного умельства, отстал один Расту. Овладев мастерством, он жил со своим родом по морю на закат от Усть-Двинца.

На дворе Одинца нашлось место и для Гинока, одного из первых повольников, который, как Сувор, женился на доброй миловидной биарминке и через жену породнился чуть ли не с четвертью всех биарминов.

Городок Усть-Двинец в первые же три лета разросся дворов на сорок и на том почти остановился. Новгородские выходцы не забыли общего решения поставить один, главный и сильный городок, пригород Новгорода, но не исполнили.

На одиннадцатое лето от прихода новгородцев, по рекам Двине, Ваге, Мезени и по морскому берегу жило

до трехсот семей, и поодиночке — заимками и кучками — починками. Раздробленности содействовали богатство охоты в новом краю и, как уже поминалось, безопасность жизни.

И первые пришельцы, былые ватажники, и новые выходцы из Города рассыпались по удобным местам, охотно перемешивая свои дворы с дружескими стойбищами биарминовских родов.

Биармины уже не молятся железу. Водяные люди хорошо пообзавелись топорами, теслами, гарпунами и всей прочей железной снастью и оружием. По примеру новгородцев, биармины научились по-настоящему обрабатывать дерево.

Мало-помалу менялся быт.

На летних оленных пастбищах и на зверовых ловлях биармины по-прежнему довольствовались кожаными и берестяными вежами, на зимовьях же иные уже срубили настоящие дома...

Усть-двинецкие поморяне выбежали к пристани встречать старшину и своих, всем людством дружно выносили короба с рудой и уставляли на телеги.

Вместе со взрослыми поспевали помогать мальчики и девочки. В первой телеге повел лошадь под уздцы Изяславик, сын Сувора и Бэвы. С ним вместе старался другой мальчик, тремя или четырьмя годами поменьше,— Гордик.

Изяславик вел одной рукой лошадь, а другой — Гордика. Мальчики оглядывались назад. Изяславик успел приласкаться к дяде Одинцу, а Гордик побывал у отца на руках.

Мальчата ошиблись, им бы все палить да палить железные печи-домницы. Нет, подождете. Одинец пошел не за телегами, а к своему двору. Гордик вырвался и припустил за отцом. Побежал бы и Изяславик, но нельзя, он не маленький, ему недавно пошло уже одиннадцатое лето. Как бросить лошадь? Дорога, вишь, какая, еще вывернется телега-то. Уж коль взялся за дело, так делай,— это сам дядя Одинец говорил.

3

Одинцов двор богат, но что хозяину в богатстве! Он не искал богатства, не гнался, оно само пришло.

Двор поморянского старшины был бы пуст без поселившихся по-братски биарминов и Гинока. И совсем не

быть бы своему двору, не выполни Одинец сокровенную от других волю покойного побратима Доброги.

Тому минуло семь лет, как Одинец ходил за переволоки в Новгород и отдал старшинам виру, что на нем тяготела за убийство нурманнского гостя Гольдульфа. Одинец ступал чужаком по мощеным улицам и площадям города и недолго загостился у тестя Изяслава. Его тянуло поскорее вернуться домой, к двинским и морским берегам. И Заренка не просила мужа подольше погостить у кровных.

Отрезанный ломоть не пристает к караваю, у родительского очага быстро холодеет место, оставленное девушкой. Самой же ей любо быть хозяйкой и править своим домом. Заренка держала свой дом властной рукой, жена Гинока и другие биарминки ей ни в чем не перечили, жизнь шла без свар и помехи твердым русским порядком и уставом.

Заренка встретила мужа по обычаю низким поклоном, сняла с хозяина кафтан. Одинец знал, что хозяйка озаботилась и баню затопить, как только услышала о возвращении. Из печи торопились горшки, из погребов будто сами бежали моченые и соленые прикуски. Наполнялись ковши.

Все усть-двинецкие прибежали почествовать счастливое прибытие своего старшины. Радостно сиял Ивор, Иворушка, приемный сын Одинца, дитя, рожденное Заренкой от крови Доброги. Все верили, что в теле Ивора, пришедшего в мир после смерти отца, жила смелая душа первого ватажного старосты. Но для Одинца он был не пасынком, а сыном.

Кого еще нужно Одинцу, что нужно! Взгляни на него — радостен хозяин, радостен муж и отец. Но чем ему насытить сердце, если оно хочет самого простого, доступного в жизни для всех, а для него одного невозможного, об этом он знает один. Принимая из рук Заренки ковш, Одинец встал, по русскому обряду поцеловал жену-хозяйку в губы и до дна осушил первую чашу.

Глава вторая

1

Чтобы уберечься от пожаров, и в Новгороде и во всех поселениях места для варки железа всегда отводились подальше от строений. Усть-двинецкие поморяне

держали свои домницы выше городка, вблизи речного протока.

Старинную русскую печь для выплавления — варки — железа из руды называли домницей, а почему — кто знает.

Работа мехами звалась дманием. Отсюда пошло слово надменный, надутый, в применении к человеку. Оно, как и ошеломленный, то есть оглушенный ударом по шелому, по шлему, осталось до нашего времени в русском языке.

Быть может, первоначально плавильные печи звались дманицами, каковая кличка превратилась в легче произносимое, более звучное слово домница, домна. Говорят, что к железоплавильной печи пристало примененное в шутку женское имя Домна.

Это неверно. На Руси греческое имя Домна появилось с распространением восточноправославного христианского вероисповедания, а плавить руду в домницах славянские и иные племена на Руси умели за многие века до появления на их землях первого греческого монаха.

Усть-двинецкие печи-домницы были сложены из диких колотых камней на растворе песка с глиной. Снизу внутрь печей для воздуха, гонимого мехами, были проведены тонкие трубки из обожженной глины. Каждая домница была высотой по шею человеку, а толщиной в три обхвата.

Домницу обряжали чистым и крупным березовым углем, отсеянным от пыли и мелочи, и железной рудой, смешанной с крупным речным песком и печной золой, мытой в воде. На печной под уже был заложен зажженный древесный трут для запала угля. Домницу грузили в четыре ковша раз за разом — как бы не задохнулся трут!

После наполнения домницы одни работники начинали тут же работать мехами — дмать домницу,— а другие закладывали горло каменным сводом с дырой — продухом.

Палить домницы, варить железо было таким же великим умельством, тонким мастерством, как калить кованое изделие. Вначале следует сильно поработать мехами, чтобы разжечь угли. Но если продолжать быстро «гнать домницу», можно погубить все дело. Скородельное железо получается каменно-жестким и колким; оно, сколько его ни разогревай в горне, крошится под моло-

том. За негодность такое железо звали свиным. Его куски годились лишь для навески к сетям вместо каменных или глиняных грузил.

Никак нельзя и медленно, слишком осторожно вести домницу. При слабой работе мехами, «малом дмании», железо совсем не вываривалось из руды. Оно срасталось в орехи и рассыпалось бурой тяжелой окалиной — опять пропали труды!

Плохой, небрежный мастер мог губить плавку за плавкой. Потому-то настоящие мастера всегда окружались почетом: не счастьем, не удачей, как в иных делах,— успех в плавильном деле достигался сознательным умельством и в своей трудности считался доступным не каждому, но лишь особо способному человеку.

Пока домница не доведена до конца, от нее нельзя ни отойти, ни прекратить работу мехов — дмание.

В домницу не заглянешь, не пощупаешь железо. О творящейся тайне выделения из руды драгоценного металла, без которого в жизни не ступишь шага, мастер соображал по времени, по горячему тяжелому духу из продуха в своде и, главное, по своему умельству.

В полдень Заренка пришла кормить работников. Детишки, материны помощники, притащили горшки с горячим варевом, миски, ложки. Ивор в холстинном мешке принес каравай хлебушка.

Близ домниц была построена работницкая изба с очагом, чтобы мастерам было где отдохнуть и согреться в сырые холодные дни. В избе — большой тесовый стол и лавки.

Человеку пища дается с трудом, и, как считали новгородцы, непристойно принимать пищу кое-как, без порядка-обряда.

Сидя за выскобленным ножом и добела отмытым дресвой столом, работники ели чинно и строго. Они бережно держали ломти хлеба, чтобы ни крошки не сронить на землю, осторожно макали в солонку — не рассыпать бы соль.

Из всего, что берут люди от Матери Земли, самое честное и самое дорогое — хлеб. Он дорог не ценой: где запахло хлебным духом, там дом, там родной очаг. Ни о чем так не мечтает забредший в Черный лес охотник, как о хлебе. По русскому обычаю, гостю в почет подносят не золото, не самоцветные камни, не серебро и пушные меха, а хлеб. С хлебом подносят соль, потому что

она от Солнышка. Хлеб и соль — человеческий труд, согретый и порожденный добрым Солнцем-богом.

2

Первая смена кончила трапезовать, хозяйка кликнула другую.

Ивор попросился:

— Отче! Позволь и мне подмать!

Вместе с Ивором за мехи взялся Изяславик; мальчата-ровесники старались изо всех сил. И Гордик хватался помогать. Малый совсем, тем двум по одиннадцатому лету пошло, а ему едва седьмое. Одинец взял сынка на руки:

— Погоди-ка малость, подрасти прежде.

Мехи сипят и сопят, прогоняют воздух через трубки-сопла, вмазанные снизу в домницу. Паренькам мешают длинные волосы, падают на лица, лезут в глаза. Малые встряхивают головами, но не выпускают рукояток, боятся, вдруг им скажут: «Будет вам, отходите».

Заренка, глядя на ребят, встала на пороге работницкой избы. Лицо у жены поморянского старшины спокойное, взгляд прямой, строгий. Всегда такой, всегда, всегда... Одинец не знает другого взгляда.

Гордик завозился на отцовских руках, мальчику уже надоело, просится к матери. Одинец пустил малого. Гордик любит мать, и Заренка любит Одинцова сына, никто другого не скажет, нет...

Старший мастер ощупал свод домницы и, узнавая, что делается внутри, на себя отмахнул дух. За ним проверили домницу Тролл и Онг. Свод пылкий, пылкость жаркая, тонкая, знойная, но не жжет. Дух чистый, острый, сухой. Над продухом воздух дрожит.

— Теперь бросай дмать,— распорядился Онг.

— Я не утомился, отче,— возразил Ивор, глядя на Одинца.

— Да уж домница-то поспела, Иворушка. Дошло железо. Докончили.

Мальчонок знает, что Одинец ему не кровный отец. Ивор любит слушать рассказы былых ватажников о Доброге, славном вожаке повольников, кому были наперед ведомы все пути-дороженьки и чье сердце было, как море широкое. А Одинца без принуждения зовет отцом и на любовь отчима отвечает искренней сыновней любовью.

Гордик больше тянется к матери. Иворушка же к Заренке холоднее, ему бы все быть неотступно при отчиме. Зоркие соседи-поморяне тому не дивятся: ведь в малом живет душа Одинцова побратима Доброги.

Внизу домницы был вмазан большой камень. Спекшуюся в пазах глину с песком отбили ломиками и вывалили заслонный камень. Внутри черно пышет ярым жаром, тонким облачком вылетела белая зола.

Гинок запустил в пасть длинные, двухаршинные клещи. Руки мастера защищены кожаными рукавицами, лицо отворачивает. Горячо, горячо... То-то у кузнецов бороды покороче, чем у других людей. Как ни берегись, волосы курчавеют и трещат.

Гинок выдернул железную крицу — черный ноздреватый камень величиной с детскую голову. Перехватил клещи, крякнул и выставил крицу на наковальню, на валун дикого камня. Тут же в два тяжелых молота Тролл и Онг принялись охаживать горячее сырое железо. Ухают мастера и подлетают за молотами на раскоряченных здоровенных ногах, как в буйной пляске. Глаза горят, целя без ошибки, бороды вздыбились, а молоты — как богатырские кулаки.

Эх, и любо же весело смотреть на кузнецов, когда они спешат, пока крица горяча, осадить и уплотнить дорогое железо быстрой и могучей ковкой!

По правилу каждую крицу оковывают в шар и разрубают зубилом, чтобы проверить доброту железа.

Тем временем подмастерья торопятся осмотреть каменную кладку стен домницы, продуть и прочистить железными прутами сопла и вновь заправить печь.

Беспрестанной работой, от восхода и до восхода, с домницы берут две крицы.

Из крицы, если ковать, например, одни топоры, их выходит четыре-пять.

В зимние стужи работа на домницах не только чрезмерно тяжела, но и само железо часто не доваривается, а иной раз выходит свиным. Поэтому мастера каждое лето стараются наготовить побольше сырых криц и, пользуясь светлыми ночами, гонят домницы, не давая им отдыха. Зимами же переделывают железо в изделия.

Кажется, можно было бы наготовить железа и отдохнуть. Нет, из лета в лето все больше требуется железных изделий, не напасешься. Как видно, думал Одинец, не ему одному с другими мастерами, но и детям и внукам-правнукам хватит железной работы на веки веков.

3

Едва мастера разрубили крицу, как заслышался необычайный шум голосов. К домницам от Усть-Двинска пришли свои поморяне и притащили двух незнакомых молодых биарминов, которые едва держались на ногах.

— Старшина, старшина где?!

— Здесь старшина. За каким делом прибежали?

Биармин, который был пободрее, объяснил, что их обоих прислал к Одинцу-старшине его друг кузнец Расту. Послал сказать поморскому старшине весть — на море ходят невиданные лодьи. Расту велел с этой вестью бежать морем к Одинцу и нигде совсем не отдыхать. И они оба гребли два восхода солнца, сильно гребли. Потому что никто не видывал таких лодей, самые старые старики-родовичи не слыхали. Таких лодей не бывало.

— А какие же те лодьи?

И хочет объяснить гонец, и нет у него нужных слов для рассказа о невиданной ранее вещи. Он старался, досадовал на свое неумение, злился на Одинца, на поморян, что его не понимали. Биармин стучал по голове кулаком, но слова не шли.

— Ты лодьи сам видел?

— Сам, сам!

Одинец захватил горсть углей и повел биармина в избу к чистому трапезному столу.

Недаром биармины любят коротать длинные зимние ночи перед высокими огнями жировых светилен за причудливой резьбой по твердой кости. Нежданно пригодилось умельство. Глаз биармина был верен и рука послушна, хотя и дрожала от окровавившего ладони весла.

Резчик наострил уголь об уголь, примерился, разделил белую столешницу двумя чертами на три равные части. В верхней он нарисовал длинную низкую лодью с приподнятым и тупым от рыбьей головы носом. На боку лодьи — двенадцать кружочков. Биармин объяснил: каждый кружок — большое весло, лодья машет двенадцатью большими веслами с каждого борта. Таких лодей две, совсем одинаковых, черных.

На второй части стола биармин вырисовал лодью повыше и побольше, с птичьим носом и тоже с двенадцатью кружочками на борту.

А все третье место на белом столе заняла высокая большая лодья со звериной головой. Она была вся, как

неизвестный злой зверь. Над бортами лодей биармин добавил много точек, как рои мух,— это люди.

— Какие же люди?

Далеко, с берега никто не мог разглядеть. Сами лодьи страшные, на таких люди не плавают. А все же было видно, что там не звери, а люди. И это не морские духи, которые появляются ненадолго и исчезают от заклинаний.

Стало страшно. Как быть, как быть?

Расту велел поскорее сказать старшине Одинцу.

Заренка повела биармина ко двору, накормить и уложить гостя. Второго гонца потащили под руки, он совсем ослабел.

Тем временем погнали новую домницу, работа — она не ждет.

4

Усть-Двинец взволновался. Пришли Карислав с Вечеркой и другие, кто был занят у себя во дворах. Рассматривали умелое биарминовское рисованье — нурманнские лодьи, самые настоящие нурманнские...

Иворушка примчался из дому с куском бересты. На ней нарисована голова с двумя коровьими рогами. Биармину вспомнилось, будто такая не то была, не то не была на ближней низкой лодье.

Одинец вспоминал забытого наглого нурманна Гольдульфа, стрелу в бедре. Вспоминал бегство, от которого вся его жизнь сложилась иной, чем он мыслил, будучи веселым и пылким молодым парнем. Ничего он не мог изменить и не хотел менять. Юность не вернется и ни к чему она сейчас.

Поморянский старшина ушел далеко, глядит на бересту с нурманнским шлемом, не видит.

— Чего голову мучить? — сказал Вечерко.— То нурманны, никто более.

Одинец не слышал.

Бегом явилась взволнованная Заренка.

Она помнит материнские рассказы о родном селе, сожженном и разграбленном нурманнами. Не удалось бы Заренкину деду уйти от злых людей — быть Светланке не женой Изяслава, а нурманнской рабыней.

Женщина встала перед мужем, скрестила на груди руки и, как никогда не бывало, зло и многословно спросила:

— Что же ты? О чем задумался? Голову повесил!.. Нурманны пришли. Ты забыл, они по морям не с добром ходят, проклятые морские волки. Кто того не знает? Ныне они добрались к нам. Ты что, испугался?

Одинец очнулся. Он может ответить жене, что только однажды в жизни узнал страх — когда над ним нависло рабство в возмездие за убийство иноземного гостя. Может честно сказать, что больше никогда и ничего не пугался. Не испугался ведь он и не согнулся, когда она ушла к Доброге. У него один нестыдный страх — ее, Заренки, лишиться. Одна тягота — жена не любит. Но Одинец смолчал, не обиделся.

Он встал, смело обнял Заренку, притянул к себе по-хозяйски, легко, как ребенка, приподнял и прямо глянул в гневно-строгие очи любимой:

— Не бойся.

Глава третья

1

Человеку, который сам не ищет зла другому, свойственно до последнего часа утешать себя мыслями, что беда не случится. И вправду, не приплыли ли нурманны с простой торговлей, почему бы и нет? Но слишком хорошо знали новгородцы нурманнскую повадку легко мешать грабеж с торговлей и быть смирным лишь там, где они видели силу.

Прошло четверть дня после прибытия тревожных гонцов Расту. Влево от двинских устьев, на закат солнца, и вправо, на его восход, побежали в быстрых кожаных лодках гонцы с вестью для всего населения побережья:

«По нашему морю плавают чужие злые люди нурманны в особенных черных лодьях. Им нельзя ни в чем верить, и от них нужно прятаться».

Гонцы везли и настоятельный наказ:

«Всем мужчинам брать лучшее оружие и спешить в Усть-Двинец, где все люди будут вместе обороняться от нурманнов».

И к колмогорянам послал Одинец вестников, не забыл и летних рыболовов на двинских берегах, и биарминов на глубинных оленьих пастбищах.

На биарминовских стойбищах никак не брали в толк, что это за такие люди и лодьи, которых вдруг испуга-

лись братья биарминов, железные люди? Если у гонца был с собой рисунок на бересте, то, разглядывая его, соглашались:

— Верно, лодьи нехорошие, злые.

Биармины выходили на море и, прикрывая руками глаза от яркого блеска, впервые со дня рождения, с опаской глядели на царство Йомалы.

Злая касатка прорежет воду острым плавником, и нет ее. На глади пусто. А в небе? Там высоко и светло, там тает поздней льдинкой белое лебединое крыло, облачко. Спокойно все, мирно.

Оленьи пастухи не понимали, как же это им вдруг бросить оленей? Этого никогда не бывало. Коль поблизости находился друг-поморянин, железный человек, направлялись к нему посудить не спеша, общим умом: непонятно что-то... А поморянин уже собирался, немедля торопился к Усть-Двинцу.

Его пример действовал лучше слов. Ведь правда, не зря зовет добрый человек, старшина Одинец. Зовет — нужно его послушаться.

Отец брал с собой младших сыновей, оставляя семью на старшего:

— Ты во всем будешь, как я. Строго за всем гляди, заботься о всех одинаково, с тебя род спросит.

Биармины захватывали с собой испытанное охотницкое зверовое оружие. Запасались старыми легкими стрелами и новыми тяжелыми, изготовленными по новгородским образцам для волка, медведя, росомахи, дикого оленя. Брали метательные костяные копья и железные рогатины для боя в упор. Не забывали железные топоры и ножи, но захватывали и тяжелые оленьи рога, надежно крепленные жилами к можжевеловым рукояткам. А старых дубин с моржовыми зубами или камнями не было, их уже побросали.

Биармины не боялись. Их больше всего влекло любопытство и нежданное развлечение, хотелось взглянуть на то, чего испугались храбрые железные люди. И они повторяли новое странное слово:

— Нур-манн, нурманн...

2

Неизвестное море, неизвестное дно полны опасностей для мореплавателей. Кормчий вглядывается, он напряжен, как охотничья собака на стойке.

Эстольд черпаком доставал воду и полоскал нёбо, подобно купцу, определяющему качество и ценность вина, пива или меда. В темные ночи набегов вкус воды заменяет глаза. У разных берегов вода имеет разный вкус и запах, и кормчий задолго узнает о близости речного устья.

Как будто бы в этом неизвестном море, Гандвике, вода была все время чуть-чуть преснее, чем у берегов земли фиордов. Как будто сегодня она сделалась еще чуть-чуть преснее. Но реки еще не было.

Эстольд осторожно вел в мелком море флотилию нидаросского ярла, не приближаясь к берегам. Там не было гор. Далекие, слабо волнистые низменности, окрашенные глубокой зеленью лесов, напоминали доступные земли готов, фризонов, валландцев и саксов. Иногда викингам казалось, что они находили глазами хорошо знакомое место. Самообман. Они знали, как далеко заплыли, их начинало угнетать путешествие в неведомое.

Близились к концу запасы пресной воды. Викинги устали, но берега оставались безлюдными. Неужели Гандвик действительно заселен колдунами, знающими тайные чары, чтобы делаться невидимыми?

Викинги вспоминали саги о белокуром Зигфриде и о нибелунгах, хранителях золотых кладов, скрывавшихся от глаз героя под маской из волшебных трав.

Наконец с «Дракона» заметили несколько лодок у берега, и флотилия направилась к земле. Эстольд перешел на «Черную Акулу». Опасное море было так же мелко, как перед Фризонландом, где отлив освобождает, а прилив вновь прячет бесчисленные песчаные острова-ловушки.

Эстольд приказал всем драккарам бросить якоря — здесь было лишь двадцать локтей глубины — и ушел на «Черной Акуле» разведать подходы к берегу.

Ярл наблюдал с мачты. Оттар редко вмешивался в действия опытнейшего кормчего земли фиордов Эстольда. Он не только доверял ему, как кормчему. Оттар считал, что подчиненные делаются небрежными, если их приучают к мелочной опеке, и старался давать своим викингам больше разумной свободы.

«Черная» медленно уменьшалась, Эстольд занимался тщательными промерами — долгой, утомительной работой.

Терпение,— глупо рисковать, придя так далеко.

Вдоль берега скользила лодочка, едва различимая в линии прибоя. Расстояние скрадывало быстроту движения, но опытный взгляд Оттара определял, что гребцы спешат. Недавно у берега находилось несколько лодок. Вероятно, на берегу есть поселение или залив. Оттару виделся дымок. Конечно, на берегу найдется ручей или речка. Потоки никогда не впадают в моря по прямой линии. Их устья закрывают набросанные волнами барьеры.

Лодочка убегала на восток.

Пусть уходит, нидаросский ярл пришел не для внезапного набега, когда неожиданность высадки решает успех. До сих пор вновь открытая безлюдная земля не имела никакой ценности. Если на ней живет лишь редкое и бедное население, то значение открытия будет также невелико. Оттару не нужны пустыни. Кому нужны земли без людей!

Отсутствие ночной темноты позволяло не спешить. «Черная Акула» возвращалась, драккары передвигались, приближаясь к защищенному мелями узкому заливчику. Уже различались острые крыши жилищ, похожих на лапонские, и несколько бревенчатых домов — неведомая страна показывала свое первое поселение.

Оттар послал лодки. Два отряда викингов охватят селение. Дымовые сигналы сообщили о начале загонной охоты, и ярл сам вышел на берег.

Следует дать решительный урок и избавить новых данников от ненужной борьбы и лишних страданий.

3

Лес начинался сразу за поселком, и жители всех других земель давно исчезли бы, бросив дома и имущество. А из этих, как увидел Оттар, никто не убежал и не собирался бежать.

Для племени фиордов жители берегов Гандвика своими темными глазами и черными волосами обличали принадлежность к низшей расе и напомнили Оттару лапонов-гвеннов. Но их кожа была светлее и ростом они были выше лапонов. Видимо, не зная, что делать, они отступили к своим домам — на берегу сделалось тесно от викингов. Люди переговаривались, и Оттар понял несколько слов. Ярл не случайно вспомнил лапонов: речь этих людей походила на лапонскую. Тем лучше...

Оттар приказал охватить поселок. Жители бросились

к домам, и викинги вломились за ними. Собаки кидались на чужаков и падали под ударами — первые жертвы каждого набега. Люди пробовали защититься, их сопротивление было быстро подавлено. Викинги вытащили к ярлу живых и тех раненых, которые могли ходить. Вместе с пойманными загонщиками набралось около девяноста мужчин, женщин и детей.

Глазом человека, привыкшего разбираться в толпе пленников, Оттар выбрал того, кто показался наиболее значительным, и спросил его по-лапонски:

— Как твое имя?

Вопрос был понят, и Расту назвал себя выходцу из моря.

— Как называется твой народ?

— Мы — биармы, дети богини воды Йомалы.

— Это хорошо, биарм, сын Йомалы, что ты разумен и понимаешь меня. Ведь ты понимаешь мои слова?

— Да.

— И я тебя понимаю. Теперь ты скажешь мне, сколько вас, биармов, где города биармов, какие реки текут по земле биармов. И какие народы живут по соседству с биармами. Ты скажешь мне все это. Ты понял меня?

— Да, я тебя понял.

— Отвечай.

— Нет! — выкрикнул Расту.— Ты — убийца. Я не буду говорить с тобой. Я не хочу!

— Но я хочу,— возразил Оттар.— Я — повелитель всех биармов, и все биармы должны об этом узнать.

...Пылали костры, калились щипцы и крючья, страшно и гнусно пахло паленым мясом. Море услышало крики, каких никогда не слыхало, лес увидел то, чего никогда не видал.

Сын Вотана, ярл Оттар, узнал, что биармов много и они живут на дни и дни пути по берегам моря. Узнал о реке Вин-ő, текущей из глубины земли, в устье которой живут и биармы, и железные люди, пришедшие издалека.

Эти люди научили биармов обрабатывать железо. Ярл узнал о богатстве биармов пушным и морским зверем и рыбой.

Узнав все нужное, Оттар позволил желанной смерти-избавительнице прийти к Расту и к тем четырем биармам, которые под раскаленным железом подтверждали правду слов Расту-кузнеца, первого ученика Одинца.

Из числа пленников Оттар отобрал десять мужчин и приказал заклеймить их знаком Нидароса, руной ᚱ — ридер. Траллсы нового Нидароса будут носить клеймо старого гнезда. Чтобы внушить новым траллсам благодетельный страх, а также сознание удачного сохранения жизни, ярл позволил Галлю и Свавильду потешиться над остальными биармами-мужчинами.

Новые траллсы смотрели, понимали, запоминали... Головы замученных были воткнуты на колья заборов. Отныне этот поселок будет надолго указывать биармам на необходимость послушания ярлу и судьба непослушного Расту послужит примером для всех.

Оттар сказал клейменым траллсам, что он, их господин, не хочет гибели всех биармов. Он, господин и повелитель, навеки остается здесь, биармы должны слушаться и платить такую дань, какую он назначит, и исполнять работы по его приказу. Тогда он позволит биармам жить. А всех непослушных он перебьет.

Ярл приказал клейменым известить всех биармов о воле господина.

Траллсы-биармины взялись за весла. Растерзанные каленым железом лбы заставляли пылать мозг. Они не чувствовали боли, их сердца окаменели. Они быстро махали веслами, два раза справа, два — слева, и опять справа, и опять слева... Дурные вести летят.

Оттар объявил трехдневный отдых. Отныне время работало для него, и страх разрушал сердца биармов. Викинги разложили длинные дымные костры для защиты от мошки и комаров. В домах нашлись пушнина, моржовые клыки, кожа, рыба и другие ценности. Отряды, загонявшие биармов, заметили домашних оленей и отправились за свежим мясом.

По нелепой случайности и небрежности викингов ярл потерял трех воинов во время короткой схватки. Он размышлял о будущих действиях. Быть может, он предпочел бы общую попытку к сопротивлению всех биармов сразу. Тогда одним ударом он прочно закрепит за собой новые владения. Не продлить ли отдых сверх трех дней? Пусть биармы соберутся с силами.

Женщины и дети перебитых и замученных биарминов уходили лесом от страшного места. Оттар пощадил их, они выживут и дадут новых данников. В лесу было тихо — большое горе молчаливо.

Глава четвертая

1

На тучных донных пастбищах пасутся несчитанные стада мирной трески. Головастый окунь, разинув зубастую пасть, гоняется за добычей и тупо пучит сразу в обе стороны безжалостные круглые глаза. Распластавшись на песке, камбала поднимает на пестрой коже жесткие шипастые шишки.

Ерш, сводный братец водяного, заклинился меж двух скользких камней, загнул хвост и притворяется, что и сам он — только камень.

Киты цедят костяной решеткой соленую воду, для собственной потехи один за одним кувыркаются морские скоморохи.

На подводных полях и в подводных лесах растет много деревьев и трав. Море щедро выбрасывает на берег листья и сено: зелено-желтую лапугу, похожую на узенькую ленточку-косоплетку или на ремешок, вшитый для украшения в кафтан биармина; и бурые туры, подобные пухло-пузырным пальчикам-щупальцам; и медового цвета пучочки морника; и резной морской лопух, и широколиственную морскую капусту.

Волна выносит много жестких раковинок, лодочек, береговичков, гребешков, морских желудей, которые хороши для девичьих ожерелий. В раковинках живут не раки, а белые, мягко-хрящеватые и твердо-студенистые живые жители, безногие, безглазые, безрукие, а дышат!

И море дышит, подойдет к берегу, накатит вал и отступит. И опять накатит. Серый морской ил мутит мелкую прибрежную воду.

Шумит, плещет, гремит и шуршит бледное море, катает камень, точит его, круглит. Море качает на себе стволы и сучья, вынесенные реками из неведомых лесов, трет, дерет корье, мочалит древесину. Море машет древесными корнями, как змеями, громоздит плавник, плюет на него пеной, выкатит на сухое место и вновь заберет к себе для игры. Так и мучает, так и терзает, пока не надоест ему, морю, показывать свою силу.

Солнышко западает на короткое время и поднимается, повязывая зарю с зарей. Летний дождик набежит, Солнышко умоется.

Так всегда бывало добрым морским летом, и все бы-

вало хорошо. И в один миг все сгибло, ничего не осталось от прежней жизни.

Вдоль берега гребли клейменые нурманнские траллсы, в кожаных лодках везли страх и смерть. Траллсы выходили на берег, и люди замирали, слушая их речь.

Бежать, бежать от страшных рогатых голов, бежать, бежать от страшных морских убийц! Бежать, куда глаза глядят, бросить все достояние и забиться в лесные дебри! Но спасешься ли от злых? Как спастись?

А братья со страшно изуродованными лицами говорят:

— Пришлые убийцы требуют от биармов дань. Кто даст, тому оставят жизнь, того не убьют.

Никому и никогда биармы не платили дань. С плачем они спрашивали гонцов:

— Быть как? Делать что? А вы, безликие, куда вы спешите, несчастные?

— На Двину. К братьям железным людям. Мы больше не биармы, у нас нет лица, нас не узнает Йомала. Нам нет жизни. Мы спешим за железным оружием. Убийцы так же смертны, как мы. Мы знаем.

Клейменые смело бросаются в море через прибойные волны и так бьют веслами, будто хотят пробить море до дна. И на берег сквозь плеск прибоя доносится:

— Убийцы смертные, как мы. Нужно убить убийц!

Они гребли, а им навстречу торопились другие посыльные. И встретились клейменые гонцы нурманнов с вольными гонцами старшины Одинца.

2

От горестного дальнего стойбища, где погиб мученической смертью Одинцов друг и выученик Расту со своими родовичами, до протоков двинского устья люди встрепенулись и заметались.

Сдирают кожи с чумов, табунят оленей, грузят их добром, нагружаются сами и пробиваются в леса, куда и ворон пути не знает, куда нет ни дорог, ни троп — одни приметы. Спешат спрятаться, пока не примчались злобные убийцы на многовесельных лодьях-чудовищах.

В бегстве люди разделялись. Малые, женщины и старики уходили в лесные тайники: пришло их время принять заботы о роде. Они утешали мужчин:

— Мы-то спрячемся, о нас не думайте. А вам спешить к старшине Одинцу, что-то с вами будет!

Слез, горя — не расскажешь...

Там, где с биарминами жил новгородский насельник поморянин, его провожали, поглаживая по спине и рукам, жидкобородые строгие старики и заплаканные круглолицые биарминки:

— Твоя жена — наша, твои дети — наши. Все добро вместе, дичина пополам, каждая рыба поровну на две части.

Ох, спешить надо, спешить, пока еще не видно на море черных нурманнских лодей!

Лодки отходили от брошенного становища.

— Стой, чтоб вас разорвало! Греби назад!

Отеня не дождался и выбросился за борт в мелкую воду. Поморянин выскочил на берег с волной и побежал, как бешеный. В своем дворе он подхватил охапку дров и вскочил в избу.

Жилье уже нежилое! Зашипев, от хозяина дико метнулась забытая кошка. В печи еще тлели горячие угли. Отеня размахнулся поленом, выбил боковину очага, и уголье рассыпалось.

Он сгреб рдяные угольки к бревенчатой стене, всунул бересту и дунул всей злостью широкой груди. Смолистая кора покорежилась, пустила чад и, полыхнув, опалила рыжую Отенину бороду.

Он выкатился во двор, будто его кольнули рогатиной, и замер, схватившись за голову.

И дом, и клети, и хлев, и погреб, и банька! Погибнет все добро. С минуту он внимательно смотрел, не отрываясь, на угол избы, заботливо и прочно связанный в кривую новгородскую лапу. Рядом Рубцов двор, жилье дорогого соседа, срубленное по новгородскому укладу.

«Что сотворил, хозяин, бездомным сделался? Беги, стопчи огонь!» — будто кто-то кричит в ухо Отене.

Да пропади оно пропадом! Море бы зажечь под нурманнами, да его огонь не берет, чтоб ему быть пусту!

3

Флотилия Оттара покинула мертвое стойбище Расту лишь на шестой день, после хорошего отдыха. Драккары шли на восток, к устью реки Вин-ö, не спеша прокладывая путь для многих предстоящих плаваний. Кормчие изучали берег, запоминали характерные особенности — приметы, промеряли глубины моря. Для оценки

силы и направления течений иногда драккары прекращали греблю и отдавались морю.

Темная пелена хвойных лесов подходила почти к черте прибоя и удалялась, оставляя широкие пространства, где над сочной травой торчали бесформенные спины валунов.

Бесподобные леса очаровывали викингов. В домах биармов нашлись даже шкурки черных соболей, оцениваемые на вес золота. Такие соболя бывали лишь у новгородских купцов, теперь будут и у викингов. Эти леса настоящая сокровищница. Над болотами вились ястребы, верный признак обилия дичи.

Море было несравненно богаче кашалотами, чем воды Гологаланда. Нерасчетливой торговлей можно сбить цены. Для извлечения полной выгоды придется самим возить к грекам кашалотовый воск.

В устьях ручьев и речек все чаще встречались остовы чумов и бревенчатые дома. Были заметны следы свежих пожарищ. Берег же был безлюдным.

Здесь проплыли первые траллсы-биармы, и Оттар не удивлялся отсутствию людей: страх наносил полезные удары по воображению биармов. Сначала бегство, быть может, попытка к сопротивлению, потом наступит время постоянного повиновения.

Зимой в старом Нидаросе будут построены баржи, и на следующее лето начнется переселение в Новый Нидарос. Сам Оттар проведет в Скирингссале последнюю зиму.

Пришла пора заставить работать все богатства, собранные Гундером, Рёкином и самим Оттаром. Он закажет шесть новых драккаров, четыре таких же, как «Дракон», и еще две «Акулы». И, вероятно, подарит Новому Нидаросу великолепную «Гильдис». Он сумеет отнять своей щедростью у других ярлов не меньше двух тысяч викингов за одну зиму. Викинги, викинги, еще викинги...

Он чувствовал себя открывателем новых морей — первым из племени фиордов, кто смог победить страх перед Утгардом и сделаться господином новых земель. Итак, он, Оттар, одним прыжком сумел наверстать те десять лет, на которые его опередил Черный Гальфдан. Пусть же король бондэров и тинг давят свободных ярлов, для викингов всегда найдется место в Новом Нидаросе! И чем больше будет в стране фиордов изгнанников, объявленных вне закона, тем лучше для Оттара.

И до установления власти Гальфдана находилось

много изгнанников, отверженных законами племени Вотана. Викинги и другие смелые, необузданные люди, виновные в насилии над женщиной, в похищении людей, в злоупотреблении доверием, в грабежах, поджогах и убийствах, прятались в лесистых горах и жили, как дикари, охотой, рыбной ловлей в горных озерах, нападениями на путешественников и дома бондэров.

Нидаросские ярлы пользовались отдаленностью Гологаланда. Сегодня в городе и на драккарах находилось больше ста викингов, приговоренных, подобно Галлю и Свавильду, к изгнанию и смерти. Их верность ярлу была безупречной.

Иногда Оттар получал от выборных тинга требование выдать изгнанников и легко приносил требуемую законом клятву, что таких нет в Нидаросе: у тинга не было силы для проверки слова свободного ярла. Но кто в дальнейшем осмелится что-либо требовать от короля, чьи владения не находятся на земле фиордов!

Перед отплытием из Скирингссала Оттар поручил нескольким ловким викингам вербовку объявленных вне закона. Он приказал им бродить все лето, а к осени выйти к пустынным фиордам севернее мыса Хиллдур. Они, несомненно, соберут несколько сот викингов.

Оттару понравились биармы. Хотя их язык похож на лапонский, но они гораздо сильнее, выше ростом, с более крепкими мускулами. Расту и четверо умерших под раскаленным железом были стойкими, мощными мужчинами и могли бы вертеть весло драккара. Люди низких рас недостойны сесть на румы, но биармы будут способны выполнять тяжелые работы. Оттару нужно много траллсов для постройки домов и укреплений первого горда. Уже на эту зиму он оставит здесь викингов для сбора дани.

В поселке Расту нашлись не одни железные изделия, но и настоящая кузница с мехами, инструментами, запасом сырого железа. Гологаландские лапоны-гвенны не умеют обрабатывать железо. А биармы смогут платить и большую и разнообразную дань.

Описывая длинные петли, флотилия медленно приближалась к лесистым островам. Вода сделалась почти пресной. Проливы среди островов — это устья Вин-ö, о которых говорили Расту и другие биармы.

Здесь все: острова, берег и блестящие протоки так нравились ярлу, будто бы он сам их создал. Он перешел на «Черную Акулу», желая первым познакомиться с

устьем реки Вин-ö, местом нового горда, Нового Нидароса, столицы короля викингов.

Глава пятая

1

Смутно в Усть-Двинце. Нет скрипа люльки и писка младенца, не стало веселого детского гомона, не слышно женского голоса, не мычит коровушка-кормилица, не ржет работница-лошадь. Смутно в Усть-Двинце...

Смутно, но не пусто и не тихо. В городок сбиваются поморяне и биармины с морского берега, который протянулся влево от двинского устья, на закат. А с другого берега, с восхода от Двины, пришло еще мало людей. Подойдут... Десять биарминов, заклейменных нурманнами, всколыхнули страхом и гневом закатный берег. Одинец послал семерых изуродованных людей на восход. Скоро народ повалит и оттуда.

Подобно другим старшинам на стойбищах, поморянский старшина не медлил после прихода клейменых. Одинец приказал всем женщинам с детьми и малосильными парнишками уходить вместе со стадом, с лошадьми и с добром, которое подороже. Старшина дал короткий срок, чтобы хозяева вырыли ямы и схоронили лишнее. Беглецы направились к дальним оленным пастбищам. Там, за лесами и болотинами, биармины помогут переждать безвременье.

А как узнать, сколько же нурманнов напало на поморье?

Сосчитали по рисункам, оставленным на столе в избе у домниц первым гонцом несчастного Расту. Новгородцы видали драккары нурманнов и знали их обычаи. На всех четырех драккарах сотня весел, на каждом весле по два гребца. На обе смены гребцов полагается четыреста викингов и сверх того всегда бывает дополнительная смена, и еще кормчие с помощниками, начальники... Весь счет вышел больше чем на шестьсот мечей.

Для биарминов это было пустым звуком. Но каждый новгородец знал иное. Недаром сами нурманны, посещая Новгород, любили рассказывать о своих набегах. Не зря другие иноземные купцы не молчали о войнах, которые вели вестфольдинги. Для каждого новгородца не были тайной сила нурманнов и их боевое уменье.

За Варяжским морем, в готских, фризонских и

франкских землях нурманны захватывали и грабили большие каменные города, с населением в несколько десятков тысяч человек, силами в несколько сот викингов. Они закованы в железо, у них тугие луки, сильные мечи и копья, крепкие щиты. И воинскому делу нурманны обучаются с детского возраста...

У Одинца набралось пригодных к бою жителей Усть-Двинца восемь десятков да с закатного берега поспели шесть десятков. С восходного же берега прибыло всего двадцать три человека. Всех поморян насчитывалось сто шестьдесят три человека. Биарминов же привалило почти пять сотен, и они продолжалли прибывать.

Сила ли это? Луки и стрелы есть у всех, а мечей мало. Топоров хватит, настоящих щитов почти нет. Иные биармины пришли со своими старыми кожаными щитами, годными лишь против костяной стрелы. Копья, рогатины и гарпуны хорошие, но доспехов — кольчуг, броней, шлемов, поручней, поножей и настоящих щитов, окованных твердым железом,— едва набралось на два десятка латников.

В бой идти — не лес рубить, не зверя ловить. Свои кузнецы сумели бы наковать железных полос и блях для кафтанов из бычьей кожи и для щитов, сумели бы наделать шлемов, поножей с поручнями, набрать кольчуги — работа для поморян не на дни, на годы. Ведь они, сев на краю земли, заботились об охотницких снастях-припасах, а не о воинских.

Колмогоряне не оставят своих без помощи, но к ним едва поспели гонцы. Притечет сила с дальних ловель, однако Одинец знал: своих поморян прибудет еще не больше сорока. Зато биарминов придет еще много. После вести о гибели рода Расту биармины обозлились, как растревоженные осы; недаром, видно, они умеют между собой считаться родством до самой Йомалы.

Что делать?

Как быть?

Как отбиваться от нурманнов? Все ложится на плечи поморянского старшины...

Женщины и дети расставались с Усть-Двинцом с горестным плачем. А Заренка совсем не хотела уходить и спорила с мужем:

— Найдется кому приглядеть за Гордиком, за Ивором. Не грудные ребята. А я не уйду.

— Ступай. Тебя наши женщины привыкли слушаться. Ты старшей будешь. Все уходят.

— Все — для меня не указ!

Своенравная, своевольная душа, никому и ни в чем не покорная. Сказала б, что любит, что его, мужа, не может оставить, как вопит беленькая Иля, повиснув на своем Кариславе. Нет, не говорит и не скажет. Не хочу уходить — и все тут.

Карислав силой оторвал от себя жену, Сувор потащил свою биарминку Бэву на руках. Уже все собрались, вытянулись из городка. Одна Заренка не идет.

Одинец нашел слово, но смелости сказать его в полную силу не собрал:

— Коль любишь... детей и мужа, уходи.

Заренка не сказала, что не любит мужа. Спросила:

— Почему же мне уходить? Что же я, уйти не сумею и не успею, коли нурманны вас потеснят?

Одинец никогда не умел много говорить, его речь была трудной и малословной. И перед Заренкой он впервые нашел в себе силу слов.

— Слышишь? — Он махнул рукой, будто охватил все собравшееся в Усть-Двинце смятенное людство.— Народ гудит, в нем тоска, тревога, колебание. Сколько их ныне сбежалось — меня ждут, на меня смотрят. Я им нужен, для них я. Ныне мне надобно иметь свободное сердце. Ты в моем сердце... Коль видеть тебя буду, коль буду знать, что здесь ты,— не о людстве, о тебе буду думать. Ты уйдешь и мне вернешь покой.

Необычно, непривычно опустились Заренкины глаза. Что спрятала в них гордая женщина? Она обняла мужа:

— Прощай...

Сделала шаг и обернулась:

— Страшно. Обещай, что себя сбережешь. Обещаешь?

— Буду беречь.

И ушла... Сказала бы: не из-за Иворушки, чтобы не быть ему сиротой-безотцовщиной и горемычным вдовьим сыном,— сама за тебя пошла. Сказала б — любый мой. Нет. Забыла, что ли, сказать?

Любый! Экое слово чудесно-волшебное! Иные уста его легко произносят. От других же — не добьешься.

2

В священных латах из китового зуба, густо нашитого на кафтаны из кожи моржа, в шлемах из рыбьих че-

репов в Усть-Двинец прибыли биарминовские колдуны-кудесники, хранители тайного дома Йомалы.

Ветхий старец-вещун, друг первого ватажного старшины Доброги, уже несколько лет как отошел к Йомале. Там он, вместе с Доброгой, заботится о живых биарминах, поморянах и детях двух слившихся племен. Да живут в вечной дружбе Земля, Небо и Вода! Ныне другой правил старшинство над кудесниками — хранителями Йомалы. В тайном святилище богини Воды он разил злых пришельцев страшными заклятьями и вместе со стариками-кудесниками просил у Йомалы и у своих предшественников помочь биарминам и железным людям. А всем младшим кудесникам он приказал сражаться вместе с народом земным оружием. И прислал с ними рогатину, которой когда-то новгородец Одинец, железный человек, первым поразил злую касатку.

Нурманны как ждали прихода кудесников. Одна, другая, третья замерещились лодьи на дальнем взморье. Скоро и четвертая поднялась из-за моря. С сивера тянул ветерок. Море дышало и гнало в устья приливной вал. С ним плыли нурманны.

Не торопились. Нарастали медленно, подобно приливу.

Время идет, идет. Люди различали; как петляли две передние лодьи, длинные, длиннее самых больших китов, узкие, низкие. Ищут дорогу.

Оттуда, от нурманнов, Усть-Двинец еще не виден. Еще далеки нурманны, лодьи кажутся малыми. Тяжко ждать. Уж шли бы скорее, все одно!

Нурманны шли осторожно. То над одной, то над другой лодьей блистал пучок лучей. Солнышко, разглядывая лодьи, отскакивало от железа, предупреждало — идут с худым.

Приближаются. Нурманны плыли верно, они нащупали стрежень большого протока, где надежно идти и в отливную, не только в приливную волну.

Черные лодьи увеличивались. Скоро они встанут на такое место, откуда будет виден Усть-Двинец.

Заметили! С низкой передней лодьи подали знаки руками, на других повторяли те же знаки. Нурманны переговаривались и сговаривались. О чем?

Чтобы понять, Одинцу не нужно было лететь птицей или ползти ужом и подслушивать переговоры нурманнов. Они войдут в реку и ударят на Усть-Двинец. Они все узнали от несчастного Расту и, если сумели еще ко-

го-либо поймать на берегу, проверили слова замученного кузнеца-биармина. Нечего им шарить по Двине, они нацеливаются на городок, чтобы принять покорность народа и взять первую дань. Не будет им ни покорности, ни дани!

А лодьи сильные и, видно, могут бежать могучим бегом. Если колмогоряне на них наткнутся, то зря погибнут. Одинец велел Вечерке погнать вверх еще двух гонцов предупредить колмогорян, плыли бы те бережно и, завидя нурманнские лодьи, тут же бросали свои расшивы и шли к Усть-Двинцу пеши.

Нурманны уже проходили устье. Одинец поторопил Карислава на берег против острова. На острове нурманнов ждала засада, и Кариславу было поручено поддержать засадных стрелками с материкового берега.

Перед Усть-Двинцом, у пристани, Одинец поставил двадцать поморян и около сотни биарминов. Со всем остальным народом старшина скрылся в городке выжидать время для удара на высадившихся нурманнов.

...А женщины и детишки уж далеко, прошло четыре дня с ухода любимых. Что ни случись, нурманнам их не догнать, не разыскать. На сердце — свободно.

3

От острова до материкового берега было шагов шестьсот, на полный полет стрелы. В засаде сидел Отеня за старшего, четыре поморянина и пятнадцать биарминов. Они должны были выждать и бить нурманнов вблизи, но не теряться и зря не класть головы. С другой стороны острова на берегу узкой протоки ждала расшива.

Отеня никак не мог дождаться, когда же передовая низкая лодья с позолоченной акульей головой на носу поравняется с островом. Отеня соображал, что нурманны сразу не пойдут всеми лодьями. Они будут шнырять в устье на низких лодьях, чтобы не посадить большие на мель. Тут-то и найдется дело для лучников.

Нурманнская лодья медленно гребла по большой протоке между островом и материком, а расшива засадников ждала на другой стороне острова. Лучшего не попросишь!

Засада таилась над самой водой. Отеня знал, что и на том берегу ждут свои. Нурманнов поколят стрелами с обоих бортов, и они смешаются.

Отеня щелкнул соловьем. Первое заливистое колено звучной птичьей песни раскатилось по тихой воде. С того берега каркнул Карислав. Соловей затюкал вторым коленом, ворон захрипел в ответ.

— Вот мы им сейчас!..— шепнул себе Отеня, погладив опаленную при поджоге собственного двора рыжую бороду.— Как раз среди протока тянут. Эк медленно гребут!

Отеня различал головы гребцов в рогатых и в простых, гладких шлемах. На носу лодьи с опущенным к ноге длинным щитом стоял среднего роста крепкий нурманн в красных медных латах. На груди его доспеха был нарисован черный ворон. Ноги нурманна закрывали набедренники и поножи, правую руку защищали поручень и железная рукавица. Низкий наличник гладкого шлема без рогов с двумя дырами для глаз мешал нурманну, и он, разглядывая берега, поворачивался всем телом. От всего лица нурманна виднелась одна светло-русая короткая борода.

Отене послышалось, будто грызут кость. Он оторвался от лодьи и оглянулся. Рядом стоял клейменый биармин, у которого воспаленный ожогом лоб выпячивался буграми. Отеня толкнул биармина, чтобы он опомнился.

Биармин повернул страшное лицо:

— Он, этот, он убийца!

Сейчас акулья лодья покажет борт. Пора! Поразить ее меткими стрелами, отбить охоту тащиться выше.

Стрела толщиной в палец, длиной в полтора аршина. На стреле — каленый кованый рожон с усами в четверть для крепкой насадки на древко. С другого конца от прорези с четырех сторон тоже на четверть вставлены гусиные расколотые перья. Лук в два аршина, гнутый из пяти ясеневых пластин, склеенных варенным из копыт клеем и окрученный жилами.

Отеня, подавая знак, засипел:

— Ссс!..

Левые руки поднялись и вытянулись. Стрелки растянули тетивы до уха и правым глазом метили по стреле на цель — на шею, на бедро, на щеку, на колено нурманнам, где стрела смогла бы проскочить между доспехами. Целили не просто, считались с ветром, с движением лодьи и с дугой полета стрелы. А хорошо укрыты доспехами нурманнские тела...

Отеня крякнул, и пальцы разом сорвались с тетив. Крученые жильные тетивы звякнули и ударили по ко-

жаным рукавичкам, которые стрелки носят на левой руке, чтобы не покалечить пальцы.

Первые стрелы ушли одним роем, потом лучники рвали тетивы так часто, как каждый успевал. Стрелы били черную лодью, вонзались в борта, ломались о медные и железные доспехи, ястребами врывались в весельные дыры. Должна же иная найти свою дорожку, нурманнское мясо не жестче звериного, не каменнее!

С обоих берегов летели тяжелые стрелы. Нурманны не ответили, закрылись щитами и вспенили воду веслами. Кажется, и мига не прошло, а они уже вырвались выше острова и ушли от засадных лучников.

А с материкового берега кричат:

— Отеня! Э-гей! На расшиву-у! Отенюшка! Вниз глянь... Мила-ай!

У Карислава голос, как у лешего. Отеня опомнился от боя. Он видел, как снизу к острову поспевала вторая акулья лодья и метилась приставать. Первая же, проскочив остров, развернулась к островному приверху. Нурманны хотели взять засаду клещами, выйдя на остров с двух концов. Отеня не потерялся: «Нет, нурманн, мы еще поживем!»

— Все к расшиве, эй, засадные!

Тот проток узкий, за ним большой остров, потом старица, второй остров. Ищи до зимы, не найдешь.

Стрелки вмиг оказались у воды. Расшиву не нужно толкать, ждет на воде. Из затончика ничего не видно. А Карислав все торопит:

— Поспешай, э-ге-ге-гей, поспе-шай!

И горло же у человека...

Оглянулся засадный старшой посчитаться, все ли здесь? Будто бы мало народу... Эх, да что же это! Половины биарминов нет как нет!

Чу? С нижнего конца острова биармины вопят, визжат по-своему, как на волчьей охоте:

— Убей! Убей!

Сердце Отени сжалось смертной тоской. Не брать бы с собой тех биарминов! Клялись клейменые и с ними другие, близкие по крови рода Расту, что они при первой же встрече с нурманнами свою смерть примут, но возьмут нурманнскую жизнь...

Не бросать же товарищей. И нельзя долго думать.

— Эй,— хрипло сказал Отеня.— Побежим, выручим сразу, тогда уплывем,— и у него заперло горло, присох язык.

Засадники побежали меж сосен и елей к ухвостью, к нижнему по течению голому концу острова. Выскочили на чистое место, а нурманны уже здесь и толпой добивают биарминов. Отенины глаза просветлели, все-то он видит, до черточки. Горло чистое, голос вернулся. Нет тоски и совсем ничего не жаль.

— Ну, берись! — выдохнул удалой охотник, взмахнул топором на длинном топорище и наискось, между латным плечом доспеха и низким краем завешенного кольчужной сеткой рогатого шлема, врубился в первую жилистую нурманнскую шею.

Глава шестая

1

Усть-Двинецкая пристань длинная и широкая. Сваи забиты на десяток аршин от берега, чтобы и в приливную и в отливную волну было удобно причаливать тяжело груженным расшивам. От тесаного бревенчатого настила пристани устроен помост для съезда телег на дорогу, ведущую к городку.

Выставленные Одинцом защитники не скрывались. Их дело — застрельное, они заводатаи боя. Они ввяжутся, втянут нурманнов, а старшина всей силой и ударит из Усть-Двинца. Здесь управлял Карислав, который вернулся из своей засады против острова.

После истребления островной засады обе рыбьеголовые лодьи пошли вверх, к пристани. Выше острова река расширялась, нурманны держались подальше от материкового берега, и их нельзя было достать стрелой.

Нурманны опять гребли не спеша, разглядывали Усть-Двинец, пристань и ее защитников.

Помедлив против пристани, обе лодьи ушли вверх версты на две с лишним. Там одна лодья осталась на реке, а другая побежала вниз, к устью, где ждали две большие лодьи.

Время же шло и шло. Летний день долог. От устья тронулись две лодьи, низкая повела большую, с птичьей головой на носу. Самая же большая лодья, со звериной головой, осталась на якоре одна.

Низкая лодья быстро проскочила мимо пристани, а орлиноголовая приближалась. Над ее высокими бортами не было видно голов гребцов, и весла ходили будто сами собой. Готовясь к бою стрелами, защитники вста-

ли за вытащенными на берег расшивами поморян и лодками биарминов.

Рулевая доска на лодье шевелилась без невидимого кормчего. По левому борту корму прикрывал деревянный щит из досок, такой же просмоленный и черный, как вся лодья. Биармины, вызывая нурманнов, закричали изо всей мочи. В кормовом щите что-то мелькало — нурманны глядели в щель.

Карислав послал стрелу в черную доску, другие лучники спустили тетивы, иные стрелы скользнули в весельные дыры, но лодья шла и шла, как железная.

На ее носу сам собой поднялся такой же щит, как на корме.

Лодья подошла уже на половину полета стрелы. Громадная, величиной с барана, орлиная голова косо наставила загнутый клюв на речной берег. Знатная работа, вырезано каждое перышко. Дерево вызолочено. Когда лодья подплыла ближе, стало заметно, что пооблезшая позолота выпестрила орла змеей.

Над щитом, прикрывавшим нос, взметнулся якорь и бухнул в Двину. Что это? Нурманны не пойдут на берег?! Не пойдут. Лодью потащило, якорь взял и тихое течение уложило по борту брошенные гребцами весла. И хоть бы показался один нурманн! Спать они, что ли, пришли? И вверху на воде застыли обе низкие лодьи.

Дружина Карислава перестала попусту метать стрелы, бить в черную лодью было все равно, как в пень или в глину. По двинским протокам рыскали чайки. Что им до поморян, до биарминов, до нурманнов? Бездумные птицы приподнимались над неподвижной лодьей и летели дальше, вверх-вниз, вверх-вниз, поднимаясь и падая с каждым взмахом гнутых крыльев.

Ветерок приносил к берегу тяжкую вонь лодьи; от навязчивого чужого запаха делалось тошно.

Нурманны ждали чего-то, и защитников от тревоги брала усталость. Один, хоть и не хотел спать, невольно зевал, другой ковырял пальцем петлю тетивы. Забыв осторожность, люди вставали на поваленные расшивы и вглядывались, вслушивались.

Громом, что ли, побило нурманнов? Не слыхали грома. Бывалые охотники умели с утра заслышать подвижку морских льдов, которая лишь к полудню приходила на берег, различали, когда с ветки сам собой падал снежный ком и когда его сталкивал зверь, примечали дыхание медведя в берлоге и движение тюленя под по-

верхностью полыньи. Они прислушивались, не разбирая слов, к тихим разговорам на лодье. Вода плеснет — это из черпальни. Слышится и храп спящего. Нурманны живы и ждут, но чего?

Нижней по Двине, самой большой звериноголовой лодьи не стало видно, она куда-то ушла от входа в устье.

Трое биарминов-кудесников в моржовых доспехах с нашитым китовым усом вышли на обрез пристани и вместе, наставив копья над рекой, прочли Великое Заклятье против Морского Зла:

Ты, кто тайно ломает лед под ногами человека,
кто изменяет ветер и старается утопить,
кто любит бури и ненавидит покой,
кто ждет несчастья и радуется ему!
Ты, кто и во сне замышляет злое,
кто пробуждается с желанием убивать,
кто готовится днем к совершению убийства,
кто встречает вечер с неутоленной жаждой зла
и переносит на утро старую злобу!

Тебя не боятся биармы!
Да скует тебя Йомала!
Да оледенеешь ты от света!
Да утонешь ты, как камень!
Тебя не боятся биармы!

Орлиноголовая лодья не отозвалась, не растаяла от Великого Заклятья.

2

Карислав все больше терял власть над своей сборной бездеятельной дружиной.

— Поберегись,— покрикивал он,— придерживайся за расшивами, не выставляйся так!

Уже давно засохла против пристани черная лодья с орлиной головой. Ее пошевеливало течением, слегка поворачивало на якоре. От нечего делать лучшие стрелки воткнули несколько стрел в ременный канат.

— Эй, стой за укрытием! — приказывал Карислав. Свои поморяне кое-как слушались, а биармины совсем отбились от рук. Их у Карислава почти сто человек, и все они горели великим гневом на нурманнов за неслыханное злодейство, совершенное над родом Расту. Им начало казаться, что пришельцы постоят, постоят и уйдут, не решившись выйти на берег. «Раз нурманны не хотят, боятся идти на берег, следует столкнуть на воду

лодки и расшивы и напасть самим»,— требовали биармины. «Нельзя,— успокаивал их Карислав,— будем ждать, сюда нурманны приплыли не спать, на воде мы их не возьмем».

...Далеко-далеко будто бы застучал биарминовский бубен. Все сразу затихли и насторожились. Сделался слышен тонкий комариный звон — летом комары стоят жадными тучами на берегах Двины. Через этот такой привычный звон, что его никогда не замечает человеческое ухо, пробивался сухой стук по натянутой коже. Дальний бубен бил к тревоге и будил в сердцах сомнение и тоску. Кариславу вспомнились бубны при первой кровавой встрече с биарминами. К первому бубну прибавились второй и третий. Стучали откуда-то из устья.

Карислава осенило: не напрасно ушла самая большая нурманнская лодья! А не пошли ли нурманны на высадку за устьем, на самом морском берегу, сзади Усть-Двинца? И оттуда же, от взморья что-то затрубило. Звук доходит едва-едва, но понять можно — это рог, и у поморян не такие рога.

Слушают и нурманны, надо быть, и чужие бубны и свой рог. Слушают и смотрят, невидимые, на притихшую дружину. Карислав закричал:

— Готовься, оружайся!

Нурманны как ждали его приказа. На лодье упали дощатые черные щиты, на берег полетели стрелы и камни. Глядя поверх края окованного щита, Карислав видел на лодье густую толпу лучников и пращников.

— Укрывайся! За расшивы, за расшивы!

Поздно... Биарминовские кудесники, которым не помогли ни доспехи из моржовой кожи, ни шлемы из рыбьих черепов, упали с пристани в воду. Поморяне как будто целы за бортами расшив, а где биармины?

Кариславу показалось, что их побили сразу всех. Нет, кое-кто успел присесть за укрытие, но не половина ли их уже легла? Кто сразу уснул, кто еще корчится с головой, разбитой пращным ядром, или пробует встать со стрелой, выставившей железное жало из спины.

Об окованный железом край Кариславова щита грянуло и раскололось пращное ядро из обожженной глины. Карислава ослепило пылью, и щит ударил его по щеке. Пригнувшись, он протер глаза и опять выглянул.

Из-за лодьи отходили две лодки, спущенные с борта, обращенного к другому берегу. Над лодками выставлялся сплошной ряд боевых щитов и над ними торчали

рогатые и простые шлемы. Каждая лодка гребла двумя парами весел не к пристани, не к дружине Карислава, а ниже по течению.

С орлиноголовой лодьи по-прежнему целили лучники и пращники, но не били — все живые попрятались. Карислав приподнялся, и тут же о его щит сломалась стрела, а глиняное ядро ухнуло по шлему. В ушах Карислава зашумело, и он на миг оглох, но новгородский шлем на упругом кожаном наголовнике выдержал.

Защитники пристани попали в капкан. Они не могли напасть на нурманнов, когда те начнут выходить на берег из лодок. Пока они добегут туда, их перебьют стрелки с лодьи. Не могли они и дожидаться, чтобы высадившиеся набросились на них сзади.

Карислав понял, что не может рассчитывать на помощь от Одинца, раз нурманны высадились и на берегу моря. Неудачливым застрельщикам несостоявшегося боя следовало отходить. Но как отходить под метким боем нурманнов? У поморян еще были кое-какие доспехи: у кого шлем с кольчугой, у кого хороший щит, но биармины в одних кожаных кафтанах да в рыбьих панцирях были всё одно что голы.

Две нурманнские лодки подходили к берегу полета на четыре стрелы ниже пристани. Карислав закричал, чтобы все перебегали поближе к нему под укрытие обмелевших расшив. Зоркие нурманнские стрелки ловили перебегающих, некоторых побили. Карислав велел всем изготовиться, разом вскочить и бить стрелами.

Биармины и поморяне завопили, чтобы смутить нурманнов, и послали свои стрелы навстречу нурманнским. Упал ли кто на черной лодье, не глядели и своих не считали. А внизу Двины другие нурманны уже выскакивали на берег из своих двух лодок...

Поморяне составили щиты из наспех оторванных от расшив досок и, прикрывая бездоспешных, пятились от пристани. Долог же показался путь, теряли и теряли своих, пока не вырвались из-под стрел и пращных ядер, а всего-то было три сотни шагов!

Выжившие дружинники отбежали к опустелым дворам пригородка. Никаких следов всего людства, которое было со старшиной, в Усть-Двинце не нашлось. Дружинники Карислава глядели, как осторожные нурманны тесным строем и беглым шагом шли к пристани, вдоль берега. А орлиноголовая лодья снялась с якорей и гребла к причалу, не теряя времени.

В дружине Карислава выжило всего тридцать два человека из с лишним ста двадцати здоровых и сильных людей, которые, кажется, еще и мига не прошло, как дышали, жили. И Карислав понимал, что нурманны не станут гоняться за жалким остатком его дружины.

Люди смотрели, как один из нурманнов нагнулся над телом, что-то с ним сделал, и услышали страшный человеческий крик, от которого у них внутри все повернулось. Нурманн, воин громадного роста, не короче Одинца или Карислава, в блестящем рогатом шлеме, разогнулся и высоко подбросил кровавый ком.

Биармины не знали, а новгородцам приходилось слышать, что нурманны хвастаются своим уменьем одним поворотом меча вырезать из живой спины ребра. Это они, дикие хуже зверя, называют «красным орлом».

Уже из трех мест звучали гнусливые рога: от моря, от пристани и сверху с реки. Как видно, и там высадились нурманны с двух низких лодей с головами акул на носах.

3

Сам того не зная, Карислав прожил сто лет за один короткий день. Он видел знакомые лица товарищей и находил в них какое-то чужое обличье. Нечаянный воин наблюдал за другими и за собой, как издали. Он не растерял своего оружия. Лук в налучье и колчан со стрелами висели за спиной, щит — на левой руке, а длинный нож — за сапогом. И топор был с ним, его для Карислава отковал сам Одинец по Кариславовой силе: лезвие в полторы четверти с низко опущенной бородкой, в блестящей медной насечке. Новое топорище в семь четвертей Карислав вырезал из держаной березы, заслышав о нурманнах. Он по-хозяйски попробовал, встряхнув,— не ослабла ли насадка? Держится хорошо. А как у других с оружием?

Четверо поморян остались с одними щитами, и пятеро биарминов были совсем с голыми руками. Карислав отнял щиты и отдал другим, а девяти безоружным сказал без упрека, но и без жалости:

— Найдете себе оружие, придете. Уходите. Что зря стоите?

Между захваченной нурманнами пристанью и Усть-Двинцом лежал ровный, обширный пустырь на версту по берегу и больше чем на половину версты вглубь. Че-

рез него наискось шла дорога к городку. Выше пристани от сведенного на постройки леса остался заросший кустами поруб с пнями и отдельными соснами, с пробитыми людьми и скотом тропками. За порубом — овраг, и за оврагом на берег Двины наступал лес, который было несподручно брать из-за кручи. Где-то там высадились нурманны с низких лодей. Карислав провел остаток своей дружины задами Усть-Двинца на поруб. В кустарниках Карислав заметил двух безоружных поморян. На ходу он строго прикрикнул:

— Отстань! Сказано ж вам!

Те возразили:

— Мы с ножами.

Карислав хотел еще строже зашуметь на ненужных людей, но передумал:

— Поспешайте оба вперед. Как заметите нурманнов, бегите назад и предупреждайте криком.

Двадцать три дружинника засели в кустах над оврагом. Вскоре они услышали выкрики:

— Ой, ой! Идут, идут!

От леса скат оврага опускался полого, к этой стороне — круто. Из лесной опушки выкатились, оглядываясь, безоружные поморяне. Карислав свистнул, давая знать.

Сразу за поморянами из-за деревьев высыпали нурманны. Каждый нес полные доспехи, латы или кольчугу, поножи, поручни, шлем и щит. На перевязях висели топоры, мечи и дубины с шипастыми головами, в руках были тяжелые копья, за спинами луки и колчаны. Они тащили на себе большую, но привычную тяжесть и бежали легко.

На открытом месте несколько нурманнов взялось за луки. Заслышав первую тетиву, безоружные поморяне побежали, прыгая в стороны, как над болотом, круто мечась вправо и влево, уходит стремительная долгоносая птица — горный барашек. И все же одного куснула стрела, и он, охромев, побежал медленнее. А первый уже скрылся в кустах, рядом со своими.

Нурманны перестали стрелять — раненого догонял один из их бойцов, громадный, в черненых доспехах, с медвежьими ухватками. Он бежал так сильно, точно на нем была надета одна рубаха.

Раненый, найдя знакомую тропку, не давался. Нурманн хотел его перехватить, но в кустах попал в яму. Пока он выбирался на тропу, раненый поморянин добежал до Карислава, сел и вырвал стрелу из икры ноги.

Слышалось, как в тяжелом беге нурманн грузно топтал тропу. Звякали доспехи, меч и дубина стучали о поножи. Нурманн одолел подъем и гнал, как собака, по горячему следу, пока не налетел на Карислава.

Нурманн не мог перебросить щит из-за спины, крикнуть не успел или не захотел, но меч выхватил из ножен.

В руке, которая с раннего детства училась владеть топором, каленое железо летело молнией в темное, выдубленное ветром и солью лицо нурманна. Высекая искры, оно пало на нурманнский меч, меч опустился, но отклонился и топор. Удар рухнул не на шлемное темя, куда метил Карислав...

Верхний угол лезвия вошел между двумя бледными, как морская вода, глазами, просек лицо силача Галля, надвое разделил подбородок и остановился, увязнув в высокой латной груди.

Вмиг размякшее железное тело само собой пошло назад. И на лету, не дав нурманну лечь, Карислав выдернул топор.

Двое безоружных поморян жадно набросились на тело Галля. Один подхватил меч с зазубриной от топора Карислава, другой захватил железную дубину и завладел щитом. Разыскивая, как сорвать доспехи, они вертели тяжелое тело. Хитрые, незнакомые застежки не давались, руки скользили по латам.

Упершись ногой в плечо Галля, Карислав схватил шлем за оба рога и дернул, разорвав подбородные ремни и зацепившуюся за латы кольчужную навеску-бармицу, служившую для защиты шеи. Карислав поднял шлем на кулаке над кустами, показывая отставшим нурманнам, что их товарищ находится здесь. Он так и держал шлем до первого вскрика и бросил железный рогатый горшок ожидавшему его поморянину.

И по одному, и по двое, и по трое накидывались поморяне и биармины на нурманнов, искали ударить и спереди и сзади, старались подсечь ногу, достать лицо под шлемом, находили шею над латами. Скольких валили и как сами валились — никто не видел и не считал. Воины ломали один другого, дикая схватка металась между пней, в чащах ольховника и тальника.

Карислав взял еще одного нурманна в одиночном бою. Третьему просек шлем и череп, но железо завязло в железе. У Карислава едва хватило мощи вырвать топор вместе со шлемом.

Оглушенный нурманнскими криками, Карислав отступил, отмахиваясь топором, на котором торчал заклинившийся шлем, и сам закричал:

— Отходи! Отходи-и!

С этим криком вожак дружины бежал от реки вверх по оврагу, в лес, и беспрестанно кричал, чтобы уцелевшие знали, куда им уходить.

К Кариславу собралось одиннадцать дружинников из двадцати пяти, все в крови — в чужой или в своей, никто не разбирал сгоряча.

Забираясь в лес подальше, они приходили в себя. Под кольчугами, подобно пылким ожогам, вспыхнули нурманнские удары из тех, которые, не прорвав колец, вдавили их в кожу подкольчужных рубах и вместе с ней в живое тело.

У Карислава отнялась левая рука, будто бы в ней все кости размололи принятые щитом удары. И на той же левой руке вместо двух пальцев остались раздавленные лохмотья. Как это было, как под щит попало нурманнское оружие, Карислав не помнил и не понимал. Повалившись на мох, Карислав смотрел без мысли в ясное, среди темной хвои, бледное небо. Вдруг над ним появилось лицо, и он не сразу узнал отца Бэвы Тшудда.

Где же он был, старик? Уцелел... Карислав сел, обнял биармина и заплакал. Заголосил и Тшудд. Они, как обиженные дети, смешали свои слезы и не слышали других жалоб.

У Тшудда был рассечен лоб и отрублено ухо. Кровь в ранах уже запеклась, и Карислав понял, что после боя прошло немало времени. Тшудд добрался до раненой руки друга:

— Худо тебе будет, лишнее не отнять — и ты весь пропадешь.

Тшудд знахарил, знал болезни и раны. Карислав не дрогнул, когда биармин срезал обрывки живого мяса, рассекал жилы и вылущивал из суставов обломки косточек пальцев.

Знахарь закрыл раны зеленой мазью из жеваных трав и обвязал листьями с ивовой корой.

Они думали о своих, об Усть-Двинце, как там бились и бьются ли еще. Но не имели сил сдвинуться с места.

Глава седьмая

1

Судя о нурманнах, Одинец и другие поморяне были уверены, что пришлецы будут высаживаться против Усть-Двинца на реке, что нурманны первым делом нацелятся брать городок, перед ним и будет бой.

Не успела еще лодья с орлиной головой на носу бросить перед пристанью якорь, а уже прибежали со взморья сказать старшине:

— Самая большая лодья ходит по морю.

Вскоре, пока застрельная дружина Карислава без дела ждала у пристани, к Одинцу пришла новая весть:

— Нурманны на большой лодье подошли ближе к берегу, спустили лодки и меряют воду.

От взморья до Усть-Двинца путь близкий. Понял Одинец, поняли Сувор, Вечерко, Гинок и другие: глупо они рассудили, будто на Усть-Двинец нет другой дороги, как от пристани, с Двины. Нет, дорог много, и нурманны хитры. Нельзя принимать бой перед городком на двинском берегу: здесь нурманны зажмут между своими отрядами поморское войско. Самая большая лодья нурманнов нацелилась на взморье, там их наибольшая сила, и там и быть бою.

Одинец послал предупредить Карислава, но посыльный не пробился к пристани, лег под стрелой нурманна.

Тревожные бубны торопили к взморью. С Одинцом тронулись все силы — больше ста поморян и около шестисот биарминов,— что час, то все больше подходило народа с восходного берега. Вблизи Усть-Двинца встретились еще новые, они плыли к Двине морем, издали заметили черную чужую лодью и выбросились на берег.

Ближе к морю лес редел. Войско всем многолюдством спешило между зарослями сосен и елей с длинными просветами. Еще в лесу Одинец узнал, что нурманны успели высадиться на берег числом свыше двух сотен.

Лес кончался шагах в тысяче от соленой воды. Нурманны уже подходили к опушке на полет стрелы, но, завидя, как им навстречу сыпалось войско, опешили и попятились.

— Хотели пробраться незаметно, ударить исподтишка, напасть врасплох, не вышло у них,— та́к думали и так восклицали защитники Усть-Двинца.

Отступая и отступая, нурманны попятились до са-

мого прибоя. Остановленные водой, враги сжались, сбившись тесной кучей. Впереди поставили четверых, затем шестерых, за ними не то восемь, не то девять воинов. Так они с каждым рядом расширяли тесный строй. Казалось, что нурманнов совсем мало — горстка, где там больше двухсот, как доносили дозорные, наберется ли и сотня? В своем тесном тупоклинном строю нурманны вдруг показались замершим пчелиным роем, который, вися на ветке, ждет, пока его не обметут в кузов.

В море стояла большая звериноголовая, совсем пустая лодья, вблизи берега качались три лодки, в них нурманны будут спасаться, если их прижмут на берегу.

Выходя из лесу и одним своим видом оттесняя врагов, поморяне и биармины разворачивались длинным и свободным строем, чтобы не мешать друг другу размахиваться, не то что нурманны.

Среди нурманнов тоскливо и гнусаво взвыл рог. Смолк и взвыл еще громче. Видно, они боялись начинать бой со всей силой поморян и биарминов одной своей горсткой и звали на помощь других. Поморские воины только что видели, как нурманны побоялись подойти к берегу из-за Кариславовой дружины. Зовут рога, но на море пусто, нет нурманнских лодей.

Перед боем биармины и поморяне закричали и завизжали страшными голосами. Нурманны отступили к самой воде, бежать им некуда. Уходя отливной волной, море оттягивало дальше от берега лодью. Кучка нурманнов попятилась уже на осушенный морем песок.

Видя близких и ныне беспомощных убийц, погубивших их кровных, биармины не утерпели. Первыми бросились кудесники в доспехах китового уса, числом восемнадцать человек, за ними — все многолюдство.

Многие воины, освобождая плечо, побросали луки и колчаны, их подберут после победы. Толпой, наставив копья, гарпуны, зверовые и боевые рогатины, остроги, замахнувшись топорами и дубинами, поморское войско вперегонки ударило на плотный нурманнский строй.

Но под ударом, который казался подобным удару грозного осеннего морского вала, нурманны не смялись и не разбились. Передние и боковые, закрывшись щитами, подняли мечи. Из их кучки выставились тяжелые длинные копья. И последнее, что в своей жизни увидели передовые из нападающих, был стремительный размах нурманнского железа.

Порыв защитников земли разбился пеной. Одинец видел, как развернулся строй врагов, как сразу их сделалось много. Часто, часто замелькало оружие, нурманны быстро надвинулись, и перед ними поморяне и биармины таяли, как тает ранний, до времени выпавший снег.

Видя быструю гибель своих, поморянский старшина ужаснулся. Стон, вопль, железный лязг — и уже бежит перед нурманнами тот, кто остался на ногах. Нурманны же, охватив широким полукольцом поморское войско, секут людство мечами, секут, секут, как спелое поле!.. Молодым парнем, увлекаясь силой и удалым задором, Одинец не раз терял голову в кулачном бою на волховском льду. Но здесь он вышел в поле с ясным разумом и понял — не выстоять, народ гибнет напрасно.

Старшина криком собрал кого мог, повел их тесно, сам гвоздил нурманнов не мечом или топором, а крепко окованной дубиной с тяжелым бугристым шаром. На него нацелились нурманны, он их отбросил, не дал соединить смертное кольцо, помешал окончательной гибели поморского войска.

Стенала, вопила, рыдала и кричала на голом морском берегу битва, не битва — бой, не бой — бойня!

Остатки недобитых поморян и биарминов добрались до лесной опушки, нашли еще силы подобрать кинутые луки и колчаны и пустить стрелы в нурманнов. А те мигом свернулись, как еж.

Так навеки и запомнилось: берег, заваленный телами, и нурманнский строй, который не стрелой и не копьем,— не пробить и кузнечным зубилом.

Рога нурманнов воют и хрипят уже в Усть-Двинце. Оттуда надвигались новые нурманны охватить и добить защитников. Кто же не понимал теперь, что дружина Карислава не могла удержаться! Одно осталось — лес. Спешите!

Несли раненых, тащили оружие. Шли без остановок, брели воровской россыпью из страха оставить за собой видимый пробитый след. У Одинца не сохранилось и двух сотен воинов, их некому было считать. Побежденных остановила первая тень короткой ночи. У ручья жадно пили и падали скошенным сном небывалого утомления не тела, а души.

На теплый запах живых летели серые стаи комаров.

2

Нападением на Усть-Двинецкую пристань руководил кормчий «Орла» Эйнар; кормчий «Черной Акулы» Гатто и кормчий «Синей Акулы» Рустер командовали высадкой выше пристани; сам же ярл вышел с «Дракона» на берег моря.

Мелкая ссора разлучила телохранителей Оттара, и Галль пошел с Гатто. Свавильд нашел неузнаваемое тело друга и был безутешен. Вместе с несколькими викингами он бродил по полю боя у моря. На телах не нашлось ценностей или дорогого оружия, как в других местах, и Свавильд разыскивал следы жизни. Найдя тяжело раненного, умирающего, силач-викинг каждый раз выдумывал новую забаву. Он молчаливо, упорно, сосредоточенно терзал еще живых. Вслушиваясь в вопли очередного страдальца, он злобно отвергал помощь спутников. Совет — быть может, но делать он будет сам.

Свавильд знал: Галль его одобряет. Побратим предложил бы ему, Свавильду, такую же тризну. Ярл прислал приказ доставить раненых, которые могли бы ходить. После яростного спора Свавильд уступил пятерых, сбереженных на конец поминок Галля. Ярл звал и Свавильда; палачу пришлось поторопиться прикончить тех, кто был под рукой.

«Дракон» и «Орел» пришвартовались к пристани. Она не имела достаточной длины для всех четырех драккаров, и «Акулы» стояли на якорях, перекинув трапы на борта «Дракона» и «Орла». Пристань охранялась особым отрядом.

Свободные викинги шарили по Усть-Двинцу. Им не впервые доставались города, у них был опыт заманчивого, увлекательного обыска. Из них не один действительно обладал особым чутьем и не без оснований хвастался способностью слышать запах ценностей сквозь камень, землю и дерево.

Без труда в клетях и погребах нашлось пиво, мед, соленая и копченая рыба и мясо, медвежьи окорока, лосятина, оленина, зерно, мука и помольные жернова.

Молчаливые и терпеливые кладоискатели топтались во дворах. Мысленно разделив площади на участки, они уминали землю пятками и щупали шаг за шагом древками копий. Кто-то первым нашел желанное более рыхлое место и добрался до досок над ямой. Наградой явились теплая одежда и меха, два глиняных сосуда с вином, вы-

деланные кожи, льняная ткань и сукно. Находки множились для общей пользы: теснота на драккарах не давала возможности утаить что-либо от дележа, даже перстень или ожерелье были бы замечены.

Не зная того, Оттар выбрал для себя дом поморянского старшины Одинца. Ярл взглянул на приведенных раненых. У одного было перерублено плечо и рука безжизненно висела ниже другой. Было трудно понять, оставались ли у другого глаза на разрубленном лице. Но у всех целы ноги, в большем ярл не нуждался.

Он говорил ласково, вкрадчиво даже, с убедительно многословным красноречием племени фиордов, с изящными жестами и клятвами. Они были не правы, люди земли, которая лежала в устье Вин-ö. Своей опрометчивостью они, и никто другой, причинили себе столько неприятностей и неудобств. Он, ярл Оттар, послал к ним гонцов из их племени предупредить, что, изъявив покорность, биармы не должны бояться. К чему же они напали первыми? Да, именно они зачинщики! К чему они устроили засаду на острове, хотели помешать вестфольдингам причалить к пристани и напали на ярла на берегу моря? Какая ошибка с их стороны! Они виновны, и они, неразумные, враждебные люди, вынудили его убивать и убивать, пока он не утомился...

Ярл приказал дать пленникам меда, пива и мяса, пусть они подкрепят свои силы, он не желает им ничего дурного. Пусть же они пойдут к своим и понесут им слова господина: если биармы и все остальные не признают власти господина, он не даст им выхода ни к реке, ни к морю. Он будет охотиться за ними, как за зайцами, и истреблять их, как мышей. Пусть не думают, что он, господин, пришел сюда на время. Нет, ему нравится эта земля, и он останется здесь навечно.

Клеймо Нидароса было раскалено, но ярл великодушно отстранил Свавильда:

— Пусть эти идут так. Они достаточно наказаны своими ранами.

3

Совет Нидароса составляли кормчие драккаров, из которых сейчас с Оттаром были Эстольд, Эйнар, Гатто и Рустер. К ним примыкали викинги Лодин, Бранд, Бьерн, Канут, Олаф, Скурфва и несколько других, испытанных в уменье управлять отдельными отрядами.

— Хорошая земля,— сказал кормчий «Черной Акулы» Гатто,— и способная платить хорошую дань.

— Они не беднее других низких земель,— согласился Рустер,— они припрятали золото и серебро, но их меха стоят металла.

В углу лежал ворох пушнины, вытащенной из разрытых похоронок устьдвинцев. Еще раз все занялись мехами. Отличные оценщики, способные, по поговорке вестфольдингов, «сложить лен с траллсом», викинги еще и еще раз встряхивали шкурки бобров, соболей, выхухолей и выдр, наслаждаясь переливами цветов. С нежностью женщины, ласкающей любимую кошку, они запускали в мягкий пух пальцы, грязные и жесткие, как засохшая сыромятная кожа тюленя.

— Я считаю добычу недостаточной,— заявил безутешный Свавильд,— и здесь нет ни одной белой курочки, мой Оттар!

— Клянусь Вотаном и Тором,— возразил Лодин, соперничавший с Свавильдом силой,— тебе, как сороке, понятны только блестящие вещи, и, как быку,— коровы!

— Да, да, эти меха лучше арабских рабынь,— поддержал Лодина Скурфва.

Вошел викинг с громадными моржовыми клыками, по три штуки на два пуда. В городке только что обнаружили целый склад драгоценной белой кости.

— Кто биармы, кто здешние люди? — спросил Оттар, отвлекая внимание от добычи.

Эстольд ответил первым:

— Здесь я вижу два племени, в устье этой реки, мой ярл. Одно похоже на тех, которых мы нашли в первом поселении, они биармы. А в городе среди них мы встретили других, я считаю их хольмгардцами. Я узнал их в бою на берегу. Ярл, я не ошибаюсь, я бывал в Хольмгарде. Мы находимся на окраине Гардарики.

Оттар кивнул кормчему «Дракона»:

— Ты прав, Эстольд. Теперь я знаю, откуда у хольмгардских купцов появились моржовые клыки. Я вижу здесь меха, знакомые мне по Скирингссалу. И кашалотовый воск был отсюда же.

— Я думал о том же,— признался Лодин.

— А далеко отсюда Хольмгард? — спросил Канут.

Кормчие должны ответить. Им были знакомы все пути от Нидароса, измеренные в днях постоянной гребли с поправками на ветер и на течение. Направления опирались на уровни Солнца и Луны над морем, в зави-

симости от дней года, на неподвижную Северную звезду и на изменчивые созвездия.

О дорогах через Гандвик никто не знал до настоящего времени. Помогая один другому, кормчие чертили углем на досках дорогу, пройденную драккарами Оттара. Цепочка линий, отмечающая путь драккаров,— кормчие отсекали дни — обогнула северный конец земли фиордов и шла по Гандвику, опускаясь уже ниже Нидароса. Путь свернул на восток и окончился в устье Вин-ö.

Чтобы найти Хольмгард, кормчие зашагали от Нидароса к югу, миновали проливы, Скирингссал и Варяжским морем, рекой Невой, озером Нево и рекой Волховом вошли в столицу Земли Городов, Хольмгард.

Концы наброшенной цепи расходились далеко, приходилось прикладывать новые и новые доски к началу чертежа. Хольмгард нашелся к западу и к югу от устья Вин-ö. Никто и никогда не слышал, чтобы к востоку и к северу от Хольмгарда лежало бы удобное для быстрого сообщения море. Отсюда до Хольмгарда месяцы трудного пути через леса.

Встреченные хольмгардцы не более как малочисленный дальний выселок. Оттар вспомнил о союзе ярлов с конунгом Скатом.

— Хольмгард пал, Хольмгард разбит и повержен,— вдруг, вызвав общее изумление, сказал ярл.

Оттар напомнил своим викингам о созданном зимой в Скирингссале союзе двадцати двух свободных ярлов, которые с десятью тысячами викингов собирались в великий поход на дальний Юг. Оттар открыл тайну этого союза, который ныне уже, несомненно, захватил Хольмгард. Надолго ли ярлы останутся в столице Гардарики, или, удовлетворившись первой добычей, быстро покинут его, это безразлично...

— Хольмгард разбит, разорен, уничтожен, клянусь Рагнвальдом! — воскликнул Оттар, оканчивая свою речь.— Вслед за ярлами на него, как коршуны на падаль, набросятся другие и растащат его на куски!

Вывод ярла показался настолько очевидным, что мысль о возможной угрозе из Хольмгарда покинула сознание викингов. Кто-то из них про себя пожалел об упущенном случае принять участие в грабеже богатейшего восточного города,— не больше.

Пользуясь опытом походов в низкие земли Запада, они обсуждали дальнейшее. Встречалось и на Западе ожесточенное сопротивление. После поражения наступал

упадок, разбитые в сражении обвиняли и проклинали вождей, разделялись, мечтали о переговорах с победителями и, наконец, любой ценой соглашались спасти свое существование. Людям низких рас безразлично, кому платить дань.

— Не пойти ли на «Акулах» узнать, что есть выше на Вин-ö? — спросил Канут.

Все взглянули на своего ярла.

— Нет. Подождем покорности устья. Жареного тетерева глотают по кускам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА ВЕКИ ВЕКОВ

Глава первая

1

По левому берегу Двины, на половину дня пути водой от моря, залегло священное угодье биармов. Тайное от всех людей стойбище кудесников, по народному прозвищу хранителей Дома Йомалы, сокрыто в беспроходных лесных дебрях.

С берега к нему, тайному месту, есть одна дорожка, а все остальные заказаны. От нависшей над речной кручей опушки во мхах протоптана, как выжжена, стежка в один след. Ступая по ней, гляди под ноги, чтобы не запнуться о корни вековечного соснового бора.

Из бора придешь в еловый лес. Седые великие ели подперли небо и затмили день. Стежка глубоко врезалась в хвою, которую насыпали ели, и снизу, от земли, ничто не пробивается — ни деревцо, ни куст, ни гриб. Ели взяли всю земную силу, не растят себе на смену ни одной молодой елочки. У них нет роду-племени, чтобы их помянуть, когда повалит смерть.

Да и нужны ли им дети? Сколько помнит народ биармов, ели всегда были. Не стоят ли вечные ели сами собой, без рождения и без умирания?..

Тропка тебя поводит под старыми, покружит, и ты потеряешься. Ты забудешь, на какой руке приходится река Двина, где осталось море, и тебе будет мниться, будто бы ты петляешь давным-давно и будто отсюда никуда и нет выхода. Не бойся, ступай по следу.

Тропочка тебя приведет к высокому мшистому камню, на нем сидит голый медвежий череп: серо-желтая кость, в пустых глазницах пучится бурый лишайник, с челюсти бородой обвис мох. У камня собери свои мысли: задумал ли ты просить хранителей о деле и не лезешь ли к ним с глупым, пустым словом?

Надумав, иди дальше, но с тропы не сбивайся ни на шаг, кругом тебя запрет! В этом лесу, заповедном для всякой охоты, звери не боятся людей. Белка подпустит, куница не прыгнет с низкой ветки, олень и лось от тебя не побегут, и медведь тебя не тронет. Смело иди до Хиговой поляны, где древний зверь выставил громадную голову с двумя гнутыми вверх тяжелокаменными зубами. Черные мертвые кости Хига связаны ремнями, а не жилами с мясом.

Прежде в приморских лесах, на двинских берегах, у болот жили могучие и мудрые, но злые к человеку Хиги. Их погубила Йомала. А последнего родовича поставила здесь для памяти биармов. Тут же лежит и недавний касаточий череп, принесенный в знак союза биармов с железными людьми.

Перед Хигом тропочка сворачивает к навесу из корья, и след кончается. Под навесом висит доска, в нее ударь четыре раза камнем или обухом топора, четыре раза прокричи имя Йомалы и жди. Йомала слышала, и она не любит нетерпения.

Жди молча, увидишь непуганых зверей, а под Хигом появится человек. У него на голове острая шапка рыбьей кожи. Хранитель примет дары: рыбу, мясо, дичину. Если же он не сразу ответит на твой вопрос и уйдет, дожидайся, он вернется.

Сам же ты не забудь, что обязан принести хранителям дар правдивых слов. Расскажи, кто родился, кто женился, из-за чего были ссоры, каковы охоты, рыбные ловли, как олени и море, что делают железные люди. Йомале нужно все знать.

Одни птицы и звери ведают, откуда на Хигову поляну выходят к гостям хранители. В вытертом летнем меху, тощая,— вытянули соболята,— самочка прыгает

за хранителем и слушает его разговор: беличье цокотанье, тоненький рябчиковый посвист. Отвечает:

— Глупого человека обманывай, не соболя. Делись-ка поскорее. Дай сладкую птичью головку для моих маленьких!...— и, подпрыгнув, хватает из рук доброго человека не подачку, а дар дружбы, дар союза людей с лесом.

2

На повернутых чьей-то великой силой каменных плитах лежат грузные, как избы, валуны. В разломах торчат сизые мхи, на каменных лбах курчавятся многоцветные лишаи. Здесь живет священная Сосна.

В борах найдется много деревьев выше нее, но старше нет нигде. Одинокую не обнимешь и вшестером, в щелистой коре спрячется зверь, ветви сами как деревья, а корни Великой раздвинули камни. Ей нипочем самые злые ветроломы, потому что сама Йомала заветным малым семенем посадила Сосну. Из ее корней течет чистая струйка, наливает глубокий бочаг и вновь уходит под корни. Это Ручей Йомалы.

По приказу богини два морских гоголя, черный и белый, доставали со дна моря камни и землю для сотворения угодий. А создавая первого биармина с биарминкой, Йомала оживила их тела водой этого Ручья. Течет Ручей, стоит Сосна — и живы биармы.

Святыню кольцом окружают островерхие чумы хранителей. Во многих жилищах пусто, ни один молодой хранитель не вернулся, нурманны перебили всех. И сюда придут злые убийцы, срубят Сосну, осквернят Ручей, кончатся биармы, умрет народ.

Старший хранитель сидел на корне Сосны и смотрел в глубокое зеркало бочага. Наливающая его струйка была слаба и тонка, подобно непрочной человеческой жизни.

— Йомала, Йомала, мы бродим во мраке, для нас все непонятно, мы гибнем...

Над водой столбиками толклась серая мошка. С Сосны упала хвоинка и поплыла, на широких лыжах скользнул паук. Небо затягивалось тучами, и гладкое зеркало потемнело.

В памяти хранителей, как кольца в древесных стволах, копилось и приумножалось завещанное опытом поколений, хранилось в строгом порядке, как снасти и

охотничий припас. Были под рукой, наготове, многократно проверенные советы и указания на все случаи житейских невзгод. А в самой глубине лежали страшные, опасные тайны, которых без разрешения богини нельзя было не только открыть, но даже и вспомнить.

На хвойную крышу упал ливень. Сосна пролила избыток на своего хранителя. Он, не чувствуя холода, застыл как камень. Тяжелые капли возмутили зеркало священной воды, он не видел.

Он следил за войной биармов с Хигами. Хиг гнался за малым, как белка, человеком. Биарм оборачивался, но что он мог сделать костяным копьем и оленьим рогом, как мог защититься? Его оружие едва царапало толстую волосатую шкуру великана, а Хиг вдавливал биарма в мох, как муравья.

— Мы бессильны, Йомала,— шептал хранитель.

Хиг одним зубом поднимал чум, находил ребенка и беспощадно губил нагого человеческого червячка.

— Йомала!..

Отец ребенка крался к опушке и тайно ждал приближения Хига, ждал и ждал с бесконечным, великим терпением. Вот Хиг повернулся бурым боком к биарму, и в губу великана угодила стрела. Злой достал длинным носом колючую игрушку. Он поискал глупого биарма, но человек успел укрыться, и Хиг забыл ничтожную занозу. Он пасся день, другой, третий. Но почему он слабеет? Его глаза мутнеют, толстые, как сосны, ноги подгибаются, могучий ложится и стонет. Он не может пошевелиться, муравьи лезут в пасть, в уши. В последний раз приподнялся волосатый бок. К вздутому брюху крадутся пушистые острозубые волки.

Биармы втыкали в спины тухлых красных рыб наконечники стрел и кололи Хигов. Если Хиг и догонял и убивал биарма, то все же сам великан неизбежно умирал.

Так богиня указала хранителю на нужную тайну и позволила воспользоваться запретно-зловещим оружием для спасения народа биармов.

Виденье исчезло.

— Ты научила людей победить злых Хигов. И ты поможешь своему народу избавиться от убийц нурманнов со злобной душой Хига в теле человека. Йомала, Йомала, Йомала, Йомала!..—молился очнувшийся хранитель.

Глава вторая

1

— Нурманны пойдут вверх и разорят колмогорян, как нас,— жалобно ныл Янша.

— Не разорят,— возразил Сувор, брат Заренки. Поморянского старшину вывели целым из боя доспехи, когда-то присланные Изяславом через Тсарга-мерянина. На Суворе были тоже хорошие доспехи, но он не сумел сберечь лицо, оно раздулось от удара, и раненый глядел одним глазом, а что с другим — не разберешь.

Как туча на море, так свалились на поморье нурманны, разбросали буреломом поморян и биарминов. Горе и отчаяние разбитого войска не измерено. Вольно и невольно его скрывали и сами воины и тот, кто принимал на себя нерадостный труд рассказа. Летописец испуганно отворачивался, заглянув в темную глубину. Кто же издали и после времени прикладывал свой аршин, у того получалось, что и песни пели люди, и ели, и спали, как всегда, а отступали лишь для того, что это было нужно. Нет, падали честные сердца, людей гнуло и вбивало в землю отчаяние. Отчаяние побежденного не порок, а болезнь души. Один — оправится, другой — захиреет.

Биармины крепко понадеялись на поморян, а поморяне полагались на общую, дружную и многолюдную силу. Готовясь бесхитростным боем сломать нурманнов, они сами разбились. Между побежденными не было споров, никого не хулили, ни на кого не сталкивали вину за то, что, желая себя оборонить, не сумели того сделать по неумению биться. Живые думали о погибших, живым будет стыдно перед сиротами и вдовами. Они не сдвинулись с места, куда прибежали после разгрома, и сидели в бездорожном лесу в половине дня ходьбы от Усть-Двинца. Что в городке делают нурманны — об этом не спрашивали.

— Надо быть, колмогоряне плывут по Двине. Их на реке нурманны подушат, как утят,— стонал Янша.

— Подушат,— отзывался другой раненый.

— Будет вам! — оборвал Одинец.

С Янши, как и с иного другого, много не спросишь. Одинец, испытывая свое умельство, как-то укрепил даренную Изяславом кольчугу коваными оплечьями и бляхами. Янша же под простой кольчугой, несмотря на надетый под железной рубашкой полушубок, был так из-

бит и иссечен, что казался не жильцом на свете. А бился как бешеный...

Поморянский староста не боялся за колмогорян, он посылал к ним гонца после разгрома. И что нурманны сидят в Усть-Двинце без дела, Одинец тоже знал.

— Нурманнам выкуп дать, не уйдут ли,— едва понятно прошамкал Игнач. Ему было трудно говорить. Тело сберегли не то твердые доспехи, не то прыть — этого не знал сам Игнач. Его скобленули мечом по шлемному наличью, смяли нос и ссекли с подбородка бороду с мясом. Страшная по виду рана была не опасна для жизни.

— Тебя им отдать, безносый,— зло оговорил Игнача Карислав.— Нурманнам выкуп, что рыбе привада. А чего и отдашь-то? Они сами все взяли.

После боя у Карислава левая рука опухла до плеча, как полено. И все же он бегал вместе с другими к Усть-Двинцу наблюдать за нурманнами. Он ходил в безрукавной рубахе. На избитое тело не то что кольчуги — нельзя было надеть и кожаной подкольчужницы. Нынче, на четвертый день, тело начало подживать и опухоль на руке спадала. Тшуддово лечение помогало.

Израненный Карислав — не воин, одни ноги. Таким надо помалкивать. И все же его раззадорило чужое нытье:

— Биться и биться!

— Ого! — поддакнул Тролл.

Из Одинцовых друзей-кузнецов с общего двора в живых остался один Тролл. Онг, Болту, Гинок — там же, где Отеня, Расту, Вечерко и сколько других! Да. Биться и биться! Но как?.. Одинец по стойбищу стал считать живых. Поморяне собрались все, около семидесяти. А биармины все еще собираются, их пришло до тысячи человек, больше, чем в день злосчастного боя. Биармины говорили об обещанной богиней Йомалой победе над нурманнами со слов хранителей, переданных из святилища богини. А где же клейменые?! Их еще нет, они обходят дальние стоянки биарминов.

Но без тяжелых доспехов и без правильного строя нурманны посекут всех. Нурманны приравнивают каждого своего воина к десяти другим. Чего хвалиться, одному латнику не диво разогнать и двадцать бездоспешных.

Янша бредил в забытьи, ему не помогало Тшуддово лечение. Незнакомый биармин кормил Сувора, Игнача

и Яншу, которые сами были не в силе жевать. Как мамка, биармин разжевывал мясо и совал поморянам в рот.

Получили в биарминах золотых друзей, обжились на поморье, добились хороших достатков... Не бежать ли к колмогорянам и обороняться вместе? Нет, не выстоять против нурманнского строя.

А не бросить ли все и, как встарь, поискать ватагой нового счастья в Черном лесу? Одинец вспомнил свое бегство из Новгорода, свою бездумную и беззаботную молодость. Нельзя бросить Двину и предать биарминов. А сделать так — не глядеть больше Заренке в глаза.

Просить бы помощи у Новгорода? И придет городская дружина будущим летом на пустое место, нурманны дочиста разорят и поморье и колмогорье. Или еще хуже: они, как хвалились через клейменых, укрепятся в устьях Двины. Они умеют, найдя легкую добычу, сосать ее раз за разом, пока не бросят сухую кожу. Страшно, страшно! После укрепления первых нурманнов к ним по морю приплывет такая сила, что с ней не справится и помощь от Города.

А много ль войска дадут городские старшины и дадут ли еще? Что Городу дальний малолюдный кусишко, у него хватает своих забот. К тому же иные старшины не слишком жалуют поморян. Косятся на них Ставр, Гул и Гудим, не любят бояре Нур, Делота, Синий, Хабар. Все потому, что поморяне не пустили к себе ничьих приказчиков и сами ведут торги...

Люди зашумели и прервали думы Одинца. Зовут старшину. У Одинца еще больше упало сердце, он научился бояться вестей.

Собравшись, как на вече, слушали послов нурманнского князя, своих пятерых раненых, передававших сходные слова с теми, которые принесли клейменые биармины из рода Расту. Но те хвастливые угрозы звучали не так, как произносимые после побоища. Заершенными гвоздями входило в головы:

— Все люди, поморяне и биармины, отныне будут нурманнскими рабами. Будут платить дань, сколько спросит князь-нурманн, жить в его послушании и, под страхом неминуемой и мучительной смерти, молча ворочать на него одного...

Очнувшись от забытья, Янша завопил диким голосом:

— Идут, идут!

Люди шарахнулись, не зная куда.

— Не идут,— закричал Одинец,— не идут, не слушайте бреда! Будем же судить, как нам выйти из тесноты!

...Несчастный Янша вправду ошибся. То не нурманны, а поморянские стосковавшиеся женщины выходили к лесному приюту.

2

Викингам достались обильные запасы в погребах и клетях Усть-Двинца. Море и речное устье кишели рыбой. «Акулы» для развлечения протаскивали невод, вновь и вновь уловы оказывались сказочно богатыми.

Викинги пользовались домами и имуществом побежденных с особенным удовольствием, находя во всем прелесть новизны и утверждение превосходства победителя. Они наслаждались, как крысы, вгрызшиеся в круг сыра, и, умея длительно поститься, поглощали на отдыхе колоссальные количества пищи, обнаруживая удивительное сходство с четвероногими хищниками.

Нидаросский ярл был требователен, и охрана бдительна. Но лишь на седьмой день после боя, когда Оттар уже подумывал о разведках в лесу и в верховьях Вин-ö,— сменный дозор, постоянно наблюдавший с мачты «Дракона», заметил, как на материковом берегу реки, значительно выше пристани, появились несколько человек.

Нежданное приятное развлечение,— прилежным наблюдателям надоели пустынная река и однообразие лесов. Насколько хватало силы зрения, леса были повсюду, и лишь кое-где, по ступеням, образованным вершинами, угадывались поляны и неровности почвы на низменностях, окружавших захваченный город. Лишь тысячи на полторы шагов выше пристани, вверх по течению, коренной лес был вырублен и заменился кустарниками с отдельными высокими соснами.

Дозорный считал фигурки, показавшиеся на речной отмели — восемь. Они исчезли. Вскоре какие-то люди опять вышли к реке, уже ближе, и их было не менее пятнадцати. Звук рога известил ярла о появлении биармов. Оттар пришел на пристань вместе с Эстольдом. Быть может, биармы хотят выразить покорность? Вероятно...

Человек двадцать пробирались в кустарнике и остановились на границе пустыря перед пристанью — на расстоянии приблизительно в два полета стрелы. В кучке были и люди с густыми бородами, по которым викинги отличали хольмгардцев от биармов. Все были одеты легко, без доспехов, но вооружены. Чтобы в их намерениях не было сомнений, один из них, молодой и безбородый, выбежал вперед и пустил стрелу, сильно растянув тетиву и целясь вверх. Стрела упала шагах в ста от пристани, знаменуя вызов.

Ярл приказал Лодину, Бранду и Кануту вернуться в городок. Каждый возьмет по пятьдесят викингов и скрытно выйдет в лес позади городка. Три отряда войдут в лес и, описав широкие дуги, отрежут кучку дерзких.

— Брать больше живых,— приказал ярл. Сам он будет отвлекать внимание биармов во время движения облавы, о длительности которой ярл условился со своими помощниками.

Биармы и хольмгардцы бездеятельно ждали вне выстрела из лука и досягаемости пращей.

Не сомневаясь в своей конечной победе, Оттар считал Новый Нидарос основанным: завоеванный городок стоял на удобном месте, и нечего было искать другого. Ярл не собирался гадать о ближайших действиях побежденных биармов. После почти пятидневного плавания от стоянки Расту до устья Вин-ö Оттар сделал правильный вывод о рассеянности мелких поселений биармов. Они будут еще выжидать, каждый в своей норе, на что-то надеяться, бессмысленно и тупо, как люди, у которых в жилах нет благородной крови и в руках — оружия для победы. Низкие племена различаются по количеству уроков, в которых они нуждаются. Новый Нидарос стоил труда, и Оттар считал себя терпеливым. Задумчиво, как на прогулке, ярл описывал петли и постепенно приближался к границе кустов, рассчитывая время, нужное для завершения облавы. Да, через четыре или пять дней он сам на «Черной» и «Синей Акулах» поднимется по Вин-ö в поисках других поселений. Там, конечно, уж слышали о нем, и людям пора увидеть господина своими глазами.

Оттар приблизился к кустам почти на полет стрелы, уже различал лица. Выделялся один человек, высокий, как Свавильд, русобородый. Этого следует поймать жи-

вым. Вообще пора брать живых и больше не истреблять подданных.

Оттар остановил рукой викингов, которые приближались, натягивая луки. Викинги хотели, как они это умели, выиграть расстояние одним броском и стрелять на ходу. Рано, условленное время еще не истекло.

Где-то далеко застучал биармовский бубен. Что это значит? Как по сигналу, кучка биармов и хольмгардцев скрылась в кустах. Викинги начали погоню. Оттар бежал легко и обогнал своих воинов. Подпрыгивая, ярл различал в кустах головы беглецов. Биармы увеличивали расстояние. Викинги тоже ускорили бег, прыгали через пни, проскакивали кусты. Погоня захватывала.

Эстольд не отставал от своего ярла, хотя был лет на двадцать старше Оттара.

Еще усилие, и еще... Уже можно добросить стрелу. Среди кустов было неудобно стрелять, и биармы опять оторвались. Да, они сильнее лапонов-гвеннов, хотя и говорят одной речью.

Викинги побросали тяжелые копья и щиты, мешавшие бежать. Но доспехи не сбросишь на ходу.

В лесу стучали несколько бубнов. Ярл был уверен, что его отряды уже зашли к реке. Скоро убегающие биармы наткнутся на загонщиков. Брать живьем!

Ярл был в легкой кольчуге, а не в своих тяжелых латах из твердой кованой меди. Он не бросил щит, как другие. Выносливый, сильный ярл служил примером для своих викингов. Он не устал от бега.

Он гнал по горячему следу с приятным раздражением кровной гончей, которая стремится догнать, свалить и растерзать желанную красную дичину.

3

Кусты сразу оборвались, и вниз покатился крутоватый травянистый откос. Там, в овраге, протекал ручеек, справа — река, а на другом, пологом склоне оврага биармы прыгали, как зайцы, к густому лесу, стоявшему стеной над оврагом.

Кто там, в лесу? Бранд, Лодин? Или Канут сумел опередить своих товарищей? В несколько прыжков — он ощущал легкость полета — Оттар оказался перед ручьем и с разбегу взял препятствие.

Тело ярла само делало нужные точные движения, не мешая ему видеть и соображать. Таков результат под-

готовки ко всем случайностям боевой жизни с раннего детства. Слабые дети племени фиордов быстро погибали от преждевременного истощения, зато тела выживших были закалены, а руки и ноги послушны. Викинги гнали биармов, как неутомимая волчья стая.

Навстречу вестфольдингам из лесу вышло сразу много людей,— не тех, кого ждал ярл. Взвилась и упала туча стрел. Оттар закрыл лицо щитом. Погоня захлебнулась, раздались громкие ругательства. Вырвавшиеся вперед отступили. Тот, кто бросил щит, оказался в тяжелом положении. В щит и шлем ярла ударялись и ломались о резьбу тяжелые стрелы. Одна застряла в подвижных пластинах и уколола бедро.

Викинги опомнились и ответили стрелами на стрелы. Незащищенные доспехами биармы, продолжая стрелять, спрятались за стволами сосен. Но где же хотя бы один из облавных отрядов!

Стук биармовских бубнов, напоминая камни, катящиеся по доскам, посыпался совсем близко. Оттар приказал нападать, но биармы не стали ждать и исчезли в чаще. Дальнейшее преследование не имело смысла.

Первым появился Канут. Он оправдывался:

— Лес оказался полон биармами, мы не могли пройти незамеченными. Ничего нельзя было поделать, они не принимали боя. Они отступали и не жалели стрел. Мы гнали их, гнали, отклонялись и задерживались.

— Хорошо бы охватить лес большим числом викингов,— заметили опоздавшие Бранд и Лодин.

Сто пятьдесят викингов! Достаточно для победы, но в лесу они терялись. Никто не сумел поймать пленников. Викинги уверяли, что не все их стрелы были попусту потеряны стрельбой в лесной чаще, однако ярлу не были предъявлены обычные доказательства в виде кисти руки или головы врага.

Викинги собирали свои и чужие стрелы, как всегда делалось на поле боя. На драккарах хранились большие запасы стрел, но это не уменьшало их ценности. Стрелы биармов были двух образцов: длинные и толстые, как у викингов,— подобными стрелами в Скирингссале торговали хольмгардские купцы,— и более слабые стрелы с костяными наконечниками.

Биармы умели пользоваться луками! Все викинги, попавшие в их засаду вместе с Оттаром, были попятнаны. Особенно пострадали бросившие щиты. Стрелами в лицо и шею было убито девять воинов.

Отряды Лодина, Канута и Бранда потеряли все вместе четырнадцать воинов. Они вынесли трупы, как обычно. Биармины умели бить исподтишка. Проклятый лес!

Тяжелый Свавильд бросил щит, чтобы не отставать от своего ярла. Богатырь высасывал кровь из обеих проткнутых стрелами ладоней, которыми он закрывал лицо от биарминовских лучников. В кустах он злобно закричал:

— Клянусь Локи, я узнаю место, здесь они убили Галля! И мне не удалось никого поймать!..

Глава третья

1

Шел дождь, на растоптанной ногами земле у пристани и в городке стало скользко, мох наполнялся водой, стволы сосен почернели со стороны моря. В начале второй половины дня, сразу после полудня, дозорные вновь заметили биармов. Отступив перед викингами, биармы вернулись почти сразу. Показываясь на тех же местах, они осторожно, чтобы не попасть в засаду, пробирались в кустах к пристани, к драккарам. Ярл не оставил засады в кустах.

Он решил повторить до мельчайших подробностей все, что было только что проделано, и этим обмануть биармов. Вновь Оттар руководил преследованием вдоль реки, а отряды Канута, Бранда и Лодина пытались осуществить охват.

Ни один биарм не был отрезан и захвачен, хотя на этот раз три отряда прошли лесом по знакомым местам и не дали себя отвлечь. Отряды заметили, что биармы не только отступали перед ними, но и шли следом. Все викинги были хорошо защищены доспехами, ни один не бросил щита. Потери уменьшились, лишь четверо были убиты и один тяжело ранен в горло. Отряд Канута нашел два трупа биармов, викинги принесли в доказательство кисти правых рук. Лодин слышал стук бубнов сверху, биармы прятали своих наблюдателей на высоких деревьях. В чаще было невозможно разобрать — где.

В последней части дня биармы предложили викингам и в третий раз ту же игру. Очевидно, они ничего не боялись в своем лесу. И опять, изучая биармов, ярл повторил те же приемы. Оттар не ждал, что биармы догадаются. Но на этот раз он послал кормчего «Черной

Акулы» Гатто с семьюдесятью викингами вслед за первыми тремя отрядами. Пока те, без большой надежды на успех, в третий раз проделают обходное движение, Гатто должен был продвинуться глубже в лес и устроить засаду.

Гатто выполнил приказ, но вскоре был обнаружен. Засада сорвалась. Вместо того чтобы дождаться биармов и захватить людей, ничего не ожидающих после прохода первых трех отрядов, Гатто был вынужден надавить на биармов. Они так же легко отступили перед отрядом кормчего «Черной Акулы», как перед другими. Но, отходя, биармы затянули викингов Гатто в болото, через которое они сами, конечно, знали проходы. А тяжело вооруженные викинги завязли и не сумели помочь в охвате, который в третий раз ничего не дал Оттару.

Приобретая опыт и изучив лес, отряды Канута, Бранда и Лодина потеряли всего двух викингов. Но Гатто лишился десяти воинов, из которых пятеро утонули в трясине. Биармы остались неуловимыми.

Викинги были раздражены. В открытом поле они могли истребить тысячи биармов, без хвастовства. В лесах же не было противника для удара могучей силой железного строя, в котором каждый знал свое место, строем, ударявшим, как одна многопалая рука. Тот, кто безошибочно пускал стрелу с качающегося на волне борта драккара, не умел целиться в лесу. Ветки отклоняли стрелу, цеплялись за тетиву и закрывали цель. Стрела вонзалась не в тело, а в ствол сосны или ели. Расстояние не определялось с нужной точностью, противники появлялись и исчезали сразу в нескольких местах, рассеивая внимание. В лесу терялась общая линия, свой казался чужим, один мешал другому.

К концу дня биармы вынудили ярла ввести в бесплодную игру больше трехсот викингов. За день было разбросано около двух тысяч стрел, а собрано меньше тысячи. Биармы пользовались стрелами викингов, кричали проклятия и угрожали местью Йомалы. Кто знал язык лапонов-гвеннов, понимал брань биармов.

Леса берегов Вин-ö могли так же гореть, как в земле фиордов, жарче ячменной или овсяной соломы. Ярл зажег бы лес, но дожди повторялись и мхи были насыщены водой. Пожар был возможен как помощник Оттара в такое нечастое лето, когда стоит сушь и мох превращается в трут, почти пригодный для огнива и кремня.

Оттар еще думал о толпе дикарей, делающей беспо-

рядочные усилия. Быть может, они сделают попытку отбить свой городок. Пусть, этим закончится их сопротивление.

2

Летний день в устье Вин-ö был не так длинен, как в Гологаланде, а ночь — темнее. В мглистых сумерках, сгущенных туманом, охрана драккаров заметила движение на реке выше пристани. Очертания были неопределенны, и только вдруг вспыхнувший свет пожара открыл опасность. На пристань надвигались шесть больших лодок, нагруженных сучьями и сеном выше носа «Дракона» и охваченных жарким пламенем.

Наибольшая опасность грозила крайнему драккару — «Черной Акуле». Викинги охраны в последнюю минуту успели поднять якоря. Вслед за ними течение медленно понесло «Синюю Акулу», на которой обрубили якорные канаты.

Плавучие костры подходили к пристани, и «Дракону» грозила непосредственная опасность. «Орел» был причален сзади «Дракона», и лучший драккар Нидароса не мог отойти, не навалившись на «Орла».

Викинги встретили пламя, ощетинившись веслами и абордажными баграми. Если бы ярл не удвоил на ночь охрану, «Дракон» бы не спасся. Викингам удалось удержать и оттолкнуть горящие лодки. Когда Оттар вскочил на борт, «Орел» отходил, освобождая «Дракону» отступление, в котором уже не было нужды.

Пламя попортило гордую голову «Дракона», его янтарные глаза лопнули, выпали белые зубы из моржовых клыков. По правому борту драккара выступила смола, но само дерево не пострадало.

Горящие лодки, ярко освещая темные берега реки, медленно удалялись к морю, следуя за отливным течением полуночи. «Акулы» и «Орел» возвращались. Огонь уничтожил канаты, связывавшие предательские лодки, и они разделились.

Оттар был в ярости, он никогда не простит биармам покушения на его драккары! Ярл строго судил себя. Увеличив на ночь охрану, он спас драккары. Он поступил так, лишь следуя своему общему правилу быть всегда зорким, всегда готовым ко всему. Но он не думал о подобной дерзкой попытке биармов, нет, не думал. Случай, а не сознательное действие ярла спасло «Дракона»

и другие драккары. Оттар был унижен, создавалось какое-то подобие равенства между ним и каким-либо биармом или хольмгардцем, сумевшим придумать и осуществить нападение, не предвиденное им, господином.

«Одно это — поражение, поражение, поражение»,— повторял себе Оттар. Нет, он никогда не признает равенства. Но холодный расчет свободного ярла, короля моря, стремящегося к надежному пристанищу, сменялся ненавистью к тем, кто осмеливался сопротивляться.

Ярл следил, как с «Акул» и «Орла» кого-то ловили в воде. На «Орле» спустили лодку. Викинги вытащили из реки человека. Пойман один из поджигателей!

— Назад, Свавильд, назад! — приказал Оттар дрожащему от злобы богатырю.— Назад, тебе говорю! Не трогай пленника!

Человек, почти такой же рослый, как Свавильд, бородатый, мокрый, смотрел на ярла остановившимся взглядом. Его руки были прикручены ремнем к покрытому холщовой рубахой телу.

Не Свавильд, нет, Свавильд потерял голову и слишком поторопится. Ярл оглянулся:

— Горик! Возьми этого пленника. Ты мне отвечаешь за него собой. За живого!

3

Ярл не успел приказать, куда отвести пленного. В серой мгле над городком заскользили желтые светлячки. Опускаясь, они — новая выдумка новгородцев и биармов — вспыхивали огнем.

Стрелу обматывают под наконечником полосками пропитанной тюленьим жиром бересты и сухой травы. Многие огни гасли еще в полете, другие стрелы падали во дворах. Огни потухали на тесе, и даже в соломе кровли, не найдя пищи под затянувшим крышу мхом и в сыром, после дневного дождя, дереве.

Но стрелков было много. Когда ярл прибежал в городок, пожары от стрел, проникших под застрехи крыш и в дымовые продухи, начались в нескольких местах.

Горик и пленный отстали, а Свавильд не пошел за своим ярлом. Борясь с огнем, богатырь опалил руки и лицо, так же как Горик. Свавильд схватил пленного за плечо и злобно сказал Горику:

— Убирайся!

— Ты убирайся,— огрызнулся варяг с неменьшей

злостью.— Ярл приказал мне беречь его! Ты не слышал, толстоухий?!

Свавильд презирал Горика, раба, только прихотью ярла превращенного в свободного викинга. Прошло полтора месяца со дня, когда Оттар торжественно посадил Горика на рум и принял клятву нового викинга Нидароса. Без Свавильда это были бы неплохие дни для сильного телом молодого варяга, который, игрой морского течения попав в Нидарос, видел перед собой годы безысходного рабства. Ярл запрещал ссоры во время похода, иначе кровь пролилась бы уже давно. Горик был готов на все, даже на неравный для него по силе «простой бой». С кабаньим упрямством Свавильд повторял одни и те же остроты и оскорбления, издеваясь над славянским происхождением Горика.

Телохранителю ярла не терпелось самому и на свободе, пока другие заняты на пожаре городка, оттащить пленника на «Дракон» и развлечься с ним. Свавильд любил «Дракона» не меньше, чем своего ярла. Он хотел ободрать кожу с пленника на носу драккара. А расспросить его он сумеет.

— Вонючий волчишка! — пригрозил Свавильд Горику. На языке фиордов слово варяг созвучно слову волк.— Выродок славянской суки и вендского пса! Я раздавлю тебя, как клопа!

Свавильд был уверен, что ярл не прогонит его и не казнит, какую бы расправу он ни учинил над варягом. Горик онемел от ярости.

— Ты оглох, сын трески! Убирайся! — разъярялся Свавильд. Он одной рукой рвал плечо пленного, а другой пытался вытащить застрявший в ножнах меч.

Горик судорожно выхватил свой меч, сделал стремительный выпад и воткнул железо под ребра богатыря. Толстый клинок, способный в сильной и умелой руке проломить и латы, проткнул кольчугу и разорвал сердце ненавистного Свавильда. Богатырь свалился без звука.

Горик оглянулся: кажется, во мгле никто не видел стычку. Да, он был один на половине дороги между пристанью и городком. Варяг схватил пленного за ремень и потащил за собой, к кустам. Конечно, ярл не простит ему Свавильда — он еще не думал ни о чем другом. У варяга хватило выдержки не бежать, и он понимал, что не сможет появиться один в лесу. Что он, викинг, скажет биармам? Горик не владел лапонским язы-

ком, как старожилы Нидароса. За первым кустом Горик разрезал мечом ремни на пленнике и сказал:

— Бежим вместе.

Горик не выпускал руку пленника из своей, все было понятно без слов.

Глава четвертая

1

В Усть-Двинце сгорели дворы Одинца, Карислава и нескольких других, которые викинги не сумели отстоять от огня. Сгорели вместе с добычей, доставшейся было Оттару и его дружине.

Дозорные поморянского старшины перехватили плывших сверху колмогорян и спрятали их расшивы в затоне, в заросшей двинской старице.

Колмогоряне прислали малую помощь, всего пятьдесят человек. Прибывшие рассказывали, как колмогоряне спешно укрепляют свой пригородок, собрав к себе всех новгородских насельников с Доброгиной заимки на Ваге и с реки. Извещая, что будут биться против нурманнов за земляными валами, колмогоряне просили: «Чтобы все поморяне и биармины, которые себя не отстояли, шли бы к нам бороть нурманнов общей силой».

Колмогоряне звали к себе, а сами, как видно, больше всего боялись, как бы нурманны к ним не приплыли. Колмогоряне-то и посоветовали сжечь нурманнские лодьи. Для этого дела они отдали три расшивы, на которых пришли, а поморяне дали три своих из запрятанных в речных тайниках.

На воде нурманнов не удалось сжечь, зато над ними попалили крыши — поморянам было не жаль ничего. Чудом вернулся цел и здоров Щегря, колмогорянский старшой, который замешкался, зажигая расшивы. Да и с собой привел викинга-варяга, не нурманна. С этой ночи почувствовали все поморяне и биармины, что переломилась на лучшее их горькая жизнь.

Утром же из тайного места святилища Йомалы пришли двое кудесников-хранителей и начали учить всех особому способу воевать с нурманнами. Кудесники принесли вонючего студня, велели людям собирать пустые косточки и из них резать трубочки с затычками. В трубочки кудесники накладывали студня и учили:

— Сюда макай лишь самое острие стрелы. Уколотый

такой стрелой нурманн заболеет и умрет. Но сам берегись, поцарапаешься и тоже умрешь. И в рот не бери — умрешь. Стрелу же макай перед делом.

Что это за колдовское снадобье, кудесники никому не сказали. Приказали еще, чтобы люди ловили красную рыбу, осетра и стерлядь, и приносили к ним в чум.

2

Кудесники — хранители святилища Йомалы — вещали от имени матери-богини. Для биарминов их слова были законом. Помня предание о злых Хигах, биармины отождествили злобных нурманнов в рогатых шлемах с древними врагами, от которых когда-то едва не погиб весь народ водяных людей.

Новгородцы же встретили речи кудесников с сомнением. Не знали они чародейных снадобий и колдовства чуждались, считали его делом темным, несовместимым с новгородской честью.

Уцелевших поморян было до сотни — сбрелось все поморье. Вместе с прибывшими колмогорянами они сошлись на вече. Собрались, но не как обычно, не получилось вольного спора об общей заботе, люди угрюмо молчали.

— Слушайте меня, братья! — с мукой закричал Одинец.

Старшина забрался на поваленное дерево, казался громадным и властным. Начав говорить, успокоился и успокаивал людей. Он напомнил ватажную жизнь от выхода из Новгорода до встречи с биарминами, как сели при море и как жили до недавнего дня, последнего дня их вольной, счастливой жизни. Для былых повольников, кто помнил Доброгу, в устах Одинца будто бы звучала ласковая и твердая мудрость первого старшины. И иные невольно дивились, что же Одинец скрывал свое слово десять лет!

Но вот он произнес проклятое имя — нурманн... И его голос сделался диким, а слова — страшными. Одинец напомнил братьям о каждом злодеянии нурманнов. Старшина по именам вспомнил людей, чьи жизни нурманны отняли в бою, и каждого, кого злодеи домучили после боя. И как был каждый домучен!.. Не забыл Одинец и погибших братьев-биарминов. Спросил вече:

— Почто же нас так гонят нурманны? Почто?!

Не ожидая ответа, Одинец поклялся Небом, Солнцем, Землей и Водой, что до последнего дыханья он будет биться с нурманнами всем, что ему разум вложит в руку, но нурманнам не покорится. И не видит он для себя позора в колдовской стреле биарминовских кудесников, потому что тот вольный человек, который защищает свой очаг от врага, будет во всем прав, отныне и до века!

И нет между обидчиком и обиженным ничего общего: ни земли, ни воды, ни дыханья!

Черный лес гудел от голосов поморян, повторивших клятву Одинца. Клялись и биармины, обступившие вече. Почти все они уже так разбирались в русской речи, что мало кто не понял слов старшины железных людей, своих братьев.

3

День после ночного пожара прошел спокойно, биармы не показывались и не тревожили викингов. Но вечером они появились с новым упорством. Биармы пытались выманить викингов в лес. В сумерках на всех подступах к полусгоревшему городку и к пристани появились лучники. Подпуская к себе викингов на полет стрелы, они убегали.

Оттар заметил, что у биармов подходил к концу запас настоящих стрел. Ярл нашел в городке печи для выплавки железа и кузницы. Лишившись их, как думал Оттар, биармы потеряли возможность пополнять запасы своего оружия.

Биармы начали пользоваться стрелой с костяным наконечником, прикрепленным жилкой к тонкому и легкому древку, стрелой охотника на птицу и мелкого зверя, но не стрелой воина. Изготовленная из чистой ровной сосны, хорошо уравновешенная, с длинным и низким четырехсторонним оперением, стрела охотника обладала точным и дальним полетом — без силы. Острая кость хрупко ломалась о резьбу щита, шлем и латную перчатку и лишь втыкалась в подлатную кожаную рубаху. Удар такой стрелы по кольчуге не чувствовался, а настоящая — зачастую оставляла на теле пятно.

Оттар убедился в потере биармами настоящих стрел, отныне биармы могли поражать только незащищенное тело и на близком расстоянии. Но они боялись приближаться. И все же не жалели стрел... В течение всей ко-

роткой ночи они дразнили викингов. Бесполезные стрелы ударяли в латы сторожевых викингов, падали в поселке. Изредка они, как укусы комаров, царапали кожу, задевали щеку или руку, шею, щиколотку, находили сочленение доспеха.

Так длилось и весь следующий день. Оттар не пытался выходить в лес, биармы заметно смелели.

Иной удалец, презирая опасность от стрел и пращных ядер, подходил поближе. Рискуя жизнью, он натягивал длинный лук. Костяной наконечник царапал руку викинга, ловко хватавшего стрелу в полете, и биарм отбегал с криком:

— Смерть, смерть, смерть!

В глубине зеленой крепости биармов вызывающе стучали многочисленные бубны... Будто бы не было недавнего боя, в котором нидаросский ярл убил больше полутысячи биармов и хольмгардцев! Будто бы они еще могли сопротивляться! Оттар не сомневался, что где-то поблизости находится лагерь биармов, очаг бессмысленного упорства побежденных.

В туманных сумерках Оттар приказал готовиться, и с мглой, когда первая стрела невидимого ночного лучника-биарма упала у ног сторожевого викинга, из городка вышли два сильных отряда. Викинги, их пошло больше трехсот пятидесяти, надели легкие доспехи, оставили щиты и копья. Почти непроглядная темнота леса скрыла вспышки коротких, беспощадных схваток, слепых, призрачных и страшных, как во сне. Не разрываясь, две цепи викингов прочесали гребнем лес вблизи городка, стремясь наловить дерзких стрелков. Они добыли шесть или семь бесполезных трупов и привели двух пленников, застигнутых врасплох.

Оба пленника оказались знакомыми — их выдали руниры ᚱ — ридер, подживавшие на опаленных клеймом Нидароса лбах.

Их допрашивали порознь и не спеша, с терпеливым уменьем викинга добиться от самого упрямого обитателя низких земель указания места, где он зарыл свои ценности при слухе о том, что черные драккары вестфольдингов вновь показались в море.

Клейменые молчали, что дало цену их показаниям после того, как Оттар победил упорство пленников. Оттар узнал, что лагерь биармов, настоящий лагерь, с запасами и женщинами, расположился всего в половине

дня ходьбы от городка. Ярл оставил своим клейменым траллсам достаточно жизни в теле, чтобы они могли провести его в лагерь биармов.

4

Клейменые уверенно вели викингов. «Даже когда жизнь больше ничего не обещает, кроме возможности дышать и умереть на один день позже, человек низкой крови все же цепляется за нее»,— думал Оттар о своих проводниках.

Проводники знали дорогу, и ни один биарм не встречался в старом лесу, удобном для ходьбы. На стволах виднелись затески охотников, приметы зимних капканов. Клейменые объяснили, что вблизи протекает впадающая в Вин-ö речка.

Неожиданно головной отряд Оттара наткнулся на трех или четырех биармов, которые убежали в страхе, забыв о стрелах.

— Лагерь близко,— сказал один траллс.

Другой подтвердил, как эхо:

— Близко...

Их руки были истерзаны утонченной пыткой. Они безразлично глядели на повелителя.

— Сейчас, после ельника, будут поляны...— начал один.

— Да, лагерь там,— подтвердил второй. Они не смотрели друг на друга, как чужие.

— Так близко? — спросил Эстольд.

— Да, это здесь,— сказал первый траллс.

— Еще тысяча шагов,— подтвердил второй.

Они не смотрели и на Эстольда, они глядели только на господина. Клейменые не могли пошевелить бесповоротно изломанными пыткой руками. Они вместе и угодливо показывали направление движением головы.

— Чего еще хочет господин?

Ничего. «Неужели они еще думают о жизни и хотят жить?» — брезгливо подумал Оттар.

Вестфольдинги развернулись для широкого охвата. Будет много, много пленников. Викинги молча сужали кольцо в мелколесье, пока не встретили длинный завал из свежерубленного леса. Хвоя казалась живой, а листья берез и ольхи еще не увяли. В завале были оставлены широкие проходы, рядом с которыми лежали горы сучьев и лохматых вершин, чтобы закрыть ход в

случае надобности. Обо всем, среди вызванных пыткой стонов, рассказали клейменые. Лагерь здесь!

Из-за завала раздались тревожные крики, и викинги бросились в проходы. Толпы пленников и женщины, женщины!

Внезапно первые ряды исчезли в ямах, прикрытых сучьями и мхом. Такие ловушки, длинные, узкие, устраивают на оленей и лосей. Изредка ловится медведь, а волки не попадаются, они слишком недоверчивы. Настоящие западни устраиваются тщательнее. Но эти сделали свое. За каждым проходом было несколько рядов ям. Сколько — Оттар не мог определить.

Рядом с ярлом стоял клейменый траллс, измученный изощренной пыткой, с устало повисшей головой. Оттар ударил его кулаком в латной перчатке. Он отнял у этого траллса лицо и жизнь, а тот сумел взять плату викингами!

Через проходы завязалась перестрелка. Оттар не мог двинуться с места, пока не вытащит викингов, попавших в биармовские западни. Биармы напали и с тыла. Стычка длилась недолго. Викинги разметали завал, и биармы отошли. Никакого лагеря, даже его следов, не оказалось. Не нашлось и трупов. Биармы успели унести своих.

Напавшие с тыла были отброшены после беспорядочного боя. Среди биармов был замечен небольшой отряд хорошо вооруженных латников. И все же они не захотели упорного правильного боя. Они отступали, растягивая строй викингов, который было трудно соблюдать из-за деревьев.

А бездоспешные биармы осыпали викингов и костяными и настоящими стрелами.

Поле боя осталось за Оттаром. В лесу же стучали и стучали сухие биармовские бубны.

«Обманули, обманули, обманули!» — издевались бубны. Оттар не решился рисковать, преследуя биармов в лесах.

В дно земляных биармовских западней были забиты частые крепкие колья с закаленными на огне остриями. Кольчуги и латы прикрывают тело от ударов с боков и сверху, но не снизу. Из ловушек извлекли больше трупов и умирающих, чем живых. Спаслись лишь те викинги, которые падали сверху на своих товарищей. Еще несколько вестфольдингов легло от стрел биармов и шесть викингов зарублено биармовскими латниками.

«Они взяли больше, чем один за одного»,— думал

Оттар. Биармы второй раз устроили ему неожиданное. Он не разгромил лагеря биармов и по-прежнему не знал, где они прячут свои силы, припасы и женщин. Отныне придется относиться осторожнее к показаниям пленников. Кто бы мог подумать — они вынесли такие пытки!

Клейменый, которого ярл ударил латным кулаком, еще дышал. Душа держится прочно в теле биарма...

— Добейте их,— приказал ярл, указывая на клейменых. Больше их не к чему было пытать, и пытка не была властна над ними. Оттар не презирал их. Он смог понять мужество людей низкого племени, сумевших совершить подвиг, достойный сына Вотана.

Медленно, опасаясь засад, викинги возвращались в городок. Их провожал удручающе-назойливый стук бубнов, вызывающие вопли и визг. Откуда-то скользили стрелы. И когда викинги втянулись в полусгоревший городок, на опушках и в кустах показались биармы. Они что-то кричали, неразборчивое на расстоянии. Они не боялись вестфольдингов, им, казалось, был приятен моросящий дождь. Они делали понятные жесты, звали к себе, в лес.

Глава пятая

1

Местами два-три двора Усть-Двинца выгорели подряд. И пожарища и уцелевшие дворы были одинаково черны от дождя. Для топки очагов викинги ломали заборы и стены домов и надворных построек, попорченных огнем или целых, безразлично. Городок имел дикий, печальный вид места, осужденного на смерть безжалостной болезнью.

Викинг Канут, один из любимцев ярла, тяжело заболел, ослабел, не хотел есть. Голова сделалась невыносимо тяжелой и горячей, а внутренности порой охватывала такая боль, точно туда положили пылающих углей.

Могучая воля викингов побеждает болезни. Канут хотел пойти со своим ярлом и завладеть лагерем биармов, чтобы кончить завоевание Нового Нидароса. И не смог. Не послушались ноги, боль в кишках согнула кольцом мускулистое тело. Пухлый красноватый отек натянул кожу под светлой бородой Канута, спустился на шею и поднимался к глазу.

Опыт более чем тридцатилетних плаваний на драккарах научил многому кормчего «Дракона» Эстольда. Он разбирался в болезнях, умел врачевать опасные лихорадки, знал, что делать при кровотечении из кишок. Эстольд издали распознавал опасную белую проказу, оспу и черную чуму, умел ухаживать за ранами, извлекать стрелы, мог отделить, для спасения всего тела, раздробленную руку и ногу.

Эстольд чувствовал, что болезнь Канута связана с опухолью лица, и рассмотрел след укола или царапины. Он допрашивал больного. Канут вспоминал: да, кажется, третьего дня его уколола костяная стрела. Он забыл. Стоит ли помнить каждую царапину, это недостойно викинга. Пусть Эстольд даст ему пить и оставит в покое. Пить, его мучит жажда. Не воды, пива, чтобы тебя взял Локи! Почему пиво сладкое? Неужели же здесь больше нет настоящего горького пива?..

К возвращению Оттара сознание оставило Канута. Ярл с грустью посмотрел на обезображенное лицо старого товарища. Глаза Канута провалились, нос заострился. Он еще дышал, но его уже не было.

Не один Канут покидал своего ярла. Больше двадцати викингов проявляли ясные признаки той же убийственной болезни, все жаловались на такие же страдания, как Канут.

И у каждого озабоченный кормчий «Дракона» находил одинаковые опухоли — на руке, на ноге, на шее, на затылке или на лице.

Эстольд молчал о своих подозрениях, никто не понимал причины болезни. Чума, встречавшаяся викингам на землях Запада, не походила на эту болезнь. Черная смерть выдавала себя большими опухолями под мышками и рождалась среди массы трупов. Мертвые франки и трупы жителей Валланда бывали для вестфольдингов страшнее живых...

Вскоре Канут успокоился и похолодел. Ночью умерли еще девять викингов, и к утру число больных достигло пятидесяти, захворали Лодин и Бранд.

После осмотра больных кормчий «Дракона» поспешил прийти к Оттару. Эстольд не пытался скрывать тревоги:

— Биармы умеют отравлять свои стрелы, мой ярл. Я убежден в этом, мой ярл. Их стрелы отравлены. У каждого умершего и больного есть укол стрелой. И у каждого — опухоль в месте укола.

Купцы, греки и арабы рассказывали о южных народах, умеющих посылать смерть на кончике стрелы. Но могут ли биармы быть способны на это! У Эстольда не было никаких сомнений.

Его самого вчера уколола стрела. Или ветка? Кормчий не мог вспомнить — в этом проклятом лесу не знаешь, на что наткнешься. Поняв причину болезни викингов. Эстольд раскалил на огне очага нож и выжег свою ранку, трижды повторив болезненную операцию. Разговаривая с ярлом, кормчий «Дракона» не мог избавиться от навязчиво-тягостной мысли об отраве, которая, быть может, уже растет и в его теле.

— Уверен ли ты, Эстольд?

— Да, клянусь тебе мужеством Рёкина, мой ярл. Не знаю, многие ли наши уже отравлены. Канут прав: какой викинг обращает внимание на укол или царапину?

2

Итак, внезапно наступил час платежей и размышлений о деле. Только трезвые подсчеты могли помочь нидаросскому ярлу понять значение происходящей борьбы за Новый Нидарос, сделать выводы и принять решение. Оттар не нуждался в усилии памяти или в подсказах, он обладал совершенной памятью полководца, знал каждого своего викинга не только по имени, но и по способностям.

Первая высадка в поселке Расту, когда клеймились биармы и по берегам Гандвика был пущен страх, стоила Оттару трех викингов. Случайность и небрежность самих убитых.

Трое были тяжело ранены стрелами на «Черной Акуле» из засады на острове и девять погибли в схватке, уничтожившей засаду. А сама засада биармов оставила девятнадцать трупов. Девять за девятнадцать — невероятно дорого. Викинги были повинны в том, что сражались без строя, пренебрегая биармами.

Эйнар отлично провел высадку с «Орла». Взятие пристани обошлось в одного викинга, а тел биармов было найдено около восьмидесяти. Кормчий «Орла» заслужил великую славу настоящего воина.

Оттар сам встретился на морском берегу со всеми силами биармов и хольмгардцев и вынудил их к правильному бою. Ярл потерял двадцать шесть викингов, а на поле боя было сосчитано около пяти сотен тел против-

ника. Правильное соотношение — за одного почти двадцать.

Но в тот же день высадка с «Акул», закончившаяся схваткой в кустарниках, где погиб Галль, стоила двенадцати викингов, за которых биармы заплатили шестнадцатью телами! Повторилось то же, что произошло на острове: викинги сражались без строя.

Первый день появления биармов после шестидневного перерыва, когда они начали войну по-своему, обошелся в сорок викингов, а чего он стоил биармам, ярл не знал. Во всяком случае, не бóльше потерь, чем ему. За второй день войны по-биармовски ярл расплатился восемью викингами. Третий день стоил лишь двух, когда после попытки сжечь драккары биармы, пользуясь ночной суматохой, убили Свавильда, похитили Горика и освободили пленника.

Ночная вылазка и поимка клейменых обошлись без потерь. Но клейменые отняли у Оттара сорок семь викингов. Сорок семь! Стычка в лесу, у ложного лагеря с западнями, обошлась почти вдвое дороже, чем настоящая большая победа на морском берегу, а самим биармам стоила, несомненно, совсем дешево.

Всего в боях и стычках потерян сто пятьдесят один викинг... Прошло около двадцати дней. Оттар считал, что бóльшая часть викингов была у него не взята биармами за настоящую цену (ибо эта цена — победа), а украдена.

Сто пятьдесят один викинг... Дружина, прибывшая на четырех драккарах, уже уменьшилась с шестисот пятидесяти до пятисот воинов. Что будет дальше?

При каждой встрече в лесу биармы умели брать викингов дешевой ценой. И даже в лесу, как во время нападения на ложный лагерь, они отказывались от правильного боя. Они не повторят сражения на берегу, они сумели оценить свою ошибку, понять силу лат и непобедимость строя викингов.

Латы, спасая от удара, не всегда спасают от укола. Ярл вспомнил стрелу, которая поцарапала ему бедро шесть дней тому назад, и спросил Эстольда:

— Как скоро, ты считаешь, начинает действовать яд биармов?

— На следующий день, или на третий, мой ярл,— ответил кормчий «Дракона». Он сам думал, что ему придется ждать еще два скверных дня, чтобы узнать свою судьбу.

3

«Канут стал сто пятьдесят вторым трупом, отданным на дело завоевания Нового Нидароса»,— продолжал свой счет Оттар. Для него викинги были разменной монетой Нидароса, но смерть Канута огорчала полководца. Канут, которому можно было доверить многое, жалко и бесполезно погиб от яда. Умный, храбрый, расчетливый. Свавильд и Галль были беззаветно преданы Оттару, но таких он найдет. А ум встречается реже преданности и сильной руки.

Лодину и Бранду та же судьба. Трудно вознаградимые потери, ярл любил и этих двух викингов сознательной хозяйской любовью.

Вслед за Канутом уже умерли от болезни, от яда, девять викингов. Эстольд сообщил — есть еще пятьдесят отравленных. После их гибели на румах четырех драккаров едва останутся полные смены гребцов. А кто знает, сколько викингов уже носят в своей крови яд незаметной царапины биармовской стрелы...

Шумел дождь. В лесу, казалось совсем близко, стучали бубны биармов.

Глава шестая

1

Не спины траллсов,— здесь не нашлось траллсов,— викинги гнули собственные широкие спины. Они сами, раскорячившись, согнувшись, как рабы, переносили на драккары добычу. Уцелевшие дворы поморян подметались, как метлой.

Не только меха, ткани, кожи, припасы и одежду — вестфольдинги хватали и прялку, точеную любовной рукой поморянина в дорогой, от сердца, подарок молодой хозяйке. Солонка, на ручке которой пристроился петух не петух, голубь не голубь, ковшик утицей с коготком, чтобы цепляться за борт кадушки, и сама кадушка — им годилось все.

Не зря, не из пустой жадности... В каждую вещь вложен человеческий труд, переводимый в серебро и в золото.

Около домниц и в кузницах нашлись большие и малые молоты, клещи, зубила. Викинги подбирали и сырые крицы, рвали из стен крюки: железо высоко ценилось

в продаже. Они не забыли бы и короба с очищенной рудой, будь на драккарах больше места.

Одни таскали добычу, другие ломали подряд еще уцелевшие дома, клети и заборы, а третьи охраняли. Биармы не скрывались, копились в кустах и на опушках, повсюду блестело оружие и с какими-то целями передвигались с места на место латники биармов.

Биармы кучками подходили на полет стрелы, и начиналось состязание. Стрелок викинг с луком или пращой целился под прикрытием двух своих товарищей. И все трое не могли избавиться от угнетающей мысли о стреле с костяным наконечником, которая может чуть-чуть уколоть тело, открытое размахом руки. Летели стрелы, и викинги считали слабые места в сочленениях своих доспехов, сжимались за щитами.

Сильная цепь постов защищала викингов, занятых переносом добычи и разрушением городка. Когда стрелы летели слишком густо, охрана невольно пятилась, уменьшая площадь, которая еще принадлежала Оттару. Из леса выходило все больше биармов, выступал отряд латников, подражая викингам своим тесным строем.

Рога на драккарах трубили тревогу, викинги-носильщики бросали где пришлось свои ноши. Из них больше никто не снимал доспехов! Противники сближались. Если бы только биармы уперлись и приняли правильный бой! Оттар не желал ничего другого. Но малый латный отряд биармов начинал отход. Стрелы ломались о шлемы, латы, щиты, поножи викингов. И каждая, каждая могла задеть лицо, ступню, запястье, открытое панцирной рукавицей...

Биармы отступали, стараясь затянуть викингов в лес. Чтобы провалиться в западни? Чтобы железная стена строя разбилась среди пней, деревьев и кустов? Нет, ярл не повторяет своих ошибок!

Оттар приказал собирать отравленные стрелы биармов и пользоваться ими — тела лесных людей не были защищены доспехами. Как видно, биармы истощили свои запасы, теперь они пользовались сделанными наспех и грубо оперенными стрелами. Или, как подозревал Оттар, они стали хитрее.

Отравленная биармовская стрела имела слишком узкую для тетивы викинга прорезь, лишенную закрепа. Тетива лука вестфольдинга раскалывала древко стрелы вдоль сосновых волокон и застревала. Отравленная рыбья кость была слабо привязана жилкой или лишь

воткнута в дерево. Стрела биарма не годилась викингу.

Привычная, внушенная мысль о считавшейся по традиции благородной смерти от обычного оружия не имела власти над сознанием вестфольдингов. Рыбья кость на конце биармовской стрелы сулила ужас гибели от неведомого яда, от колдовства, зажигавшего огонь в кишках. Содрогаясь, викинг вдавливал в землю стрелу биармина, стараясь похоронить призрак, невидимо устроившийся на острие.

Ярл не ждал открытого нападения биармов. И все же, когда они накапливались, он, теряя спокойствие, прекращал работы и принимал игру. Потеряв инициативу, ярл безотчетно опасался чего-то нового, что могли придумать биармы в своих настойчивых попытках раздражить его и вынудить войти в лес.

На крайней опушке за городком появился большой щит, укрывавший с головой несколько человек. Биармы метали стрелы через щели и поверх щита и вынудили отступить сторожевой пост викингов. Оттар сам напал на дерзких противников. Биармы убежали, бросив ярлу в добычу нехитрое дощатое сооружение.

Дозорные с мачты «Дракона» сообщали о появлении новых больших щитов, которые биармы двигали в кустах и в лесу. Вот они вытащили и составили вместе сразу три щита. Это могло быть началом сооружения своеобразной крепости, откуда биармы смогут угрожать и пристани и сообщению между городком и драккарами.

Эстольд сумел уцелеть, и, пользуясь его опытом, викинги спешили выжигать каждую царапину. Почувствовав укол стрелы,— иной раз это было лишь игрой возбужденного страхом воображения,— вестфольдинг, не задумываясь, бросал свой пост и бежал искать спасения. Для этой цели железо постоянно калилось в огне двух очагов городка и в очаге на «Драконе».

Злобно скрипя зубами, викинг вдавливал в собственное живое мясо, а не в тело пытаемого пленника, рдеющий конец тупого меча. Потом он медленно, неохотно возвращался на свой пост, под стрелы биармов.

2

Оттар захватил оленей у гологаландских лапонов-гвеннов и навсегда подчинил их страхом. Население городов низких западных земель склонялось после разгрома и само предлагало вестфольдингам условия сво-

его подчинения и спасения жизни — выкуп и рабов. Здесь, в устье Вин-ö, Оттар не нашел ничего, чтобы сломить волю биармов и хольмгардцев. Он по-прежнему был убежден, что в мире нет людей, которыми нельзя научиться управлять, которых нельзя сделать мягкими, как пчелиный воск, смятый рукой. Но он не мог узнать, как сделать лесных людей рабами страха, и в этом винил только самого себя.

В устье Вин-ö Оттар завладел пустым городом. Вверх по Вин-ö могут найтись поселения с женщинами и детьми, хорошими заложниками. Ярл беседовал со своими подчиненными. Он хотел не советов, а подтверждения своих мыслей, и получил его. Эстольд, Эйнар, Гатто, Олаф и Скурфва боялись оставлять в тылу непокоренных биармов. Лодин и Бранд не могли ничего сказать своему ярлу: зловещая сила таинственного яда уже прикончила их.

Биармы кричали:

— Смерть, смерть, смерть, смерть!

Оттар молчаливо признавал, что по своему мужеству лесные люди достойны сесть на румы драккаров вестфольдингов. Для основания Нового Нидароса следует перебить их всех до одного. Если это и возможно, то кто будет питать корни горда? Нидарос в пустыне не был нужен ни Оттару, ни любому свободному ярлу.

Викинги спешили разрушить городок. В пыли и в саже откатывались бревна стен последних домов, трещали ограды. Все дерево сносилось в одно место и укладывалось костром с продухами для воздуха.

Среди остатков разваленных очагов, черных от доброго домашнего огня, среди куч мха из пазов и обломков утвари, над отвратительным безобразием уничтоженного гнезда поморян возвысился холм, формой похожий на те, которые завоеватели насыпают в память кровавых побед, в знак унижения слабейших и для удовлетворения пошлого самомнения тупого хищника.

Оттар не оставит биармам ни одного тела вестфольдинга. Одного за другим викинги вносили по помосту на погребальный костер сбереженные трупы товарищей. Они поднялись в Валгаллу, оставив друзьям последнюю заботу. Ярл прощался, называя каждого по имени.

Галля, от лица которого ничего не осталось, положили рядом со Свавильдом. Впервые силачи-берсерки не нашли повода для смешных и бессмысленных споров на

потеху другим. Канут, Лодин, Бранд... Запах разложения был нестерпим.

С высоты колоссального холма-костра ярл видел море, широкую реку с островами и протоками, зеленые леса, уходившие вдаль.

Новый Нидарос, которого не будет...

Трупы ложились тесно, один на другой. Погибших вестфольдингов провожали крики биармов, суливших ту же участь живым.

Оттар не считал тела. После Канута и первых умерщвленных ядом ушел еще шестьдесят один викинг и, быть может, не один из живых носит в своей крови начала той же смерти.

Гору дерева подожгли со всех сторон. Хриплым голосом Эстольд начал песнь Великого Скальда:

Стремительный удар меча,
укол стрелы, блеск топора,—
и мир исчез в твоих глазах.

Издали биармы отзывались своим однообразным, упорным, как течение реки, одним и тем же криком:

— Смерть, смерть!..

Ярл отвел сторожевые посты за окраины бывшего городка. Охранялись лишь место погребального костра и пристань.

Дорога дивная небес,
она тверда, она верна,
как меч, как викинга рука.

Морской ветер натягивал серый полог тонкого моросящего дождя. Черный дым погребения вздымался тучами, пламя лизало безжизненные тела.

Викинги отвечали кормчему «Дракона» нестройным, диким хором, в котором едва различались знакомые слова:

По ней летит могучий конь,
он бел, как снег, он чист, как свет.

Биармы приближались. Их угрозы звучали яснее. Хор вестфольдингов подхватил:

На нем валькирия спешит,
с ней Вотан шлет тебе привет.

Ветер загибал чудовищные факелы на дорогу, ведущую к пристани, и викинги отступали шаг за шагом.

Тебя он ждет, он ждет тебя,
готово место для тебя.

Тревожные вскрики рогов звали викингов к драккарам. Сомкнув строй, вестфольдинги уходили железным кулаком, спешным шагом. Скорее бы, скорее на румы — и прочь, в море, в море! Подальше от берегов Вин-ö!

Вслед им шипел и рычал Всеочищающий Огонь. Легкий прах погребенных уносился ввысь, и никто, даже Отец Вотан, не мог бы погасить погребальный костер вестфольдингов, воздвигнутый Оттаром на чужой земле — вместо тына и горда Нового Нидароса...

Сквозь дым в спины викингов спешили страшные стрелы биармов.

3

В ту тревожную ночь, когда колмогоряне пробовали сжечь драккары и под короткую носовую палубу «Дракона» заглядывали отблески пламени горящих расшив, к черпальщику свалился нож, потерянный одним из викингов. Черпальщик подобрал странную вещь, попробовал пальцем острие и увидел каплю своей крови.

Эта вещь сама резала и колола.

Человек без имени и без речи был болен, но не знал этого. Ему стало трудно выполнять обязанности, о смысле которых он забыл.

В его памяти навязчиво жили лицо и фигура женщины, страшной жрицы. Она могла для чего-то разрезать его грудь и достать кусок живого мяса. В ушах черпальщика сохранился ее голос. Сама она появлялась по ночам, а днем пряталась в дальнем черном углу под палубой, в основании шеи зверя. Он боялся этой белой женщины. Но ее образ притягивал его. И он возненавидел всегда полную жидкости черпальню и черпало на длинной рукоятке. Такое тяжелое-тяжелое, зачем оно?..

Он брался обеими руками за медный ошейник, пробовал просунуть под него подбородок и, быть может, пытался что-то вспомнить. Для чего этот жесткий обруч и откуда он взялся?

Жидкость из переполненной черпальни холодила босые ноги, он взглядывал вниз. Он не обращал внимания на комаров, которые густо сидели на его лице и всех не прикрытых лохмотьями частях тела и копались в огрубелой коже.

Эстольд заметил небрежность траллса, черпальщик услышал непонятные звуки и почувствовал удары. Не боль, только удары. Кормчий «Дракона» заключил, что черпальщик износился, как весло, бортовая доска и другая часть драккара. Слишком долго просидев на цепи под палубой, черпальщик сам превратился в дерево, тем закончив свой срок. Заменить его было некем. «Дракон» спокойно отдыхал у пристани. Его кормчего, ближайшего помощника ярла, всецело поглощали трудности войны с биармами. В дальнейшем, угнетенный мыслью об уколе стрелой, Эстольд совсем забыл об отупевшем траллсе.

Черпальщик припрятал нож, зачем — он не знал. Он поглаживал лезвие, лизал железо. Холод металла и острота клинка напоминали не сознанию, а пальцам и рукам о свойствах ножа.

Во время стоянки у причала никто не пользовался неудобной черпальней под низкой палубой. Черпальщик мог бы вырезать вбитый в киль крюк, державший цепь на ноге, и скользнуть через борт с надеждой на успех.

Так он поступил бы десять лет тому назад, быть может — и пять лет. Ныне для прихода такой мысли было слишком поздно. Он захотел проникнуть сквозь днище драккара. Когда и как он решился, он не знал. Вода в черпальне мешала работать, он выздоровел и вовремя выбрасывал жидкость за борт и ковырял жесткое дубовое дерево.

Сидя на корточках, черпальщик что-то бормотал, усердно сопя. В тихих, как гуденье шмеля, звуках голоса превращенного в зверя человека вряд ли кто смог бы уловить ритмы песен белой красавицы Гильдис.

Он точил днище «Дракона» с инстинктом мыши, которая грызет половицу без особого расчета, но умеет приспособить сечение отверстия для своего тела. Когда ему казалось, что кто-нибудь может заглянуть под палубу, он прятал нож и замирал, скорченный и бесформенный кусок, не как человек, а как та же мышь, почуявшая запах кошки.

И все же не совсем мышь... Чтобы пройти, он нуждался в круглой дыре и долбил не сплошь, а канавкой, пытаясь описать окружность. Он узнавал глубину пальцем и точил древесину везде на одинаковую глубину. Потом он толкнет дерево и выскочит целиком, щель для него не годилась. И чем дальше он вырвется от драккара, тем лучше. Потому он протачивал не бок, а самый

низ днища. Мешало толстое бревно киля и, завершая окружность, он дважды прорезал его.

Мелкие кусочки дерева и труха попадали в черпальню. Переполнявшая черпальню вода разливалась, мешала работать. Он опорожнял черпальню. О том, что кругом драккара вода, он не знал.

Из «Дракона» выбрасывали каменный балласт, и драккар поднимался. Затем он ушел глубоко в воду под тяжестью добычи. Черпальня быстро переполнялась и отрывала черпальщика от его дела. Добычи было очень много, траллс сидел в темноте, и ему оставили столько места, чтобы он мог размахнуться черпалом.

Когда драккары принимают нагрузку больше обычной, черпальни быстро переполняются. Самое хорошее и просмоленное дерево нуждается во времени для набухания. Эстольд заметил, что оба черпальщика, и на корме и на носу «Дракона», работают одинаково хорошо.

Глава седьмая

1

Готовые к бою лучники и пращники, цепко держась ногами, стояли на палубах драккаров и на румах между гребцами.

Еще поднимали якоря и не успели освободить заброшенные на пристань причальные канаты из китовых ремней, а уже надвигались поморянские латники,— их Оттар насчитал до пятидесяти,— и спешили бездоспешные воины с дощатыми щитами.

Со звуком первых ударов кормчих в бронзовые диски в драккары и с драккаров полетели стрелы. Помня об отравленных стрелах, кормчие избегали никчемного состязания в меткости и спешили отвернуть от материкового берега. Вестфольдинги владели водой, на речных островах ниже пристани не было засад. Бессильные стрелы уже лишь на излете достигали «Дракона», отошедшего последним.

Предстоял долгий путь по пустынному Гандвику и кругом северной оконечности земли фиордов. Викинги надолго спускали тетивы ненужных луков и прятали в колчаны неразбросанные стрелы. Пращники складывали в сумки ядра из обожженной глины. Несколько одиночек, особенно сильных и жадных до боя, еще крутили

над головами ремни и следили за полетом сорвавшегося в цель тяжелого яблока.

И биармы, как видно, были не сыты. Они преследовали драккары по берегу, мечтая поймать миг, когда струя поднесет поближе какую-нибудь черную звериноголовую вонючую лодью. Удаляясь, пылал погребальный костер. Огню хватит еще на полдня дерева от разрушенных поморянских домов.

Оттар определял в восемь или в девять сотен число вышедших на берег биармов, как он привык называть население устья Вин-ö. Они сумели защитить себя.

Ярл помнил каждый день и каждый свой шаг с того мига, когда Гандвик открыл ему землю. Дней было немного, около тридцати, но он прожил их долго-долго. Длинные дни, каждый стоил десяти, как каждый вестфольдинг стоит десяти воинов любого другого племени. Быть может, кроме этого...

Хотя эти дни были так длинны, он, свободный ярл Нидароса, король открытых морей, не сумел, не успел найти у биармов нужное ему место, то, овладев которым, вестфольдинг ломает спину любого племени. Он, Оттар, покидал удобное для Нового Нидароса устье Вин-ö лишь из-за того, что не нашел этого места. Оно есть у каждого, в это Оттар будет верить всегда. И эти люди должны чего-то бояться. Их страх перед смертью недостаточен — так и только так Оттар умел понять встреченное неслыханное упорство сопротивления. Пришлось уйти... Они слишком сильны для него.

Биармы провожали драккары. На берегу Оттар насчитал уже больше тысячи воинов. Они еще ждут от него чего-то. Все ли здесь? Нет, они, наверное, прячут в своем лесу запас боевой силы.

Их можно побеждать в бою, и он побеждал их, он истреблял их, в каждой етычке он заставлял их отступать, они всегда убегали перед силой вестфольдингов. И все же это они оказались сильными. Он ушел. Поле осталось за ними. Пусты победы, после которых победитель отступает и отказывается от своего замысла.

Ни настоящий воин, ни настоящий купец не лгут сами себе, Оттар был честен с собой. Гнездо короля викингов не будет свито на берегу Гандвика. Оттар думал: он мог бы начать иначе, не пустить призрак страха, не стремиться стать господином и властителем с первого шага. Протянуть руку дружбы, искать союзников... Быть может, быть может...

По рассказам греков и арабов, люди жарких стран Юга владеют искусством приручить таких свирепых и сильных зверей, каких нет в странах зимнего льда. Говорят, чем сильнее зверь, тем легче его приручить, лев скорее и надежнее, чем тигр, смягчается дружбой человека. Слон делается другом, дикий кот — никогда. Это правда, можно приручить медведя, но не хорька.

Начав иначе, Оттар сумел бы, он был уверен теперь, стать другом биармов. А где оказались бы данники и траллсы для создания богатств Нового Нидароса? На что было бы вербовать и содержать викингов и строить драккары для осуществления великих замыслов? Что думать о пустом. Невозможное не существует.

И все же ярл не мог забыть и не забудет своей радости при первом виде богатых берегов, открытых его волей и его разумом. Какие были минуты! Он не забудет горечи поражения, он поборет ее и извлечет уроки — так он говорил себе.

2

Проток расширялся, дым погребального костра, стелющийся над лесами, остался далеко позади. Под ногами ярла «Дракон» дрогнул, и Оттар вернулся к действительности.

Он не успел сделать четырех шагов, отделявших его от края короткой носовой палубы, как гребцы уже бросили весла и вскочили с румов. Вода ворвалась с носа драккара. «Дракон» сразу осел — он был тяжело нагружен добычей.

Течь была настолько яростной, что следовало думать лишь о собственном спасении. «Акулы» и «Орел» развернулись с чудесной скоростью, свойственной драккарам вестфольдингов, и возвращались к гибнущему «Дракону». Ни кормчий Эстольд, ни Оттар не потеряли присутствия духа. Не сговариваясь, они отдавали одни и те же приказания.

Обе «Акулы» одновременно пристали к бортам «Дракона». Викинги вцепились абордажными баграми в борта тонущего драккара. Но вода вливалась уже и снаружи в весельные дыры лучшего драккара Нидароса.

Викинги «Дракона», исполняя приказы ярла и Эстольда, перескакивали на «Акулы» и налегали на обратные борта, чтобы весом своих тел уравновесить тяжесть, которая могла перевернуть «Акулы».

«Орел» подошел кормой и бросил петли. Оттар сам надел их на обгорелую шею чудовища. И все же «Дракон» погружался. Если бы подхватить и корму, зацепить хвост. Но «Волк» или «Змей», которые могли бы спасти своего младшего брата, охраняли воды далекого Гологаланда!

На кормовой палубе Эстольд одиноко держался за прави́ло руля. Река утопила его выше колен. Тяжесть «Дракона» побеждала усилия «Акул» и «Орла».

— Уходи! — приказал ярл кормчему.

Добычи было слишком много, «Дракон» принял все железо, взятое в городке. И сало, и бочки меда, и вяленое мясо, и меха, которые сейчас напитывались водой...

Оттар не хотел терять лучшего кормчего фиордов. Он опять крикнул Эстольду, напоминая клятву:

— Повиновение ярлу! Уходи на «Черную», Эстольд!

Изогнутый хвост «Дракона» скрылся, вода достигла пояса кормчего. Над поверхностью мутной воды оставались прави́ло руля и бронзовый диск перед кормчим. Эстольду некуда было уходить.

С «Черной Акулы» метнули ременную петлю. Эстольд надел ее вокруг груди, сделал шаг, другой и исчез в реке. Его, задыхающегося, вытащили на корму «Черной Акулы».

Борьба за «Дракон» продолжалась. Течение увлекало три драккара, вцепившиеся в четвертого, на стрежень реки, ближе к крутому правому берегу. Никто не обращал внимания на биармов, а они скоплялись. Дальше и ниже стрежень бил к яру материка.

Если бы удалось вытащить «Дракон» на мель! Но кормчий «Орла» не знал дна чужой реки. Эйнару была нужна не предательская, сосущая, илисто-топкая мель речного устья, а твердая, песчано-галечная. Промеры с носа «Орла» говорили о слишком большой глубине для того, чтобы попытаться разгрузить «Дракон» под водой и потом заставить его всплыть.

Весь под водой, «Дракон» держался лишь усилиями обеих «Акул» и «Орла». Нос тяжело груженного «Орла» задрался высоко над водой, будто бы «Орел», как гусь, хотел взять разбег и взлететь. На драккаре перебрасывали добычу на нос, разгружая корму. Одновременно «Орел» греб. Вся надежда возлагалась лишь на Эйнара, который искал мель и не находил ее.

На «Драконе» оставался один ярл. Он переговаривался с Эйнаром. Не выброситься ли на правый берег

и отогнать биармов? Правый берег был крутым, под ним глубоко. «Орел» не мог вытащить на него «Дракона». Сам «Орел» мог перевернуться при такой попытке.

Слева лежали топкие, грязные берега. Все же, борясь с отливным течением устья, «Орел» тащил влево.

Все драккары были слишком перегружены, слишком. Низкие и длинные «Акулы» медленно кренились. Веса викингов, которые надавили на противоположные борта, было недостаточно, чтобы уравновесить мертвую тяжесть «Дракона».

Река неумолимо приближалась к весельным дырам в борте «Синей Акулы». Достаточно «Синей» еще немного увеличить свой крен, и вода начнет вливаться в нее. Нагрузка на борт «Черной Акулы» сразу увеличится, и обе станут тонуть. Не вместе, а вслед за «Драконом».

Одной рукой Оттар держался за канат, которым «Орел» поддерживал над водой голову «Дракона», а другой опирался на шею. Медлить еще — потерять и «Акул».

— На «Акулах» — слушай! — громко предупредил ярл.— На баграх — слушай! Все вместе на баграх — опускай! Раз! Еще раз! Сразу все! Опускай!

Люди моря, викинги понимали ярла и перехватывали багры с совершенным единством.

Больше не было видно ни прави́ла руля, ни диска на погрузившейся корме «Дракона». Оттар чувствовал, как под его ногами палуба круто перекосилась к корме. «Акулы» выпрямлялись.

Быть может, удастся найти мель и вытащить «Дракон»? Биармы не дадут поднять его. Стрелы, стрелы и стрелы, днем и ночью,— с отравленной костью на дереве... Оттар отогнал мелькнувшую на миг мысль. Как Эстольд, он продел под мышки, поверх тяжелых боевых лат, поданную с «Орла» ременную петлю. Вода входила под поножи, в латные сапоги, под кирасу на груди. Оттар не чувствовал холода.

— Все на баграх,— командовал ярл,— сразу! Слушай! На «Орле» — канат, на «Акулах» — багры!..

«Дракон» должен уйти сразу, он перевернет того, кто опоздает.

— Канат — руби! Багры — бросай!

Черная, обгорелая голова чудовища — все, что еще оставалось от «Дракона»,— исчезла, как если бы река рванула к себе драккар. Так ярл ощутил исчезновение

опоры под ногами. Он повис рядом с рулем «Орла». Через мгновение его выхватили на палубу.

Он был горд собой — он, ярл Нидароса Оттар, сын Рёкина, внук Гундера, вышел из борьбы победителем. Разве не он сделал все для спасения «Дракона» и разве не он сумел не погубить вместе с «Драконом» и «Акул» неразумной жадностью? Оттар был уверен, что любой ярл, какой-нибудь Мезанг, Зигфрид Неуязвимый, Гангуар Молчальник, Гольдульф, Балдер Большой Топор или Скат вцепились бы в свое гибнущее достояние и потонули бы вместе с ним... Так же, как каждый из них погубил бы и викингов и себя, безнадежно, с тупым упрямством цепляясь за богатую, но слишком хорошо защищенную землю биармов!

3

Ярл Оттар умел падать как кошка, на все четыре лапы, с целыми ребрами и хребтом. Борьбой с последним бедствием, битвой с рекой за «Дракон», он ловко сумел заслонить от самого себя истинное значение великой неудачи, постигшей его на берегах Гандвика. Он выпрямился, он вновь верил в силу своей воли, в могущество своего разума. Поколебленная было вера в себя и в свое искусство побеждать утвердилась.

Три драккара уходили рядом в широко открывающемся устье Вин-ö. Стирались берега. Лесистые острова, разделявшие реку биармов, мутнели и теряли четкость очертаний. Земля стала такой же пустынной, как в первый день. Ничей взгляд не мог различить на ней человека.

На носу «Черной Акулы» сидел Эстольд, жалкий, несчастный, бессильный. Кормчий без драккара, викинг без меча, боец без руки, стрелок без правого глаза...

Оттар подозвал «Черную». Ярл искал и будет пользоваться каждым поводом, чтобы восстановить среди викингов поколебленную веру в вождя и в судьбу Нидароса. Не снимая тяжелого боевого вооружения, Оттар прыгнул с борта «Орла» на «Черную»: он знал, что его презрение к риску и вера в себя будут замечены и оценены.

Он обнял Эстольда закованной в железо рукой. Точно дождавшись разрешения, кормчий погибшего «Дракона» громко заплакал, не стыдясь грубых рыданий:

— Я любил его. Он был так красив. И он будет

спать один в иле чужой реки!..— причитал Эстольд.— Проклятый Гандвик, море колдунов,— в нас метали колдовство. «Дракон» был так прочен. Он мог бы дожить до дня, когда твой сын Рагнвальд ступил бы на его рум. Да, Рагнвальд бы взялся за весло, как ты. Моего «Дракона» погубили колдовством.

Есть черви-древоточцы, которые, ничем себя не проявляя, ходят внутри доски, пока все дерево не превращается в труху. Оттар видел, как вода выбросила из-под носовой палубы черпальщика с трухлявой доской, но ничего не сказал Эстольду. Не потому, что он не хотел бесполезно упрекнуть несчастного кормчего, не доглядевшего за днищем драккара. Нет, пусть вину за гибель «Дракона» возложат на колдунов Гандвика, правильное объяснение было невыгодно для Оттара.

— Вестфольдинг переносит и беду и удачу с твердым сердцем,— утешал Оттар Эстольда.— Успокойся, я дам тебе нового «Дракона». Не такого же, а прекраснейшего. Он будет обладать более быстрым ходом, будет сильнее и стойче на волнах. Я построю его вместе с тобой. Еще много лет мы будем пенить море и писать на волнах наши руниры.

Драккары повернули влево от устьев Вин-ö. Они пойдут до стоянки Расту и свернут прямо на север, по пройденному пути, чтобы не потеряться в Гандвике, море колдунов, и вернуться в Нидарос.

Берег с лесами, полными соболей и других ценных зверей, для сбора шкурок которых не нашлось послушных данников, оставался на юге синеватой полосой. На море было тихо. Ярл громким голосом рассказывал о подвигах, совершенных бесстрашными викингами:

— Вестфольдинги не побоялись ни Утгарда, ни Локи. Они заплыли дальше древнего Гаральда, короля. Они заплыли дальше всех юнглингов и скиольдингов со дня рождения племени Вотана, со дня заселения земли фиордов их предками.

Они победили Гандвик, познали море, о котором, кроме имени, никто ничего не знал. Они мужественно избороздили его девственную поверхность.

Они побеждали в открытом бою колдунов-биармов и покрывали их телами берега Гандвика.

Они завоевали город колдунов и смели его, как муравейник.

О них веками будут петь скальды. О них сложат саги, которые перенесут их имена в тысячелетия.

Зная дорогу к сердцу викингов, ярл славил победы, победы и еще победы. По возвращении каждое его слово будет повторено и раздуто. Никто из побывавших на Вин-ö никому не признается в страхе перед лесом, перед биармами и их стрелами, не признается даже себе. И никому не придет в голову сказать ярлу Оттару, что это его, владетеля Нидароса, биармы глодали по кускам, как жареного тетерева.

Увлекаясь прирожденным красноречием вестфольдинга, Оттар облекал свои мысли пышными сравнениями и преувеличениями. Внушенное красивое слово и героический образ — это семя, которое дает опытному сеятелю обильный урожай. Он будет говорить со своими викингами много раз. Они вернутся в Нидарос победителями и утвердят его славу.

— Вы сядете выше всех за столами Валгаллы! Никто не бывал в Гандвике, кроме вас, и никто не совершал величайших подвигов, о герои!

Так Оттар умело и обдуманно творил легенду. Впоследствии выдумки скальдов, основанные на сознательной лжи самого ярла и на хвастовстве его викингов, сложились в одну из саг, в одно из сказочных повествований о путешествиях доблестных непобедимых викингов.

Смелый грабитель, расчетливо-бесстрашный делец, Оттар умел молчать о поражениях и убытках. В своем роде он опередил алхимиков, которые еще будут утверждать, что они одни способны превращать в золото даже нечистоты земли, и наемных «философов», вознесших звонко-льстивое слово выше единственной реальности жизни — дела человека.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗЕМЛИ

Приветствую тебя, воинственных славян
святая колыбель. Пришлец из чуждых
стран,
с восторгом я взирал на сумрачные
стены,
через которые столетий перемены
безвредно протекли; где вольности
одной
служил тот колокол на башне вечевой...

М. Лермонтов

Постижение смысла исторического действия есть обязательная насущно необходимая задача потомков. Осуждение помогает бороться с пережитками, одобрение служит опорой поступательному движению. Главнейшим руководством в постижении является понимание того, что истинное величие лишь в том, что служило и будет служить благу людей. В истории общества нет ничего, что подлежало бы забвению. Прошлое, настоящее и будущее не разрываются в своем последовательном движении. Они — единое тело общественного развития.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНЯЗЬ СТАВР

Глава первая

I

Отец племени фиордов Вотан любит воронов, суровых, строгих, способных жить столетиями не старея, собирателей тайн и вещих опытом долгих дней.

Черные, как драккары, птицы спокойно живут в дубовых лесах вестфольдингов, их никто не обидит, их изображение — любимый символ на знаменах свободных ярлов, королей открытых морей.

Вороны мудры и умеют безошибочно почувствовать грозное приближение опасных дней невыносимой зимней стужи. Они предусмотрительно покидают оледенелые леса гнездовий, где пища так каменеет, что делается недоступной даже для их твердых, как мечи, клювов. Убегая от стужи, вороны летят на юго-запад над забитыми льдом морями. Их стаи чернее черного зимнего неба, плотнее тяжелых снеговых туч.

Вороны летят туда, где летом побывали вестфольдинги. Они находят обгорелые стены, радуются глухому молчанию обезлюдевших полей, приветствуют след волка на талом снегу и набрасываются на обильные объедки летних пиров. Для зимы и это хорошо.

Вместе с весенним теплом для воронов наступают дни радости: в море выплывают драккары викингов, такие же черные, как сами вороны. Викинг уступает ворону лучшую долю добычи: глаз человека — мужчины, женщины, ребенка. Вестфольдинги щедры.

С высоты орлам фиорды кажутся лужами, горы — холмами и леса — порослью мха на скалах. Орлы различают морское дно и наблюдают движение рыбьих стай там, где их никто другой не может заподозрить. Но орлам, изображения которых еще можно найти в храме Валланда,— бывшей римской Галлии,— нет дела до викингов. А воронам — есть.

Этой весной тяжелоклювые и мрачные вороны, ничем не выдавая скрытой радости ожидания летних лакомств, следили за движениями флота союза свободных ярлов, участники которого выходили из фиордов. Уже покинули причалы три старых, давно-давно знакомых драккара владетеля Лангезунд-фиорда ярла Ската. Из Расваг-фиорда и из Брекснехольм-фиорда вышли драккары Зигфрида Неуязвимого и Гангуара Молчальника. Соседи и друзья встретились в море. Куда они повернут?

Острый нос первого драккара ярла-скальда Свибрагера высунулся из узкого горла Сноттегамн-фиорда. Свибрагер пел могучим голосом боевую песнь Великого Скальда.

Альрик, Гардунг и Мезанг, покинув фиорды Харанс, Сельбэ и Танангергамн, спешили грести. Хитрый Гольдульф скользнул из Сёмскилен-фиорда; казалось, он озирался — столько тайны было на его лице. Молодой Ролло, владетель Норангер-фиорда, встретился со своим однолетком Ингольфом из Ульвин-фиорда. Ролло повернул на восток вместе с Ингольфом. Судьба Ролло — на западе. Там он предложит воронам десятилетия обильнейших пиров.

Опустели фиорд Ретэ, владения громадного, как медведь, Балдера Большой Топор, и Хаслум, родовое гнездо веселого Фрея, и Беммель, собственность ярлов Гаука и Гаёнга, неразлучных братьев-соперников, и Гезинг, принадлежащий Красноглазому Эрику, и Драммен упорного Эвилла, и Хаген, и Баггенс...

Над драккарами порой кружились стаи воронов, и викинги приветствовали громкими криками это предзнаменование удачной судьбы похода. Но движения флота были неопределенны, драккары шли разрозненно, и во-

роны возвращались на фиорды, ждали, опять кружили над морем. Они не боялись опоздать — крылья быстрее весел и парусов. И вот наконец-то общее направление определилось: драккары вестфольдингов плыли на Восток.

Тогда густые стаи воронов растрепанными тучами понеслись в восточный угол Варяжского моря и засели, подобно потушенным головням, в несравненно-яркой листве островов устья реки Нево.

Они дождались появления драккаров в дымке светлого взморья и приветствовали их громкими криками: «Хрра, грра, крра!»

Вороны совершили короткий перелет на берега озера Нево и оттуда валились в верховья Волхова.

Этим летом небывалый прилет воронов был замечен не только озерными жителями и обитателями приволховских починков и заимок. И по Ильменю и в самом Новгороде люди смотрели на воронов с нехорошим чувством. Никогда еще их не бывало так много.

— Дурное знамение,— говорили новгородцы, наблюдая за тяжелым полетом мрачных птиц.

— Недобрый знак,— повторяли они, разглядывая тяжелые черные фигуры, мостящиеся на вершинах деревьев.

«Быть худу, быть худу»,— произносил про себя новгородец-огнищанин, мерянин Тсарг, глядя поутру на загрязненные пометом корни дуба, на котором ночевала шайка незваных зловещих пришельцев.

2

Новгород знает важную походку боярина Ставра. Городское людство привыкло видеть высоко поднятую голову, привыкло встречаться с пронзительно-строгим взглядом и слушать громкий голос знатного боярина. Привыкло и слушать его совета, ценить человека, опытного в делах и не роняющего слова зря без ясного смысла.

В этот поздний вечер новгородцы не признали бы Ставра. Он, согнувшись, бродит по верхней светлице своего пышного дома, заложил руки за спину, едва волочит ноги в мягких сафьяновых сапогах с шитыми задниками.

Болен он, что ли? Или, встречая сорок пятое лето

непраздной жизни, прежде времени почувствовал старость?

Прогоняя грузную думу, боярин выпрямился, рубанул рукой, как мечом, и сделался прежним. Он бодро прошелся по обширной светлице и взялся за кубок с густым греческим вином, который его ждал на столике, покрытом для красоты, для роскоши парчовым платком.

Он поднял дорогой кубок, полюбовался рубиновой влагой. Вот он, боярин Ставр, богатый купец, уважаемый старшина Городского конца. Ему сейчас бы провозгласить здравицу гостям и сказать гордое слово так, как он умеет,— чтобы люди понимали: не хозяин им оказывает честь, а они хозяину.

Но гостей нет, Ставр одинок в светлице. Обо всем переговорив в последний раз, уже ушли старшины Гул и Гудим, бояре Нур, Делота, Синий и Хабар. Ставр сделал глоток и, будто любимое вино сделалось немило,— поставил обратно початый кубок. Он подошел к низкому оконцу, согнул гордую спину, оперся локтями на подоконную доску и глядит, глядит на Город через оконницу, открытую для теплого ясного времени.

Чего ты не видал, боярин? Ведь сколько раз ты глядел отсюда на крыши новгородских домов, на стены, заборы, мощеные улицы! Ты знаешь, что по ночам новгородские дворы пусты, как и улицы. Или ты вздумал поглядеть, кто еще не спит в Новгороде? Час поздний. В летнем небе светло, но вечер уже прошел и кончается первая половина ночи. Находит полночь, воздух сереет недолгой мглой. Гляди не гляди — все спят.

По Волхову паутиной заплелся туман. Над ним чуть видны высокие тонкие мачты дремлющих у пристаней и причалов расшив. А нурманнских драккаров ты, боярин, не увидишь. Они встали у нижних причалов, и ты это знаешь. Ты знаешь...

Ты не увидишь и Детинца-Кремля, он за тобой, городская крепость и хранилище, стоит сзади твоего двора. Там хранится городская казна, там склады городского добра, там живут ротники, которые дали Городу клятву-роту охранять Новгородскую Правду. А крепка ли в каждой душе ротника клятва, ты знаешь.

Воины-ротники спят в очередь и держат ночную стражу на городских стенах и у закрытых ворот. Другие следят за Городом из Детинца, с высокого места, где находится большое кожаное би́ло. Около била лежат деревянные молоты. Если загорится в Городе или слу-

чится что-либо недоброе, ротники пробьют тревогу.

Сторожа не спят. Слышен звучно-протяжный крик:

— Сла-авен Сла-авенский ко-онец...

Слышишь отзыв:

— Пло-отнический сла-авен...

Перекликаясь, ротники борют сон и, по воинскому обычаю, проверяют товарищей. Кончив славить городские концы, перейдут к улицам. От улиц — примутся за знатных людей, за концовских и уличанских старост. Дай срок, ты, боярин, услышишь и свое имя. И прозвучит твое имя среди имен первых новгородцев.

Ставр разогнулся, взялся рукой за подстриженную бороду, расправил усы. Чтой-то пальцы липкие? Забыл после густого вина осушить усы. Боярин нашел дорогой рушник, вышитый дочерью, и утерся.

Воздух за окном густо посерел. Чу, запел петух. В светлице темно. Велеть вздуть огня, зажечь свечей. Ставр подошел к низкой дверце. За ней, перед лестницей, что ведет вниз, на войлочном конике спит кощей-отрок для прислуги боярину. Нет, не надо...

3

Возвещая полночь, по дворам перекликались первые петухи. В светлице не видно зги. Заглянул бы кто — не нашел боярина.

Ставр вспоминал дни, проведенные много лет тому назад за теплым морем, Понтом Евксинским, в великом каменном городе, Восточном Риме.

В жарко-голубом небе сиял знак власти кесаря, басилевса-автократора, золотой крест на храме Софьи-Премудрости. Над мощенной каменным плитняком площадью навстречу солнцу неслась конная статуя былого кесаря Юстиниана, и бронзовый идол поднимал в правой руке шар, хвастливо изображающий якобы власть кесаря над всем миром.

А сам тогдашний живой басилевс не шел,— шествовал. Закрывая автократора, теснились сановники и евнухи с позорно-бабьими лицами в тяжелых парчовых одеждах, из которых каждая равнялась цене хорошего парусного корабля. Изнывая от жары, облитые смердящим потом, сановники показывали римскому людству меч, скипетр и шар автократора.

Купец Никомах, приятель Ставра, шептал новгородскому боярину трудные, тут же забываемые имена са-

новников-евнухов и рассказывал про войско — охрану басилевса, которое плыло, сияя на солнце до боли в глазах. Войско разделялось на разные отряды — сапфариев, буккеллариев, экскубиторов, моглабитов, миртаитов, которые были по-разному вооружены. Все для того, говорил Никомах, чтобы внутри войска не произошло сговора против кесаря.

Было и совсем отдельное войско — варанга из славян, нурманнов, гóтов под началом старшин Акалутоса и Аритмоса, несшего не меч, а серебряную ветвь дерева пальмы.

Просверкав сказочным богатством, силой и властью, басилевс скрылся как сон. Вечером Никомах, напившись хиосского вина, тешился над автократором-базилевсом, глупым, полубезумным от пьянства и несказуемого распутства, которым, как облезлым, забитым ослом, правила жена и ее быстро сменяющиеся любовники.

Выболтавшись и протрезвев, Никомах опомнился, ползал червем, обнимал ноги своего гостя Ставра, молил новгородского боярина забыть крамольные речи. Грек испугался попасть в каменные темницы, вонючие подземные нумеры, запрятанные под дворцом басилевса...

Подлинно хороши римские золотые монеты номизмы, цизионы, тризмиционы, на них можно взять все, что увидишь. А само римское людство ничего не имеет, живет в смраде и вони, по каменным улицам от нечистот и падали не пройдешь, не то что на бревенчатых чистых мостовых Новгорода.

В Новгороде сухой виноград — сладкий изюм, фрукты и дыни пробовал не каждый мастер, не говоря о простых мужиках. В Риме дорогое лакомство нипочем, зато тамошний простой людин, заедая кислое вино сладкими заешками, не видит масла, сала, меда и мяса. Оттого-то они слабосильны, жидки духом и телом, не как новгородцы. Ставру не понравился пышный и нищий Восточный Рим, он не хотел бы там жить. Ему милы родные новгородские места. А поучиться в Риме есть чему.

В Риме кесари сильны войском и иноземными дружинами. Кто перетянет к себе иноземные дружины, за кого встанет войско, тот басилевс-кесарь, тот правит Римом. Править легко. Трудно взять власть. Ох, как трудно!..

4

Боярину забылись далекие дни, когда в его душе впервые повернулся червяк и начал сосать сердце. Но день, когда вполне решился, помнит.

Ставр попал между жалобщиками-нурманнами и новгородским людством на судном вече-одрине над безродным парнем-головником, который убил знатного нурманнского гостя ярла Гольдульфа. Чтобы уйти от людей и не обидеть нурманнов, боярин притворился больным, но от себя, от стыда, не ушел.

Утекло много лет. В новом дальнем новгородском пригородке беглый парень дорос до поморянского старшины. Ставр свиделся с ним, когда Одинец вносил городу виру за убийство. Он кланялся Ставру, но лишь по обряду. У таких твердые спины. Одинец не пустил на поморье ни Ставровых, ни других приказчиков. Самовольно и самовластно живут поморяне и северодвинские выселки.

Да, много воды ушло, Ставрово богатство выросло, а власти не прибавилось. Удалось склонить к своим мыслям некоторых старшин и бояр, но общая сила была недостаточна, чтобы самим взять Новгород в руки. А с непостоянными, увертливыми нурманнами плохо договариваться.

И то сказать, не мог же Ставр позвать нурманнов полным голосом. Новгородское людство здесь, можно не сносить головы. Тихим голосом, от случая к случаю, звал Ставр нурманнов, щупал намеками, шептал на ухо, под строгой тайной.

А время не ждало. Седина забелила виски, надоело выщипывать из бороды досадливые предвестники бессильной старости. Ставр лишился дочери, единственной радости сердца. Не заедать же ему было девичий век. Ставр оторвал себя от дочери и отдал свою Потворушку замуж в Плесков за полюбившегося ей молодого боярина Добрыню.

Ставр тешился торгом, любил и умел прозорливо творить дела, в барышах искал не прибыль богатства, видел победу ума. Постыло...

Он не отказывал себе в рабынях-наложницах. Не с глупой молодой горячкой,— с зрелым искусством мужа высоко ценил и тонко понимал томительную женскую прелесть. Постыло...

Одинокая ночь мчалась борзым конем. Загорлани-

ли вторые петухи. Рассвело. Бессонный боярин вновь глядел в оконце.

Тянулся и будил Волхов караван расшив. За ночное затишное безветрие солевозы одолели ворчливый Ильмень и правили к соляным причалам. Караванный старшой зычным криком оповещал, чтобы на пристанях готовились принимать концы.

За рекой серые дымки отделялись от тумана. Там от восхода до восхода новгородские рудоплавильщики работают у домниц на отведенном им урочище.

В чьей-то кузнице, не у Изяслава ли, кузнецы поторопились, и бухнул первый тяжелозвонкий молот. Собирая стада, пастухи на улицах заиграли на берестяных рожках. В хлевах протяжным мычаньем откликнулась скотина.

Заскрипели ворота. Тарахтя колесами по деревянным мостовым, громко покатились телеги.

Голосов становилось все более и более. Город пробудился, и, как струйки в реке, воедино сливался городской шум.

У нижних причалов, которые не видны из светлицы Ставра, стояли нурманнские драккары. Многие нурманны задумали этим летом плыть к грекам по торговым и военным делам. Они не могли миновать Новгородских земель. Вчера на шести драккарах прибыли первыми конунг Скат со свободными ярлами Агмундом, Гольдульфом и Свибрагером просить Новгород о вольном пропуске по Волхову, Ильменю и далее в Днепр.

Нурманны предлагали заплатить, по обычаю, пошлины в городскую казну, ныне дадут проходную, потом обратную. По совету старшины Ставра, поддержанного старшинами Гулом и Гудимом, было решено пропустить нурманнов без помехи.

Глава вторая

1

Из шести прибывших в Новгород нурманнских драккаров два побежали вниз, чтобы известить своих о полученном разрешении, а четыре остались. В их днищах открылись течи, и нурманны вытащили драккары на сухой берег.

Будучи известными умельцами, нурманны не просили

помощи от городских мастеров, сами развели костры под котлами со смолой и застучали клепалами.

Драккары союза ярлов ждали неподалеку. Вскоре они потянулись по Волхову. Новгородцы с обоих берегов глазели на нурманнскую силу.

В голове плыл высокий драккар на восемнадцати парах весел, длинных, как мачта средней расшивы, но ходивших легко. На задранном носу драккара торчала голова неизвестного чудовища, рогатая, со змеиной пастью, с бычьим лбом и чешуйчатой шеей, выгнутой лебедем. Сам драккар был угольно-черный, а голова золотая.

За ним тянулся свиноголовый, за свиноголовым — с человечьей головой, но голова сидела на оленьей шее, а изо лба выставлялся рог из моржового зуба. Этот — с вороньей головой, тот — с лошадиной. Новгородцы шутили:

— Велика лошадка-то! Откуда такую взяли, где пасли, чем кормили? Эй, нурманн! Ты бы верхом на нее! Врешь, ноги раздерешь!

Нельзя было понять, каких чудищ изображали иные драккары. Новгородцы ощущали дикую угрожающую красоту чужих кораблей.

Народу на драккарах сидело много-много, но безоружных. Головы гребцов были без шлемов, одни в круглых войлочных нурманнках, другие простоволосые. Без броней, в кафтанах, в рубахах — теплое время. Сильные люди, один к одному. Эти справятся тащить драккары через волоки! А что-то у них не видать товаров. Одни бойцы. Новгородцы пересмеивались:

— Наторгуют! Ишь, что повезли на мену: копье да меч, да голову с плеч!

Нурманны проходили друзьями, но старшины приказали опасаться. Ротники не отогнали людство от берегов, однако же закрыли все волховские ворота. Договор договором, но нурманны сильно лукавы, пусть проходят.

Среди больших драккаров плыли малые, с меньшим числом бойцов, легкие, с быстрым ходом. Все плыли хорошо; хоть и разные, с разным числом весел, но шли ровно и густо, не наседая и не оттягивая. Среди больших драккаров малые казались утками между гусей. Идя Городом, нурманны захотели похвалиться своим уменьем. Малые драккары взяли в стороны и отстали, а большие ударили веслами и заняли свободные места.

Новгородцы поглядели вслед последним драккарам и разошлись к своим делам. В городском тыне открылись ворота, в Детинце распахнулись дубовые створы.

У отсталых из-за починок драккаров на волховском берегу толпилось сотен шесть нурманнов, всем вместе было нечего делать. Нурманны покинули на работе несколько десятков, остальные кучками, с оружием, по своему обычаю, разбрелись по Городу. Иные застряли в воротах, другие выбрались на торг.

Они, как люди, никогда не бывавшие в Новгороде, все осматривали, щупали товары, узнавали цены. Сбившись у ворот Детинца, любовались запорами и створами, хвалили добротную работу городских плотников.

Рассказывают же бывалые люди, что в нурманнской земле нет таких больших и хороших городов, как Новгород. Недаром нурманны по-своему называют русские земли Гардарикой, что значит Богатая Страна Городов. Пусть любуются.

Никто сразу и не заметил, как со двора нурманнских гостей, который смотрел на торжище, вышло много вооруженных людей.

Откуда их столько взялось?

Новгородцы оглядывались. А те скорым шагом, расталкивая людство, прошли к Детинцу. Туда же пустились все шатавшиеся по торжищу нурманны. И уже они в воротах!

Новгородцы не успели опомниться, как нурманны скрылись и за собой затянули ворота. Завыли, заныли по всему Городу нурманнские рога. Тут же кожаное детинцевское било ударило к тревоге.

В Детинце завязался бой, слышались страшные крики: то с нурманнами схватились ротники. Народ метнулся к воротам крепости — все замкнуты!

Било смолкло, замолчали рога. Новгородцы метались по торжищу и по ближним улицам.

Кто кричал: «Оружайтесь!»

Кто: «Запирайте городские ворота!»

Поздно. У двоих волховских ворот шлявшиеся будто без дела нурманны побили сторожей и порубили петли.

С места, где нурманны варили смолу, раз за разом в небо летел клубами черный дым, и все драккары бежали по Волхову назад, в Город. Далеко опередив больших, головными неслись, как стрелы, малые драккары.

Минуя пристани, они, выбирая пологие места берега, выбрасывались, и через ворота, отряд за отрядом, в Город бежали закованные в железо викинги.

Они не били людство и не кидались грабить дворы. Они рвались к торжищу, и если кого убили, то лишь из тех, кто им попался в тесноте или пытался помешать.

А в Детинце все еще бились. Беда застигла ротников врасплох, как кур в курятнике, но воины не хотели сдаваться, оборонялись где и как пришлось: на лестницах, в домах и во дворах городской крепости. Из Города было видно, как двое ротников, теснимые нурманнами, в одних рубахах рубились на тыне и были сброшены в ров...

Изнутри ротники хотели пробиться к воротам, разбросали было нурманнов и успели открыть одни ворота, надеясь на помощь народа. Но открыли, несчастные, ход новым нурманнам. На них нурманны навалились спереди и сзади, секли и кололи мечами, протыкали копьями и вмиг навалили кучи мертвых и умирающих.

Новгород не успел опомниться, как был уже взят. Во всех воротах — нурманны. На торжище, на перекрестках улиц, на тыне — они и они. Сгоряча показалось, что их больше, чем новгородцев.

Опять в Детинце заговорила кожа. Не тревожно,— било звучало важно и мирно, привычным голосом приглашая горожан на общее вече. Что же, что?!

Новгородцы дрогнули. Забившись во дворы, наспех вооружаясь, они ждали начала грабежа. Переговариваясь с соседями, иные, приставив к стенам лестницы, сбивались вместе, прятали в погребах жен и детей и готовились к обороне общими силами. Город затих, а било звало и звало. Что же это, не наваждением ли были нурманны?!

На улицах пусто. На той стороне, в Заволховье, берег чернел народом. Там нурманнов не было, оттуда лишь видели возвращение нурманнских драккаров, там слышали тревогу, слышали нурманнские рога, а понять ничего не успели.

Величественно гудело било, созывая все людство на общее вече.

2

Покинув все городские ворота открытыми, викинги ушли, оставили перекрестки, очистили торжище и поднялись на стены Детинца. Многие вернулись к дракка-

рам и столкнули их на воду. На реке нурманны разделились; часть поднялась к Волховскому истоку, часть спустилась вниз, к месту, где на берегу лежали четыре первых драккара. Река между Городом и Заволховьем освободилась. Било на время смолкло и опять заговорило, вызывая по порядку на вече каждый конец Города. На улицах раздались возгласы бирючей, собирающих людство. Через Волхов поплыли лодки с вестями для другого берега.

Заволховские заранее вывалили на берег. Многие были с оружием, и посыльные побоялись высадиться. В лодках люди заметили и старых бирючей, которые, служа Городу, годами топтали мостовые. Остановится, постучит в бубен и раздельно кричит в трубу веленное сказать от старшин. Сидели в лодках несколько городских ротников и приказчиков боярина Ставра.

Посыльные закричали:

— Гей, людство! Слушай! Садитесь в свои лодки, плывите, сходитесь на торжище, будете слушать.

В ответ народ завопил не поймешь что. Людей едва успокоил заволховский старшина Усыня и повел с посыльными беседу:

— Кто вас прислал?

— Ставр.

— Нурманны где, в Городе?

— В Городе.

— Чего надобно Ставру? Сам сел на нурманнскую цепь, других тянет?

— Не на цепи боярин! Нурманны ему послушны, ему служат...

Не дав договорить речь, люди ахнули вразброд. Кто не понял, кто понял, кто недослышал. Народ же все подваливал на берег, задние потеснили передних в воду. В тесноте истошными голосами взвыли бабы и ребятишки. Усыня исчез в сумятице. Со страха лодки с посыльными отошли на середину Волхова.

А било гудело и гудело, звало и звало. Смолкало, перебившись, и опять налаживалось зовом, привычным для новгородского уха с первых дней, когда ребенок учится ходить.

Заволховские кое-как разобрались, отступили от воды, очистили место, и показался старшина Усыня. Лицо багровое, борода сбита на сторону, ворот кафтана разорван, и без шапки. Он махнул рукой — подплывайте.

Посыльные подгреблись.

— Говорите.

Не бирюч, а Гарко, из старших приказчиков Ставра, повел речь:

— Ничего не бойтесь. Нас послал князь Ставр. Вы уже слышали, что ему служат нурманны. Народу не будет худого. Нурманны не будут грабить. Насилия чинить не будут. Не бойтесь, все идите на вече. А от нас другой речи не ждите. На вече князь сам скажет. С собой оружия не берите.

Люди смолчали, а посланные поплыли обратно. Хотя князь Ставр им и велел сойти на берег и прокричать клич по заволховским улицам, они ослушались князя.

3

Заволховские переправлялись. Сильнее страха было желание знать, что случилось с Новгородом. Народ выходил на торжище, но без жен, без дочерей и подростков, не как ранее сходились на вече. Приходили хозяева, взяв с собой для подмоги на случай чего сыновей, племянников и захребетников.

Старые старики велели молодцам тащить себя на руках, а остальным всей крепкой силой старшего родовича приказывали: нишкнуть и сидеть во дворе, покуда сам не вернется домой.

Собирались, ждали, смотрели. Ворота в Детинец распахнуты, мостовые окроплены свежей кровью, по сторонам лежат поколотые и посеченные городские ротники. Их накрыли врасплох. Почти никого не видно в броне или в кольчуге, все в кафтанах и простых рубахах. На крышах расселись прилетные вóроны. Не будь тел и не будь воронов, никто бы не сказал, что в Городе стряслось невиданное и неслыханное. Как всегда, не боясь людей, под самые ноги слетали сизые голуби, светило Солнышко и с Ильменя тянул ветерок.

Наконец било замолчало, и люди будто оглохли от упавшей тишины. Как ночью. Нет, ночами заботливые псы брешут в сторожевой перекличке и зовут ротники. Ныне же с приречных дворов доносился дурной лай и вой лохмачей, встревоженных чужим запахом драккаров. Молча, озираясь и вздыхая, хозяева ждали.

Забряцало железо, затопали тяжелые сапоги, и из Детинца вышли латники. Ставр не пожалел лучших доспехов и оружия из своих клетей, на славу обрядил своих приказчиков, захребетников и нарушивших клятву

подговоренных ротников. Княжья дружина вышла крепким строем и расступилась, давая путь Ставру.

В бахтерце с насечкой лучшей работы мастера Изяслава, в поножах, с длинным мечом на золоченой цепи, князь Ставр вышел к новгородцам. По обычаю римских кесарей, он нес в руке шлем с наличьем.

Князь, откинув гордую голову, сверху взглянул на вече. И, махнув страже рукой, чтобы оставалась на месте, без страха вошел в толпу. Люди расступились, но не сошлись, как прежде бывало, никто не наступил на след Ставра.

— Эй, людство! Эй, новгородцы! Эй, хозяева! — чистым, громким голосом, охватывая все торжище, позвал Ставр.— Неустройство ваше видя, печалуясь о ваших бедах, не желая прежнего беспорядка при вашем обилье, решил я! Что решил, о том скажу.

Ставр повернул голову вправо и влево, будто бы мог увидеть все лица, встретить все взгляды, и продолжал:

— Решил — не быть выбранным на крик старшинам. От них нет чести и правды. Решил я сам быть вашим князем. Решил взять на себя Новгород со всеми пригородами, пригородками, землями ближними и дальними. Отныне я ваш князь!

Ставр вновь оглянулся. Ему никто не перечил. Уверенно звучал на торжище голос князя:

— Решил я исправить Новгородскую Правду, в чем она нехороша. В чем хороша — так оставлю. В Городе будет жить верная нурманнская дружина. А вместо прежних ротников я наберу новую дружину. Идите служить, кто хочет. Я пожалую дружинников. Против прежнего жалованья городским ротникам моим дружинникам я даю вдвое. Я буду вас охранять, буду для Новгорода брать новые земли, от того Городу пойдут добро и прибытки. Идите же ко дворам и занимайтесь своим делом. Что мне от вас понадобится, о том повещу. Я ваш князь, самовластный владыка. Ныне живите спокойно. Ступайте!

Отступая перед князем, народ потеснился. Ставр накрылся шлемом и скрестил руки. Медленно, оглядываясь, новгородцы расходились. Ставр заметил, как поднялась чья-то рука с тяжелым ножом, чтобы метнуть в него оружие, но не дрогнул.

С тына Детинца, где густо стояли внимательные нурманны, скользнула меткая стрела. На торжище осталось

тело. Двое вернулись и подняли товарища, князь не воспрепятствовал.

Город замер, как боец, ошеломленный железной дубиной-ослопом, как бык, оглушенный обухом по толстому черепу.

Глава третья

1

С рассвета и дотемна княжьи бирючи ходили по новгородским улицам и звали людей в княжью дружину, сулили знатное княжье жалованье и княжью милость, обещали каждому особый княжий подарок за хорошую службу. Бирючи манили охочих людей и объявляли строгий княжий наказ:

— Да никто бы охочим людям не мешал, не отговаривал бы. Ни отец сына, ни дядя племянника, ни дед внука, ни хозяин захребетника и подсуседника. Не препятствовали бы и рабу, и закупу, отрабатывающему свои долги!

Прошел день, другой, третий, и новгородцы начали узнавать о тайных кривых дорожках, которыми пришел к княжению боярин Ставр, старшина Славенского конца. Детинец так легко пал потому, что часть ротников была задарена князем. Кто хотел защитить Город и сцепился с нурманнами, того свои обходом били в спину. Такое же дело случилось и у городских ворот. Вначале мнилось, будто нурманны одни их захватили. Нет, и там постарались княжьи приспешники.

Новгородцы называли и оплакивали старшин Гурю, Симка, Родогоя и Рогню, которых люди Ставра взяли со дворов и, приведя в Детинец, удушили.

Называли старшин Гудима и Гула, бояр Делоту, Синего, Хабара и Нура, бывших с князем заодно. Из них князь составил свою умную думу, они вместо прежних старшин будут править городскими концами. О том уже кличут бирючи. Новые, самозванные старшины набирают дружинки и вооружают своих захребетников в подражание князю Ставру. Разделился Город...

Новгородцы оглядывались и искали, куда же позадевался старшина Гюрята? О нем ничего не слышно, и его городской двор пуст, один забытый пес гложет привязку. Добрые соседи перелезли через крепкую ограду, выручили собаку и заглянули в избы. Там наспех раз-

бросанное добро. Вспомнили: Гюряты не было в Городе в день появления нурманнов.

Пропали старшины Коснята, Кудрой, Бонята, Голдун. Не стало многих знатных мастеров, многих простых людинов. Не стало купцов, которые соперничали со Ставром в делах,— Колта, Пелга, Чагода.

Они бежали. Когда же? Уже на следующий день князь во всех воротах поставил стражу. В Город пускали всех, а из Города выпускали лишь одиночных людей, семьями выезд воспрещался.

Стало быть, многие люди нашли время утечь, как только нурманны взяли Город. В тот день нурманны берегли волховские ворота, а другие, полевые ворота, оставались свободными.

Претерпев первый страх, иной горожанин начинал злобиться на тех, кто сразу догадался сбежать от князя Ставра с его нурманнами. Злобиться, что его не взяли и скорее него догадались искать силу в ногах, коль ее не было в руках для защиты Города.

2

Железокузнец Изяслав, уходя на первую народную встречу с князем Ставром, оставил без языка свою жену Свéтланку. Женщина завидела нурманнов, заслышала проклятые нурманнские рога, и ей почудились страшные дни детства. Метнулась к калитке — ноги изменили. К возвращению Изяслава Свéтланка пришла в сознание и еще слабым языком, но внятно просила мужа:

— Уйдем из Города, уйдем...

В белокурых косах Свéтланки седина не была заметна, и она оставалась такой же белой, как в молодости. У Изяслава борода и голова сделались как серебро с чернью. Он погладил хозяйку по щеке, приголубил, утешил. Какое бы ни пришло к сильному горе, на него опираются слабые. Сильному нести две ноши.

Все домашние Изяслава, кто работал в Заволховье на домницах, прибежали во двор. Справный хозяин распоряжался не мешкая, кому бежать в табун за лошадьми, кому исправлять старые телеги, кому готовить новые. В хозяйстве нашлись запасные колеса, а обтесать оси и наладить кузова для мастеров было пустым делом. Поспешно разбирались с добром, захватывая лучшее.

Не минуло четверти дня, и Изяславовы сдвинулись из гнезда, проехали не общим обозом, а по паре и по

трое телег окольными улицами и соединились за Плесковскими воротами. Вскоре Город ушел назад, начался дождь и стеной заслонил беглецов.

Лошадки тянули, влегая в хомуты. Дорога вилась выгонами, полями, кустами. Бездомные шагали рядом, на телегах лежали тяжелые клади, коней берегли. У беглого самое дорогое достояние — конские ноги и холки.

Навстречу обозу с десятком вершников налетел Гюрята:

— Эй! Дай дороги! Стопчу!

— Стой, не спеши. Тебе некуда спешить. Нету больше Новгорода.

Спешившись, ведя коня в поводу, суровый Гюрята зашагал рядом с Изяславом, слушал. Они вместе шлепали по жидкой летней грязи, не слыша и не видя, как скользили лошади, не чувствуя мокрых бород и холода промокших спин.

Вместе, без слез и без жалоб, болели общей болью, считали силу нурманнов, соображали, много ли своих новгородцев пойдет к Ставру, привяжется к самозванному князю.

— Держи ко мне путь,— сказал Гюрята.— Дорогу-то знаешь?

— Знаю.

Гюрята прихватил коня за гривку, прыгнул. Он оставил на дороге двоих с приказом встречать беглых и направлять на его огнище. Сам на перекрестке свернул к знатному огнищанину Баргу, а сына с тремя вершниками погнал к другому соседу.

3

Богатое Гюрятово огнище залегло на день пути от Новгорода и на четверть дня от берега Ильменя. Гюрята владел обширными полями, держал большие стада рогатого скота, много сот свиней и овец.

Во дворе Гюряты строения были низкие, крытые соломой, темные, закопченные. В дверях, чтобы сохранить лоб, приходилось пониже кланяться очагу и хозяину. Оконца затянуты бычьим пузырем, дворы плохо или совсем не мощены,— не в Городе. Все это было для Гюряты нипочем.

Зато усадьба была закрыта высоким тыном и защищена глубоким рвом, скотские загоны — как торжища, хлевы — как улицы. Зато суп в мисках всегда бывал гу-

стым, каша жирной, и ковши полны меда и пива. Все были сыты одинаково, от хозяина до сопливого парнишки-страдника. Так заведено хозяином.

Ставр никогда не жаловал Гюряту, а Гюрята — Ставра. Знатный огнищанин зло смеялся над замашками городского боярина, который, послушай Гюряту, только и умел подделываться под грека, ладиться под нурманна и рядиться готом.

Обоз Изяслава втянулся в усадьбу Гюряты после рассвета. Хозяин ждал, успев побывать у соседей. Усевшись с кузнецом на лавке, Гюрята вновь заставил кузнеца рассказать без спешки все, что было видено и услышано, каждое слово. На речь Ставра Гюрята захохотал, будто бы его развеселило. У Изяслава нехорошо повернулось сердце.

— Чему радуешься? — упрекнул мастер огнищанина.

— Тебе горе слепит очи бабьей водой, меня же оно просветляет,— возразил Гюрята.

Из Гюрятова огнища пустились чуть ли не первые гонцы по новгородским пригородам и землям. Расчетливый Гюрята выгонял посыльных парными и каждого о двуконь. Вершники Гюряты вели с собой в поводу вторых коней и, притомив первых, всегда имели свежую смену.

Поэтому Плесков [1], пригород Новгорода, не попал в руки посланным Ставром боярам Синему и Хабару с нурманнами, хотя они и спешили. Плесковские ворота вовремя запахнулись и не открылись на тонкое красноречие Синего, не отомкнулись хитрыми угрозами Хабара. Плесковитяне поднялись, пособники Ставра смолчали, не посмели себя показать и остались неведомыми.

Нурманны сунулись с размаху взять Плесков на слом — не взяли. Под камнями и стрелами из тынных камнеметов и самострелов, от плесковских лучников и на стене в рукопашной схватке легло до двух сотен викингов ярлов Гаука и Гаёнга и до сотни викингов из пятисот, одолженных братьям другими ярлами за долю в будущей добыче.

Так и не удалось братьям-ярлам, владельцам Беммель-фиорда, с налету сделаться князьями-наместниками Плескова, и они вернулись в Новгород с попорченной славой на потеху другим членам союза.

А у князя Ставра непокоренный Плесков застрял в

[1] *Плесков* — Псков.

сердце, как обломок стрелы. Он не имел никакой связи с ощетинившимся Плесковом, не знал, что захотят сотворить с его дочерью Потворой плесковитяне за отца, и старался об этом не думать.

Глава четвертая

1

Молодой владетель Норангер-фиорда свободный ярл Ролло кричал на конунга Ската:

— Я ухожу, клянусь Фреиром, Ниордом и всемогущим Асом! Где моя доля? Дай мне мою долю добычи, конунг!

— Ты поклялся нашему союзу священными браслетами Вотана,— возразил Скат.

— Я клялся соблюдать тайну, не больше, и я сдержал слово. Разве ты тогда не слышал слов моей клятвы? Теперь я поклялся, что ухожу. Где моя доля?

Ролло сделал резкое движение. Скату показалось, что дерзкий ярл собирается схватить его за бороду. Между конунгом и Ролло встали Гольдульф, Агмунд и Свибрагер. Скат злобно плюнул под ноги норангерского ярла.

Двадцать два свободных ярла собрались в большом зале, занимавшем низ башни Детинца. Он служил трапезной для городских ротников; ярлы завладели удобным помещением и сделали его своей трапезной.

Князь Ставр безразлично следил за ссорой. Чем меньше останется ярлов, тем лучше. Намерения союза овладеть Новгородом для себя и выбросить местного князя, когда в нем не будет нужды, не сохранились от Ставра в тайне.

Изворотливые и хитрые помощники Ставра Хабар, Синий, Нур, Делота и Гудим усердно общались с ярлами и между словами, как бы случайно, настраивали одних против других, следуя обычным приемам. Они с успехом обработали Гаука и Гаёнга, Ингольфа и Ролло, внушив им, что Скат, Гольдульф, Свибрагер и Балдер Большой Топор желают их смерти. Гольдульфу и Свибрагеру были переданы оскорбительные отзывы Ролло и Гаука, уши Балдера и Ската получили свою порцию яда. Ставр готовил вражду и между другими ярлами. Сейчас князь наблюдал за развитием ссоры.

Неудача под Плесковом отбросила братьев Гаука и Гаёнга в последние ряды ярлов по силе дружин. Это обстоятельство, в соединении с нашептываниями, заставило их мечтать лишь о скорейшем возвращении к себе в фиорд Беммель. Им предстояло или бросить один из драккаров, или заставить викингов грести без смены. Ролло обещал братьям поддержку. К ним троим присоединился обидчивый, замкнутый Ингольф, ровесник Ролло.

Гольдульф вздумал внести раздор в эту четверку:

— А почему бы могучему и непобедимому Ролло самому не взять себе Плесков? — льстиво сказал Гольдульф.— Обдуманный захват Плескова, если избежать неразумной поспешности, сулит удачу.— Гольдульф намекал на поражение братьев-ярлов, с которыми больше можно было не считаться.

Сам того не подозревая, Гольдульф попал в ловушку. Подручный Ставра грек Василько наудачу шепнул Ролло, что его хотят устранить из Новгорода. Подобные намеки делались не одному Ролло, так как Ставр боялся, что ярлы начнут беспорядочно грабить земли и пригороды. Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что при словах Гольдульфа насторожились и Гаральд, и Эвилл, и Эрик Красноглазый, и Скиольд с Гунваром. Но самому Гольдульфу от этого не было легче. Ролло вспыхнул.

— Ты сам хочешь схватить лучшую часть! Клянусь копьем, ты издеваешься, сладкоречивый лжец! — крикнул Ролло и ударил Гольдульфа кулаком по лицу. Из рта сёмскиленского ярла брызнула кровь. Теперь его могла удовлетворить лишь смерть Ролло.

В зале нашлось достаточно места для поединка. Принесли доспехи. Гольдульф послушно поворачивался и поднимал руки, подчиняясь викингам, укреплявшим на его теле латы, поручни и поножи. Обычно сдержанный и осторожный, Гольдульф опьянел от оскорбления и не переставал проклинать Ролло, его отца и предков. Кровь из рассеченной щеки не унималась, Гольдульф лишился одного зуба.

Ролло только кивал головой в ответ на ругань противника. Уже тогда молодой владетель Норангера развивал качества, впоследствии так выдвинувшие его в ряду свободных ярлов: способность быстро соображать и не волноваться. И эта вспышка была не такой уж безрасчетной: Ролло был убежден, что справится с Голь-

дульфом. С Балдером Большой Топор или с Красноглазым Эриком Ролло вел бы себя иначе.

Вспоминая советы нидаросского ярла Оттара, Ролло мысленно благодарил его.

2

Голова Ролло исчезла под шлемом. Светло-серые глаза молодого ярла казались черными в глубоких прорезях низкого железного наличья. Щеки молодого ярла еще не огрубели от моря, его короткая бородка шелковисто вилась. Выжидая противника, владетель Норангер-фиорда не шевелился: по традициям поединка оскорбленному принадлежит первый удар.

Гольдульф надвигался, не отрывая от пола ступней широко расставленных ног. Сёмскиленский ярл выставлял щит, отводя назад и вверх правую руку с мечом, который казался продолжением кисти, покрытой чешуйчатой рукавицей. На его латной груди лежала широкая борода опытного, зрелого мужчины, прошедшего тридцатилетие.

Освобождая место для размаха меча, Гольдульф опустил широкий, сужающийся книзу щит, и железо сверкнуло над шлемом Ролло. Молодой ярл принял удар краем щита и успел достать концом меча грудь Гольдульфа. Лязг обоих ударов слился, и противники разошлись. На щите Ролло осталась вмятина, латы Гольдульфа не пострадали.

Пришла очередь Ролло. Противники столкнулись щитами и нанесли удары снизу, стараясь задеть ноги. После короткой паузы Ролло сумел ударить Гольдульфа по шлему, а сам получил удар по плечу. Кованая ящерица, прикрывавшая сочленение, осталась целой. Ролло купил эти латы зимой у Оттара. Траллс-кузнец, который хотел умереть, сдержал данное для спасения товарищей слово, и доспехи Ролло были превосходного качества. Железо мечей бесплодно спорило с железом доспехов.

Первый пыл вестфольдингов пропал. Несмотря на мечи и могучие фигуры в доспехах, они напоминали Ставру купцов, способных торговаться, не щадя времени. Боя не было. Ставр видел не двух воинов, в схватке которых возможно неожиданное и захватывающее проявление мужества. И еще ярлы напомнили самовластному князю игроков за клетчатой доской, обдуманно пе-

редвигающих затейливые фигурки по правилам умной игры. Пусть играют.

Ставр отвернулся. Прошло достаточное, казалось ему, время со дня, когда он сделал себя князем. Его дружина достигла тридцати сотен. Город исчерпал себя. Князь мало знал о землях. Подвоз почти прекратился, хлеба стало меньше. Ставру-боярину, торговавшему и хлебом, было выгодно повышение цен. Ставра-князя беспокоила мысль о близком дне, когда его склады опустеют. По́слухи доносили о вооружении земель. Легко взять власть, но править труднее.

Князь слышал бесплодный лязг и скрежет железа о железо. Нурманны умелы, разумны и терпеливы в сражении, но в другом не ждут, нападают на дворы, обижают женщин и девушек. Вчера викинги ограбили двор среброкузнеца Гиркала. Гиркаловские отбивались, положили четверых нурманнов, пятерых ранили и сами были перебиты. Пусть бы скорее земли ополчились и подступили к Новгороду. Нурманны перебьют мятежных земских и после того должны уйти восвояси. Ставр хотел бы оставить ярлов Агмунда, Ската, Альрика и Фрея. У них более тысячи викингов. После разгрома земских такая иноземная дружина будет в меру сильна против мятежников, а против нее будет сильна своя дружина. По времени Ставр поубавит ярлов, люди смертны. Княжей дружине надобны не ярлы, а викинги.

Общий вскрик прервал мысли князя. Ролло сумел сбить шлем с головы Гольдульфа! Теперь противники не напоминали расчетливых игроков. Ролло кружил около Гольдульфа, грозя недлинным тяжелым мечом непокрытой голове своего врага. Норангерский владетель заставлял сёмскиленского держать щит высоко, что не только утомляло, но и открывало Гольдульфа.

И раз! И два! И три! Обманывая, Ролло доставал острием меча опасное место между поножью Гольдульфа и короткой латной юбкой.

— И четыре! И пять! И шесть! — вслух считали ярлы удачи Ролло.

— И семь!.. — Гольдульф почувствовал холодный укол в пах. Пустое! Он прикрывал голову мечом и, больше не решаясь поднять щит, отбрасывал меч Ролло с силой, высекавшей искры.

Ставр заметил кровавые следы ступни. Потеря крови ослабит Гольдульфа. Ролло может лишь дразнить противника в ожидании. Но молодой норангерский ярл

еще не был таким тонко-расчетливым игроком, каким стал позже. Будущий первый герцог Нормандии и зять короля франков еще учился трудному искусству побеждать не для пустой славы, а для выгоды и не рискуя собой.

Опытный боец, Гольдульф успешно отбивал удары. Он дважды наносил Ролло верный, как казалось, удар — сверху и наискось. Но шлем Ролло выдержал. Гольдульф ощущал, как сапог наполняется кровью и ступня скользит по подошве. Это приводило его в ярость. Он думал о небрежности: ремни и застежки шлема или износились или были недостаточно закреплены. Непростительно!

Он отдал бы все свои драккары, чтобы лишь один раз достать концом меча пристальный глаз врага в прорези наличника! Ненависть толкнула сердце и тело, Гольдульфа подняло сознание силы и неуязвимости. Ударив щитом в щит — испытанный прием,— он выбросил меч вперед над щитом, в глаз Ролло. И сам упал с пробитым лбом, а Ролло остался невредимым...

— Для этого рода неблагоприятна Новгородская земля,— прошептал князь Ставр.

3

Победитель не захотел расставаться с доспехами и снял лишь шлем, открыв голову в спутанных длинных локонах, мокрых от обильного пота.

— Слушай, конунг,— обратился он к Скату, возобновляя свои притязания там, где их прервал поединок,— отдай мою долю, отдай доли Гаука, Гаёнга и Ингольфа. Мы уйдем завтра и уступим остающимся все богатства, которые еще достанутся вам.

Старый Скат успел придумать, что сказать Ролло:

— Князь Ставр даст вам по справедливости. Вы тоже помогали ему сделаться князем Хольмгарда, ему и платить.

Все ярлы сразу насторожились, заранее позавидовав Ролло и его трем спутникам. Их раздражал богатый город. Они глядели на него с жадностью кота, в природе которого заложена безотчетная способность торопиться проглотить кусок мяса с злобным рычаньем, с злобной оглядкой, давясь и жестоко страдая от тревоги, пусть даже никого нет и никто не собирается отнять добычу.

Некоторые из них попытались бы осуществить большие намерения, высказанные на зимнем совете в горде Ската. Но для этого следовало не грабить, а править. И самое главное, необходимо действовать одному, а не в окружении завистливых друзей-соперников. Нидаросский ярл Оттар был прав в своих предсказаниях. Впрочем, для такого предвидения не требовалось гения... Ставр находил, что уход Ролло не сплачивал союз остающихся, но наносил удар по его основанию, ускорял развитие трещин.

Легкость овладения Новгородом сделала ярлов небрежными. Неудача под Плесковом указывала на значение Ставра и укрепила положение новгородского князя, необходимого союзника. Сам князь и его помощники внушали ярлам неизбежность подавления очевидного сопротивления земель. Ярлы охотно входили в обсуждение дальнейшего после победы над земским ополчением и давали Ставру много поводов для посева розни среди слишком опасных союзников, готовящихся надеть ярмо и на него.

Конунга раздражала дерзость Ролло. Скату не были свойственны привязанности, для него смерть соратника всегда означала увеличение доли добычи. Но Скат привык к советнику Гольдульфу, который охотно думал за него и за других. Пусть этот Ролло поскорее убирается, и делу конец!

— Спрашивай свою долю с князя. Мне нет дела. И мне не о чем говорить с тобой!

— Нет, нет,— желчно заметил Красноглазый Эрик,— сначала нужно все подсчитать, определить доли и назначить всем справедливую часть.

Владельца Гезинг-фиорда поддержали все ярлы. Дележ добычи был ближе их сердцу, чем поединок между Ролло и Гольдульфом.

— По обычаю следует поделить город по числу румов и викингов,— предложил ярл Зигфрид Неуязвимый, владетель Расваг-фиорда.

— Я требую включить в счет наших убитых викингов,— поспешил заявить Гаук.

— Почему? — спросил конунг Скат.— Убитые убиты, и на что им доля? Так всегда было и будет.

Гаук не нашелся, что ответить. Его выручил брат:

— Убитые лишались доли на драккаре, когда все участвовали в бою. Вотан решает, кого взять в Валгал-

лу, кого оставить на руме. Но на Плесков ходили не все.

— Гаёнг прав! — поддержали те ярлы, которые давали братьям своих викингов и тоже понесли потери. Они были рады, что Гаёнг нашел доказательство.

Старый Скат один не понял. И не стало Гольдульфа, умеющего считать и объяснять тонкости дел и рассуждений! Конунг с ненавистью взглянул на Ролло. Для молодого норангерского ярла не существовало трудностей:

— К чему препираться? Все вы остаетесь здесь, а мы уходим. Берите себе все богатые земли Гардарики. Мы же на свою долю берем один Хольмгард и ничего не спросим, хотя такой дележ для нас весьма убыточен.

Озлобляясь все сильнее, конунг не знал, что возразить на складные слова Ролло.

Вмешались ретэфиордский ярл Балдер Большой Топор и Гангуар Молчальник из Брекснехольм-фиорда. Эти двое никогда не вступали в споры, но сейчас дело касалось добычи.

— Ты еще не ярл, а мальчишка,— мрачно сказал Балдер низким глухим голосом.— Чтобы оценить земли — возьми их. Ты их не взял. Мы их возьмем без тебя. Тебе по справедливости викинга есть часть в Хольмгарде. И им,— Балдер указал на трех других уходящих ярлов.— Если ты будешь спорить, я тебя убью.

— И я тебя убью,— поддержал Молчальник.— Мертвым нет доли.

Ролло гневно топнул ногой: все против него! Скат встал, некоторые ярлы обнажали мечи, собираясь увеличить свои доли. Раздражение против Ролло дошло до опасной границы, пахло не поединком, а убийством. Несмотря на большой запрос братьям-ярлам не удастся получить что-либо за убитых викингов, а самому Ролло схватить лишний кусок.

— Мир, мир! — воскликнули Ингольф и Гаук.— Мы согласны с Балдером и Гангуаром.

4

Целый день ушел на необычайную работу оценки Новгорода. Все ярлы принимали участие в захватывающе интересном деле. У каждого были свои мерки и соображения о стоимости Города по опыту набегов на раз-

ные страны. С ними состязались сам князь с боярами Синим, Делотой, со старшинами Гудимом и Гулом, с помощью грека Василько. Князь не мог допустить, чтобы почти седьмая часть Новгорода была разграблена и разгромлена в самом начале княжения. Взвешивали и оценивали каждую улицу.

После определения размера одной доли были изготовлены жребии. Произнося освященные временем заклинания судьбы, ярлы вытягивали из шлема конунга Ската меченые куски дерева. Новгород был поделен.

И еще половину дня Ролло, Гаук, Гаёнг и Ингольф торговались с князем о выкупе за доставшиеся им улицы. Князю пришлось поступиться городской казной и частью городских запасов, хранившихся в клетях Детинца. Уцелела запасная казна купцов, которая состояла из вкладов в общину по сорока фунтов серебра с каждого.

Едва кончились торги, как пришел старший приказчик князя Гарко, ныне старший в дружине, с вестью:

— К Городу движется земское войско. Идут и будут под Городом через день.

Доносили дозорные князя, следившие за главными дорогами.

Ставр ждал вестей о земском войске и хотел неизбежного боя. А все же твердое сердце дрогнуло. Не вовремя покидают Новгород четверо ярлов... Нет, пусть идут, остающихся хватит побить мужиков.

Князь не показал виду и сказал конунгу:

— Добро. Не придется нам терять время и ходить в земли. Непокорные сами идут к нам за наукой. Под стенами мы их вразумим.

Глава пятая

1

Плавали на лодках, бродили, ходили, ездили послы и гонцы по Новгородским землям. Добрался и до Тсаргова огнища незнакомый мерянину человек. Он тянул за чумбур заморенного коня, оба вывалялись в черной болотной грязи, и человек выглядел лешим. Однако пришлец не побоялся медвежьей головы на воротном столбе, подлез под самую пасть, стучал и настойчивым криком звал хозяев.

— Чего пришел?

— Нурманны в городе,— ответил незнакомый.

— А что тебе в тех нурманнах?

— Нурманны обманом завладели Городом. Слышишь?

Тсарг почесался, крякнул, воззрился на гостя:

— Еще скажи.

— Нурманны Городом завладели. Понятна тебе речь?

— Завладели...— откликнулся Тсарг и оглянулся на свой двор. Мерянин обошел худого вестника, для чего-то пошел к лесу, но тут же вернулся и уставился на коня, качая большой, как котел, головой, в лохматых с проседью волосах. Подумал, подумал и сказал не человеку, а коню:

— Нурманны завладели. Ишь?!

Боком, будто ему стала нынче узка калитка, Тсарг пролез во двор, сбросил засовы, оттянул одно воротное полотнище и пригласил вестника:

— Веди коня, что ли.

В избе Тсарг уселся против гостя и молча, подперев косматую голову, глядел, как голодный жадно хлебал горячее и, дорвавшись с голодухи, по-волчьи рвал хлеб зубами. Вестник отвалился, и мерянин приказал:

— Теперь спи. А я пойду. Завладели, говоришь?

...Посланный очнулся от толчков хозяина. Изба была полна народу. Речь незнакомого слушали тихо. Иной вздыхал с натугой и вновь затаивал дыхание. Тсарг перебивал обстоятельно длинный рассказ:

— Князь, стало быть? Еще повтори ту речь.— Двойные дани давать, сказываешь? Еще говори.— Сверх двойных по пять кун со двора, так, что ли? — Насильничают? — и, оглядев своих, мерянин успокоил семью: — Нас не найти до зимы. Летней дороги нет. Чего им тут искать?..

Гонец кончил рассказывать и встал.

— Ночевать будешь? — спросил Тсарг.

— Нет. Еще дороги есть.

— Далеко ли?

— К твоим соседям.

— Ступай.

Младший сын Тсарга, которого Одинец знал старательным парнишкой, успел вырасти в ражего мужика и сделаться отцом. Он отвязал от коновязи коня.

— Не мой конь тот,— возразил вестник.

— Не перечь, бери,— сказал Тсарг.— Твой плох совсем, загнал ты его. Да постой. Леший тебя заведет, моему коню зря побьешь ноги. Внучек тебя проводит. А к тем не ходи,— Тсарг махнул на восход,— к ним я сам сбегаю.

— Ладно так,— согласился вестник.

— Ступай, ступай,— проводил его мерянин, но отпустил недалеко: — Стой! Для чего же не сказал ты, где Изяслав-кузнец?!

— Ушел на огнище к Гюряте со всем двором.

Покинув пустые ныне, обыденные дела, мужики собирали стрелы, чинили колчаны, вили новые жильные тетивы, проверяли насадку топоров, точили ножи, рогатины, сулицы-копья. У Тсарга нашлись два длинных меча, один шлем, кольчуга и четыре щита.

Минул день, и мужики побрели — малое зернышко земской силы. С собой они взяли двух коней под вьюки с оружием и подорожниками. На спины тоже навязали тяжелые лыковые пестери с теми же подорожниками. Кто же его знает, надолго ли уходили от двора, а лишний кусок в брюхе дает лишний день жить, свой запас спину не ломит.

Для дома Тсарг оставил двух сыновей, с собой увел четверых. На прощанье мерянину пришлось рявкнуть на горестно рыдающих женщин и на свою старуху:

— Цыц, дуры! Не войте, чумные! Хороших гостинцев ждите, притащим во!

2

По указанию вестника, Тсарговы взяли направление на полдень. В середине дня выбрались к починку из трех дворов. Сберегая подорожники, у соседей поели горячего и тронулись дальше уже не впятером, а почти тремя десятками вооруженных людей. И хорошо, на народе веселее.

Заночевали у дальних соседей. Гости спали, а хозяева, благо ночь светла, собирались, вооружались. Дальше пошли места, неизвестные для Тсарга. Не беда: другие дороги другие люди знают.

Вскоре из лесов вышли на широкие чищеные поляны — их теперь стало уже за четыре сотни по-разному вооруженных людей: и славян, и мерян, и весян, и угров. По присловью — на чище поля чаще. И видно вдаль

лучше, чем в лесу. Однако на починках и на заимках стало пустовато, мужиков совсем мало.

— Ушли уже наши. И вы поспешайте!

Спешили.

Сотнями лычниц и сапог народ поднимал с земли пыль, и ветер ее сносил подобно дыму пожарищ. На бродах надолго мутили воду, и люди пили мутную воду охотнее лошадей, приученных к ясной влаге лесных ключей и колодцев.

Верстах в двух от дороги заметили владение боярина Хабара, бывшего, как знали от гонцов, заодно с самозваным князем Ставром, и отрядили охочих пощупать боярина. Настоящим дымом, а не пылью вскоре затянуло усадьбу.

Вместе с другими бегал и Тсарг, вернулся довольный. Старший боярский приказчик давно сбежал, а младший сдуру застрял в усадьбе. Мерянин с сыновьями прижал приказчика и под ножом вынудил указать тайничок-похоронку. Тсарг спас от огня первые гостинцы, обещанные старухе.

Земские взяли боярских захребетников и рабов. Боярину Хабару более не придется владеть ни купленными у его друзей нурманнов рабами, ни должниками-закупами. С них всех кабала долой, а топоры в руки. Добро!

Хабару не видно из Новгорода, где он сидит вместе со Ставром, как на его усадьбе тлеют головешки. Но хозяйское сердце чутко. Добро!

В роще Тсарг с сыновьями ненадолго отстал от людей: не таскать же лишнее бремя!

Меряне огляделись, нет ли лишних глаз, у приметного дерева тщательно подрезали дерн и упрятали добычу.

3

Нурманны со своими драккарами владели Волховом и Ильменем, могли перебросить свое войско в обход земскому. Опасаясь этого, новгородские старшины вели земских верстах в восьми-девяти от ильменского берега.

Земские надвигались четырьмя полками, выставив два передовых полка и оттянув ступенями крылья.

Войско князя Ставра было построено тремя полками. В среднем, передовом полку шли княжеские дружинники, а на крыльях свиными головами целились два нурманнских полка.

Сближались без спеха. Завидев одни других с утра, начали сходиться только к полудню.

В тех местах от городских стен начинаются скотские выгоны, переходящие в поля. На выгонах некогда рос лес. Ныне у старых пней, давших от корней посмертную поросль, кое-где кустятся кривые, порченные скотом деревца. Встречаются мелкие овражки с пологими склонами и змеится маловодная речушка с берегами, растоптанными до болота стадами, которые пастухи пригоняют на водопой.

Эти места горожанам известны, как своя ладонь. Нигде нет укрытия, нет высоты, на которую можно было бы встать, чтобы оглядеться.

Для земских солнце светило справа. Были солнце и небо, а больше ничего, кроме крика старшин, приказывающих не ломать строй, кроме мягкого топота ног по дернистой земле, кроме тихого гула, который говорил, что не ты один, а многие тысячи вас идут. Но зачем и куда? На сердце ложился булыжный камень.

Тяжелело оружие, жала плечо кольчуга. Голову томила раскисшая от пота подшлемная кожа. Наличник давил нос. Жарко...

Ветер, что ли, подул бы и снес душно-горячий воздух, который, не обновляясь, ходил из груди в грудь. Тяжко...

Рука сама тянулась, находя привычные застежки и распуская завязки кафтана. Тот, кому не досталось доспеха, обнажал мокрую грудь. А доспешный бездумно шарил черными ногтями рабочей руки по нагретому солнцем и телом кольчатому железу или по пластинам бахтерца. Наваждение...

Идут, идут, идут, и ты идешь. Качаются спины и затылки, в голове одно — не навалиться на передних. Будто бы всю жизнь так шли.

И вдруг проблеск. Перед тобой спины опустились, и ты, как внезапно прозревший слепой, увидел дальний Город и высокий Детинец над тыном. А перед тобой ровное-ровное место, и к тебе ползут три низкие, длинные чудища. В их распластанных телах сверкает рыбья чешуя, зарнички переливаются блестками. Что это?

Не успев разглядеть, воин делал шаг с бугорка, и видение исчезало. Вновь те же спины и те же знакомые затылки. Они раскачиваются от хода, и ты, верно, так же качаешься. Скорее бы уж, скорее!..

Закричали старшины. Подобно петухам, голоса перекликнулись по полкам и в полках. Слышно, Коснягу подхватил Кудрой, принял Бонята, передавая Голдуну. Пророкотал Изяслав, взвизгнул походный мерянский старшина Тсарг, вороном каркнул старшина угров. В головах отразилось одно протяжное слово:

— Сто-ой!

Остановились и подобрались тесней. Приподнимались на носки, тянулись через плечи, старались заглянуть через головы передних.

Пришли. Больше некуда идти. Вот они.

Глава шестая

1

Передовые полки земских и князя Ставра не сошлись на полтысячи шагов, и зоркий мог различить лица передних рядов. Нурманнские крылья же далеко оттянулись.

Стояли и ждали, кому начинать страшное дело. Между противниками залегла невидимая стена, построенная смертью. Здесь — жизнь, там — жизнь. А кто прикоснется к стене, того более не будет.

На мирном выгоне в землю вросли круглые камни-голыши, травы пощипаны тупыми желтыми коровьими и овечьими зубами. Кусты репейника обойдены разборчивым скотом.

А смерти, той все равно, для нее одинаковы все места, все травы, куда валить людей. Сердца тех, кто не хотел бы умирать, а приходилось, наливались гневом.

К смертному рубежу от земских без страха вышли известные люди. Кто не знал их в Новгороде! Они были бессменными выборными людства, судили по Правде, им верили. Их голос звучал на вечах, не смолк и на смертном поле. Строго укорял горожан Ставровой дружины Изяслав:

— Вы Правде изменники, вы Ставровы прислужники! Вы рабы нурманнские! Ужель будете братоубийцами?!

Страшно грозился Гюрята:

— Одумайтесь, нету вам времени! Подходят все земли великими силами. Будете все вы побиты и прокляты от века!

Плачущим голосом просил Коснята:

— Братья несчастные, над собой сжальтесь! Родившись свободными, надеваете нурманнский ошейник, умрете рабами...

Голдуну же не пришлось сказать слова. Сзади завыли нурманнские рога, и в городском полку заорали поставленные князем начальные люди:

— На слом, на слом, на слом, на слом!..

Княжеский полк качнулся, а новгородские старшины отошли и укрылись в рядах войска.

2

Княжье войско сделало немного шагов и, наставив копья, бросилось бегом. Чтобы не быть смятыми и не попятиться от удара, земские побежали навстречу.

Сшиблись с криком, с воем, с воплем, которых не слышал тот, кто кричал, выл и вопил. Руки делали дело... Один обезумел, не видел, не знал, что творит. Другой, кто, быть может, перед боем совсем потерял сердце, нашел его вдруг.

И, точно в дерево, метил в человека, заранее зная, как попасть и как выдернуть из трупа оружие, и как вновь легко срубить мягкое тело — не жесткий ствол дуба.

Передние ряды сцепились, а задние жали и жали вперед, требуя скорее своей доли боя, будто бы на смертных полях могут кого обделить! И — внезапно оказывались лицом к лицу с врагом.

Не успевая понять и запомнить, как в дурном сне или в болезни, вырванный из бреда чей-то оскаленный рот, чью-то латную грудь, чью-то руку с оружием, чью-то бороду на мелкой кольчуге, чей-то шлем с острым шишаком,— били дубиной с железным бугристым яблоком, забыв о щите, левой рукой помогали правой донести до цели тяжелый топор, с неслыханной меткостью жалили копьем и рогатиной и, отмахнувшись мечом, в тесноте доставали горло ножом, а как он в руке оказался — не знали...

Всей горечью обиды за Город и за отцовскую Правду, всей злобой людей, оторванных в страду от дела, всей нерастраченной яростью, бессловно накопленной в мучительном ожидании боя, ударяли новгородцы.

Пахарь, плотник, охотник, кузнец, ткач, кожевник, столяр, токарь, скорняк, шерстобит и суконщик, мельник, литейщик, мясник, лесоруб, судовщик, углежог-

смолокур, рыболов, пастух и гончар — все сгорели, все стали только воинами, беззаветно отдавшимися битве, будто рожденными лишь для сражений!

Сражались ли они миг или день? Кто же мог следить за временем!

Но видели старшины и видели боковые полки-крылья, как сразу рухнул князь-Ставра случайный полк. Смятый, раздробленный, он рассыпался, от него ничего не осталось. Бросив оружие, случайно и насильно приставшие к Ставру горожане смешались с добровольно продавшимися князю дружинниками и, спасаясь, бежали, кто уцелел, между двумя полками нурманнов.

И оба победивших земских полка без строя и порядка забежали в погоне средь нурманнов, чего те и ждали. Кричали старшины, стремясь остановить своих, и остановили. Но поздно.

Каждый нурманн сделал в своем строю пол-оборота и, как один, свиноголовые полки повернулись живыми клещами разрезать и истребить горячее неумелое войско земян.

Глава седьмая

1

Да, каждый нурманн сделал лишь пол-оборота, и оба нурманнских полка выхлестнули из себя по железному клину, навстречу друг к другу. И легко врезались в толпы земских, которые свой неровный строй и тот потеряли в победе над князь-Ставровым полком. На помощь своим поспешили полки правого и левого крыла новгородского земского войска.

Как неотвратимо рушится разогнанный ярым током плот на скальный речной порог, как мчатся льды в первой поре половодья,- так, братьев спасая, ударили на нурманнов земские крылья.

Нурманны мигом повернули навстречу свой строй. И задолбило железо в железо, будто в кузницах небывалого железного города всей силой ковали кузнецы, собираясь весь свет обогатить железом навеки. Так гремело, будто бы оружие и не встречало полного алой кровью мягкого тела...

Не нашлось прорех в нурманнских полках. Как тын. И не обойдешь, куда ни метнись: повсюду перед тобой нурманны.

Гюрята один из всех старшин остался сзади левого

крыла с малым запасом воинов. Он глядел на великое мастерство нурманнского боя. Слыхивал Гюрята, как старые греки-спартанцы мелкими отрядами побеждали величайшие скопища персов, как все жаркие страны с малыми, но всегда победоносными войсками прошел Александр. Но кто же помнил геометрические тайны македонской фаланги и древнего римского легиона, где все воины умели ударять, как одна рука!

Земские не имели того строя, не имели такого оружия, как нурманны. Город мог бы лучше вооружить войско, но его кузницы, мастерские, купеческие склады воинских запасов были в руках самозваного князя Ставра. Да, куда меньше половины земских были укрыты шлемами, кольчугами, бахтерцами, и помочь бездоспешным, Гюрята знал, никто не мог. Нурманны сызмальства учились биться и другого дела не знали, земское же войско собралось из разных людей, спешно ополчившихся для защиты вольности. Гюрята ждал последнего часа,— решение боя будет зависеть от земского запаса.

Оба нурманнских полка не сомкнулись. Построенные с точным расчетом мест и числа викингов, они не нуждались во взаимной поддержке и двигались в поле, как два самостоятельных тела, объединяемых лишь общностью цели.

Они разошлись еще шире. Левый полк вестфольдингов подавался вперед и вперед и выставлял уже не одну голову, а три, как три зуба. Ими он жевал и молол земское войско. А правый полк отходил, пятился, ведя звуками рогов разговор с левым. Гюрята смотрел, как внутри строя искусно двигались нурманны и пропускали вперед один другого, сменяясь в привычной кровавой работе.

В строе чередовались разновооруженные викинги. Копейщики с тяжелыми копьями, окованными вдоль по древку, чтобы не перерубили дерево, шли в рядах с меченосцами и вооруженными железными дубинами или топорами. Копейщик ворочал копьем обеими руками, а меченосец прикрывал щитом и его и себя, ожидая минуты для удара. Нурманнские полки казались Гюряте стеной, на которую свои плескали оружием, как водой.

Левый нурманнский полк обозначал свой путь кучами тех, кто только что был земскими воинами. Такие же следы оставлял, отходя, правый полк. Между телами бегали живые новгородцы в поисках чего-то. Гюрята догадался: это подбирают оружие воины, потерявшие или

сломавшие свое,— кто из рассыпанных передовых полков, кто из крыльев — теперь не поймешь...

Левый полк викингов теснил, мял и рвал правый новгородский полк. Викинги выгнали далеко вперед своего строя крайний зуб и загибали его, чтобы еще и еще разрезать новгородцев, повернуть их лицом к солнцу, а спиной к Городу, нагнать на свой правый полк, смешать, иссечь, исколоть, размозжить.

Задыхаясь, враз заверещали нурманнские рога. Отходивший правый полк нурманнов уперся, на миг остановился и надавил на земских, охватывая их и отсюда клином, который наливался, рос и выпячивался, расправляясь толстой, железочешуйной остроголовой удавом-змеей.

Вестфольдинги бились обдуманно и точно. Они давно научились бою, как ремеслу, подобно старым спартанцам, и еще долго будут, не зная дымной горечи поражений, сражаться за доли в добыче во франкских, саксонских и во всех прочих землях и на островах обширного Запада...

Забыв о том, что человеку как будто бы жизнь дороже всего, что человек живет на свете один раз и, потеряв жизнь, ее не вернет, бесполезно метал иной новгородец свою легкую сулицу-копье в железных нурманнов.

Безоружный, он голыми руками ловил острие длинного нурманнского копья и, упираясь, тянул к себе, как на пожаре тянут бадью из колодца, страстно вцеплялся в железо, будто волк в шею соперника в злые дни зимнего волчьего гона. И успевал выхватить копейщика из строя!

В щель врывались новгородцы, топор дровосека увязал в жестких хрящах вестфольдинга. По толстому нурманнскому мечу скользил длинный новгородский меч и уже доставал до налитого натугой и злостью глаза викинга в глубокой прорези железного наличья.

Не темная злоба обиженного,— высокие мысли и высокие чувства, для которых у него еще не было слов, железопламенно калили душу сермяжного воина. Он, бездоспешный, в одной посконной рубахе, просунулся между латниками первых новгородских рядов, собой пробил строй вестфольдингов и умирал. Не напрасной смертью!

Его топтали чьи-то ноги, он не знал,— то ему знать не нужно. Он закрылся, одетый в льняную домотканую

пестрядь, молчаливо-славным отчаянием тверже лучших доспехов.

У него в кулаке оказался источенный нож, которым он годами кромсал хлебушко, острил колышек для бороны, свежевал дичину, резал ложку. И для этого жала он, с грубой мужицкой побранкой, находил место в горле поверженного им копейщика-нурманна.

А с последним вздохом он еще ловил железную ступню какого-нибудь сына Вотана, великолепного ярла Мезанга, и валил его под братское новгородское оружие.

Он умирал молча и сам того не заметив. Не чувствуя смерти, он щедро отдавал своей земле всю кровь, щедро поил Мать драгоценнейшим красным семенем, из которого, держи — не удержишь, а поднимется к Свету великая поросль.

Слава!

2

Как в разливы на полузатопленном острове голые ветки тальника ловят плавучий валежник, так запасной отряд Гюряты тянул к себе уцелевших воинов из разбитых нурманнами головных полков земского войска. Слабый боевой запас случайного воеводы Гюряты разросся. И подходил новый полк — заильменские чудины. Они нашли пустой лагерь земских, узнали нужное от обозных и поспешили вдогонку.

Долгоногие, долгорукие, белоглазые, беловолосые, упорные в пахотном труде, с длинногласной, как сами чудины, речью, вот и они! А не более ли тысячи их прибежало, братьев? Со старшиной Эстемайненом, с подстаршинками Кааром, Луусайненом и Тоолом они не отказались обкосить свою делянку на железном лугу. Кто обут в лычницы, но многие босы. Эти, разувшись, побросали тяжеленные сапожищи, чтобы им и догонять и биться было поспособнее. Эх, родимые!..

Непривычно сладко, дико и для него как-то томительно шевельнулось кремнежесткое сердце грубого Гюряты. А не бабья ли вода у тебя в глазах, старшина? Не признается. Если и плакал до этого Гюрята, то лишь в люльке, жадно требуя безотказную материнскую грудь.

Нацеливаясь на зловеще смертельную игру решающего боя, от которого зависело быть или не быть новгородской вольности, Гюрята строил запасный полк не одним, не тремя, а шестью клиньями. В клиньях и по бокам ставил латных, в середине — бездоспешных. Хоте-

лось бы закрыться латными сзади, кругом, как нурманны, но не хватало. Воевода бросал в бой всех, никого не оставив. Железная змея левого полка вестфольдингов растянулась и прижимала к правому полку смятые новгородские крылья, готовя им неизбежное и полное истребление. Но пробил страшную змею запасный полк. Да, со злого размаха Гюрята пробил несокрушимый строй, викинги потеряли порядок и свои боевые места. Копейщики смешались с меченосцами, и левый полк рассыпался. Не просто рассыпался: вестфольдинги ощетинились железными ершами, упирались спина со спиной. Но — тонули.

Теперь-то их уже доставали длинные новгородские мечи в длинных руках чудинов, кололи рогатины, захватывали крючкастые гарпуны, рубили топоры на двухаршинных топорищах, крошили железноголовые дубины.

На помощь своим приливной волной полился первый, правый нурманнский полк, но его, как медведя за гачи, остановили новгородцы, вырвавшиеся из смертных объятий разгромленного левого полка.

И впервые за весь долгий бой замялся оставшийся неразбитым полк вестфольдингов. Несокрушенный, убавившийся в числе, но еще могучий, он отбился со всех сторон, сохранил строй, набросал новгородских тел и замер, как в раздумье. Откатились и новгородцы, чтобы опомниться, оглядеться и разобраться по полкам. Боевые крики гасли, сменяясь стонами.

3

Лишь верстах в полутора от уцелевшего полка вестфольдингов еще ревел рог викинга, еще звал и о чем-то просил.

Погибшим полком вестфольдингов управлял ярл Зигфрид Неуязвимый, владетель Расваг-фиорда, и его друг Гангуар Молчальник из Брекснехольм-фиорда. С несколькими десятками викингов они успешно отходили к Городу; сильная кучка, огрызаясь и теряя бойцов, наконец вырвалась в чистое поле. Неожиданно они уперлись в преграду. В овражке широко разливалась речка, ее топкие берега растоптал скот, а следов брода не находилось. Вооруженный викинг тонет в воде, как камень, и вестфольдинги замялись.

В этом месте викингов настигли новгородцы с Изяславом и Тсаргом. Кузнец и мерянин не расставались в

бою. Зигфрид звал на помощь звуками турьего, окованного серебром рога.

Выйдя из страшной битвы, новгородские воины хотели добить нурманнов и сохранить себя. Сражаясь осторожно, они теснили врагов в топь, загнали в грязь и сковали движения вестфольдингов. Прибежавшие с Тсаргом меряне метали ременные петли. Нурманны рубили это опасное оружие, но новгородцы валили нурманнов по очереди, вытаскивали и добивали.

Свои не шли на помощь к загрузшему в топи выше колен Зигфриду Неуязвимому. Расвагский ярл, прозванный Неуязвимым за то, что ему удавалось выйти из многих сражений и сотен стычек без малейшей царапины, не захотел умирать, умывшись грязью. Вместе с Гангуаром Молчальником он вырвался на твердое место. Новгородцы расступились и замкнули кольцо. Мелькало железо, змеями вились арканы.

Отчаяние сделало берсерком Неуязвимого Зигфрида. Военное безумие, свойственное вестфольдингам, удесятерило его силы. С двумя мечами,— он умел биться обеими руками,— Зигфрид прыгнул, разбил кольцо новгородцев и встретился с Изяславом.

Для боя под Новгородом знатный мастер выбрал несокрушимые, собственной ковки, латы-бахтерец из железных пластин, низкий шлем, надежные поручи с поножами. Изяслав сражался не мечом и не топором, а, как немногие, боевым цепным кистенем, состоящим из ручки с ременной петлей для запястья, цепи, длиной почти в два локтя, и кованого железного шара с шипами, весом в четыре фунта. Такое оружие требует не столько силы, сколько безупречно меткого глаза кузнеца.

Крутнув кистень, Изяслав послал шар, и смятый шлем вдавился в широкие плечи Неуязвимого Зигфрида.

Уцелевшие викинги бросили оружие. На что они надеялись? На немногое. Истомленные, избитые, в иссеченных латах, сто раз в этот день обнявшись со смертью, они, привычные к победам, были готовы надеть ошейник траллса...

Нет, дети Вотана были спасены от последнего позора. Их прирезали скорой и милостивой рукой, без ненужной гнусной потехи, не по-нурманнски...

На теле Гангуара Молчальника мерянин Тсарг нашел нож с рукояткой моржового зуба и с золотой насечкой священных рунир на клинке. Тсарг бережно

спрятал находку. Старухе пригодится потрошить птицу кривым удобным железом.

Опять заревели рога, опять зашумело поле. Из Города вышел новый полк на помощь окруженным нурманнам. Земское войско отошло. Оставшиеся в живых старшины готовили новый бой. Но нурманны отступили, и новгородцы их не преследовали. Поле очищалось. Из Города доносились тревожные звуки кожаного била...

4

Город остался за князем Ставром и за нурманнами, а поле — за земским войском. Новгородцы разбирали тела, искали своих для подачи помощи. Бездоспешные жадно захватывали доспехи вестфольдингов, сетуя, что нурманны унесли много своих тел. Все собирали оружие, заменяя свое лучшим.

Искалеченного товарища поили крепким медом, крепко держали и просили:

— Сильнее вопи, будет легче.

Затянув жгут, знахари острым ножом рассекали жилы, отделяли в суставе руку или ногу, зашивали культю мягкой вареной жилкой и бинтовали холстинкой, пропитанной крепким отваром болотной сушеницы. Сломанные кости обкладывали чистой строганой щепой и закручивали лубом. Резаные раны и размочаленное под доспехами мясо заливали целебным нутряным жиром медведя.

По полю собирали и сносили для погребения бездыханные тела павших за Правду новгородских воинов. Сколько же их? Не больше ли, чем живых?..

Слеталось воронье. И откуда валились чернокрылые колдуны, проклятые вещуны! Вьются низко, опускаются, блестящие, круглоглазые, тяжелоклювые. Куда ни пойдешь, поднимешь стаю. Перелетают и садятся рядом без страха перед человеком.

Везде тела, тела... У топкой речки на нагой труп ярла Зигфрида, звавшегося при жизни Неуязвимым, разом пали два ворона. Матерые, сытые птицы будто бы спорили между собой, в их хриплом ворчании слышалась ненасытная жадность.

Смертное поле молчало. Кроме вороньего грая, не было больше другого голоса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЦЕНА ВЛАСТИ

Глава первая

1

В поле за Новгородом обильно лилась кровь, а в самом Городе было тихо. Новгородские улицы пустовали, как ночью; не слышалось деловитого шума трудового людства и на волховском берегу.

Брошенные, как бесхозяйные, праздно лежали вытащенные рассыхающиеся лодьи и расшивы или скучно дремали в воде на привязках. И вправду — бесхозяйные. Кто из владельцев бежал из Города, иной сражается против своих в дружинниках князя Ставра.

Бóльшая же часть горожан сидит по своим дворам, запершись на крепкие замки и засовы. Хотят отсидеться от лиховременья и ждут исхода боя, надеются, что свои сломают нурманнов в поле.

У пристаней и причалов, от которых отогнаны новгородские лодьи, греются на солнышке черные драккары вестфольдингов. Викинги бережливы, их драккары расчалены на два и на три якоря, а между бортами и обрезами пристаней подвешены мочальные жгуты.

Сторожевые викинги валяются на палубах, спят. Проснувшись, трясут в деревянных чарках меченые косточки-

жеребья и бросают с клятвой, ставя на кон свои доли еще не деленной добычи.

По бережкам шатаются бродячие псы. Свыкнувшись с тяжелым запахом драккаров, бездомные кудлачи клянчат подачку и, не дождавшись куска, трусят дальше, поджав хвост и наставя нос по ветру. Безлюдье.

Черно от народа только у нижних причалов. Там, без проводов и без провожатых, собираются отплывать восвояси свободные ярлы Ролло, Гаук, Гаёнг и Ингольф на восьми драккарах.

По сходням, переброшенным на борта с пристаней, проходили викинги и усаживались на румы. Кормчие с подручными становились на свои места у рулей, готовясь частой дробью бронзового диска приказать гребцам поднять весла и ждать первого полного удара — греби!

Оставалось поднять якоря и сбросить с колод пристаней причальные петли канатов, плетенных из китовой кожи.

Между пристанями и тыном берег был пуст. А с тына, затаившись как зверушки, глазели запуганные нурманнами ребятишки. Малые дожидались времени прибежать во двор с радостной вестью: «Иные нурманны уже уплыли!»

Дети не отрывались глазами от ярлов, которые одни стояли на берегу, и перешептывались:

— Этот, в светлом доспехе, серебряный, что ли?

— А рядом с серебряным, гляди, бородища во всю грудь, а лица нет, упрятано под шлемное наличье.

— Мне бы такой доспех да меч, как у бородатого, уж я бы...

Нурманны чего-то медлили, чего-то ждали, поглядывая на солнце, чтобы узнать время. Уж плыли бы...

Вдруг серебряный нурманн выхватил меч и махнул им раз, другой. И все нурманны с драккаров обратно побежали на берег!

Ребятишки покатились по дворам:

— Нурманны не ушли, раздумали!

А нурманны уже здесь, вышибают ворота и калитки топорами, врываются в избы и клети.

Молодой ярл Ингольф и братья Гаук и Гаёнг, удовлетворившись полученным от князя Ставра выкупом за свою долю добычи в новгородских улицах, ушли бы попросту. Но Ролло предложил выждать, пока остающиеся в Хольмгарде ярлы ввяжутся в бой с непокор-

ными новгородцами, и тогда быстрой рукой взять все, что попадется поблизости. Мысль понравилась.

В молодом владетеле Норангерского фиорда пробуждалось уменье использовать обстоятельства и находить подходящий час, так удачно примененное им в дальнейшем в землях королей франков.

В Городе находились конунг Скат, ярл Гаральд Прекрасный и ярл Арнэ-фиорда Ингуальд. Они и несколько сот дружинников князя Ставра, как уверенно предполагал Ролло, не смогут помешать быстрому грабежу.

Викинги разбежались мелкими отрядами по ближайшим улицам. Под угрозой немедленной смерти сами хозяева открывали двери клетей и указывали насильникам тайнички, о которых знали не все домашние. И на своих спинах, подгоняемые остриями мечей, тащили на берег собственное достояние.

Вестфольдингам было некогда давать излюбленные примеры устрашения, но все же дело не обошлось без крови. Кое-где горожане пытались оказать тщетное сопротивление. Всегда были и есть люди, не терпящие видимого глазами насилия, которые вдруг и как бы независимо от себя предпочитают гибель унижению.

На Сливной улице вестфольдингов встретили в топоры, копья, мечи и ослопы. В Детинце бесполезно заговорило опозоренное кожаное било...

Викинги, охранявшие другие драккары, взволновались раздражающим зрелищем добычи, которая сама бежала к Ролло, Ингольфу и Гауку с Гаёнгом. Многие из охраны решили на время оставить свои посты и развлечься грабежом для себя.

По берегу потянулся томительный прелый дымок от непросохших после ночного дождя соломенных кровель.

В Детинце молча злобствовали князь Ставр и конунг Скат. Выслав в помощь ярлам свои последние силы, они ничем не могли помешать грабежу. Если бы Ролло знал, как глубоко завязли в бою его бывшие союзники! Он догадался бы захватить под добычу несколько новгородских расшив, их было нетрудно стащить вниз по реке. Но следовало опасаться погони, которую могло вызвать чрезмерное обогащение за счет чужих долей. И немало вытащенного на берег имущества было брошено. Как менее ценное, ярлы отвергли невыделанные кожи, сырое железо, посконные ткани, бочки меда, женщин, тюки льняного волокна. На драккарах имелось не так много

свободного места, следовало выбирать лучшее среди богатейших результатов грабежа.

2

В счастливый день удачного захвата Новгорода в Детинце с князем Ставром встретились двадцать два свободных ярла.

На поле под Городом потерялся Зигфрид, владетель Расваг-фиорда — счастье изменило Неуязвимому. Не стало владетеля Брекснехольм-фиорда Гангуара Молчальника.

Новгородское оружие убило в бою владетеля Танангергамн-фиорда ярла Мезанга, владетеля Граварна-фиорда ярла Адиля, владетеля Дротнингхольм-фиорда ярла Скиольда. Их тела, как и тела многих викингов, были принесены в Новгород.

В честном бою на равном оружии молодой ярл Ролло убил ярла Гольдульфа, и четверо ярлов только что сами покинули союз и Хольмгард. У конунга Ската недоставало уже десяти ярлов.

Никого не огорчала естественная и благородная участь павших с оружием в руках. Никого не тревожила мысль о той же участи, которая, быть может, ждала каждого, и в скором времени.

Ярлы встретились радостно, как после победы. Каждый знал совершенные ошибки, к чему было говорить о них. Они рассказывали о собственных подвигах, и только.

И они клялись, что теперь-то не уйдут так просто из Хольмгарда, не удовлетворятся простой добычей. Море, встретив на берегу возведенную человеком стену, бросается на преграду с особенной силой и разрушает ее.

Викинг не отступит, пока не сломит сопротивление. Не случайно скальды воспевают упорство вестфольдингов. Скальды сами викинги и знают жестокость души детей Вотана.

Выходка Ролло вызвала не негодование, а общее веселье. События были слишком серьезны, чтобы ярлы могли взволноваться подобной мелочью.

Князю Ставру следовало поторопиться с набором новых дружинников для пополнения убыли. Сами ярлы предполагали заняться погребением тела Гольдульфа и погибших в сражении. Ушло много викингов, осталось

достаточно свободных драккаров, чтобы устроить балфор, погребение в огне на открытой воде.

— А растрепанное новгородское войско не скоро оправится, если оправится вообще,— утверждал Эрик Красноглазый.

3

С Ильменя тянул сильный ветер и гнал в волховский исток мутную озерную воду. Вниз по реке катилась частая, крутая волна.

Четыре больших драккара шли на веслах против течения и волны. Каждый тащил на ременном канате по одному драккару, превращенному в погребальную лодью.

Из бортовых дыр висели свободные весла. Волны шевелили уснувшие плавники морских драконов, и в мертвом царстве только весла, которые сами скрипели и поворачивались в уключинах, сохраняли искру жизни...

Мертвый драккар... Убийца! Пойманный, уличенный, приговоренный к казни. Нет, пышная процессия не скроет грязи преступления!..

На румах, отполированных усилиями гребцов, не было викингов. В своих беспорядочных движениях рукоятки весел задевали дрова. Костры поднимались выше бортов. Черно-красные паруса драккаров застилали дрова. В середине, на кресле, наспех сколоченном подневольным новгородским плотником, восседал ярл Скиольд.

Могучий и великолепный владетель Дротнингхольм-фиорда,
потомок Вотана, благородный юнглинг,
король открытых морей, победитель на суше и на море,
муж бесчисленных пленниц...

Ярл-скальд Свибрагер по очереди приближался на своем драккаре к погребальным лодьям и, простирая руки, воздавал могучим голосом хвалу трупам.

Ярлы не одинокими уходили в последнее плавание. Кругом теснились викинги. От качки вестфольдинги кивали мертвыми головами, наваливались один на другого, но не падали. Закрепленные жердями и веревками, викинги сидели тесными рядами, еще плотнее, чем в боевом строю.

Славные победители, бесстрашные воины,
железнорукие, с черепами твердыми, как камень,
неутомимые в боях и в пирах,
вы привыкли спать в постелях побежденных,

обладать прекраснейшими девственницами,
пить вино из черепов врагов...

Мощный голос Свибрагера, вибрируя от вдохновения, побеждал шум ветра. Вестфольдинги слушали и одобрительно кивали мертвыми головами, соглашаясь.

На коленях ярла Мезанга лежал оправленный в золото череп франкского вождя Арторикса — чаша для пиров. Подобные чаши были и у других ярлов и их свиты.

Перед бронзовыми дисками мертвых кормчих висели боевые топоры и мечи. Раскачиваясь, они звонили странными беспорядочными голосами:

Вы топтали тело Имира, дочь ночи,
сестру света, мать животных, и мать людей
низких племен топтали вы,
благородные дети Вотана!

Так воспевал Свибрагер победы вестфольдингов на сухой земле, которая носила все эти названия на пышнообразном языке скальдов.

Вы повелевали страной рыб,
вы разрезали живое поле,
попирали ожерелье островов
и мчались по пути лебедей,—

напоминал скальд о подвигах викингов в открытых морях.

Вы щедро кормили акул,
вы наполнили костями глубины морей,
и Луна делалась алой,
глядя в волны, вспененные драккарами.

Открылся Ильмень, безбрежный как море. И волна была как морская. Ильменский Хозяин гневался на чужих, Синий Мужик толкал в черные груди звериноголовые драккары, не хотел пропускать к себе.

При попутном ветре провожатые уже от истока пустили бы на свободу погребальные драккары. Но Ильмень в союзе с ветром из земель кривичей и радимичей воспротивился и защитил чистоту своего сердца от чужеземной грязи.

Драккары вестфольдингов отошли от берега на версту, не более.

Чтобы огонь не сжег якорные канаты, их закрепили под водой за вбитые для этой цели крюки в днища драккаров.

Завели якоря. Ветер потащил было оставленные погребальницы, но цепкие якорные лапы впились в дно. Огорчившись, Ильмень запенился и заплевался.

Проходя мимо бал-фора, викинги щедро забрасывали драккары зажженными факелами. Не пожалели даровой смолы и сала, чтобы напитать дрова, и все вспыхнуло разом.

Дым заволок полнеба.

Под палубами нечеловеческими голосами выли отвыкшие говорить черпальщики. Их было восемь, по двое на каждом отправленном в бал-фор драккаре. Их было по одному на корме и носу, восемь живых, раньше смерти похороненных под низкими палубами, навечно прикованных к смрадным гнойницам-черпальням, восемь людей, превращенных в такие же части драккара, как бортовая доска или жгут для шпаклевки.

Они страдали недолго. Свирепо ударило пламя, раздутое гневным ветром, который для несчастных черпальщиков ничего другого сделать не мог!..

Глава вторая

1

Новгородское озеро в старину называлось Мойским. Потом к нему пристало имя Ильменя. Собственно же словом «ильмень» в старом русском языке обозначали постоянный, не весенний разлив реки в удобном для того месте.

Заполненная новгородским Ильменем впадина наливается многими ключами, ручьями, речушками и реками, из которых исстари главными были ныне еще существующие Ловать, Шелонь, Мшага, Псижа, Пола, Полисть, Порусья, Перерытица, Переходь, Полиметь. Сделавшись по сравнению с прошлым маловодными, эти реки сохранили свои прежние наименования. Стоком озера как был так и остался Волхов, по-старому Мутная река.

И сегодня, как и встарь, летом, не обращая внимания на дела людей, в камышовых крепях красавцы селезни, расставаясь с изношенным брачным нарядом, роняют из крыла зеленые с синим зеркальцем перышки. А уточка, забыв случайного супруга, незаметно пускает по воде пестро-серые перышки и пушок; она всецело отдается заботе о наивысшей драгоценности, оставленной в гнезде пылкой весенней любовью.

Ныне, как и в давно прошедшие годы, ветер и течение подберут все: и пушинку, и бревно, и щепу, и хворостину. Всему, что носится по Ильменю, только бы попасть поближе к Волховскому истоку. Волхов к себе и лодку подтащит и плот украдет,— что ни дай, со всем справится. Коль не поймают в Городе, так сплавит в озеро Нево. Он сильный, Волхов.

По озерным берегам Волховского истока новгородцы держали большие, тянувшиеся на несколько верст лесные склады. Древесина сплавлялась по речкам и рекам, о которых было помянуто, и плотами перегонялась через озеро. У истока шел торг и дровами, и деловым бревном для построек, и сухим, выдержанным под навесами лесом для поделок. Покупатели скатывали лес в воду и гнали в Город плотами.

С началом сумерек присланные от новгородского земского войска люди спешно вязали плоты. Небольшие: аршин восемь или десять в длину, аршина четыре в ширину. На плоты грузили смешанную с пылкими липовыми лутошками солому и заливали смесью жира, сала, дегтя и серы. Плотовщики собрались из опытных рыболовов и судовщиков, опытных пловцов, которых не сразу утопишь и с камнем на шее. Они оставляли на берегу всю одежду и, чтобы не чувствовать холода, натирали нагие тела сырым бараньим салом.

Тем же временем нурманнские и княжеские дозорные, охранявшие городской тын с полевой стороны, разглядывали, как с подходом ночи к стенам приближались земские. Не собиралось ли недобитое новгородское войско напасть в потемках? Нурманны накидали во рвы зажженных факелов, отогнали стрелами и пращами дерзких смельчаков. Смеркалось. В поле нестройно покричали: «На слом, на слом!» — но не шли.

Ставровы дружинники вслепую побросали в темноту из городских камнеметов и самострелов камни и дротики. Новгородцы перестали шуметь, и конунг Скат сказал князю Ставру:

— Они не ушли от города. Завтра мы их добьем до конца.

Никто из ярлов не верил в решимость подорванного и обескровленного земского войска напасть на городские стены.

А у Волховского истока нагие плотовщики уже брались за весла. Оттолкнувшись от берега, они отгребались, пока не замечали, что Волхов начинает подсасы-

вать плотики. Они окликались, поджидали других и задерживали плотик, вновь подталкиваясь к мелкому месту.

Плоты копились и копились. Днем показалось бы, что все озеро близ истока усеялось копнами, будто дошлые новгородцы научились и на Ильмене сеять хлеб. Ночью же с берега вначале виделись пятна, а когда плотики собрались, чудилось: тот берег придвинулся к этому, и Ильмень сузился в речку.

— Э-гой! Плыви! — приказал голосом Гюряты темный берег. Плотовщики, подталкиваясь в струю, заработали веслами. Поплыли и ушли, как растаяли.

2

Стояли нагие — в темноте не видно — и отгребались, избегая сбиваться в кучи. Вытянулись длинными-длинными цепями...

Поглядывали на небо. Не было бы дождя, как в прошлую ночь! Нет, ясно. Звездочки мигали, спрыгивали в воду и оттуда смотрели на голых. Как веслом, плескалась рыба.

Невидимая волна подгоняла, заходила на плот и скатывалась, не в силах смочить ни пропитанные жиром дерево и солому, ни насаленное человеческое тело.

Лезли ребятишки ильменского водяного, озорно совали под весло перевернутые хари, тащились за лопастью, ловили бревна камышовыми пальцами и поворачивали, разглядывая со всех сторон.

Разгребаясь широченными ладонями, наползал сам Синий Мужик, издали засматривая на голых. Узнав своих, он подталкивал волну, поддувал в спину влажным холодным дыханьем и, без голоса, чтобы не выдать, нашептывал:

— Пошли, пошли ребятушки-и...

— Хорошо тебе, сам бы попробовал!

Что ты скажешь! Будто бы все стоишь на месте. Сам кружишься, а струя недвижима. Застрял, что ли, на мели, и колдовская ночная тьма тебя морочит и вертит?

Томилась душа, и на сердце становилось еще мутнее от голого, беззащитного, как земляной червяк, тела. А заденешь себя за бок — чужая кожа, скользкая, что снулая стерлядь.

На воде зги не видать, а волны смельчали, значит, им уж нет разгона, значит, движется плот. Здесь глубь, со-

мовьи омуты. Их, мордатых, хорошо брать на целого ворона, жаренного в перьях.

А весло работало и работало, плотики шли. Чернее ночи наползали черно-угольные кручи берега, и струя забирала плывущих. Берег громоздился все выше. Город. Здесь не нужно дневного света, все знакомо: каждое бревнышко пристаней, каждый изгиб, каждый заливчик, камень, борозда, промытая в этом году весенним потоком.

У пристани не задранный ли нос нурманнского дракара? На плотике в соломе светится красный глазок. В глиняном горшке с пробитым дном, чтобы жар дышал, тлели угли. Пора или нет? Что же ты, не оробел ли? А ведь сам лез, никто тебя не звал, сам выставлялся, хвалился, что все знаешь и все можешь. Волхов не ждет. Гляди же, очнешься под Городом!

Осторожно, не рассыпь угли. Так, раздувай. Не бойся согреть пальцы, воды много, сумеешь остудить. Почему же ты так зябко задрожал, холодно сделалось? Делай же!

Ты оробел, и тебе хочется бросить плотик на волю течения, река же тебя не страшит. Ты умеешь грести сильными ладонями не хуже нырка с его кожистыми перепончатыми лапками, можешь поспорить с белощеким гоголем и хохлатой поганкой. Ведь это ты, спрятав голову в снятую с гуся кожу, охотничал на разливах. Что тебе речные глубины! Мальчишкой ты, как лягушонок, нырял на дно, находил склизкую лапу затонувшей коряги и, зацепившись, дышал через тростинку, споря с другим желтоклювым, кто кого пересидит. Ты с другими мальчатами возился днями напролет под слизистыми речными обрывами и сотнями чалил в тростниковую корзинку колючих раков. Однажды вместо рака ты схватил гадюку и завизжал на весь Волхов. Ручонка опухла до самого горла, ты едва выжил и опять лез не давать ракам покоя.

Товарищей на плотиках много, без тебя сделают дело. Ныряй, твой дом рядом. Пусть тебя, голого, примут за утопленника, за ночную мороку-шишимору, которая, забрав под мышку собственную голову, зовет живых, вещая близкую смерть.

Нет, ты не можешь оставить доброе дело. Борись со страхом и раздувай угли. Пора начинать.

3

Небывалое и неслыханное померещилось викингам, охранявшим драккары. По реке из воды таинственно зарождались огни. Краснó тлея, они вдруг разгорались, выбрасывая длинное серное пламя.

Возвращались вестфольдинги, погребенные на Ильмене! Гневно отказываясь от мелкой озерной могилы, викинги хотели уплыть в открытое безбрежное море. Нечеловечески блестящие, нагие — ведь погребальное пламя слизало с их тел доспехи и одежду,— они лезли к драккарам в огненных факелах.

Детинцевское било загудело к пожару. Очнувшись от сна — их и во снах не оставляли нурманны,— очумелые горожане выбегали узнать, откуда и какая новая беда стряслась на их злосчастные головы.

Не ранний ли рассвет, поспешный спутник летней полуночи, красил небо?

С реки тянуло смрадным жирным дымом. Гремя оружием и доспехами, к берегу бежали нурманны, бежали с криками злобы и тревоги, тяжело топча мостовые.

Выждав, когда промчатся нурманны, горожане, кто посмелее, выбирались из калиток. Они, хозяева, крались по улицам родного города, как чужаки, и озирались — куда бы метнуться, попав на нурманнов! А кожаное било продолжало мутить душу.

Снизу, от темных улиц, верх берегового тына освещался страшным светом пожара, и дозорных на стене как будто не было. Новгородцы карабкались по лестницам и земляным откосам, ползли червями, как воры, и выставляли лохматые нечесаные головы.

Гибло, пропадало, дымом уходило речное достояние — богатство Великого Новгорода:

и низкие, дровяные причалы с поленницами швырка, долготья и мелочи;

и бревнотаски для круглого леса со складами, с причаленными плотами;

и рыбные пристани с посольнями, с коптильнями, с сушильнями;

и причальные помосты для иноземных гостей со сходнями, с дощатыми клетями сторожей;

и купеческие причалы, где каждый оставлял под присмотром за малую плату расшиву и лодью;

и посыпанные черной пылью, залитые смолой пристани дегтярей-углежогов;

и хлебные причалы, где кормятся голуби, воробьи, вороны, сороки;

и мастерские, где умельцы-плотники строили расшивы и лодьи и сгоняли их в реку по насаленным дорожкам;

и сами расшивы, лодьи, лодки, челноки,— все, все пропадало!

Уходило, рассыпаясь пеплом, богатство, исчезал труд дедов и отцов. В пламени и чадной копоти вестфольдинги храбро спорили с огнем. Вцепившись в просмоленное, налитое китовым жиром, дубовое тело драккара, они, вскрикнув разом, выхватывали корабль на бережок. Звериная голова на носу пылала свечой. Викинги сбивали огонь руками-клещами, плескали воду рогатыми шлемами: казалось, могли и умели потушить пламя собственной кровью. И спасали обгорелый обрубок.

Другие прорывались к драккарам сквозь охваченные пламенем пристани. Опалив по пути через жаркую смерть волосы, бороды, брови и ресницы, с мгновенно налитыми пузырями ожогов, вестфольдинги рассекали канаты, отталкивались горящими факелами весел и отходили, увлекаемые течением.

Вокруг них огонь грыз борта, а они метали якоря и дырявили днища, стараясь победить беду затоплением драккара. Можно было рассмотреть, как позади завесы огня на тонущем драккаре викинги поднимали мачту для приметы и рвали с себя доспехи, кафтаны, штаны, готовясь один на один померяться силой с Волховом.

Ниже Города на реке догорали костры, а сверху продолжали прибывать новые плотики. Они явно гнались за драккарами, опомнившиеся сторожа которых успевали вовремя отойти от причалов.

Драккар тяжело и вразброд шевелил одной или двумя парами весел из пятнадцати, а с кормы поднимался дымный язык и закрывал безнадежным гребцам того, кто гнал утлый плотик с соломой, дровами и горшком с горячими углями.

Сделав свое, плотовщики бросались в реку и скрытно плыли к заволховской стороне. Головы ловких пловцов показывались и появлялись, как озерные гагары.

Некоторые, подобно щуке за плотвой, гнались за спасавшимися вплавь вестфольдингами. Подобравшись сзади, новгородец оплетал нурманна ногами. Или он успевал вспороть горло врага коротким рыбацким ножом, или, не справившись с сильнейшим, тонул вместе с ним.

Утренний рассветный ветер раздувал рдяные кучи

углей. Вместо пристаней торчали обгоревшие пни дымящихся свай, и горестный запах пожарища проникал в каждый двор. Одни петухи беззаботно-горласто славили Солнышко.

На том, заволховском берегу, перед сбежавшимися жителями загородной стороны приплясывали голые. Вот один забежал по отмели в реку, повернулся и, дразнясь, похлопал себя по спине.

Не до него! От Детинца звали прерывисто-хриплые рога, и там зашумел тысячеголосый рев битвы.

Глава третья

1

Опасность грозила драгоценнейшему достоянию племени Вотана, огонь подобрался к «Морским Соболям», «Волкам» и «Пенителям Валов», как на образном языке скальды называли черные драккары.

Хотя в поле под стенами Города было неспокойно, но, бросив тын, к Волхову побежали со своими дружинами ярлы Свибрагер, Альрик, Агмунд, Ингуальд, Гардунг, Гаральд Прекрасный и Эрик Красноглазый. Вестфольдинги спешили беспорядочными толпами, сталкиваясь в темноте на мало знакомых тесных улицах.

Ярл Балдер Большой Топор заблудился и не мог выбиться из тупика. В яростной поспешности викинги вломились во дворы, пробивали, ломали заборы и стены. Как безумные, точно в непроходимом лесу, они крошили препятствия дубинами, мечами, топорами, побили все живое, попавшееся под руку,— людей и скотину и прорвались, оставив за собой развалины.

В Детинце остались многочисленные раненые викинги и с ними тоже раненые ярлы Эвилл, Гунвар, Фрей. На стенах конунг Скат без размышлений бросил Ставра с его уже немногочисленными дружинниками. О чем мог думать старый ярл, когда огонь угрожал и его драккарам!

Скат с презрением оттолкнул сухопутного князя низкого племени, который никогда не возвысится до благородной страсти к коням соленых дорог, и исчез, назвав Ставра нидингом — трусом.

Напрасное оскорбление. Ставр был уверен, что уж коль земские придумали пустить по Волхову горючие плоты, то мало что останется целым. Пропадут и его соб-

ственные причалы, и расшивы, и склады. А драккаров Ставру не было жаль. Раздраженный грабежом, который учинил Ролло, Ставр понимал, что такое может и повториться. Пусть же сильно убавившиеся в числе вестфольдинги потеряют возможность отступления. Тем крепче они привяжутся к князю.

Князя тревожило, как бы земские, пользуясь смятением, не напали с поля на Город, не сломали его ослабевшую дружину.

Волховский пожар освещал Город и слепил дозорных на тыне. После вечерней тревоги земских не было слышно. Ставр тешил себя надеждой, что с вечера земские дразнились лишь, чтобы оттянуть внимание от реки. Но самозваный князь ошибся. Тараны ударили сразу в двое ворот, и затрещали дубовые полотнища.

Ставр рванул холеную бороду: не на кого гневаться, как на самого себя. Не однажды городские старшины судили, что и дерево иструхлявело, и гвозди поржавели, и петли осели. Ставр, поспорив с Гюрятой, посмеялся над плохоречивым старшиной:

— Чегой-то боишься ты и от кого хоронишься? Нам с поля не ждать врага и не ждать ниоткуда. И год, и два, и далее простоят ворота.

Ныне не он ли, Гюрята, под воротами?

Внизу, в темноте, земские люди качали на ременных лямках тесаные тридцатиаршинные кряжи. Ставровы воины били из луков и пращей. Латные товарищи прикрыли таранных щитами, как твердой крышей, и эта крыша живой черепахой, как сама, махала тараном. Новгородский князь слишком понадеялся на нурманнов, не припас на тыне ни тяжелых камней, ни плах, ни горячей смолы...

Ставр погнал дружинников в улицы заваливать ворота изнутри и встречать земских мечом.

С шестого удара окованный железноголовый таран порушил одряхлевшее дубовое строение ворот. Расходились, трескались, пятились полуаршинные доски. С десятого — сломались петли и осевшие полотнища удержались на одних накладных засовах.

— У-ухнем! У-ухнем!

Засовы рванулись из гнезд. Вместе с воротами таранные и латники земских влетели на наставленные копья и рогатины. Улицу сразу заперло телами и деревом, наполнило криком и стоном.

Зло лезли земские латники в собранных на ратном

поле нурманнских доспехах. Они потеснили дружинников, которых сзади бодрили сам князь, бывшие старшины Гул и Гудим и излюбленные Ставровы советники бояре Нур с Делотой. А что творится у вторых ворот, где воеводствовали бояре Хабар и Синий вместе со старшим приказчиком Гарко? Оттуда дали весть: «Ворота сбиты. Хабара посекли. Гарко посекли. Земские силят. Мощи нет. Синий отводит дружинников к Детинцу».

Пришло утро. Волхов пылал. Ставр велел отходить, едва поспели к Детинцу. Земские чуть задержались, и ворота Детинца были запахнуты вовремя. Эти ворота не как городские: недавно обновлялись. Доски были набраны на толщину в пять четвертей, проложены железные полосы и укреплены гвоздями со шляпками в четверть.

2

Земское войско не совершило тягостной ошибки, пытаясь с размаху, с первого удара разбиться о крепкий Детинец. Зная, что сила нурманнов ушла на пожар, к Волхову, земские хлынули туда, к реке.

И в улицах встретились с извещенными вестфольдингами.

Предсолнечный свет показал викингам тех, кто лишил их драккаров. Опаленные нурманны набросились на новгородцев как бешеные, хотели бы пытать, терзать, мучить, но могли лишь сражаться. И они бились с необузданной силой, которую до этого времени не вкладывали в расчетливое осуществление набегов, единственной целью которых бывали грабеж и обогащение.

Не забывая привычно изученного искусства боя, викинги, насколько им позволяли улицы, строились, ударяли с обычным единством и отбросили земских, беспощадно истребляя передних.

Бились между дворами. Перекрестки стали полями угарно-диких сражений. В тесноте едва могли размахнуться и не рубили — кололи.

Опустивший копье или рогатину, уже не мог поднять оружие. И силой не одной пары рук, а всем множеством страшно шел каленый рожон на толстом древке, пока не ложился под тяжестью пробитых насквозь мертвых тел.

Слеплялись так тесно, что могли ударить лишь сверху рукояткой меча или топорищем. Перехватив копье, превращали его в кинжал. Лучшим оружием сделался нож, а терялся он — когтистые пальцы искали впиться

в горло или выдавить глаз; ступня, найдя ступню, мозжила кости. Били коленом, стянутые как обручами в безысходной тесноте, подобно зверю грызли зубами.

Через скользкие от крови засеки, наваленные из мертвых и умирающих, новгородцы лезли, не зная страха. Задыхаясь, хрипя и рыча, спешили, спешили свалить, схватить, задушить, задавить, разорвать, раздробить, растерзать...

Здесь совершались, как во многих русских древних и поздних боях, великие подвиги самоотреченной личности, растворившейся в общем деле. Этих подвигов никто не воспевал. И не мог воспеть тот, кто видел. Человечно и справедливо, устрашившись нагой истины, такой летописец молчал. Или, по истечении лет, описывая прошедшие годы, кратко вспоминал, как «простой человек в посконной рубахе и с одним коротким копьем защитил свою родину отчаянным мужеством лучше твердого доспеха...».

А как действием пламенной души слабое, мягкое тело приобретало беспощадно-жесткую силу железного тарана, как отвергалась самая мысль о страдании и личной гибели? Это неописуемо. Здесь права слов ограничены. Позволено лишь намекнуть, чтобы не затмить правду подробностями подвигов.

А все недосказанное сам человек обязан постичь своей душой и, без содрогания, воскресить светлые образы героев.

3

Войдя в Город и неся ежеминутную тяжкую убыль, земское войско не таяло, а росло. Горожане распрямлялись. Шагая из своих дверей, хозяева вступали прямо в бой, искупали вину.

С крыш и со стен в нурманнов били котлы, горшки, кузнечные молоты, клещи, литейные формы, заступы, ломы, тесла, тележные колеса, камни от наспех разломанных очагов и все, что попадалось под руку.

Чтобы запорошить нурманнам глаза, ведрами метали золу. С крыш скатывали грузные мясницкие плахи и бревна. По нехватке стрел и дротиков целили поленьями. Подрубив изнутри, со двора, столбы, опрокидывали на нурманнов тяжелые ограды дворов. И безоружные лезли под трупы в поисках меча.

Из узкого оконца девичьей светлицы женщины вытолкнули тяжелый дубовый ларец с приданым и свих-

нули толстую шею могучего владетеля Ретэ-фиорда ярла Балдера Большой Топор.

Старики силились достать косой из подворотни нурманнскую ногу. Кто-то ухитрился выгнать на нурманнов быков, запалив на их шеях и хвостах смоленые жгуты...

Заволховские жители переправлялись через реку в Город на кое-каких лодках, на обломках погоревших лодей и расшив, на сорванных полотнищах ворот, на связанных по две и по три водопойных колодах и корытах. Они застигли конунга Ската, который, не будучи в силах расстаться со своими наполовину сгоревшими драккарами, запоздал на берегу с кучкой своих викингов.

Старый владетель Лангезунд-фиорда продержался дольше всех. Подобно певцу, который в старости хорошо поет без голоса, Скат, лишившись былой силы, сохранил высокое искусство дивно владеть оружием.

Прижавшись спиной к борту своего навеки обмелевшего «Черного Медведя», неуязвимый расчетливый латник долго не подпускал бездоспешных ребят.

Подростки издали камнями ошеломили конунга Ската и, торжествуя победу над ненавистным нурманном, метнули его тело, закованное железом, как рак в скорлупу, в догоравшую поленницу дров.

На три четверти растаявшие и растрепанные отряды нурманнов выбились к Детинцу и ощетинились последним боем. Соблюдая боевое товарищество, на помощь вышли из Детинца все раненые викинги, которые еще могли держаться на ногах. Здесь-то владетель Драммменс-фиорда ярл Эвилл и веселый Фрей, ярл Хаслум-фиорда, к ранам, полученным в сражении под Новгородом, прибавили новые и бессильно остались на мостовой городского торжища.

Битва кончилась, и остывающие новгородцы ужаснулись своему Городу, где на каждой улице бойня, где каждая рытвина налита кровью, где на каждом перекрестке, как стволы на лесосеках, груды тел.

Во многих местах горели дворы. В голос плакал и стонал Город. В дыму косым полетом вились вóроны, дерзко садились на крыши и заборы, высматривали.

Нурманнские тела и раненых нурманнов стаскивали на берег. Чтобы не грязнить новгородскую землю чужой мертвечиной, их голыми кидали в реку. Пусть добрый Волхов унесет их подальше, в озеро Нево. А оттуда пусть тот, кого по пути не доедят раки и рыбы, добирается к себе домой по реке Нево...

Как шашель в доске, как древоточец в лесине, как червь в яблоке и обломок стрелы в теле, оставался Детинец с затворившимися нурманнами. Их лучники и пращники помешали новгородцам подойти к телам вокруг Детинца. Сберегая запас камней и дротиков, нурманны не били из камнеметов и самострелов. Но знаменитые телемаркские стрелки так метко целились, что на полет стрелы от Детинца никому не давали высунуть голову.

Городские мастера-плотники, кузнецы, токари, литейщики, кожевенники и другие умельцы, созванные старшиной Щитной улицы Изяславом, принялись размышлять и набирать материалы для постройки умных воинских нарядов-припасов.

Глава четвертая

1

Мимо брошенных жителями приволховских заимок, мимо обезлюдевших починков уходили ярл Ролло и его спутники.

Грозно рвались вниз по течению тяжело груженные черные драккары вестфольдингов со страшными, безобразными чудовищами на задранных носах. Мутная вода бурлила в глубоких бороздах за хвостатыми кормами, волна плескалась на бережок.

Прошли — и как не было чужаков на Волхове...

У братьев ярлов Беммель-фиорда Гаука и Гаёнга не хватало гребцов для смены, но их три драккара не отставали. Доли добычи уцелевших викингов после заключительного грабежа увеличились почти вдвое, что заменяло недостающих.

Перед Ладогой, будто нависнув над пригородом, драккары остановились. Вестфольдинги поглядывали на низкий тын и малый Детинец Ладоги. Им Ладога была не нужна, их задержало другое. От берега, больше чем на половину Волхова ладогожане вывели заграждение из сплошных плотов, поставленных, как видно, на якоря. Волховское течение загнуло полукружьем вязанные мочальными канатами толстые бревна. За ними получилась обширная заводь с собравшимися расшивами и лодками, на которых прибывало земское войско с дальних онежских и свирских берегов.

Спереди Волхов приделал к бревнам ершистый вал из

корья, мертвого камыша, сучьев и прочего речного плавучего мусора — заграждение копило его не один день.

У ладогожан не хватило бревен перехватить всю реку, зато они укрепили заслон, понаставили дощатых щитов с козырями и бойницами. Стрелки засели на загрузших плотах. Ждали нурманнов и на берегу.

Опытные вестфольдинги осматривались: несмотря на нехватку плотов, ладогожане все же заперли стрежень. Течение, бурля, уходило под бревна. У свободного берега Волхов струился незаметно, там мели, обычное продолжение береговой пологости. Заграждение, отходя от крутого берега, перехватило удобную для плавания, безопасную глубину. Видно, не нурманны над Ладогой, а Ладога над нурманнами нависла...

Вестфольдинги построились в две нитки. Ближе к плотам пойдут пять больших, а дальше от плотов, у мелкого берега, проскочат три меньших драккара.

Не спеша, готовясь прикрывать гребцов щитами, драккары начали сближаться с заграждением. Передними пустили братьев Гаука и Гаёнга на двух больших и одном малом драккаре. У ярлов Беммель-фиорда не хватало викингов, Ролло и Ингольф поддержат их сзади своими стрелками. Ингольф шел вторым с одним большим драккаром и двумя меньшими. Замыкал Ролло на двух больших.

Они спускались по течению, пока передние не оказались на расстоянии четырех или пяти полетов стрелы от плотов. Тут кормчие часто забили в звонкую бронзу, и драккары рванулись.

Осторожный кормчий Гаука правил так, точно хотел не проскочить, а налететь на преграду. Зная, что ладогожанские лучники не пробьют борт «Морского Коня», а снизу вверх им неудобно целить, кормчий решил провести драккар так близко, чтобы лишь не поломать весел. Выждав мгновение, он сам вместе с подручными налег на правило руля, безупречно метко разворачивая «Коня» по бревнистому краю наплавной плотины.

Тут-то и ударило в днище! Гребцы опрокинулись с румов, и кормчий слетел вниз головой с кормовой палубы. Его подручные удержались за руль, но сам ярл Гаук не удержался за шею «Коня». Он камнем ушел на волховское дно, как был: со щитом и мечом, в латах и поножах, в рогатом шлеме с золотой насечкой на упрямой и жадной голове.

Бывалое днище «Морского Коня» треснуло. Разбра-

сывая плотно уложенные тюки с богатой добычей и ломая румы, снизу просунулся толстый мокрый зубище-бревно. Упершись в дно реки, оно приподняло тяжелый черный драккар, толкнуло на другое такое же зубище и спряталось. В две расщепленные пробоины яростно хлынула мутная волховская вода.

Ни в чем не уступая брату первого места, Гаёнг шел на меньшем беммельском драккаре во главе второй нитки. Кормчий «Соболя», опасаясь мелей, гнал драккар стрелой, рассчитывая проскочить возможный илистый перекат.

Опытный мореход-вестфольдинг был прав — его ждала мель. «Соболь» мчался под частый звон диска, истинный пенитель морей, и сам пронзил себя бревном, как медведь, буйно напоровшийся на боевую рогатину без перекладины. Конец окованного железом подводного зуба высоко выскочил над бортами, и «Соболь» самоубийственно вгонял в себя бревно, пока не проскочил над ним и не вырвал из расщепленного насмерть днища. «Соболь» освободился и осел. Румы залило, кормчий бросил правило бесполезного руля.

На «Соболе» никто не успел сорвать тяжелые доспехи и никто не сумел всплыть под стрелы ладогожанских лучников. Не было и ярла Гаёнга. Наклонившись над хищным носом вестфольдингского «Соболя», новгородская сосна приласкала непрошеного гостя, и он побежал по дну в последний раз поспорить с братом, кто собрал больше славы и кого Отец Вотан будет громче приветствовать за столами Валгаллы.

Несколько викингов «Морского Коня» решили глупо воспользоваться лишним мигом жизни и покупали этот миг, цепляясь за плоты в ожидании новгородской дубины.

2

В тот самый день, когда ладогожане сначала слушали на своем вече гонцов самозваного новгородского князя Ставра, а потом всем скопом топили в реке неудачливых послов и нескольких преждевременно объявившихся пособников, не то трое, не то четверо мастеров обсуждали простую, нехитрую шутку:

— Если лесину от хлыста затесать остро, а на комель навязать камень и затопить? Комель встанет на дно, а вода подымет острие. Добро ли будет?

— Не добро. Острие повернет по воде, и нурманны сверху уйдут без всякой помехи.

— Не добро...

— А навязать под острие поводок с якорем? Вот она, лесина, и встанет против воды.

— А острие подтопить поводком, чтобы его наружи было не видать!

— А острие не оковать ли?

— Худа не будет.

...Кормчие Ролло вовремя остановили оба драккара норангерского ярла. Драккары же Ингольфа оказались в опасной близости к ловушке, и его большой драккар едва не погиб. Гребцы успели пересесть лицом к носу и дать обратный ход. Страшное острие коснулось днища, но дуб выдержал.

Ролло и Ингольф беспомощно наблюдали за гибелью третьего и последнего драккара бывших владетелей Бемель-фиорда. Но Гауку и Гаёнгу все было уже безразлично, а Ингольф обеднел на один из своих драккаров. Меньший драккар уллвинского ярла шел за «Соболем». Кормчий «Куницы» слишком круто отвернул к берегу и посадил драккар на мель. Викинги спрыгнули в мелкую воду и тщетно пытались столкнуть «Куницу». Они принялись за разгрузку, выбрасывали добычу, но «Куница» сидела как прикованная.

На близком пологом берегу, присев в кустах тальника и лежа на животах в низких зарослях лопушистой мать-мачехи, терпеливо кормила речных комаров тайная засада ладогожан. Сильной и меткой стрельбой лучники новгородского пригорода загнали викингов за обращенный к реке борт, но и тут потерпевших крушение на излете доставали стрелы с плотов.

Ингольф не решился подойти к обреченному имуществу, но не покинул своих. Закрыв уцелевших викингов «Куницы» от плотов высоким бортом большого драккара, он принял пловцов.

У ладогожан не нашлось камнеметов и самострелов, чтобы побить остальных нурманнов, когда те осторожной ощупью, как слепые, пробирались по опасному месту.

Тащась медленнее ленивого течения, нурманны еле двигались. На носах лежали наблюдатели, внимательно рассматривавшие воду и предупреждавшие о струйках, расходящихся на поверхности подозрительными треугольниками. И все же порой задевали затопленную

смерть. Кормчий удерживал драккар почти на месте, и все ощущали, как острие скребло днище, щупая прочный смоленый дуб от носа до самой кормы.

Ладогожанские стрелки открыто били с плотов и с пологого берега. Драккары не отвечали. Все свободные от гребли викинги закрывали товарищей на румах щитами и телами в доспехах. От движений гребцов, от внимания наблюдателей и кормчих зависела жизнь. Так никогда не бывало ни в одном из походов!

На драккаре Ролло сорвало руль острием зуба, заклинившимся между обрезом кормы и рулевой доской. Это было последнее испытание. Однако Ролло и Ингольф тянулись со всеми предосторожностями до самого озера Нево, до спасительных, почти морских глубин.

Ладогожане грызли кулаки, обвиняя себя в тяжкодумстве. Не поспешили достроить камнеметы, мало, мало наставили на Волхове острёных лесин! Ушли четверо нурманнов, ушли... Но больше ни один не уйдет! И ладогожане продолжали затыкать Волхов до первой лодочки, принесшей весточку о сожжении нурманнов. Тогда люди пустились шарить по дну железными когтями, из-за добрых доспехов вытаскивать тела вестфольдингов и поднимать затонувшие на неглубоком месте драккары с богатым имуществом.

Глава пятая

1

Кромный город отчуждился от своего Детинца завалами, засеками, заплотами. Ближние к Детинцу горожане злой рукой разорили для этого дела собственные дворы, чтобы никуда не дать выхода нурманнам с окаянным самовольным князем.

Дружинник принес князю Ставру стрелу, упавшую на излете во дворе Детинца. На древке была намотана желтовато-прозрачная ленточка пергамента с надписью. Самовластный князь развернул пергамент и прочел:

«Добрыня Боярин Плесковский с Женой Потворой Отрекаются Тестя и Отца».

Ставр прочел и ласково, бережно положил на стол кожицу. А она, сказав без голоса свои нужные слова, вновь свернулась, как живая.

Что-то влетело в узкое башенное оконце и впилось в стену горницы. Ставр поднялся и взялся за дротик, глубоко засевший в бревне. Твердый каленый наконечник расщепил трещину и увяз, как забитый молотом. Древко от удара раскололось и насело на железо. Силища? Такой дротик пронижет быка, пробьет латника.

Князь подошел к оконцу и высунулся, закрыв собой проем. Он захотел взглянуть, откуда метнули дротик. Разве различишь! В улицах за засеками много воинов. Этот дротик пущен не рукой.

Ставр разглядел камнемет, который, запрягшись в ременные и льняные канаты, новгородцы тащили на себе, но самострела не увидел. Мало ли где: на дворе, на пожарищах или на крыше — засели стрелки со своим малым оружием. Велик Новгород, велик...

На некоторых пожарищах, где дворы выгорели в день битвы нурманнов с новгородцами, трудились хозяева. Не прошло еще четырех дней, а уже поднимались свежие бревна новых стен. Быстро умеют строиться новгородцы. Вон кроют крышу желтой соломой. Хозяин забрался на конек, принимает снопы.

Издали и с высоты башни все люди казались Ставру букашками. Как муравьи, они ползли, каждый со своей былкой, собирать разоренные гнезда, хотя вон он, разоритель. Он здесь и может вновь разорить.

Нет, не может — это князь знал крепко. От нурманнов не осталось и пятой части той силы более чем в десять тысяч викингов, с которой они пришли в Город по его зову. Остальные, кроме уплывших с четырьмя ярлами, все побиты. Их побили эти самые муравьи, которые отстраивают свои дома и роятся на городских улицах, готовясь насмерть заесть последних врагов.

Как будто бы князь ждал второго дротика, чтобы его рассмотреть на лету. Не дождался. Отойдя от оконца,— он не повернулся спиной, а отступил за стену,— князь заметил принесшего гостинец дружинника и только сейчас вспомнил о нем:

— Что стоишь-то, ступай к своему месту.

Ставр вновь расправил пергамент, вновь прочел слова. И верно, третьего дня, нет, вчера, ему с тына померещился зять, боярин Добрыня, среди новгородцев.

Князь водил пальцем по упрямо свивавшейся коже. Потворушка-скворушка писала, она, она. Не наемный

умелец, Ставр сам учил дорогую доченьку скрытной тайне письма, своей рукой водил ее рученьку, вместе с ней чертил буковки. То-то было радости обоим, когда от буковок в головку ненаглядной поднялось первое слово, когда разумнице открылось письмо. Она и эти слова, посланные Добрыней на стреле, выводила, она, кровинушка, умница. Некому больше. Не каждый ученый писец из своих горожан или из иных так хорошо напишет.

Добрыня не слишком силен разумом, ему не вести большие дела. Краше городской жизни ему кажутся подплесковские огнища, но сам он прямой и добрый человек. Когда дочери приглянулись синие очи и богатырская стать молодого боярина, когда пришлись к сердцу его ласковый голос и милое слово,— Ставр спорил со своей скворушкой. Но он нашел в дочери собственную упрямую волю и отдал ее за избранника. Да и неплох Добрыня, не всем иметь высокие тайные мысли, как ему, Ставру.

Скворушка уже мать троих детей, но для отца осталась прежней деточкой. Умница, умница... Не Добрыня, а она, не кто другой, как она, сумела повести так, что плесковитяне не выместили на крови Ставра злобу на князя. И дочь, и внучата живы и здравы. Для Ставра не могло быть лучшей вести, чем присланная Добрыней. Тягота пала с плеч.

2

Следует наградить дружинника. Где он? Ушел уже. Ладно и так. Князь был счастлив умом дочери. Она не для спасения тела отреклась от отца и научила мужа отречься. Она поняла ошибку отца. Ныне и сам князь понимал, что и не так и не вовремя он пошел на задуманное дело.

Однако же казалось ему, что он прав. Он по-прежнему верил, что меньшим людям не должно входить в управление Городом и землями, что не следует быть одной Правде для больших и малых. Никому не переубедить, не переспорить Ставра и не переломить его мыслей. Свое знание он выносил всей жизнью, как ему казалось. Но что ныне ему в этом знании! Праздна наука, из которой человек не умеет добыть нужного. Она, тонкая наука, подобна свиткам пергамента и папируса, где мудрецы изложили свои мысли. Их мало прочесть, нуж-

но понять и суметь сделать. А как делать — не написано нигде.

Ставр вспоминал басилевсов-автократоров, кесарей Восточного Рима, переосмысливал виденное и слышанное. В самом начале кто-то один сумел устроить власть. А уже потом другие ее перехватывали и держали прикормленные иноземные дружины, как подпорку трона.

Великий князь франков Карл-Шарлемань покорял одни народы другими, разделял их и добился всего. Король и собирал разные дружины из разных народов, и содержал при себе иноземцев. Но не ими он взял первую власть, самую нужную, которая лежит внутри, как видно, всякой власти. Это самобытное начало есть живое семя княжеского дела.

Ставр слыхал о великих князьях болгар, арабов. И там кто-то сумел сделать первый дорогой почин изнутри народа. Такой почин прочен. Плох купец, начавший все дело на заемное серебро. Такому приходится за первый же промах расплачиваться самим собой.

Обутый в мягкие сапоги, неслышный как рысь, в низкую дверь горницы проскользнул грек Василько. Погруженный в свои думы, Ставр не заметил его.

Слуга и советник князя пришел предложить отчаянно смелое бегство. Он уже подговорил двух нурманнов спустить его и князя ночью в ров. Они проберутся среди трупов и проникнут через засеки. По своей привычке Василько приготовил подходящие рассказы — примеры из жизни великих людей Рима и Греции. Но сейчас, глядя сбоку на каменное лицо князя, он вдруг понял тщету всяких выдумок.

Грек ломал руки и тихо плакал, а его князь ничего не слышал, он был уже как мертвый! Подавленный несказанной горечью обреченности и одиночества, Василько исчез.

Что-то тяжко ухнуло. Ставр очнулся и прислушался. Опять ухнуло и затрещало. Ставр из оконца увидел, как взлетела земля, забитая между бревнами тына, заметил большой камнемет, установленный за Варяжским гостиным двором. Новгородцы наладили сильную воинскую снасть, и до их камнемета не достанут камнеметы Детинца. Хотят сделать пролом от торжища — правильно рассудили.

Пусть бьют... Надо бы крепче пустить корни, суметь привлечь к себе больше знатных людей и простых людинов, разделить народ. Завить первое княжье гнездо

своей силой и лучше бы совсем не звать нурманнов. Поделить людство на своих, опричных от других людей, и на прочих. Тогда-то и расширять княжество и покорять соседние народы, разделяя всех, как велось у западных римлян и как ведется у восточных! И нанимать иноземцев за условленную плату.

— А ты,— вслух упрекал себя Ставр,— как меда упившись, с радости первого успеха поспешил править. Думая спасти свой город, удвоил дани и сверх даней потребовал пять кун со двора. Опомнившись, отменил, но поздно. Сразу себя прославил худом на все земли...

До Ставра донесся взрыв криков, сменившийся громкой песнью ярла-скальда Свибрагера,— вестфольдинги начали пир. Утром они, взяв до четырех сотен княжеских дружинников, выходили из Детинца. Без толку разрушили два завала и, воротясь, рассказывали о перебитых новгородцах. Князь наблюдал за вылазкой, но не перечил пустой похвальбе. Вестфольдингов самих возвратилось меньше половины, а дружинников — ни одного. Передались дружинники...

Опять и опять трещал тын. В нем четыре ряда дубового частокола, междурядья забиты камнем и землей. Пойти взглянуть? Нет, не к чему это...

В Детинце было смрадно. Стояло теплое время, кругом лежали неубранные тела, и в самой крепости находилось много трупов. А нурманнам нипочем, пируют, хоть другому куска в рот не положить от запаха мертвечины.

3

Сколько же ярлов среди пирующих? Ставр считал по пальцам — Агмунд и Свибрагер-скальд, старые знакомые, Гардунг, Гунвар, Ингуальд, Гаральд Прекрасный, Альрик и Эрик Красноглазый. Восемь... Нет, Ингуальд не вернулся с утренней вылазки. Ярлов осталось семеро.

Вместо Ската они избрали своим королем-конунгом Эрика, у которого от рождения белые волосы и красные глаза. Красноглазый должен быть доволен смертью Ингуальда. В сердцах остальных тоже прочно вложены взаимные подозрения.

Там они пьют из обложенных золотом и серебром человеческих черепов, обнимаются. Ставр забавлялся легковерием сынов Вотана, как плясками и потехами

скоморохов. И эти хотели сами княжить! Несколько слов, намек. Они ни в чем не верят один другому. Ныне ярлы смягчены общей опасностью. Но как только она пройдет, Ставр стравит их между собой, как псов, насмерть, да, насмерть! Он будет князем, а не какой-либо чужеземный ярл!.. Нет. Не перессорит. Не к чему да и некого будет ссорить...

Под ударами камнеметов трещал тын, пылью поднималась потревоженная земля между бревнами. Валун промчался над тыном, ударил в стену башни, и под князем дрогнул пол.

Ставр достал с груди ладанку с прядкой светлорусых волос. «Спасибо тебе, Потворушка-скворушка! Твоему отцу ничто глядеть на чужую боль, в его сердце лишь одно слабое место, и твоей боли ему бы не вытерпеть. Получив от нурманнского купца первую весть, он загодя просил тебя прибыть в Новгород. Ты не послушалась и разорвала отцовское сердце. Не чая тебя живой, твой отец толкнул на Плесков нурманнов для мести...

Спасибо тебе, доченька, сладкогласная скворушка, что сумела себя сохранить и не попала с отцом в один капкан! Живи своим умом и дальше, никого не слушая.

Твой отец себя не выставит на правеж за неоплатный долг, у него есть надежное снадобье римских кесарей. Прощай...»

Князь Ставр глотнул тайного снадобья и ушел из своего небывалого княжества.

Глава шестая

1

В Детинце хранились большие запасы продовольствия. Глубокие колодцы проникали через насыпную землю и глину до сильных водяных жил в черных песках. Новгородцы знали, что голод и жажда не страшны для нурманнов. Но были бы запасы меньше и колодцы хуже, все равно нельзя было ждать.

Строили большие камнеметы. На прочно связанном срубе из толстых кряжей крепко устанавливали опорную раму в форме буквы П, высотой до десяти аршин. Из четырнадцатиаршинного бревна, укрепленного на оси, устраивали ходячую часть с похожим на многопалую железную лапу гнездом для камней на свободном

конце. Под лапой закрепляли витые канаты из сыромятных ремней для тяги. Ходячее бревно — руку камнемета — закрепляли вчетвером, поднимали валун, укладывали в гнездо и начинали вóротами тянуть канаты.

Канаты напрягались и густо пели, будто многострунный гудок в избу величиной. Удерживаемая уздой, напрягалась рука — ходовое бревно. Вóрот закрепили, отскочили, и Изяслав ударил по узде. Рука грянула о перекладину, опустелые когти гнезда согнулись сильнее, все строение дрогнуло и хрустнуло. Камень перешел через тын Детинца. Перенесло. Весь сруб сзади приподняли вагами и подкатили бревно. Второй камень черкнул перед рвом, взвился и отскочил от тына. А на третьем, после новой поправки, ударили в тын.

Один за другим мастера вводили в дело сильные камнеметы. Камни подвозили на расшивах по Волхову к спешно сооруженной пристани. К ней на долгие годы пристало название — каменная. От пристани везли на лошадях — по четыре-пять камней на телеге.

Налаживали самострелы. В брусе, шириной в четверть, вынимали канавку для дротика, в передней части укрепляли, как лук, связки гнутых железных полос, каленных упругой закалкой. Тетиву из волоченого железа натягивали воротком с прямым крюком.

В Городе всем распоряжался Гюрята с помощью Изяслава и Кудроя. Они из старшин прежнего выбора одни остались в живых. Гюрята ждал общего выхода нурманнов из Детинца и против всех ворот велел устанавливать побольше самострелов.

Гюрята никого не отпустил из земского войска, которое все продолжало пополняться отрядами из дальних земель. И Гюрята и другие боялись, как бы не пришла к нурманнам помощь.

Ниже Города рубили лес, скатывали бревна в реку, скрепляли цепями и — заперли мутный Волхов. На берегах устанавливали самострелы и камнеметы.

По окольным огнищам, починкам и заимкам послали гонцов с наказом: немедля везти в город съестной припас для кормления войска.

Всех горожан обязали содержать и питать земских воинов. Гюрята требовал от горожан без пощады и не скупился на суровые укоризны:

— Вы, домоседы, проспали, упустили Город. На вас и будут наибольшие тяготы.

2

Птицами летели камни и долбили тын. Прочное дубовое строение нарушалось. Расщеплялось одно бревно, и в тыне, как в воинском строю, появлялась опасная прореха. Высыпалась земля, соседние бревна лишались опоры, расшатывались и выпадали наружу, заполняя ров. Во втором ряду застревал камень, и, когда в него попадал другой, брызгами летел острый щебень.

От новгородских камнеметов и самострелов с тына ушли прославленные телемаркские лучники. Мастера попадать с трехсот шагов в бычий глаз ничего не могли поделать против дальнобойной снасти Города.

Иной валун ударял в мостовые близ Детинца, со звериным воем, вертясь волчком, взметался над стенами и крушил нурманнские кости за укрытием. Дротики из самострелов не давали дышать.

Тяжелый дротик, острозганный новгородским плотником и насаженный новгородским кузнецом, пригвоздил к бревенчатой стене лаудвигского ярла Гаральда, прозванного Прекрасным за красоту тела и лица, напоминавшую бога Бальдура, любимейшего сына отца богов и племени фиордов Вотана.

Как видно, Гаральд дорожил последними вздохами жизни: он не позволил вырвать дротик и умирал долго. Бледный, бескровный, он походил на ту статую из белоснежного мягкого камня, которую однажды привез в Лаудвигс из ограбленного во Фризонии замка вельможи франкского короля Шарлеманя. Утонченно жестокий, прозванный во всех видевших его странах Белокурым Дьяволом, о каких муках-забавах над побежденными, о каких битвах грезил Гаральд, когда к нему, наконец, пришло избавленье — тяжкий валун камнемета, с громом пробивший четвертый, последний ряд тына?!

Бреши расширялись. Камни мешали камням, заполняли ров и откосами копились у тына.

Иногда вместо камня в воздухе проносился голый труп нурманна. Размахивая, как паяц, руками и ногами, он рушился во дворе Детинца знаком неотвратимой судьбы, ожидающей каждого осажденного.

Число новгородских камнеметов увеличивалось. В ворота, выходившие на торжище, полетели связки дров. Когда накопилась гора до верха ворот, ее забросали зажженными тюками просмоленной пакли.

Дровяная гора занялась жарким тяжелым пламенем.

В Городе, как в ночь сожжения драккаров, запахло дымом. Не было времени ждать благоприятного ветра. В тихом воздухе дым растекался черным облаком, заслонил солнце и опустился на Детинец. В страшный костер летели новые связки дров. Загорелись воротные башни.

— Будем ли мы еще ждать? — спросил новый конунг Эрик ярла Гардунга. Закопченный, с опаленными бородой и бровями, Красноглазый только что наблюдал, как внутрь Детинца провалились прогоревшие ворота, а за ними полился огненный водопад осевшей горы дров.

Запасы камней для камнеметов Детинца истощились. Викинги не могли пользоваться слишком тяжелыми валунами, которые метали новгородцы, и дробили их. Но сами могли метать лишь вслепую. Заслоны на башнях и тыне были сбиты, и каждого, кто осмеливался показаться, сметали самострелы.

Что же делать? Владелец Сельбэ-фиорда забыл о вражде к красноглазому ярлу Гезинг-фиорда. Общая опасность сделала всех ярлов братьями, и взаимная злоба, хитро посеянная Ставром, временно замерла.

— Еще раз попробовать договориться о выкупе? — неуверенно спросил Гардунг.

Красноглазый конунг отрицательно покачал головой в рогатом шлеме. Четыре раза он посылал дружинников Ставра и дважды викингов-охотников с предложением начать переговоры. Ответа не было.

К Эрику и Гардунгу, которые стояли прямо под тыном, в безопасности от дротиков и камней, подошли Агмунд, Альрик и Гунвар.

— Нам нечего ждать,— сказал Альрик.— Они выкурят нас, как леммингов, зажарят, как треску, и войдут в бреши добить последних.

Оставалось не более тысячи викингов, способных носить оружие, и до полусотни дружинников князя. Ставр сидел уже третий день холодный и неподвижный в своей горнице на башне Детинца. Викинги гнали ненужных мертвому князю дружинников на самые опасные места.

Не более тысячи... Может, и значительно меньше. Красноглазый конунг не хотел считать. Так или иначе, нельзя построить настоящий боевой порядок с головой из трех клиньев. Для него по испытанному расчету следует иметь тысячу семьсот десять викингов. Впрочем, в тесных улицах и так негде развернуться...

Пятеро ярлов стояли в безопасном месте под тыном.

Такие же закопченные, как дубовое дерево стены, они казались неподвижными глыбами.

Из двери башни медленно выступил ярл Свибрагер. Вблизи с гулом ударил валун, брошенный камнеметом, выбил бревно и откатился к ногам скальда — Свибрагер не заметил. Опираясь на копье, он приблизился к товарищам. Дико и странно глядели его остановившиеся глаза. Ярлов ли он видел? Или видел что-то другое?

Свибрагер не мог слышать того, о чем беседовали вожди викингов, но его мысли были близки к их мыслям.

— Уходите отсюда! — выкрикнул скальд хриплым, мощным басом.— Прочь, прочь! В бой, конунг Эрик, в бой вы все! Бей, сокрушай, истребляй людей низких рас! Племя — под корень! Семя и плод — в огонь!

— А ты? — спросил Эрик.— Ты разве не хочешь идти с нами, викинг?

— Я остаюсь! — выкрикнул Свибрагер.— С великими героями! — И он указал на башню, в которой первый и второй ярусы были завалены ранеными викингами.

— Вы — там, я — здесь,— продолжал Свибрагер.— Вместе с ними я вознесусь в Валгаллу. Ни один герой не имел еще такой свиты, ярлы! Мы войдем в дом Вотана, равные богам. Боги зовут меня. Я имел виденье!

Бессонница, сделавшаяся привычной, ви́на и мед, которые более не опьяняли тело, как обычно, но доводили чувства до экстаза и мысль до бешенства, пламя, беспрерывное напряжение боя и бессознательное ожидание неизбежной каждосекундной смерти уже выбросили из жизни и Свибрагера и многих вестфольдингов. Явь смешалась с бредом.

Только что Свибрагер рассмотрел в небе, затянутом тяжким дымом пожара, Тора. Громадное голое тело бога войны обвивал железный пояс. В поднятой руке Тора священный молот Миолнир рассыпал молнии. Рыжая борода и рыжие волосы Тора пылали огнем, и он звал громовым голосом:

«Где викинг Свибрагер, где мой скальд? Куда он так надолго скрылся от меня? Боги жаждут, Свибрагер! Боги жаждут и ждут! Иди ко мне вместе с героями, ты будешь нужен нам в неведомый час Рагнаради!»

Стоя перед открытой дверью башни, Свибрагер вытянутой рукой приветствовал уходящие ряды вестфольдингов. Затем скальд вошел в зал и затворил низкую,

окованную железом дверь. Не чувствуя ядовитого смрада гангрены, Свибрагер шагал через тела, вглядывался, ощупывал волосы. Найдя умершего или потерявшего сознание, скальд поднимал тело и относил к двери. Там он ставил тело на ноги, бормоча заклинания. Как падали тела — он не замечал. Иногда, в порыве внезапного гнева, скальд пронзал мечом непослушный труп: он строил мертвых для боя.

Культ преимущества расы и войны, привычка к убийству, беспощадная кровожадность, возведенная в степень высшей доблести, порождали среди викингов особый вид им одним свойственного умопомешательства: убийство для убийства. С этим может сравниться лишь южноазиатский амок.

При вспышке безумия один или два берсерка, напав без повода, были способны разогнать отряд вооруженных людей в несколько десятков человек: припадок удесятерял силы. В бою берсерки бросались на своих соратников, у себя дома врывались в поселения, делали дороги недоступными для путников. Берсерки были общественным бедствием, и право Древней Скандинавии, ставя кровожадного безумца вне закона, вменяло в обязанность каждому гражданину убивать берсерков.

Пришел час Свибрагера. В нем поэт-скальд, знавший на память сто тысяч строк саг, победил расчетливого купца и жадного хищника, завистливого, недоверчивого, готового без удивления встретить врага во вчерашнем соратнике, готового так же легко продать и предать союзника, как быть преданным самому. Движения берсерка были легки, верны, как у лунатика. Бессознательно он пел, и что это было за пенье!.. Он выл строфы Великого Скальда о мире, исчезающем во взоре героя. Но мир не исчезал. Свибрагер начинал сызнова.

Он не знал, сколько прошло времени, когда потрясающий удар грома потряс вселенную. Под ударом тарана дверь рухнула, рассыпалась стена из трупов. Умирающие викинги, сжимая рукоятки мечей бессильными пальцами, пытались подняться.

В свете Валгаллы Свибрагер увидел Вотана. Скальд сбросил шлем и пошел навстречу богу вестфольдингов, чтобы в первый раз из многих тысяч рассечь его тело и быть самому рассеченным, и воскреснуть, и сражаться опять. Он пел:

Готово место для меня!
Взлетаю я, как легкий дым,
Как пар, как в небе...

Новгородец обухом отбил меч нурманна и разрубил одичало-безумную голову певца убийства — скальда Свибрагера.

3

Против западных ворот Детинца Гюрята распорядился построить башню такой высоты, чтобы сверху из самострелов простреливать весь Детинец. Башню достраивали, оставалось уложить последний десяток венцов, плотники тянули наверх обтесанные и зарубленные бревна.

Нурманны внезапно отвалили ворота и вырвались наружу. По ним ударили сразу из двенадцати самострелов, бывших в засаде.

Не пропал ни один дротик, каждый бил по два-три викинга: так была плотна их толпа. Но по второму разу удалось ударить лишь из двух самострелов, и нурманны, как буря, залили завал.

Стоявшие здесь плесковитяне встретили нурманнов без страха и, не щадя себя, посеклись с ними. Завидев нурманнов, боярин Добрыня встал в передний ряд. У него были твердые доспехи, и меч он держал не как старуха прялку, не как лычник кочедык. Не зная того, Добрыня срубил Красноглазого конунга, но и самого его подсекли нурманны.

Перед выходом вестфольдинги отдохнули, не пожалели вина и меда. Они неудержимо рвались через завалы, зная, что отступать некуда, пробили плесковитян, как вода плотину.

Викингам помогла теснота улиц — новгородское войско не могло развернуться, и вестфольдинги пробились к полевым воротам.

В поле их вырвалось не более половины. Вестфольдингов вели два последних ярла, оставшихся в живых,— Гунвар и Альрик. К северу от Города в четверти дня пути начинались леса. Туда-то и устремились викинги своим скорым шагом, который впору лошадиной рыси.

Гнавшие врага новгородские дружины яро ломали, рвали, раскалывали нурманнский строй, усыпая кровавой щепой последний путь войска великого союза двадцати двух ярлов. К лесам, вместе с ночью, добралось

не более сотни вестфольдингов. И из этой сотни, ненадолго пережившей недавние десять тысяч, лишь шестерым удалось оторваться, уйти от преследования... Забившись в дремучие пущи, они, пробавляясь случайной дичиной, ранними грибами и незрелыми ягодами, пробирались на запад по волчьим тропам. Они набрели на чудинскую заимку и ограбили ее, перебив всех живых, чтобы не оставить следа. Но на второй заимке осеклись: их встретили дубьем и оружием.

Однако вестфольдинги опять убежали. Этих, как видно, Вотан не ждал, еще не приготовил им места в переполненной до отказа Валгалле. Они заблудились в моховых болотах и бесконечно бродили, как отощавшие, выгнанные со двора псы, среди чахлых берез и елок. Сначала они добили и поделили одного товарища, самого слабого, затем и второго.

Питаясь сырым человечьим мясом, поздней осенью ярл Альрик сам-четвертый выполз на берег туманного Варяжского моря. Глядя на знакомые серые волны, вестфольдинги лили слезы из гнойных глаз по опухшим щекам и скулили, как побитые щенята.

Им удалось украсть лодку в чудинском рыбачьем починке. Отойдя в море, четверо вестфольдингов опять рассуждали, кого будут есть, когда их заметили со случайного драккара...

...Среди тел плесковитян и вестфольдингов нашли храброго боярина Добрыню. Он еще дышал и пошевелился, когда с тела сняли доспехи, посеченные нурманнскими мечами и топорами.

Простодушный, добрый боярин уходил легко, не жалуясь, что на его долю пришлось рано лечь, рано отказаться от радости жизни.

Женское сердце — вещун: все-то помнилось Добрыне, как жена заставила его прощаться с детьми и домочадцами будто навсегда. А он, привычно исполняя желанья умной любимой жены, пошел в бой без тревоги, без тоски, как на весенний праздник.

Других жены молили себя поберечь, ему же на прощанье Потвора говорила лишь о стыде за отца. Добрыне не подумалось возразить, что сами они не виновны ни словом, ни помышлением, ни делом.

Кровью смывается самое черное... Боярин очистил жену и детей, заснул светло, тихо тоскуя о любимой.

А она, встречая вместе с другими плесковитянками тела защитников земли, плакала и о муже, павшем иску-

пительной жертвой за чужую вину, и о грешном несчастном отце, который никогда не назовет ее скворушкой. У нее не было больше темного ужаса за детей перед беспощадным гневом народа. Внуков, заслоненных безвременной и кровавой могилой отца, никто не попрекнет дедом.

Навеки надев темные вдовьи одежды, честная вдова, верная памяти отца своих детей, вела дом такой же твердой рукой, как при муже. Большенького из троих сына готовилась сама учить грамоте.

Поминая лихое лето, еще долго очевидцы истребления нурманнов рассказывали сынам, внукам и правнукам, как Волховский Водяной сердито пинал костяными ногами попавших на дно нурманнов:

«Надоели вы мне! И чегой-то столько вас лезет, места другого нет, что ли?»

Они, раскинув бессильные руки-клещи, приподнимались, будто бы что-то хотели объяснить. Но молчали. И волокли на себе впившихся в белое тело раков.

За Городом нурманны собирались в полки, тесным строем шли к Ладоге; под ней, зацепившись за донную городьбу, встречали своих и хотели отдохнуть.

Но ладогожане, отмыкая Волхов, вытаскивали затопленные лесины. Не найдя покоя, нурманны отправлялись далее и вступали в озеро Нево. Нерадостно их встречал Большой Озерской Хозяин. Скалясь с недоброй ухмылкой, он, созывая несытую рыбу, шлепал перепончатыми ладошами и грозился на Волховского:

«Я тебя!.. Не мог ты сам прибрать нечисть, дворник бабий!»

Волховской высовывал из устья сивую голову и ругался с Озерским:

«А ты зачем моих раков крадешь? Своих мало? Отдай, вор бездонный!»

И вцеплялись водяные друг дружке в волосы. Оба древние, а в драке упорны и злы пуще молодых. То-то бурлило озеро Нево...

Много, много попрятал к себе на дно Озерской Хозяин. Чего только он не хранит от людского глаза в пучинах, между древнейших скал, в подводных пещерах. Захоронил хорошо, зарастил песком и мягким илом и до наших дней бережет бесценные клады, запрятанные от короткой человеческой памяти. Кто-то их откроет?..

ЭПИЛОГ

Нужно постоянно повторять истину, ибо ложь вокруг нас тоже проповедуется постоянно, и не только одиночками, но и массой.

Гёте

Глава первая

1

В двух днях пути от Нидароса, на границе вод Гологаланда, Оттара встретил новый драккар, двойник «Акул». На нем, с тоской ожидая своего ярла, скитался старый Грам, домоправитель Скирингссальского горда. Грам оказался дурным вестником:

— Ты помнишь наших викингов, которым ты приказал вербовать изгнанников и отверженных тингом? Слушай, с Тордом, Реором, с Свеаром случилось несчастье. Они, набрав много викингов, напали,— я никогда не пойму зачем! — на поселение бондэров за Кунгхаллой... Я уверен, кто-то хотел мстить. Безумие, безумие! Да... Они подожгли дома и убивали. Их гнали, как зверей. И загнали. Реор не сумел умереть, будь он проклят! Его опознали, и он под пыткой выдал тебя. О, я узнал, я заранее узнал о беде. Я не стал дожидаться. Я продал все остатки товаров и твой горд в Скирингссале. Какие убытки, какие убытки! — Грам плакал.— Я едва не умер от горя. Не сердись. Иначе мы потеряли бы все даром. И я нашел викингов для твоих новых «Акул»...

Не упуская ни одной подробности, старый Грам по-

вествовал об «Акулах», спрятанных им в рыбачьем фиорде близ Скирингссала, о себе, притаившемся в городе под маской готского купца. Тинг объявил вне закона нидаросского ярла и его викингов. Отныне каждый мог напасть на Оттара, взять его жизнь и его имущество!..

Затем Грам принялся рассказывать о великих событиях этого лета:

— Черный Гальфдан решил уничтожить всех свободных ярлов одного за другим. Да, этот король бондэров выбрал удобный час!

— Почему? — спросил Оттар.

— Я забыл, ты еще не знаешь. Но ты помнишь о двадцати двух ярлах, собравшихся на Юг с конунгом Скатом из Лангезунда?

— Да.

— Разговоры о Юге велись для отвода глаз. Ярлы тайно собрались перед длинными днями лета и напали на Хольмгард.

— Я знаю. Меня звали. Я отказался.

— Ты поступил мудро, как всегда. Из них вернулись лишь молодые Ролло и Ингольф на четырех драккарах. Все остальные и все драккары погибли в Хольмгарде. Какое поражение, какое несчастье! Страна фиордов еще не знала союза такой силы и такого разгрома. Фиорды опустели...

— И поэтому Черный осмелел?

— Да, да, да, да! Ярлы обессилены. Говорят, тинг хочет объявить вне закона тоже Ролло и Ингольфа. Они счастливо вернулись, но что их ждет! Кто же из свободных ярлов не принимал изгнанников? Бессильный тинг удовлетворялся нашими клятвами по обряду. Теперь не то. Они хотят нашей смерти.

Итак, судьба была за Черного, Рагнаради свободных ярлов началось, а Оттар еще не нашел себе нового гнезда...

— Если бы ярлы победили Хольмгард,— вздохнул Грам.— Ты, вероятно, потерял бы свой горд в Скирингссале и не мог появляться там. Но Нидарос!.. Черный не посмел бы напасть на тебя. Однако ты вернулся. Ты вернулся, и теперь все будет хорошо.

Северный ветер гнал волны против течения, которое вечно стремится вдоль страны фиордов, чтобы упасть в Утгард. Нет, это сказка скальдов. Утгарда не существует.

Оттар молча гордился своим постижением будущего. Он не ошибся, один из всех ярлов он понял приближение новых времен, он не застигнут врасплох. Оттар не собирался жаловаться на судьбу и богов. Он сделал все и не по своей вине потерпел неудачу в устье Вин-ö. Все его стремления и намерения были правильны, были своевременны. Вот награда, которую никому не отнять. Не в богов и в судьбу — он верил в себя. Эта вера, он знал, делала его, невзирая на любые неуспехи, неуязвимым, как кровь дракона сделала непроницаемой для железа кожу белокурого викинга Зигфрида, героя саги.

Ярл небрежно прислушивался к болтовне Грама. Старый викинг рассказывал о судьбе ярла Пэра, владетеля Уггского фиорда.

Оттар пропустил описание причин гнева Черного и бондэров. Но подробности расправы с уггским ярлом привлекли его внимание.

— Черный,— рассказывал Грам,— приказал вынести из общей залы дома кресло ярла и скамьи викингов. Кресло втащили на вершину погребального холма предков Пэра, скамьи расставили по склону лестницей. Пэру пришлось упасть с кресла, скатиться по скамьям к ногам Черного и выразить покорность королю и тингу. Проделывая это, Пэр разбился в кровь. Какой позор!..— Голос Грама прервался. И он вздумал ненужно утешить Оттара, будто бы ярл был ребенком: — Но ведь наш Нидарос далеко...

2

Конечно, в далеком Нидаросе, на краю земли фиордов, в дальнем северном углу Вестфольда и осень и зима прошли бы спокойно. Но Оттар не хотел ждать всю долгую зиму. Вынужденное безделье заставит работать мысль вестфольдингов, осужденных на изгнание. У когонибудь проснется глупая детская тоска вечной разлуки с каменистыми берегами фиордов и морем, с рекой в скалах, с елью, черной ольхой, березой и можжевельником, с дивной весной Вестфольда. Размышление под вой зимних вьюг, во мраке бесконечной ночи в сугробах размягчает сердца слабых.

Подходила пора равноденствия с его свирепыми шквалами.

Затем, до начала ноябрьских штормов, наступает

время относительного покоя — море, тяжелое созревающими в нем зимними бурями, отдыхает.

Грам ничего не слышал о судьбе других викингов Нидароса, которым, как Торду, Реору и Свеару, весной была поручена вербовка отверженных законом. Не ждут ли они в безлюдных фиордах над мысом Хиллдур, как было условлено?

Нидаросские ярлы не любили выдавать своих. Оттар послал Эстольда с «Орлом» и «Змеем» в недальнее, но опасное плавание.

Нидарос готовился к переселению, не к бегству. Спешно строились баржи для имущества, не помещающегося на драккарах.

Перебирались запасы, ценное увязывалось в тюки, забивалось в ящики и зашивалось в просаленные кожи для предохранения от морской воды и сырости. Под плетью и виселицей траллсы работали, как никогда. Они не знали, что их ждет, а что они думали о своей судьбе, не интересовало Оттара.

Гильдис обожала маленького Рагнвальда. Мальчику шел пятый месяц, и у него уже прорезывался первый зуб. Настоящий волчонок! Женщина с радостью готовилась покинуть Нидарос, скучное, опостылевшее место, где она была вынуждена проводить каждое лето в смраде гниющего китового мяса. Она жаждала перемены. Оттар все может, он найдет лучшую землю для нового горда, где не будет бесчисленных роев отравляющих жизнь мух, мушек и комаров. К Гильдис вернулась утраченная из-за Рагнвальда красота, и она опять пользовалась вниманием мужа.

3

Ускользнув от первого удара равноденствия, Эстольд вернулся вовремя. «Змей» и «Орел» привезли около трехсот изгнанников. Накипь племени фиордов, убийцы, насильники, поджигатели, грабители, они были счастливы идти с Оттаром на край света. Так благодаря дальновидности Оттара были пополнены тяжелые потери, понесенные в великой войне с могучими биармами.

Да, в великой войне! Все викинги, побывавшие в Гандвике, были неистощимы на рассказы о своих подвигах, о сражениях со страшными многоголовыми колдунами в очарованных лесах, кишащих ядовитыми змеями, переполненных нечеловеческими западнями, о чаро-

деях, о великанах, которые, будучи рассечены на части, вновь возрождались.

Викинги рассказывали о «Драконе», который был утащен колдунами на дно чудовищной реки Вин-ö, и об ярле, бесстрашно боровшемся с колдунами на предательски заколдованной палубе драккара. Оттар вырастал до размеров Тора.

Рассказчики гордились судьбой, пославшей им счастье сражаться на берегах Гандвика, и возбуждали ревнивую зависть других.

Сборы заканчивались. Среди траллсов ярл отобрал лучших мастеров — ядро мастерских будущего горда. Изношенные черпальщики драккаров заменялись молодыми и более сильными. Надо сказать — менее слабыми. Выбор был велик.

Судьба остальных траллсов не интересовала Оттара. Он бросал фиорд на волю первого встречного, а траллсов отдавал голодной зиме без крова, которая, он знал, прикончит их всех до одного.

Недоставало Галля и Свавильда с их ненасытной жаждой человеческих страданий и крови: ярл не стал бы возражать против общего избиения траллсов, в которых он более не нуждался...

Тем временем викинги убивали траллсов походя и случайно, в минуту раздражения слабостью или непонятливостью живой вещи.

Ярл приказал перебить стадо свиней. Но, как видно, свинопасы-саксы успели пронюхать что-то. Стадо исчезло, и не оставалось времени идти по его следам.

Все, что не удалось взять с собой, было собрано в горде и вместе с постройками сожжено в последний час. Ярл охотно сжег бы и лапонов-гвеннов, чтобы лучшая ценность Нидароса никому не досталась. Увы, ловля лапонов потребует месяцев.

4

Флотилия готовилась покинуть фиорд. В горах китовых и кашалотовых костяков пряталось несколько траллсов. А кормчему Эстольду, вернейшему мечу покидаемого Нидароса, мнилось, что из узких, скрытых от людей нор, которыми подземные пещеры сообщаются с поверхностью земли, выглядывали хранители тайных кладов, волшебные кузнецы-гномы, первые учителя, сообщившие племени фиордов тайны искусства ковки железа... И духи

скал лютины должны быть тоже здесь. Все они явились проводить детей фиордов, навеки покидающих землю Вотана.

И вот уже ничья нога не стояла на земле... Оставался один Оттар, по колено в воде,— не на земле! Ярл поднял обеими руками весло драккара с лошадиным черепом, привязанным к лопасти, и закричал, обращаясь к земле:

— Здесь я поднимаю Столб Мести! Я обращаю проклятье против этих берегов, воды, леса, полей, гор и самой Земли, и самого Неба над этой Землей! Проклятье им, проклятье!

Эхо скалистых стен Нидароса отвечало: «...ятье, ятье...»

Оттар продолжал:

— Я поднимаю этот Столб Мести против богов, создавших эту Землю и покровительствующих ей. Пусть эти боги всегда блуждают, пусть никогда и пусть нигде не находят себе покоя!

Гномы почувствовали, как земля дрогнула. В ужасе, затыкая уши, они скатились в свои пещеры. Там, маленькие, как лемминги, но сильные, как люди, они поспешили схватить свои молоты. Гномы ковали новые железные сваи, укрепляя потрясенные кости земли фиордов.

Прозрачные ниссы-лютины поднялись над скалами грустным серым туманом.

Духи фиордов уходили прочь от Нидароса, проклятого рожденным в нем сыном фиордов, отказавшимся от родного берега.

Внутри пустого черепа громадного кита умирал истощенный рабством траллс. Слушая проклятья, он смеялся беззвучным горьким смехом. Пять бесконечных лет отделяли его, дряхлого старца, от дней свободы и молодости. В далеком галло-римском городе он вдохновлялся гекзаметрами Гомера, наслаждался Тацитом, Плутархом, Овидием... Ничто человеческое не было чуждо ему, человеку. Ирония злой судьбы — его замучил презренный дикарь-ярл, более кровожадный, чем полулюди, о которых рассказывал отец истории грек Геродот. Умереть под бессмысленные проклятья варвара!..

От имени своего и всех изгнанников Оттар бросал вызов отцу племени и разрывал союз детей фиордов:

— Мы проклинаем тебя, Вотан! Пусть ты и все боги страдают и чахнут, пока не выбросят с этой прокля-

той земли Черного Гальфдана, его сына Гаральда и всех их близких, и всех их дальних, и всех их друзей и пособников! Проклятье, проклятье!

Вместе с эхом ярлу ответил звучный голос Гильдис:

— Проклятье! — Женщина поднимала крохотную ручку Рагнвальда, который никогда не отстанет от отца.

Оттар воткнул весло в расщелину и повернул к земле желтые оскаленные зубы лошадиного черепа. Плавники акул рассекали тяжелую маслянистую воду фиорда. Море не было включено в проклятье.

Верная дружина из отлично обученных военному делу викингов, которым некуда отступать.

Лучшее оружие для нападения и лучшие доспехи для защиты тела.

Хороший запас стрел, ядер для пращей, тетив для луков, метательных копий.

Инструменты и отборные мастера-траллсы для починки оружия и для изготовления нового.

Воронки для пытки водой, смолой и горячим маслом, иглы и крючки для ногтей, наборы клещей хитроумной формы для вырывания кусков мяса, вытягивания жил и ломанья ребер, пилки и долота для костей, колеса и блоки для растягивания, решетки для поджаривания, тиски для рук, ног, головы, круглые ножи и деревянные клинья-лопаточки для сдирания кожи...— ярл Оттар не забыл в брошенном Нидаросе ничего, нужного ему для завоевания земель, для добычи богатства и укрепления власти.

Под мелким моросящим дождем северной осени драккары ярла Оттара, вестфольдинга, отходили в серое, мрачное, туманное и неспокойное море.

Они плыли на Юго-Запад, туда, где, как знал Оттар, и копья короче, и мечи тупее, чем на Востоке. И главное — там легче гнутся спины!

Там бывший нидаросский ярл будет пытаться осуществить свои намерения, которые он считал высокими.

Глава вторая

1

Покончив с нурманнским лиховременьем, на общем вече земель и племен новгородцы избирали новых старшин взамен тех, кто славно отдал жизнь за город или изменил Правде.

Посадником, старшиной над старшинами, избрали Гюряту.

Народ и старшины клялись не забывать черное дело Ставра и во всем соблюдать Правду. Клялись следить за боярами и богатыми и ни в чем не давать им власти против меньшего людства. Большие клялись перед меньшими честно соблюдать Город и Правду, никогда и ни в чем не делать урона, все дела вершить открыто, не иметь тайн.

Вече назначило особые подати на поправление Города, на вдов и сирот и приняло раскладку податей по достаткам людей.

Опозоренное кожаное било решили заменить и приказали городским мастерам отлить из меди и серебра звонкий вечевой колокол.

На том же вече принимали послов, присланных нурманнским вечем-тингом и королем Гальфданом Черным. Послы объяснили, что ни их народ, ни король не желали новгородцам зла. Говорили, что на Новгород напали беззаконные ярлы-разбойники, худые нурманнские князья, которых ныне гонит от себя сама нурманнская земля.

Послы с низкими поклонами просили новгородцев не иметь зла. Молили, было бы все по-прежнему: нурманнские купцы плавали бы в Новгород, а новгородские — к нурманнам. Просили, чтобы новгородцы по-прежнему пропускали мимо себя иноземных купцов, а нурманны не будут мешать плавать в Новгород.

Послы убеждали не чинить ущерба торговле: от затруднений в торговле будет плохо нурманнам, плохо и новгородцам. Послы заверяли: нурманны не будут воевать с новгородцами, а узнав что дурное — будут извещать.

Вече рассудило и порешило: быть по сему, жить с нурманнами, как ранее, мирно. Однако же и Город, и пригороды, и земли надобно крепить и крепить.

2

До нурманнского разорения биармины и поморяне смотрели на море, как на обширное неисчерпаемое угодье, где рыбы, тюленей, моржей, китов и прочего морского зверя хватит на всех и про все до скончания веков. Нурманны научили думать иначе.

Поморяне и биармины общими силами отстраивали Усть-Двинец, спешили до зимы поставить теплые избы. Однако же одновременно рыли рвы, готовили бревна для крепкого тына.

Кто знал, не вернутся ли нурманны? Нурманны убили прежнее спокойствие души, больше оно не вернулось. Но люди упрямо строились на прежнем месте.

Общая беда, страшные общие испытания еще теснее сплотили новгородских выходцев и биарминов. Им нечего было делить, не о чем спорить. Новгородское Небо-Сварог и Земля-Берегиня хорошо сжились с биарминовской Йомалой-Водой.

В новом Усть-Двинце оседали новые семьи биарминов, ставили дворы по новгородскому примеру, перенимали новгородские обычаи. Поморяне же воспринимали биарминовские навыки. Слияние происходило незаметно, не было препятствий в виде закоснелых обычаев. А отношение к роду, к взаимной поддержке родовичей, к пользе послушания старшему в роде было общее у новгородцев и биарминов.

Всем были понятны основы доброй Новгородской Правды, заключавшиеся в очевидно человечном признании равного права всех людей на вольность и на блага земли.

3

Во дворе старшины Одинца жил новый, особенный человек. Его нашли едва живым не берегу Двины ниже того места, где затонул наибольший драккар вестфольдингов.

Человек, как зверь шерстью, зарос черным волосом и, как зверь же, был без речи. На его шее сидел медный обруч с нурманнской буквицей « ᚱ ». Такая же буквица была выжжена на его лбу, а на ноге цепь, прикованная к вырезанной из днища драккара прочной дубовой доске. По доске-то поморяне поняли лучше Оттара истинную причину потопления «Дракона».

Черпальщик до самой зимы молча и дико, не боясь холода и дождя, просидел в углу двора. С наступлением морозов он забился под лавку в избе.

Ребятишки боялись человека-зверя, потом привыкли, и он, как видно, привык. К середине зимы черпальщику сделалось легче. Он, как маленький, ходил за хозяйкой Заренкой, таскал воду, дрова.

И горько, и радостно было наблюдать, что в изувеченной нурманнами душе затеплилась живая искорка. Диво, он пытался учиться говорить.

С весны черпальщик мог освоить простую работу. На работе окончательно освоил человеческую речь, но лишь через два лета он сумел припомнить и сложить слова рассказа о своей прежней страшной жизни.

Бежавший от нурманнов варяг из померано-русских славян Горик не осел у поморян, вскоре ушел в Новгород. Горик не вернулся на родину, а дал Городу клятву-роту на верную службу и сделался городским ротником-воином.

Вместе с другими Горик ходил на службу на окраину, отличился воинской сметкой и разумно-спокойной храбростью. Он пришелся по душе Гюряте, который послал его ротным старшиной в Ладогу. Со временем Горик, взяв в жены племянницу новгородского посадника, породнился с Гюрятой.

4

В год нурманнского разорения Одинцу шло тридцать четвертое лето, а Заренке двадцать восьмое. Они чисто, не растрачивая крови и не разменивая сердца, прожили свою первую жизнь. И вторую сумели начать со зрелой силой познания себя и других.

Не скоро появились в Одинцовом дворе прежние достатки. А жизнь спорилась. Помощники Ивор и Гордик подрастали, за ними поднимались другие: теперь Заренка не скупилась для мужа на доброе, любовное слово и, в счастливом браке, больше не отказывала Одинцу в сыновьях и дочерях. Но это — их дело. Одинец жил без былой тоски, со спокойным, сытым сердцем. Чего еще нужно человеку!..

И еще по-иному увеличивался род Одинца и Заренки. После нурманнского разорения осталось много вдов и сирот. Не разбираясь в племени, поморяне и биармины подбирали безотцовщину. Заренка жадно тянулась пригреть несчастных. В семье Одинца воспитывались шесть ребятишек из рода замученного вестфольдингами Расту и трое Отениных.

Большой и крепкий, как земля, род, хотя без титулов и родословных. Не каждый ли, разглядывая нетленную ткань истории родины, захочет найти таких предков.

5

Поправляясь от нурманнского разорения, поморяне, памятуя заветы своего первого старшины Доброги, заглядывались на море:

— А дальше там что же?

Учились строить и строили глубокодонные, устойчивые под парусом на морской волне широкобокие лодьи, начинали надолго уходить в море.

Вскоре в их речи появились названия новых мест и морских мысов — Май-наволок, Крипун, Земляной, Кокурский, Шаронов, Кола, Калгуев, Жогжин, Кончаловский наволок, Кара, Терский берег, Вайгач, Моржовец-остров, Грумант и другие...

Глава третья

1

Король Гальфдан Черный наносил свободным ярлам сокрушительные удары. Сын Черного — Гаральд, прозванный Гарфагером Длинноволосым за клятву не стричь головы до полного изгнания и истребления свободных ярлов, избивал королей открытого моря.

Внук Гальфдана, Эрик, по прозвищу Кровавый Топор, выбил с земли фиордов последних пенителей моря.

Рагнаради свершилось... Как?! Те, перед кем дрожала Западная Европа, не сумели удержаться на собственной родине? Какой родине? Ее не было у викингов. Они не были ни народом, ни частью народа. Грабители-аристократы, они были паразитирующим телом, раковой опухолью, способной жить чужими соками везде, где государственное неустройство и слабость народов позволяли им причалить к берегу.

Причалить в буквальном смысле слова... Побывавший в Новгороде свободный ярл Ролло, он же Рольф ле Маршер и Роллон французских хроник, после того как тинг объявил его вне закона, в 876 году на шести драккарах ворвался в Сену. Использовав уроки предыдущих походов и особенно полученную на Востоке науку, умный и ловкий Ролло после долгой, но успешной войны основал на севере нынешней Франции герцогство Нормандское.

В 912 году Ролло вынудил Карла Простого, короля французов, признать себя побежденным. Карл утвердил

право герцога нормандского на большую долю французской земли и выдал за норвежского пирата свою дочь Жизель.

Несчастный договор, принесший бесконечные бедствия французам и англичанам в течение следующих семисот лет их истории, был подписан в городке Сен-Клэр-сюр-Эптэ (ныне скромное местечко департамента Сен-э-Уаз, около шестисот жителей).

Через полтора столетия, в 1066 году, потомки первого герцога Нормандии Роллона удачно организовали завоевание и ограбление Британского острова. Могучие, номинально зависимые от французской короны, нормандские герцоги сделались, по праву силы, одновременно независимыми королями Англии. И на протяжении нескольких веков Нормандия была проказой в телах и французского и английского народов.

Неисчислимы бедствия, причиненные водворением в Нормандии свободного ярла Ролло. История Франции и Англии с X по XV век кажется томительно-безнадежным описанием этих бедствий.

А глупцы и негодяи утверждали, что благо народов выковывается в войнах!

Из всех свободных ярлов лишь изгнанник Ингольф в содружестве с другим изгнанником, Лейфом, не пошел по пути грабежа и захватов чужих территорий. В 874 году Ингольф и Лейф начали колонизацию пустынной суровой Исландии. Потомки Ингольфа, Лейфа и их спутников положили начало малому числом, но сильному волей трудовому исландскому племени.

Все другие носились черными вороньими стаями вдоль берегов Западной Европы, проникали в Средиземное море, грабили Испанию, Италию, Сицилию, Сардинию, Северную Африку, Сирию... Но никто не посмел сунуться на Восток в поисках поживы и теплых местечек. Практичные ярлы хорошо запомнили жестокие уроки!..

2

Бывший нидаросский ярл не отставал от других и опережал многих. Благополучно расставшись с землей фиордов, вестфольдинг Оттар одолел опасное туманами и мелями Северное море, прошел предательским Ла-Маншем и выбрался на простор Атлантического океана.

Тогда его еще манили устья больших рек, он осел в дельте Луары. Из многих намытых речными отложения-

ми низких островов он избрал Нуармутье для постройки гямета, ворда или вариндры, как назывались укрепления из бревен и земли на староскандинавском наречии. Вестфольдинги не умели строить из камня.

Французские хроники того времени называли Оттара просто Вестфольдингом по месту его рождения, а также Эудом, Ёдом или Оддом. Он сделался грозой атлантического побережья и рек, впадающих в океан. Первой заметной жертвой Оттара стал старинный каменный город Нант. Не зная неудач, Вестфольдинг осмеливался — и безнаказанно! — подниматься вверх по Луаре на двести, на триста километров в глубь страны.

Оттар взял штурмом и ограбил — тогда уже начали говорить: «положил в мешок» — большие, укрепленные еще при римлянах города Тур, Флери-сюр-Луар, Орлеан. Здесь названы лишь большие города, богатые, с многочисленным населением, узлы культуры, имевшие многовековую историю.

Однако воинственный делец, купец, банкир и опытный спекулянт не щадил ни одной лачуги, умея сколачивать золотые монеты из медных.

Все его действия отличала расчетливая и беспощадно хладнокровная жестокость. Он обязательно истреблял и обязательно сжигал. Он стремился устрашать и устрашал. Он скопил колоссальные богатства.

Но Оттар не стремился к богатству, как к цели, и щедро делился со своими викингами. Через пять или шесть лет Оттар исчез так же внезапно, как появился. Его, будто унесенного ветром, не стало на атлантическом побережье Франции. Страшный гямет на Нуармутье опустел. Дожди размывали горы нечистот, обнажали костяки замученных пленников и траллсов...

Итак, Оттару надоело островное разбойничье гнездо. Он еще не нашел места для основания собственного королевства.

Он отсутствовал много лет — семь или восемь. Где он был?

Все хроники молчат. Быть может, это он рискнул переплыть Атлантический океан и занимался разведкой у пустынных берегов Лабрадора?.. И он, и его спутники умели молчать.

Наверняка известно лишь одно — Оттар никогда не навещал землю фиордов.

3

И вдруг Оттар со своими викингами и драккарами оказался на службе у короля саксов Альфреда Великого. Чего искал пытливый ум и чего ждала неукротимая жажда самовластья дикого и одинокого Вестфольдинга вблизи благородного и просвещенного короля? Оттар преследовал свои цели и молча щупал почву Британского острова. Однако же король и пират были близки.

Однажды, в минуты откровенности, Оттар рассказывал Альфреду о Гологаланде, Нидаросе, о своем смелом путешествии в страну биармов, в устье большой северной реки Вин-ö. С тех пор прошло много лет. В своем заключении Оттар был краток:

— Для меня биармы оказались слишком сильными...

Честное и многозначительное признание в устах того, кто годами грабил и терзал Западную Европу, как хотел. Он не забыл...

...Он хотел расположить к себе Альфреда и принял христианство. Что были Оттару и Вотан, и Христос, и боги кельтов! Игрушки дипломата, хитросплетения слов.

Он не сумел обмануть Альфреда, пребывание на Британском острове ничего не сулило Оттару.

Он стряхнул с себя и верность королю саксов и «святое крещение».

Он вновь исчез из хроник и летописей.

Где он опять скитался, какие города грабил и жег, кто проклинал Вестфольдинга? Так много было дыма, крови и стонов в Западной Европе, что следы Оттара потерялись.

В конце IX века Оттар вновь ворвался во Францию. На этот раз со стороны Ла-Манша. Он по-своему отозвался на призывы Ролло-Рольфа, который устраивался в Нормандии.

По счету людей, проводящих свои дни под крышей и на сухой земле, Оттар был уже стариком. Лишь одну Западную Европу он грабил больше сорока лет. Какой опыт, какое знание войны, какое постижение человеческих слабостей!

Уже давно, как истоптанные сапоги, сносились и «Орел», и «Змей» и «Волк», и все четыре «Акулы». И много раз на румах сменялись викинги. Оттар имел новые, лучшие драккары с бортами, снабженными длинными железными шипами для предохранения от абордажа.

Оттар поднялся по Сене, вошел в ее приток Анделль и захватил Пон-дель-Арш. К долине Анделли вскоре он присоединил и долину реки Эптэ.

Земля Брэй. Так назывались владения Оттара на суше, вдали от открытых морей. Он не побоялся осесть в глубине чужой земли.

Земля Брэй и сегодня значится на карте Франции. Ее рассекала древняя Римская дорога из Бовэ в Руан. Оттару достались леса, тучные зеленые пастбища, орошающие их реки и речки, много деревень и деревушек с несчастным запуганным населением, городки Гурнэ, на реке Эптэ, Лаферте, Гэлльфонтен и другие.

Бродячий пират и купец сделался сеньором, самостоятельным, самовластным, ни от кого не зависящим государем. Отныне на «собственной» земле, в своем домене, он должен был не поспешно потрошить жертву, а каждодневно давить сок из подданных. Он справился и с этим. Он имел опыт, накопленный в Гологаланде на лапонах-гвеннах, и много наблюдений в иных местах.

Сеньор де Брэй построил свою первую крепость — ворд. Ныне на месте этой крепости Оттара находится местечко Вард с остатками земляных укреплений.

Викинги-пираты превратились в оседлых вассалов сеньора де Брэй.

Кормчие драккаров и более значительные викинги, офицеры на современном языке, получили от сеньора наделы первого класса, горды, корты, или курты, из каких слов французский язык сделал «кур».

Второстепенные по своему значению дружинники получили меснили, или менили, превращенные в «вилль». И вассалы третьего класса, солдаты, были наделены «бо», или «бю».

Вестфольдинги дали полученным ленам свои имена. Так в карту Франции навеки врезалась печать норманнского завоевания: Лодинкур, Реникур, Галлькур, Безанкур, Фрикур, Брандианскур, Биервилль, Эстутвилль, Мезангвилль, Матонвилль, Пардувилль, Сонтвилль, Грумениль, Бю, Обю, Клерамбо, Элльбю (нынешний Элльбёф), Бюкайль и другие, названиями которых можно наполнить много страниц.

4

Род Оттара был устроен. Сын Вестфольдинга Рагнвальд, по-французски Рено, имел от жены, «благород-

ной» Гальфрид, двух сыновей: Гаука и Гайтера — Гюга и Готье. Домен не останется без сеньора.

Накопив опыт, оценив себя и жизнь или просто устав, старики отказываются от мечтаний молодости. Отказался ли Оттар от своей мечты?

Ах, если бы биармы оказались не такими сильными!.. Какие земли, какие леса, какие богатства суши и моря лежат близ реки Вин-ö! Старому королю открытых морей домен Брэй казался жалким. И не так уж хорошо он устроился, самовластный государь-сеньор.

Оттар прозорливо наблюдал, как с одного края усиливался опасный друг — нормандский герцог Ролло, с другого — оскаливались железом короли французов.

А там, на берегах пустынного Гандвика, не было бы соседей. Быть может, со всей мудростью зрелого воина, попробовать еще раз? Нет, Оттар видел железное упорство защитников и слышал свист стрел в зеленой крепости Вин-ö.

Но покоя не было, не было, не приходило желание отдохнуть. Король саксов Альфред умер. Не испытать ли еще раз близкую и знакомую Англию? Однажды Оттар и Рагнвальд вышли из Сены и напали на Британский остров. Неудачно. Непобедимые вестфольдинги едва вырвались к морю.

Быть может Оттар не был прав, всегда отказываясь от содружества с другими конунгами и полагаясь лишь на свои силы?.. Ролло-Рольф был удачлив в своих союзах.

Оттар собрал несколько королей открытых морей. Новый десант в Англии. Вблизи реки Сэверн, при Водансфиэльде, разыгралась битва.

Саксы многому научились: большая часть норманнов пала, в числе убитых оказался и Оттар Вестфольдинг, сеньор де Брэй.

В этой смерти явственно чувствуется своеобразная ирония истории. Последний поход Оттара был крупной разведкой, авангардным боем. Старый Вестфольдинг, вопреки своему желанию, сложил голову за других. В 1066 году Вильгельм Завоеватель захватил Англию с помощью потомков норманнов, павших при Водансфиэльде.

А какое до этого дело Оттару, убитому в 911 году! В год смерти бывшему нидаросскому ярлу, сеньору де Брэй исполнилось не менее девяноста лет. Итак, в завершение карьеры воина судьба даровала Оттару слав-

ную, достойную сына Вотана смерть от меча, топора или стрелы. Его ждала Валгалла.

Вздор! Что были для Оттара и Вотан, и Тор, и Бальдур, и валькирии! Побрякушки скальдов, пригодные для толстых черепов викингов, подобные словесным вывертам новейших сочинителей теорий вождения одураченных народов.

Культ Вотана — это культ класса эксплуататоров, как правильно понимал его практичный Оттар. Этот культ дожил до нашего дня. Вотан сменился Силой. Вместо Рагнаради вестфольдингов — ныне людям навязывают «доказательства» перенаселения земного шара, вырождения человеческого рода и необходимости лекарства в виде научно-убийственных войн...

5

А в то время, на грани первого тысячелетия, для безродных насильников и грабителей вестфольдингов смрадный римский бог, которого им терпеливо и хитро навязывали папы, оказался еще более удобным, чем Вотан.

В результате упорного и успешного торга внук Оттара Гаук-Гюг Первый крестился на выгоднейших для него условиях. Внук Вестфольдинга вручил Римской церкви свою душу, а папа, в обмен на драгоценный дар, специальной буллой отказался от своего права быть хозяином всех прочих душ во владениях рода Оттара. Редкий случай удивительной щедрости и уступчивости пап. Несомненно, душа Гюга имела чрезвычайнейшую ценность.

Итак, папа согласился, чтобы всеми весьма доходными делами церкви в домене Брэй, а именно назначением капитулов, управлением церковными имуществами и прочим, самовластно распоряжались сами сеньоры. Сделавшись таким образом блюстителями религии, они, архидиаконы плахи, дыбы и виселицы, получили право отправлять своих верноподданных не только в могилу, но и в ад.

Разве это не прогресс? Оттар никогда не интересовался душами лапонов-гвеннов и своих разноплеменных траллсов.

Гюг Первый практично завел собственную святыню, «мощи св. Хильдеберта», с отлично-поучительной легендой и полезными «чудесами». А за неверие он вешал «высоко и коротко». До конца XVIII века, то есть до

самой Французской буржуазной революции, в городе Гурнэ, бывшей резиденции сеньоров де Брэй, каждая суббота знаменовалась церковной процессией в честь св. Хильдеберта. Семьсот лет подряд. Тридцать восемь тысяч раз. Гюг Первый умел утвердить дело истинной веры!

Младшему брату Гюга Первого, Гайтеру-Готье, осевшему в Лаферте, понадобились свои святыни. Готье напал на город Ленс и захватил там подходящие «мощи св. Вульгена».

Сеньоры де Брэй не довольствовались полученным от отцов наследством. К концу XII столетия Гюг Третий владел несравненно большими территориями, чем захваченные Оттаром.

Оттаром? Кто же помнил об Оттаре! Архивы с преданной молчаливостью хранили историю рода, но поэты не любят рыться в старых пергаментах. Для труверов, творцов рыцарского эпоса, Гюг Третий, сеньор де Гурнэ, владетель земли Брэй, родственник могущественных фамилий де Куси, де Вермандуа и других, был крови не безродного ярла из забытого норвежского фиорда, но бесспорным потомком легендарного Фармонда-Фромона и Гардрэ, был плоть от плоти и кровь от крови продолжателем родов меровингских правителей и паладинов Шарлеманя, Карла Великого.

Это называется пустить корни. Удачная сделка с историей.

6

Взгляните на жизнь Западной Европы в X, XI, XII, XIII, XIV, XV веках, но не глазами наемных хроникеров, описателей действий королей и герцогов. Посмотрите вместе с теми, кто возделывал землю, кормил, обувал и одевал сеньоров, а сам удовлетворял потребности своего духа и тела вопреки господину.

Вот Британия, Франция, Испания, Германия, Италия — запутаннейший клубок династически-родовых междоусобиц, переделов, разделов, больших и малых захватнических войн, чумы и проказы, грабежа, интриг, роскоши и нищеты, гордости владетелей и безысходного бесправия, в сущности, всех.

Порой из вонючих, как прежние драккары, замков высовывалась железная змея воинов. Города Леванта сокрушались и грабились до дна; мужчины, женщины и

дети, виновные в том, что они жили в опасной близости к Иерусалиму, обращались в рабство.

На обратном пути после одного из крестовых походов Гюг Четвертый навестил в Риме папу. Сеньор де Гурнэ так понравился наместнику св. Петра, что получил в подарок кусочек святого креста. В Гурнэ повалили паломники.

Но нельзя же беспрерывно молиться, и в Гурнэ расцвели ярмарки, кабаки, веселые дома и все прочие доходные для сеньора места и профессии. Времена менялись, и потомки Вотана, владыки Асгарда, бойко торговали Христом.

Да, времена менялись.

Усиливаясь, короли охотно ломали мечи опасных феодалов. В начале XIII века король французов Филипп-Август напал на землю Брэй, захватил Тиллье, Лонгшан, Мортимер, Лаферте, Шато-де-Лион (Замок Львов) и осадил Гурнэ.

Нелегко было сломить доблестную защиту потомков викингов. Построенная по приказу изобретательного Филиппа-Августа плотина перехватила течение рек Эптэ и Моретти. Наводнение размыло крепостные стены.

Падением Гурнэ закончился период так называемого величия рода Оттара Вестфольдинга (он же Эуд, Ед и Одд) — сына Вотана из дома Юнглингов, который насилием, огнем и железом замыслил сделаться сначала королем викингов, потом повелителем мира. Отныне потомки бывшего нидаросского свободного ярла плодились с меньшей степенью величия.

Повествование об их действиях как будто бы интересно: сражения, стычки, похищения, зубчатые стены, высокие башни и тайные подземелья, поединки, турниры, богатые невесты, верность и неверность королям, богу и женам, цепкое мужество при защите своего имущества, злобно-веселый героизм при грабеже чужого...

И вместе с тем такое повествование скучно. Из поколения в поколение, от имени к имени, на фоне внешне меняющихся декораций, повторялось одно и то же. Недаром в рыцарских романах, наложивших свою печать на труды очень многих историков, и в первозданных хрониках о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, послуживших истоком для рыцарских романов, на протяжении многих страниц, глав и биографий однообразно рассказывается, как один рыцарь сел на коня, поскакал на другого и они сломали копья и упали или не

упали с коней, и сели на коней, и взяли копья, и поскакали, и сломали копья и упали или не упали с коней...

А потом многие рыцари поскакали на многих рыцарей и сломали копья, и одни упали, а другие не упали с коней и потом взяли новые копья...

Это отнюдь не сказка про белого бычка, про попову собаку или про мочало на столбе. И отнюдь не покушение автора на злую иронию. Это история потомков Оттара Вестфольдинга и других «потомков». Может ли она быть другой, когда все ее герои имели только одну ограниченную и пошлую цель — возвеличение и благо своей личности!

Мутные сновидения хищной рыбы, застывшей в мертвенной воде зимовальной ямы...

И к тому же, если не считать снабженных внешней экзотикой Леванта (а герои — всё те же) вылазок в Палестину за добычей, вся однообразная деятельность потомков Оттара столетиями осуществлялась на одной и той же затоптанной копытами рыцарских коней и сапогами наемников территории размером шестьсот на восемьсот километров, в северо-западном углу бывшей империи Древнего Рима...

Тем временем потомки Одинца, Тсарга, Изяслава, Доброги, Гюряты, Карислава, Отени, Расту, Тшудда и других их братьев из киевских, северских и прочих южных, западных и восточных славянских земель, таких же, как они, по духу, чести и совести, без титулов и гербов, без турниров, без замков и богатых невест, беззвучно гнули спины в работе, страдали, терпели все муки, но с неотвратимой силой стихии осваивали непроходимые и почти безлюдные территории северо-востока и востока, шли в южные степи и выплавляли не порабощением, а трудом и дружбой людей всех племен государство-монолит на одной шестой части всего земного шара. Но это — в скобках, как общеизвестное...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Валентин Дмитриевич
Иванов

**Повести
древних лет**

*Хроники IX века
в четырех книгах
одиннадцати частях*

Зав. редакцией А. И. Белинский. Редактор М. Е. Устинов. Художник Н. И. Кофанов. Художественный редактор В. А. Баканов. Технический редактор В. И. Демьяненко. Корректор Т. П. Гуренкова.

ИБ № 3235

Сдано в набор 10.05.84. Подписано к печати 14.01.85. Формат 84×108[1]/32. Бумага газетная. Гарн. литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд. л. 25,19. Тираж 700 000 экз. Заказ № 1021. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии, 220041, Минск, Ленинский проспект, 79.

1 р. 80 к.

Валентин
Иванов

ПОВЕСТИ
ДРЕВНИХ ЛЕТ